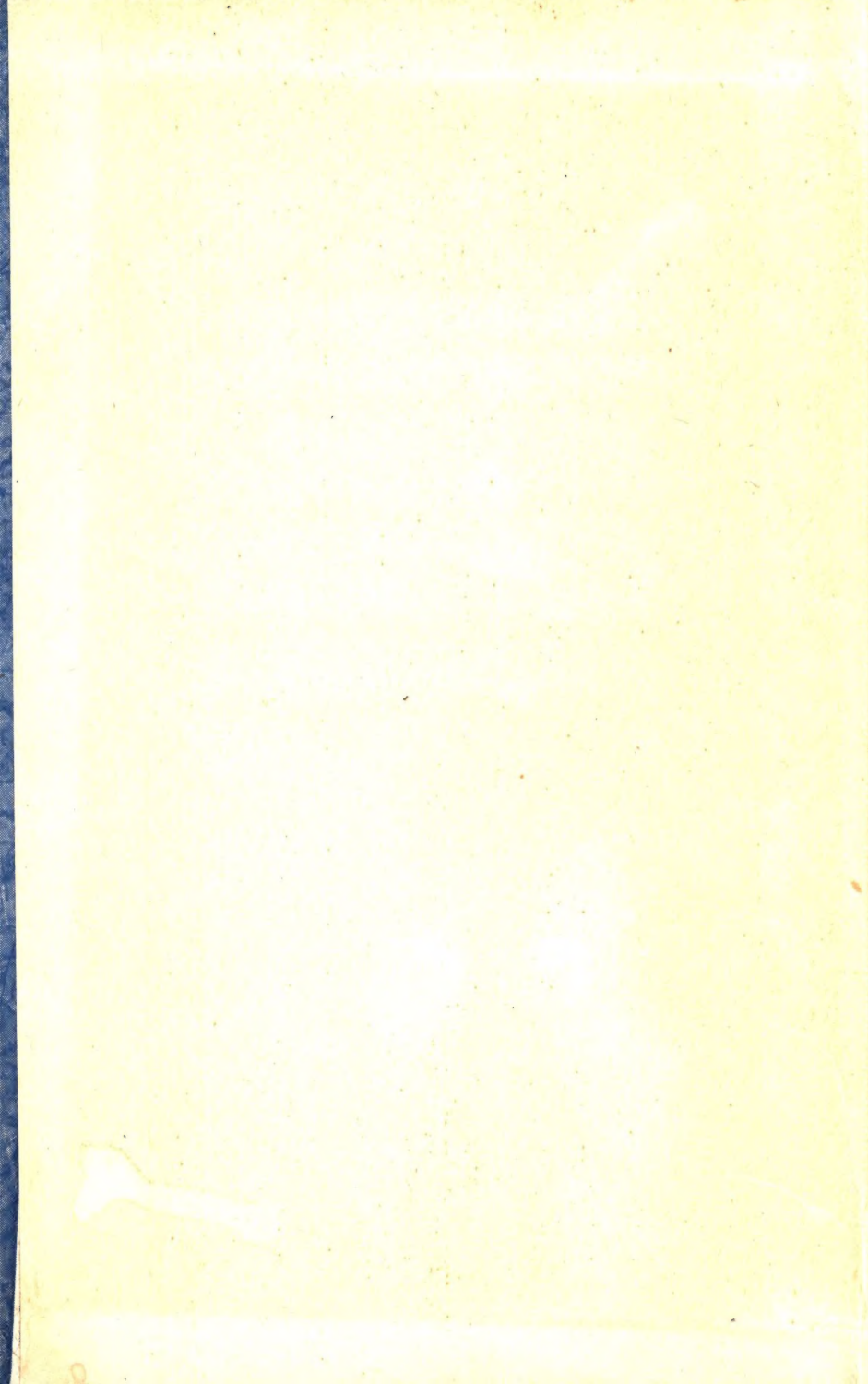
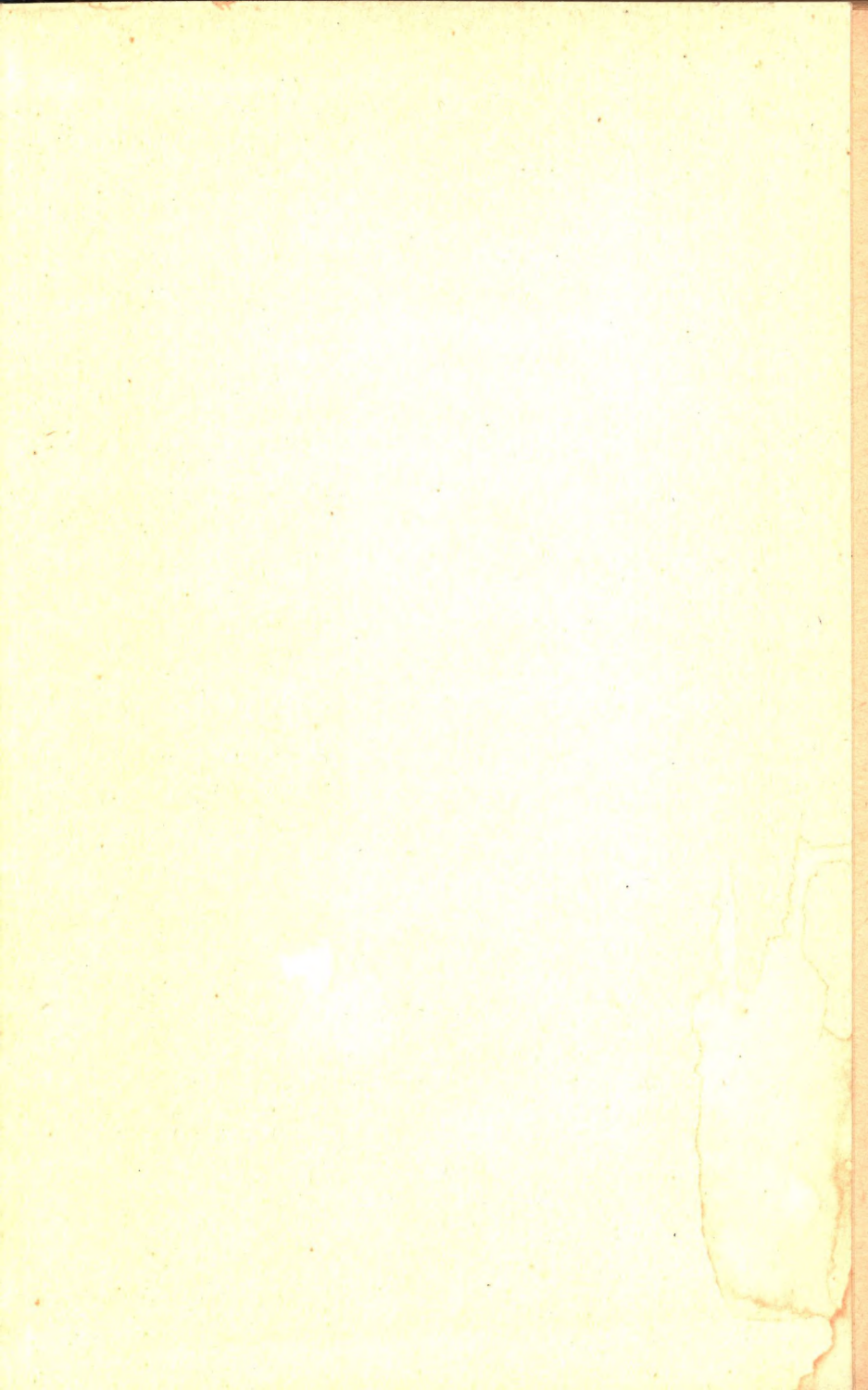
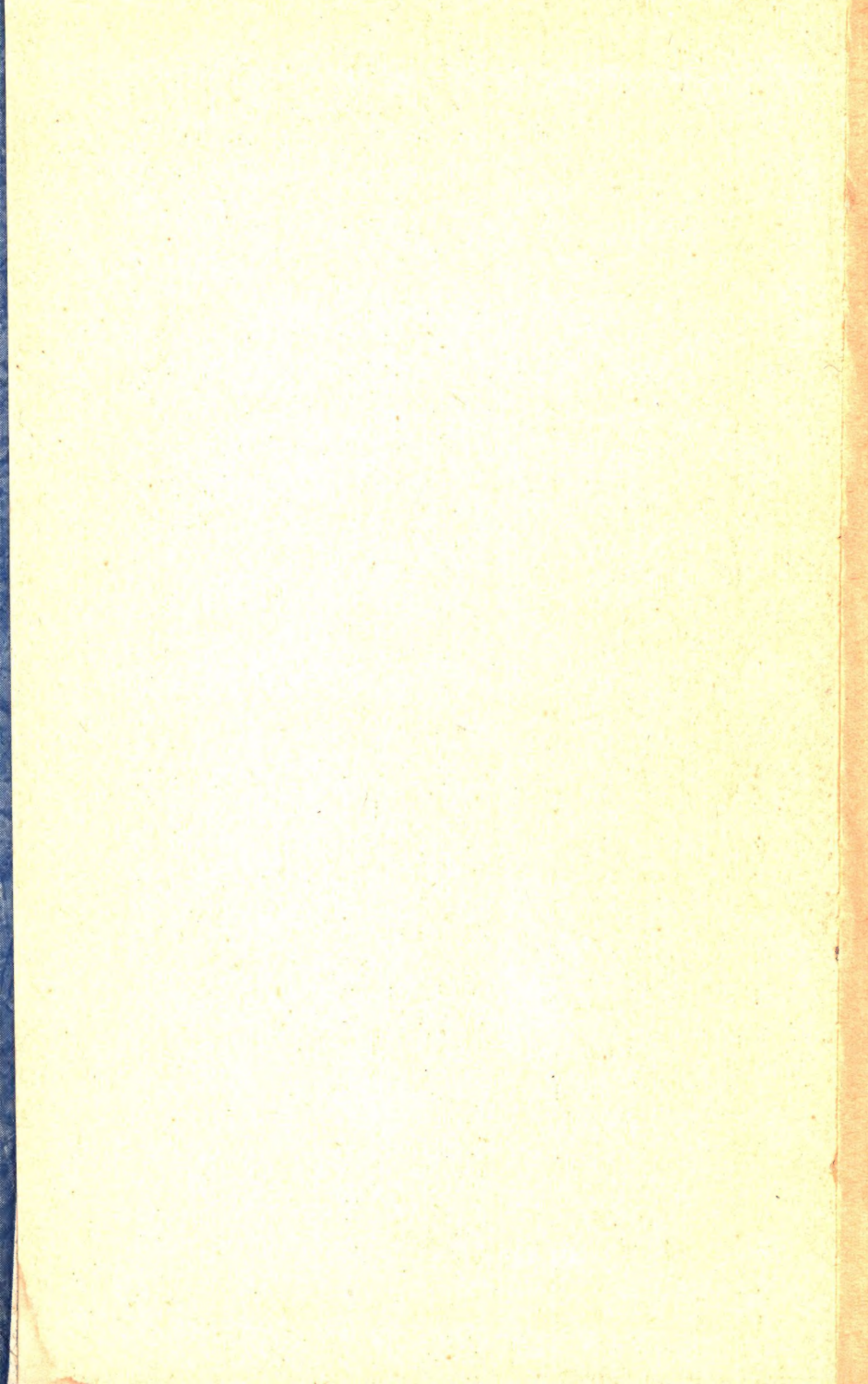

Е. В. ШОРОХОВА

**ПРОБЛЕМА
СОЗНАНИЯ
В ФИЛОСОФИИ
И ЕСТЕСТВОЗНАНИИ**

Е. В. ШОРОХОВА

**ПРОБЛЕМА
СОЗНАНИЯ
В ФИЛОСОФИИ
И ЕСТЕСТВОЗНАНИИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1961

1 М
Ш 79

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВВЕДЕНИЕ

Любое исследование предполагает уяснение содержания понятий, в которых отражаются изучаемые явления. Предметом предлагаемой вниманию читателя книги является сознание.

Диалектический материализм решает основной вопрос философии — об отношении мышления, сознания к бытию, раскрывая положение о вторичном характере сознания по отношению к материи как в онтологическом, так и в гносеологическом аспектах. Для определения понятия сознания прежде всего следует указать, что сознание является свойством высокоорганизованной материи отражать объективную действительность. Такой высокоорганизованной материей является человеческий мозг.

Отношение сознания как высшей, специфически человеческой формы отражения внешнего мира к другим формам отражения действительности, например к отражательной деятельности животных, интересует философию лишь настолько, насколько это необходимо ей для характеристики общих законов природы, общества и человеческого мышления. Подобно тому, как для уточнения и формулирования понятия материи философия оперирует понятиями и терминами, используемыми естественными науками при изучении конкретных видов движущейся материи и форм движения, она пользуется характеристикой разных форм психического, идеального для определения понятия сознания в философском смысле.

В связи с тем, что диалектический материализм не ограничивается решением основного вопроса философии, а имеет дело с анализом и других общепhilosophических проблем, употребление понятия «сознание» не сводится лишь к противопоставлению понятию «материя».

В настоящей книге делается попытка систематизировать и представить в более или менее обобщенном виде разные признаки и характерные особенности сознания. В процессе анализа сознания необходимо обозначить эти признаки и особенности. Чтобы в какой-то степени представить сложность стоящей перед нами задачи, воспользуемся аналогией. Известно, что в марксистской литературе нет краткого определения понятия ощущения. Чтобы дать исчерпывающую характеристику этого явления, В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм» анализирует последовательно разные стороны и аспекты ощущения и по мере исследования дает всестороннее его освещение.

Так В. И. Ленин сначала указывает, что ощущение является результатом воздействия материи на наши органы чувств, что оно есть превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания. Затем он определяет существенную особенность ощущений, состоящую в том, что они есть образы объективной реальности. Являясь отражением, образом движущейся материи, ощущения выражают непосредственную связь сознания с внешним миром. Далее В. И. Ленин характеризует ощущение как свойство особым образом организованной материи, продукт ее развития, как функцию центральной нервной системы.

Существенная особенность этого анализа состоит в том, что с его помощью вскрываются связи ощущений с различными явлениями объективной действительности. Характеризуя эти связи, В. И. Ленин раскрывает сущность самого ощущения.

Попытаемся подобным же образом подойти к понятию сознания. Начнем с определения понятия сознания в философском смысле.

Воспользовавшись аналогией с определением разных сторон ощущений, мы получим следующую характеристику сознания. Сознание есть высшая форма психического отражения действительности. Возникнув в процессе длительного развития материи, оно является продуктом исторического развития человека. Как функция особым образом организованной материи, мозга человека, сознание является непосредственно связанной с речью формой отражения. Общим для сознания и других форм духовной жизни человека является то,

что они суть отражение действительности, они представляют собой субъективный образ объективного мира, продукт особым образом организованной материи.

Особенность сознания заключается в том, что сознание является отражением действительности в форме идеальных, умственных образов, сознание присуще лишь человеку и непосредственно связано с речью человека. Жизненное значение сознания проявляется в том, что оно, будучи отражением действительности, является регулятором планомерного целенаправленного поведения человека.

Если попытаться коротко определить понятие сознания в отличие от других форм психики, то это определение было бы таким: сознание — это высшая, связанная с речью функция мозга, представляющая собой специфическую человеческую форму отражения объективного мира.

Марксистско-ленинская философия уже в общем определении сознания, выражая его сущность, его значение, характеризуя его специфическую функцию, дает основу для конкретных наук, занимающихся изучением разных сторон этого явления: психологии, физиологии высшей нервной деятельности, антропологии и др.

Так психология занимается изучением высшей степени отражения объективной действительности, конкретным исследованием сознания как специфически человеческой формы связи субъекта с внешним миром, изучением различных форм психического отражения человека и животных.

Традиционная идеалистическая психология, как правило, анализируя сознание, определяет его как замкнутую в себе сущность, выясняет соотношение этого понятия с понятиями других психических явлений.

Диалектико-материалистическая психология в исследовании своего предмета исходит из философского понимания природы сознания, раскрывающего связь человека с материальной действительностью. Познание всякого явления осуществляется путем раскрытия его связей и отношений с другими явлениями. Этим принципом сознательно пользуется научная психология. Отбрасывая идеалистическое, опирающееся на интроспекцию как метод исследования, понимание сознания, психология разрешает эту проблему на философском

фундаменте диалектического материализма, рассматривающего сознание как свойство материи отражать в форме идеальных образов объективную действительность.

В настоящее время, правда, есть еще психологи и физиологи, которые не только молчаливо обходят проблему сознания, не раскрывают содержания этого понятия, но и открыто выступают против него.

В некоторых учебниках и учебных пособиях понятие «сознание» не употребляется совсем, а иногда в определении сознания, кроме тавтологии, ничего не содержится.

Проблема сознания ввиду ее центрального места в ряду мировоззренческих вопросов и важности ее решения для философии, естествознания и психологии привлекает внимание широкого круга исследователей. Положение проблемы сознания на стыке многих научных дисциплин объясняет интерес к ней со стороны специалистов разных наук. Ее многосторонность обуславливает существование многих подходов к ее решению.

В последние годы вышло несколько солидных научных трудов, либо специально посвященных исследованию сознания, либо таких, в которых проблема сознания занимает одно из центральных мест.

Проблема сознания в собственно философском смысле рассматривается в философских трудах, посвященных общим проблемам философии, решению основного вопроса философии, изучению вопросов теории познания. Среди этих работ есть ряд исследований, имеющих, на наш взгляд, большое значение для раскрытия общих закономерностей сознания¹.

В философских работах материал конкретных наук (физиологии, психологии, антропологии и т. д.) выступает не как предмет анализа, а как материал, подтверждающий, иллюстрирующий характеристику общих закономерностей отношения материи и сознания в онтологическом и гносеологическом аспектах. В работах, посвященных теории познания диалектического материализма, сознание рассматривается преимущественно как процесс познания.

¹ См. «Основы марксистской философии», Госполитиздат, М., 1958; *Ф. И. Хасхачих*, Материя и сознание, М., 1952; *И. Д. Андреев*, Основы теории познания, М., 1960, и др.

Специальный интерес философов и психологов в последние 3—4 года привлек вопрос о происхождении сознания. Ему посвящено несколько монографических исследований¹.

В монографиях А. Г. Спиркина и П. Ф. Протасени вопрос о происхождении сознания разрабатывается на основе археологического и этнографического материала. Центральное место занимает вопрос об историческом развитии сознания. А. Г. Спиркин наряду с описанием общих природных и социальных условий возникновения сознания на большом фактическом материале дает дифференцированную характеристику формирования сознания на разных этапах развития от предка человека до человеческого сознания. В его работе сделана попытка проследить исторический процесс возникновения и развития некоторых основных форм общественного сознания, а также категорий человеческого познания.

П. Ф. Протасеня, выясняя условия происхождения сознания, среди которых он выделяет биологические предпосылки, природные факторы и социальные силы, большое внимание уделяет становлению материального субстрата сознания и формированию механизмов сознания. Решая основную задачу изучить проблему происхождения сознания, П. Ф. Протасеня дает характеристику специфических особенностей сознания (целенаправленное творчество, словесное мышление и самосознание).

В работе Н. П. Антонова сознание рассматривается как высшая форма отражения. В целях понимания сознания в этом смысле в книге дается характеристика отражения как свойства всей материи, прослеживаются этапы развития нервной системы и форм психического отражения в процессе эволюции животных как предыстории сознания человека.

В книге указывается на биологические условия и социальные причины перехода от психики животных к мышлению и сознанию человека, доказывається, что возникновение у человека второй сигнальной системы есть возникновение физиологической основы мышления и сознания, а само сознание рассматривается как про-

¹ См. А. Г. Спиркин, Происхождение сознания, Госполитиздат, М., 1960; П. Ф. Протасеня, Происхождение сознания и его особенности, Минск, 1959; Н. П. Антонов, Происхождение и сущность сознания, Иваново, 1959.

дукт общественного развития, отражение общественного бытия.

В качестве специфики сознания, как высшей формы психического отражения объективного мира в мозгу человека, Н. П. Антонов указывает на то, что сознание — это идеальное отражение материального мира, что это идеальное отражение имеет субъективную форму проявления и объективность содержания и физиологической основы. Осознаваемые желания и воля рассматриваются как идеальный побудительный мотив целенаправленной деятельности человека. Сознание, по мнению автора, находится в единстве с познанием. Подчеркивая положение об активном характере сознания, автор развивает мысль о том, что в процессе деятельности человека сознание не только отражает объективный мир, но и творит его.

К работам, в которых исследуется прежде всего вопрос о происхождении и историческом развитии сознания и написанным преимущественно философами, при- мыкают некоторые труды психологов, в которых внимание главным образом уделяется раскрытию факторов развития форм отражения действительности в животном мире. В последнее время по этому вопросу вышли в свет книги Н. Н. Ладыгиной-Котс¹. Автор подробно анализирует особенности поведения беспозвоночных, начиная от одноклеточных организмов и кончая членистоногими, особенности поведения позвоночных (рыб, земноводных, пресмыкающихся, птиц, млекопитающих). Особенно тщательно анализируются особенности поведения и отражательной деятельности приматов². Исследования Н. Н. Ладыгиной-Котс подтверждают диалектико-материалистическое положение о том, что возникновение сознания как высшей формы отражения осуществлялось в результате длительного процесса развития самой материи.

К циклу работ, посвященных проблеме происхождения сознания, относятся работы А. Н. Леонтьева³.

¹ См. Н. Н. Ладыгина-Котс, Развитие психики в процессе эволюции организмов, изд-во «Советская наука», М., 1958.

² См. Н. Н. Ладыгина-Котс, Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян, изд-во Академии наук СССР, М., 1959.

³ А. Н. Леонтьев, Проблемы развития психики, изд-во Академии педагогических наук РСФСР, М., 1959.

В исследованиях А. Н. Леонтьева много внимания уделяется вопросу о природе психического отражения, характеристике времени его возникновения и этапов его развития. Одно из важных мест в работах А. Н. Леонтьева принадлежит выяснению проблемы соотношения материи и сознания в ее конкретизированном виде — соотношения физиологического и психического. Разрабатывая проблему возникновения ощущения, механизмов чувственного отражения, А. Н. Леонтьев рассматривает и вопрос исторического становления сознания, зависимости содержания сознания от конкретно-исторических условий развития людей.

Подобно проблеме происхождения сознания проблема соотношения психического и физиологического привлекает в последнее время пристальное внимание исследователей. Этот интерес вполне понятен. Без решения этой проблемы нельзя правильно понять природу и сущность сознания как специфически человеческой, высшей формы отражения действительности. В последние годы вышло несколько монографических работ, в которых эта проблема занимает центральное место. Иногда она входит составной частью в комплекс вопросов о соотношении материалистической философии и учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности¹.

В некоторых случаях проблема соотношения физиологического и психического рассматривается в связи с решением теоретико-познавательных вопросов². И наконец, она рассматривается в системе вопросов, связанных с проблемой соотношения бытия и сознания в целом.

Решение поставленных вопросов в указанных работах не всегда одинаково, нередко дискуссионно, подчас противоречиво. Но важно то, что центральный мировоззренческий вопрос в его конкретизированном виде постоянно привлекает внимание исследователей, будит мысль. Творческое обсуждение его несомненно будет способствовать нахождению истины.

¹ Н. В. Медведев, Марксистско-ленинская теория отражения и учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности, Госполитиздат, М., 1954; А. Киселинчев, Марксистско-ленинская теория отражения и учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности, М., 1956; Т. Павлов, Основное в учении И. П. Павлова в свете диалектического материализма, ИЛ, М., 1958.

² См. Ф. Ф. Кальсин, Основные вопросы теории познания. Горький, 1957.

Ув
Общефилософской характеристике сознания много внимания уделяется в работах С. Л. Рубинштейна¹. Проблема сознания представлена в них как одна из важнейших методологических проблем. Применяя диалектико-материалистический принцип детерминизма к анализу сознания, С. Л. Рубинштейн показывает место сознания во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. С. Л. Рубинштейну принадлежит формулировка принципа единства сознания и деятельности, как одного из принципов научной психологии. Много внимания в работах С. Л. Рубинштейна уделяется характеристике соотношения разных элементов сознания.

Конкретные стороны проблемы сознания исследуются в многочисленных работах психологов. Тщательно изучаются отдельные явления сознания, их взаимосвязь.

Проблеме сознания в последние годы посвящались специальные разделы в учебниках по психологии².

8
В советской науке, как видно из краткого обзора литературы последних лет, много сделано для характеристики сознания как высшей формы отражения действительности. Однако сама проблема настолько важна и широка, что сделанного еще недостаточно, чтобы уяснить до конца природу этого многогранного явления. Вопросы, уже поставленные и еще не поставленные, требуют своего дальнейшего обсуждения. В частности, мало разработано представление о соотношении индивидуального и общественного сознания, о природе бессознательных психических явлений, об особенностях самосознания. Новые данные нейрофизиологии выдвигают вновь проблему материальных физиологических основ сознания. Чем больше попыток с разных сторон подойти к явлению, тем больше уверенности в успешности его познания.

Предлагаемая вниманию читателя книга является одной из попыток рассмотреть некоторые вопросы сложной проблемы сознания. Главное внимание в ней уде-

1 См. С. Л. Рубинштейн, Основы общей психологии, изд. 2, Учпедгиз, М., 1946; его же, Бытие и сознание, изд-во Академии наук СССР, М., 1957; его же, Принципы и пути развития психологии, изд-во Академии наук СССР, М., 1959.

2 См. Б. Г. Ананьев, Очерки психологии, Лениздат, 1945; «Психология», Учебник для педагогических институтов под ред. А. А. Смирнова, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна и Б. М. Теплова, М., 1956; Б. М. Теплов, Психология, Госполитиздат, М., 1950.

ляется характеристике сознания как специфически человеческой формы отражения действительности. Подчиненным этой задаче является выяснение биологических предпосылок возникновения сознания, характеристика физиологических основ сознания. Р

В понимании сознания как специфически человеческой формы отражения действительности мы отправляемся от диалектико-материалистического решения основного вопроса философии — вопроса об отношении сознания и материи. В данном случае сознание рассматривается в философском смысле слова. Анализируя общественные факторы происхождения сознания, роль языка как условия возникновения сознания, мы имели целью подчеркнуть специфические особенности человеческого способа отражения действительности вообще по сравнению с отражением внешнего мира животными. Этой цели в известной степени подчинены и те части работы, в которых характеризуется соотношение общественного и индивидуального сознания и самосознание как вид лишь человеку присущего сознания. М

Уяснение природы сознания как специфически человеческой формы отражения действительности предполагает не только понимание места сознания в системе связей и взаимоотношений объективной действительности, но и характеристику места сознания в системе психических явлений. Перед исследователями не перестает существовать необходимость характеризовать соотношение понятий психики и сознания. В предлагаемой вниманию читателя книге содержится попытка охарактеризовать сознание как высшую форму психического отражения. С этой целью излагаются представления о соотношении осознанных и неосознанных психических явлений, о физиологических основах осознанного и неосознанного отражения действительности.

Автор не претендует на исчерпывающее изложение всех затронутых в работе вопросов. Эта задача может быть выполнена только в результате объединенных усилий многих исследователей.

Позитивная взаимопомощь ученых, разрабатывающих проблему сознания, — верная гарантия ее разрешения. Если нам в какой-то степени удалось содействовать успешной коллективной разработке проблемы сознания, мы будем считать свою задачу выполненной.

І. ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ О СОЗНАНИИ

1. Коренная противоположность материализма и идеализма в решении вопроса об отношении материи и сознания

Вопрос о сущности сознания может быть решен путем выяснения отношений сознания с внешним миром, путем характеристики взаимоотношений материального и идеального, физического и психического. Вопрос о связи психики и внешнего мира, сознания и бытия неизменно вставал и встает перед философами, его решение определяет принадлежность ученого к тому или иному направлению философии.

Вопрос о взаимоотношении материи и сознания, о характере их причинно-следственных отношений материализм и идеализм решают прямо противоположно один другому.

Для представителей идеалистических направлений характерно признание первичным сознания, идеалисты сознание объявляют причиной бытия.

Для представителей объективного идеализма, начиная от Платона и кончая современными объективными идеалистами, духовное является первоначальным, оно является причиной всего материального. Разница в точках зрения различных представителей объективного идеализма несущественна, она заключается главным образом в различной характеристике того, каким образом материальное производится идеальным, организуется, упорядочивается им. Своеобразие заключается лишь в том, как ее представители изображают те формы идеального, психического, которые выбираются в качестве первоосновы бытия.

Для объективного идеализма характерна абсолютизация абстракции, идеи и превращение ее в основу

всего существующего. Так, по мнению Гегеля: «Природу следует рассматривать, как систему ступеней, каждая из которых необходимо вытекает из других. Однако это не значит, что каждая из них естественным образом произведена другой. Такая их последовательность существует только во внутренней идее, лежащей в основе природы»¹.

Объективно-идеалистическую линию Платона — Гегеля в философии конца XIX и XX веков продолжили Брэдли, Бозанкет, Джентиле и др. Общим для концепций этих философов является представление о том, что дух является ключом к природе, реальности, что вне духа нет и не может быть действительности.

Объективный идеализм в настоящее время некоторыми из неогегельянцев дополняется субъективно-идеалистическими представлениями.

Для субъективного идеализма характерно признание единственно достоверным лишь сознания субъекта. Тот же Джентиле предпринял попытку абсолютный дух гегелевской объективно-идеалистической концепции заменить активно действующим субъектом. В системе Джентиле ум или дух не есть существование, а скорее чистая активность, порождающая всякое существование. Для Джентиле эта активность является источником реальности. Сама активность представляется как «трансцендентальная мысль», «трансцендентальное Я», «мы», «личность», «дух».

Конечный вывод из концепции Джентиле сводится к утверждению того, что субъект является творцом законов мира, причиной существования объективной действительности.

Своеобразное сочетание субъективного идеализма с объективным идеализмом в решении проблемы соотношения материи и сознания имеет место у представителей персонализма (Штерн, Боун, Брайтмэн, Флюэлинг). Исходная позиция персоналистов заключается в признании духовного в качестве первичного. Этим духовным для персоналистов является личность. Все существующее представляет собой иерархию личностей, персон. Личностями считаются и неорганические тела,

¹ Г. Гегель, Введение в философию. Философская пропедевтика, М., 1927, стр. 163—164.

занимающие в иерархической лестнице нижнюю ступень; среднюю ступень занимают живые существа, человек; высшая — принадлежит абсолютной персоне. Личности — персоны, способные к рациональному мышлению, к созданию духовных ценностей, являются источником бытия, причиной всего существующего. Реальность в концепциях персоналистов персонифицируется, индивидуализируется. Кроме личностей и того, что они создают, таким образом, ничего не существует.

Подчеркивая индивидуализированный, персонифицированный характер реальности, персоналисты выявляют субъективно-идеалистические черты философии этого направления. Однако эти черты не являются для него главными и определяющими. В философии персоналистов определяющим является представление о том, что над каждой личностью в отдельности и над всеми ими вместе стоит «верховная личность», как верховная духовная сущность. Эта сущность возвышается над человеком, не зависит от него, она — высший источник действительности, высшая реальность. Этой верховной личностью является бог. Верховная личность через действия отдельных духовных сущностей — личностей, напоминающих монады Лейбница, определяет существование и развитие природы. Личность человека является лишь слабым отблеском божественной сущности.

Философия персонализма открыто смыкается с религией. Проповедуя существование верховной божественной личности, персоналисты на практике зовут к смирению и покорности перед ее всемогуществом. Утверждая равенство личностей перед верховной личностью, равенство перед богом по духу, персоналисты фактически пытаются духовно обезоружить человека в борьбе за действительное равенство.

Теологическая сущность представлений о характере отношений материи и сознания находит яркое выражение у Маритэна и Гаррингтона, представителей неотомизма — одного из наиболее реакционных направлений современной объективно-идеалистической философии. Являясь открытыми защитниками церкви, неотомисты пользуются наукообразной философской терминологией для защиты религиозных идей, идеи бога как первопричины любой формы реальности, любого действия. Бог, существующий в себе самом, по мнению неотомистов,

является высшей границей мира, творцом всего действительного. Материю неотомисты считают нижней границей всего существующего, пассивным материалом, из которого бог, вкладывая духовную сущность, создает все предметы. Эти духовные сущности в зависимости от их сложности занимают соответствующие места в иерархической лестнице, верхнюю ступень которой занимает бог. Религиозная идея существования у человека нетленной души, заключенной в бренном теле, занимает в писаниях неотомистов немалое место.

Какие бы нововведения не преподносились современными объективными идеалистами в представлениях об отношении природы и духа, классическая в этом отношении схема Платона — Гегеля остается и у них в основном неизменной. Первоначалом всего существующего считается идея, дух, личность, бог, одним словом, абстрагированная, обобщенная идеальная сущность. Если в соотношении духа и природы дух считается первичным, он объявляется первичным и по отношению к индивидуальному сознанию. Причина существования и развития индивидуального сознания заключается в абсолютной идее, идеальной сущности, в конечном счете в боге.

Для субъективного идеализма в решении проблемы отношения материи и сознания центр тяжести переносится на анализ индивидуального сознания. Все существующее, с точки зрения субъективных идеалистов, является совокупностью психических элементов, комбинацией ощущений. Психическое в разных его видах (ощущения у Беркли и Фихте, элементы мира у Маха и т. д.) ставится на место материального. По существу из концепций субъективных идеалистов материальное исчезает, внимание направляется на анализ соотношения разных форм психического, их связей, условий, при которых они выступают для человека то как вещественное, то как духовное. Цепь причинно-следственных отношений в этих концепциях начинается с психического, на психическом же и заканчивается. Логическим завершением хода мыслей субъективных идеалистов является представление о том, что эта цепь обрывается на психических явлениях отдельного индивида.

В махистской разновидности субъективного идеализма в наиболее отчетливом виде выступают характер-

ные черты этой философии. «Пределы нашего Я, — писал Э. Мах, — могут быть настолько расширены, что они в конце концов включают в себе весь мир»¹. Психическое включает весь мир потому, что «не тела вызывают ощущения, а комплексы элементов (комплексы ощущений) образуют тела»². Для махистов по существу безразличен вопрос, что считать содержанием сознания, в чем причина его существования, ибо они имеют дело только с разными формами психического. Внешний мир и субъект тождественны. «В том, что нам фактически дано, в функциональных отношениях, не изменяется ничего, безразлично, рассматриваем ли мы все данное как *содержание сознания* или отчасти либо вполне как нечто *физическое*»³.

Из подобного отождествления материи и сознания не выходят также представители субъективно-идеалистической концепции «принципиальной координации» (Р. Авенариус)⁴. Поскольку противочленом духа в «принципиальной координации» является не что иное, как комбинация психических элементов, то и здесь опускается материя и рассматривается только связь психических явлений. Одни из этих явлений более, другие менее сложны, одни из них обуславливают другие.

Широко известную концепцию Авенариуса о принципиальной координации отчетливо выразил в психологии А. Бинэ. «Материя, — писал он, — существует только благодаря различию и противоположности с духом и, что если бы духа не существовало, то также не существовало бы материи...»⁵ В основе определения реальности в психологической концепции Бинэ лежит субъективно-идеалистическая исходная позиция. «Воспринимание или сознание, — утверждает он, — вот две формы, в которых может лишь выливаться реальность. Но *реальность* не есть синоним *истины*. Вопреки противоположному обычаю можно провести различие между этими двумя терминами. Реальность — это то, что восприни-

¹ Э. Мах, Анализ ощущений и отношение физического к психическому, изд. 2, М., 1908, стр. 32.

² Там же, стр. 45.

³ Там же, стр. 51.

⁴ Р. Авенариус, О предмете психологии, М., 1911.

⁵ А. Бинэ, Душа и тело, М., 1910, стр. 43.

мается или создается; истина — то, что согласуется с совокупностью нашего знания. Реальность есть функция чувств или идеации, истина же есть функция мышления, разума»¹.

На махистских позициях стояли и другие крупные психологи. Среди них должны быть отмечены прежде всего В. Вундт² и Э. Титченер³.

Таким образом, центральная идея субъективно-идеалистических концепций заключается в том, что в ряду причинно-следственных отношений материи и духа духовное, психическое ставится на место физического. В итоге материя устраняется, а психическое объявляется причиной психического же.

К этому выводу в результате философских изысканий приходят махисты, неореалисты, прагматисты, семантики, неопозитивисты, экзистенциалисты и др.

Приведем несколько примеров того, как представители разных оттенков современных субъективно-идеалистических направлений, решая основной вопрос философии об отношении материи и сознания, преподносят лишь в разных формулировках по существу одинаковое понимание соотношения материального и идеального, физического и психического.

Так, неопозитивисты (М. Шлик, Р. Карнап, Л. Витгенштейн, В. Крафт, Ф. Кауфман, Б. Рассел и др.), постоянно подчеркивая, что их позиции нейтральны по отношению к материализму и идеализму, фактически отрицают существование объективных закономерностей, идеалистически понимают опыт, считают науку совокупностью представлений, переживаний человека. Самую постановку вопроса о существовании объективной действительности, внешнего мира, как источника сознания, как причины самих логических построений, неопозитивисты считают ненаучной, метафизической. Между тем логика самих философских исследований принуждает неопозитивистов решать вопрос об отношении материи и сознания. И решение это на деле, несмотря на увертки, маскировку, является у них субъективно-идеалистическим. Так, Витгенштейн, утверждая, что мир является

¹ А. Бинэ, Душа и тело, стр. 64.

² См. В. Вундт, Очерки психологии, М., 1912.

³ См. Э. Б. Титченер, Учебник психологии, ч. I, М., 1914.

совокупностью не вещей, а фактов, сами факты считает результатом логических конструкций, построений¹. Аналогичное понимание соотношения материального и идеального имеет место и в философии Рассела. В своих рассуждениях о построении действительности на основе терминов, которыми описываются события, Рассел приходит к выводу, что сами события — это не что иное, как те же логические конструкции. «Дух и материя, — пишет он, — являются логическими построениями; элементы, из которых они строятся или выводятся, соединены различными отношениями, из которых одни изучаются физикой, а другие психологией»². Согласно концепции Б. Рассела, мир не существует объективно, независимо от человека и человечества. «...Обычный мир, — говорит он, — в котором, как мы уверены, мы живем, есть конструкция отчасти научная, отчасти же донаучная»³. Карнап, как он пишет сам, склонен думать, что термин «факт», не противоречащий обычному словоупотреблению, следует определить, как относящийся к определенному виду предложения⁴.

Для семантического идеализма, как разновидности позитивистской философии (Вудбридж, Моррис, Чейз, Джонсон), характерна общая всем направлениям субъективного идеализма исходная позиция: субъект конструирует мир, элементами этого мира являются комплексы ощущений. По мнению семантиков, существование предметов, их качественная определенность зависят от того, как подходить к этим предметам, от тех умственных операций, которые применяет исследователь, имея дело с тем или иным явлением. Оценка самого существования факта зависит от взаимного соглашения по поводу того, как называть этот факт. Ссылаясь на то, что факты полностью зависят от точки зрения того, кто ими занимается, а в связи с этим любой факт может быть разным для разных людей, семантики приходят

¹ См. Л. Витгенштейн, *Логико-философский трактат*, ИЛ, М., 1958.

² В. Russell, *The Analysis of Mind*, London, New York, 1924, p. 307.

³ Б. Рассел, *Человеческое познание*, ИЛ, М., 1957, стр. 42.

⁴ См. R. Carnap, *Meaning and Necessity*, Chicago — Illinois, 1947, p. 28.

к выводу, что то, что называют фактами, является только теориями, созданными исследователями.

Единственным свидетельством в пользу существования факта, заявляют семантики, является интерпретация субъекта и в лучшем случае социальная согласованность. Замена индивидуального сознания отдельного субъекта коллективным сознанием в данном случае не меняет дела по существу: в теориях семантиков причинной внешнего мира остается субъективное, психическое, а внешний мир является производным от этого психического.

Не выходит за рамки субъективно-идеалистического решения вопроса о характере взаимоотношений сознания и внешнего мира и неореалистическая концепция (Мур, Пирри, Холт, Сполдинг). Предметом исследования этой теории остается субъект, а все то, что существует вне субъекта, является продуктом его познавательной деятельности.

Для экзистенциалистов (Ясперс, Марсель) основой всего является существование, понимаемое как конкретно человеческое существование. Вне этого человеческого существования никакого другого существования нет. «Если я называю не-я миром, то я могу понять это не-я вместе со мной»¹, — пишет К. Ясперс.

Отрывая «существование» от «сущности», подчеркивая первичность самого «существования» в противоположность признанию первичности существования материи, некоторые экзистенциалисты приходят к выводу, что первопричиной и самого «существования» и обусловленной им «сущности» является божественное первоначало². Субъективно-идеалистические представления о характере причинно-следственных отношений материи и сознания смыкаются таким образом с объективным идеализмом, с откровенно религиозным мировоззрением.

Дьюи считает, что объект и субъект не существуют раздельно друг от друга, они различаются лишь внутри опыта³. Опыт, разумеется, в этой концепции понимается идеалистически. Не существуя независимо от субъекта, предметы объективного мира, по мнению прагматистов,

¹ К. Jaspers, Philosophie, B. I, Berlin, 1932, S. 62.

² См. G. Marcel, Journal Métaphysique, Paris, 1935.

³ См. J. Dewey, Problems of Man, New York, 1946, p. 396.

являются результатом конструирующей деятельности сознания, человеческого опыта. Действительность представляется перед человеком в виде чувственно данного потока, в котором человек сообразно своему разумению и воле выделяет отдельные предметы. Субъект является причиной существования и изменения всей объективной действительности. Мир, по мнению прагматистов, есть то, что создал и создает человек¹.

Являясь одним из столпов прагматистской субъективно-идеалистической философии, Джемс предпринял попытку вообще отрицать реальность сознания. По этому вопросу он выступил со специальной статьей «Существует ли «сознание»?»² Вслед за Болдуином, Боденом, Кингом, Александером Джемс отрицает необходимость изучения сознания как психического явления и не считает возможным оперировать понятием «сознание». «Раз «сознание» уже так значительно испарилось, то это значит, что оно скоро совершенно исчезнет. Оно не обозначает какой-либо сущности и не принадлежит к числу первых принципов. Приверженцы его ловят эхо, глухой гул, развеванный исчезающей душой в атмосфере философии»³.

В ряде своих статей и лекций Джемс заменяет понятие сознания понятием прагматически понимаемого опыта, опытных реальностей. Вслед за отрицанием субстанциальности сознания отвергается субстанциальность и материи.

«Мое положение, — пишет Джемс, — заключается в том, что если допустить существование одного только первоначального вещества, или мировой материи, вещества, объемлющего собою все, и если назвать это вещество «чистым опытом», то легко объяснить познание, как особый вид взаимоотношения, в который входят различные элементы чистого опыта. Само это отношение представляет собою часть чистого опыта; один «член» его становится субъектом или носителем познания, познающим»⁴. За материей, как и за сознанием,

¹ W. James, *Pragmatism*, New York — London — Toronto, 1946, p. 247.

² См. У. Джемс, Существует ли «сознание»? «Новые идеи в философии», Сборник 4, СПб., 1913, стр. 103.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 104.

отрицается реальность, оба они поглощаются всеобъемлющим понятием «чистого опыта». Отрицание сознания в концепции Джемса было не самоцелью, оно понадобилось для того, чтобы проще разделаться с реальностью материального.

Представители субъективно-идеалистических концепций, несмотря на разницу в терминологии и на своеобразии аргументации, в идеалистическом решении вопроса об отношении материи и сознания вполне единодушны. Для всех них характерно отрицание независимого, первичного существования материального, и утверждение того, что психическое, сознание, духовное играют конструирующую, созидательную роль. Духовное, с этой точки зрения, представляет собой причину существования материального.

Выход из тупика, в который зашло решение вопроса об отношении материи и сознания в идеалистических направлениях, возможен только на путях материализма.

История материалистической мысли дает поучительный пример поисков научных представлений о том, каковы действительные отношения материи и сознания. Успехи этих поисков зависели от накопления практического опыта людей, от развития естественных наук. Человеческая мысль все более и более глубоко проникает в тайну своего происхождения, находит действительные причины собственного существования.

Во всех философских материалистических концепциях, в которых в той или иной форме идет речь о сущности духовного, можно выделить два аспекта разрешения проблемы соотношения материи и сознания: во-первых, вопрос о причинной обусловленности духовного, сознания телесной деятельностью организма; во-вторых, проблема отношения этого духовного, сознания к внешнему миру.

Представители механистического материализма, в том числе и французские материалисты, не дали правильного ответа на вопрос о том, в чем заключается причина возникновения сознания как особого свойства материи. Так, например, Гольбах, считая, что сознание является свойством только соответствующим образом организованной материи, полагал, что само возникновение материи такого вида было случайным. Атомы в процессе своего движения и взаимодействия случайно

образовали такие сочетания, которые стали обладать свойством духовного.

Новые бесспорные доказательства естествознания в пользу зависимости деятельности сознания от деятельности мозга философами иногда использовались для обоснования вульгарно-материалистических представлений о том, что мозг производит духовное так же, как материальные продукты производятся другими органами тела.

Проблема причинной обусловленности сознания не могла быть научно разрешена, пока рассматривались отдельно разные его стороны: либо зависимость сознания от деятельности мозга, либо обусловленность сознания воздействиями внешнего мира, объективной действительности. А фактически так оно и было во всей домарксистской философии, несмотря на попытки дать материалистическое понимание психических явлений.

В теориях познания французских материалистов XVIII в., как и русских революционных демократов 60-х годов XIX в., содержатся правильные положения о материальной причинной обусловленности психических явлений. Однако вопрос о специфике причинной обусловленности психики человека, его сознания, именно специфики, обусловленной связями человека с социальной средой, остался и у них без ответа.

Лишь диалектический материализм, опираясь на весь ход острейшей борьбы предшествующего материализма с идеализмом, используя данные передового современного естествознания, с единственно научных позиций решает проблему отношения материи и сознания, вопрос о причинно-следственных связях между ними.

Главным в диалектико-материалистическом решении этой проблемы является: 1) признание вторичного, производного характера сознания как функции мозга, отражения действительности и 2) утверждение общественной детерминации человеческого сознания. Психика является продуктом развития материи, она представляет собой форму развития общего свойства материи — отражения. В «Материализме и эмпириокритицизме» В. И. Ленин отмечает, что «в фундаменте самого здания материи» можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением». «...Логично предположить, — пишет В. И. Ленин, — что вся материя

обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения...»¹

Указывая на преемственность в развитии форм отражения действительности в неорганической и органической природе, диалектический материализм вместе с тем подчеркивает, что психическое отражение, элементарной формой которого является ощущение, не тождественно формам отражения в неорганической природе. Изучение родственных, сходных черт разных форм отражения, исследование возникновения органической природы из неорганической привело к выводу, что неорганическая материя содержит в себе возможность возникновения ощущающих существ и что эта возможность становится действительностью только на определенной ступени развития природы, при наличии определенных условий. В природе самой материи, указывал Энгельс, заложено то, что с необходимостью привело к образованию мыслящих существ там и тогда, где и когда были налицо соответствующие благоприятные условия.

Изменение внешних условий, развитие форм органической природы сопровождалось развитием, усложнением характерных свойств органического мира вообще, в частности его способности к психическому отражению. Линия развития этой способности начинается от возникновения элементарных ощущений животных до сложнейших форм отражения мира человеком, до возникновения его сознания. И как бы просты или сложны эти формы ни были, все они являются продуктом развития материи, свойством живых организмов. «Если... поставить вопрос, что же такое мышление и сознание, откуда они берутся, — писал Энгельс, — то мы увидим, что они — продукты человеческого мозга и что сам человек — продукт природы, развившийся в известной природной обстановке и вместе с ней»².

«Тот вещественный, чувственно воспринимаемый мир, к которому принадлежим мы сами, есть единственный действительный мир, — писал Энгельс в другом месте, — и... наше сознание и мышление, каким бы сверхчувственным оно ни казалось, является продуктом вещественного, телесного органа, мозга. Материя не

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 34, 81.

² Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, М., 1957, стр. 34.

есть продукт духа, а дух сам есть лишь высший продукт материи»¹.

Являясь одним из свойств движущейся материи, развиваясь как функция нервной системы, психика выступает как особый продукт процессов, совершающихся в организмах. Обобщая достижения естествознания, В. И. Ленин в краткой формулировке выразил суть диалектико-материалистического взгляда на психическое как на свойство материального. «Материя, действуя на наши органы чувств, — писал он, — производит ощущение. Ощущение зависит от мозга, нервов, сетчатки и т. д., т. е. от определенным образом организованной материи... Ощущение, мысль, сознание есть высший продукт особым образом организованной материи»².

Считая сознание продуктом длительного развития материи, диалектический материализм подчеркивает, что сознание является свойством высших форм материи, функцией головного мозга человека.

Сущность сознания как функции мозга заключается в отражении внешнего мира. Предмет, явление внешнего мира существует вне и независимо от сознания. Ощущения, представления возникают у человека в результате восприятия им внешних воздействий. Какие бы мысли ни возникали в голове человека, они являются лишь образами предметов и явлений объективной действительности, более или менее точным их отражением. Дерево как образ возникает после того, как действительное, реальное дерево подействует на органы чувств человека, воспримется его мозгом.

Характеризуя эту существенную сторону сознания, Маркс писал: «Сознание [das Bewußtsein] никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием [das bewußte Sein]»³. Тот же смысл заключается в положении Маркса о том, что «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»⁴. В. И. Ленин также подчеркивал эту мысль, когда он говорил, что «наши

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. II, Госполитиздат, М., 1955, стр. 353.

² В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 43.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, Госполитиздат, М., 1955, стр. 25.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, Госполитиздат, М., 1960, стр. 21.

ощущения, наше сознание есть лишь образ внешнего мира, и понятно само собою, что отображение не может существовать без отображаемого, но отображаемое существует независимо от отображающего»¹.

Зависимость, производность, вторичность сознания в данном случае характеризуется тем, что, в то время как существование материальных предметов и явлений не зависит от того, воспринимаем ли мы их, сознаем ли мы, что они существуют, в сознании человека нет ничего, чтобы так или иначе не отражало, не копировало, не воспроизводило действительно существующих в мире объектов, явлений, связей между ними и закономерностей их развития. И, несмотря на то, что есть много сторон, свойств, явлений действительности, которые человек не воспринимает при помощи своих органов чувств, не воспроизводит в своих ощущениях, восприятиях, нельзя утверждать, что в ощущениях, восприятиях человека существует хотя бы какой-то элемент, которому в действительности ничего бы не предшествовало, не определяло бы его тем или иным способом. Связей между явлениями внешнего мира, разумеется, тоже много больше, чем их отражает человек в своих понятиях. Но все, что есть в этих понятиях, является отражением действительных связей и взаимоотношений. Таким образом, ощущения, представления, понятия человека существуют лишь постольку, поскольку существуют внешние воздействия, объективные условия, вызывающие возникновение этих представлений, понятий.

Внешние предметы предшествуют осознанию этих предметов так же, как в своем развитии природа предшествовала появлению психики у животных организмов вообще, так же, как возникновение и развитие человеческого общества предшествовало появлению и развитию человеческого сознания в особенности.

Выражая материалистическую мысль о том, что психика является отражением внешнего мира, мы иногда допускаем неточность, граничащую с явной ошибкой. Эта неточность заключается в следующем. Говоря о том, что объективная действительность отражается в сознании, мы вольно или невольно скатываемся к противопоставлению сознания как экрана, зеркала, тому,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 57.

что отражается в нем. Сознание наделяется свойством реальности, противопоставляемой объективной реальности внешнего мира. Выражение «отражается в сознании» аналогично выражению «отражается в зеркале». Сравнение сознания с зеркалом наводит на мысль о том, что сознанию приписываются некоторые субстанциальные свойства. Будучи само продуктом развития материи, сознание наделяется еще непонятными способностями отражать в себе. Материальной субстанции противопоставляется субстанция сознания. Ощущения, восприятия, представления, мышление, по логике этих рассуждений, являются свойствами этой субстанции, ее способностями.

Неправильному, но довольно распространенному положению об «отражении в сознании» противостоит точная марксистско-ленинская формула о самом сознании как отражении. Сознание представляет собой отражение, непространственный, непрерывно и непрестанно изменяющийся процесс познания, переживаний и деятельности субъекта, процесс, не воспринимаемый непосредственно органами чувств. Но этот процесс переживания, это познание и деятельность субъекта стоят в связи с воспринимаемыми и представляемыми предметами.

В психологической литературе под понятием «предмет» сознания понимается не всегда одно и то же. Часто оно заменяется не менее неопределенными понятиями: «объект» познания, «содержание» сознания. Представление идеалистической психологии о «предмете», «объекте», «содержании» сознания наводит на разные ассоциации то как о чем-то присущем этому сознанию, то как о чем-то внешнем ему. Эта терминология психологов не вполне точно отражает соотношение сознания и внешнего мира, она чрезвычайно неопределенна. И действительно, когда, например, речь идет о «предмете» сознания, то под этим может подразумеваться прежде всего то, что существует вне человека, независимо от него. Понятие предмета сознания охватывает прежде всего материальные вещи, их свойства, состояния и изменения, независимо от того, относятся ли они к прошлому, настоящему или будущему времени. Предметом сознания могут также стать все связи, отношения между предметами — простран-

ственные, временные, причинные связи, отношения сходства и т. д. Предметом сознания из материального мира может быть собственное тело и тела других людей. Подобно материальному миру, психический мир может также стать предметом сознания. Предметом рассмотрения и внимания может быть психическая деятельность других людей, их особенности, переживания и практическая деятельность, отношения между индивидами, отношения между отдельными их свойствами, их переживаниями, состояниями и действиями. Предметом сознания могут стать и собственные психические качества, свойства, переживания, познавательная и практическая деятельность.

Для идеалистической психологии характерно сведение объекта сознания к психическому содержанию. Проблема соотношения предмета и сознания ограничивается идеальным. Всякое психическое явление в некоторых психологических концепциях представляется как некоторое состояние, предмет или объект и акт его познания, чувствования, сознания. Акт сознания соответствующим образом направлен, а эта направленность имманентно присуща самому сознанию. В таких психологических концепциях возрождается средневековое понимание психики, разделяющее все сознание на сферу содержания и деятельности, соответственно на пассивное и активное начала¹.

Для материалистической психологии вопрос о сознании и его предмете не есть вопрос о соотношении разных состояний психики, например ощущения и мышления, а вопрос о соотношении объективного мира и сознания. Материальный мир или часть его служит предметом психической деятельности. Становясь предметом сознания, материальное не перестает быть материальным. Материальные вещи не становятся чем-то психическим, когда они воспринимаются субъектом. Правда, психические явления индивида становятся объектами его сознания в том случае, когда на них специально направляется внимание, в случае самосознания человека, как специального вида сознания. Но и в этом случае, созная ощущение как психический факт, человек имеет дело с ощущением как отражением явлений материаль-

¹ См. А. Бинэ, Душа и тело, стр. 44—45.

ной действительности. Любой предмет сознания в конечном счете — объективная действительность. Непосредственно предметом сознания он является в ощущениях, будучи отраженным в восприятии, представлении, он может стать предметом размышления. В итоге всякая психическая деятельность заключается в восприятии материального мира и переживании его, в стремлении к нему, в деятельности в нем, с его предметами.

Между предметом вне субъекта и сознанием существует отношение предмета и его отражения. Отсюда и вытекают все различия между ними. Знания о предметах не есть сами предметы. Если, например, воспринимается голубой шар, то предмет представляет собой пространственно-объемную фигуру определенной формы и определенного цвета. Идеальный образ этого предмета не является пространственным, протяженным, шарообразным; он не окрашен в какой-либо цвет, он не материален. Все эти свойства принадлежат объективному предмету, а не психическому образу этого предмета. В этом случае мы можем и должны говорить о коренной противоположности предмета сознания и объективного предмета. В гносеологическом отношении материя и сознание противоположны. Сознание не есть материя, равным образом материя не является сознанием. Известно, что в своей работе «Сущность головной работы человека» (1869 г.) и в других статьях И. Дицген ошибочно утверждал, что дух не больше отличается от стола, света, звука, чем эти вещи отличаются друг от друга, ибо, по его словам, и нечувственное представление на самом деле чувственно, материально. *«Телесным, физическим, чувственным, материальным явлением называется, — пишет И. Дицген, — тот общий род, к которому относится всякое существование, весомое и невесомое, тело и дух»*¹. Или дальше: «Понятие материи следует брать шире. К нему относятся все явления действительности, также и наша познавательная способность»².

Анализируя эти и подобные высказывания Дицгена, В. И. Ленин писал: «Тут явная неверность. Что и мысль

¹ И. Дицген, Избранные философские сочинения, Госполитиздат, 1941, стр. 320.

² Там же, стр. 322.

и материя «действительны», т. е. существуют, это верно. Но назвать мысль материальной — значит сделать ошибочный шаг к смещению материализма с идеализмом»¹. Предмет мысли и мысль о предмете противоположны: первое объективно существует, независимо от нашей мысли, второе является лишь отражением объективной реальности. В отношении же материи и сознания как свойства материи такой противоположности не существует, отличие между ними относительно. Абсолютное противопоставление материи и сознания за пределами гносеологии неизбежно ведет к дуализму. Однако, если не учитывать противоположности между сознанием и материей в пределах гносеологического вопроса, можно прийти к отождествлению материи и сознания. Результатом этого отождествления в истории философии были идеалистические представления, которые заключались в сведении материи к сознанию, и вульгарно-материалистические выводы, когда сознание поглощалось материей.

Признавая противоположность материи и сознания в гносеологическом плане, считая сознание отражением, образом объективного мира, мы видим приближение образа к своему оригиналу, известное их совпадение. Однако это соответствие, совпадение не есть поглощение материального идеальным и наоборот.

Идеалистическая психология не смогла разрешить метафизического противопоставления образа и объекта, выйти из всепоглощающего плена сознания.

Разграничение между существованием предмета и его восприятием, диалектика их связи могут быть раскрыты только с материалистической позиции. Исходным положением этой позиции является то, что воспринимаемый объект существует вне и независимо от сознания, объективно, а сознание представляет собой не что иное, как только отражение этой объективной действительности.

Идеалисты иногда говорят, что если считать объектом сознания внешний мир, то между сознанием и его содержанием трудно раскрыть действительную связь, ведь сознание и материя относятся к разным сферам действительности.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 231.

Научное раскрытие «общей сферы», а следовательно, и связи сознания и материи предполагает материалистическое решение вопроса о природе существования объективной действительности (объекта сознания) вне и независимо от воспринимающего субъекта.

Связь сознания с его объектами устанавливается в реальной жизни, в практике человека. Эта практика доказывает, что объекты, которые человек отражает, продолжают существовать и тогда, когда он их не воспринимает. Различие между тем, что существует, и тем, что воспринято, совершенно реально. Внешний мир существует вне и независимо от сознания, а сознание является отражением этого мира.

Существование внешнего мира непрерывно, восприятие его при определенных условиях может быть нарушено. Существование внешнего мира универсально, всеобщее, отражение его может быть разрозненным, несистематичным, неполным, в ряде случаев неадекватным и даже иллюзорным. Но, несмотря на все эти отклонения сознания от бытия, оно при всех обстоятельствах остается отражением внешнего мира.

Материальный мир является основанием, условием, причиной существования сознания.

Положение о причинной обусловленности явлений сознания занимает центральное место в комплексе вопросов, касающихся соотношения материи и сознания.

Идеалисты и вульгарные материалисты рассматривают причинность механистически, метафизически. В идеалистической психологии формальное понимание причинности, не учитывающее сложных связей, борьбы и взаимопереходов причины и следствия, берет причину и следствие лишь как внешне связанные категории, вне их развития. Для идеалистической трактовки проблемы причинности сознания характерно представление о том, что одно психическое явление служит причиной другого психического явления, одна эмоция вызывает другую эмоцию, одна мысль вызывает другую мысль. Психическое служит причиной психического. Взаимосвязь причины со следствием осуществляется в пределах психического.

Механистический взгляд на причинность сознания заключается в требовании точно указать однозначное соответствие каждого психического явления строго

определенному физическому воздействию. Если устанавливается факт, что именно это явление вызвало именно этот психический эффект, тогда будто бы доказывалось, что психика подчинена закону причинности, а если такого соответствия установить не удается, то отрицается сам принцип причинной обусловленности психических явлений. Каждому явлению духа должен предшествовать именно этот, а не иной физический факт. С точки зрения механистической причинности возникшее психическое явление завершается физическим явлением — соответствующим определенным физическим изменением в мышцах, связках, железах. Каждому действию тела должно соответствовать определенное субъективное состояние. Если это устанавливается, можно признать, что психофизическая причинность существует, если нет — психофизическая причинность отвергается.

В действительности такого однозначного соответствия физического воздействия и психического состояния часто констатировать не удастся. На факты несоответствия психики физическим воздействиям указывал еще И. М. Сеченов. Однако, несмотря на то что в ряде случаев нельзя найти адекватного однозначного соответствия психических явлений отдельным явлениям физического мира, диалектический материализм подчеркивает материальный источник происхождения психических явлений, их причинную обусловленность. Не существует отдельных, разрозненных физических явлений и соответствующих им разрозненных психических явлений. Преобразование энергии внешнего раздражителя в факт сознания осуществляется в формах, определяемых жизнедеятельностью организма как целого по законам деятельности его мозга. Сам мозг является органом, осуществляющим сложнейшие взаимоотношения организма с условиями существования. Своеобразие деятельности мозга определяет своеобразие процессов преобразования материального в идеальное.

Диалектико-материалистическое представление о соотношении материи и сознания исходит из признания взаимодействия между субъектом и объективной действительностью, взаимной связи сознания и внешнего мира. Будучи отражением объективной действительности, сознание человека, обусловленное обстоятельствами жиз-

ни общества, в свою очередь регулирует поведение, деятельность. Своей же деятельностью люди активно влияют на внешний мир, преобразуют природу, перестраивают общество. В этом влиянии сознания на бытие проявляется не только внутренняя активность субъекта, специфические закономерности его сознания, но вся история общества. Сознание не само по себе, взятое вне истории его развития, вне жизнедеятельности человека, вне бытия субъекта, выступает причиной действия и изменения этим действием бытия, а причиной выступает оно как сознание бытия, как идеально воспроизведенное, осознанное бытие, как форма саморазвития материи. Осознанное в голове бытие выступает причиной действия человека лишь потому, что оно само является отражением бытия, продуктом его развития. Практическая деятельность является проверкой и ступенью этого проникновения субъекта в объективную действительность, есть путь и средство взаимопроникновения субъекта и объекта, сознания и бытия.

Общефилософская проблема об отношении материи и сознания, проблема детерминации психических явлений конкретизируется как проблема соотношения объективного и субъективного. Поскольку в трактовке ее есть некоторая специфика по сравнению с тем, что рассматривалось выше, есть необходимость остановиться на этом вопросе специально.

Признание тождества субъективного и объективного, психического и материального означает идеалистическое решение сложной проблемы. За отрицанием различия субъективного и объективного скрывается отрицание различий между сознанием и внешним миром, скрывается сомнение или твердое убеждение в том, что вне познающего субъекта нет объективно существующей действительности. Объект представляется лишь как объект познания, не существующий вне познавательной деятельности субъекта. Субъект же выглядит как сам себя познающий дух, а познание сводится к самосознанию. Такова идеалистическая точка зрения на этот вопрос.

Признание реальности сознания, независимого от существования объективной действительности, отрицание познаваемости их соотношения представляет собой также идеализм.

Реальность сознания обуславливается реальностью объективной действительности. Главное для сознания заключается в том, что оно — отражение действительности. В этом его сущность. Попытки свести субъективное к физиологическому, разложить его на физиологические, или физико-химические компоненты, объяснить субъективное данными одной лишь физиологии приводит к метафизической теории тождества психического и физического.

С нашей точки зрения, понятие сознания как идеального отражения действительности вовсе не исчерпывается указанием на его субъективность.

Сознание является свойством высокоорганизованной материи. Вместе с тем оно является отражением объективной действительности. Определяя ощущение как превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания, В. И. Ленин подчеркивал, что ощущение есть субъективный образ объективного мира. В определении «объективный», относящемся к характеристике внешнего мира, который отражается в ощущении, подчеркивается, что содержание отражения реально, — объективен его источник. Субъективность психики определяется принадлежностью ее определенному человеку, субъекту. Всякие попытки сведения психического к субъективному, а физиологического к объективному приводят к неправильному представлению о сущности отражения.

Между тем в литературе еще нередко встречается приравнивание объективного к физиологическому, с одной стороны, а субъективного к психическому — с другой. При этом ссылаются на известную формулу И. П. Павлова о слитии или наложении психического на физиологическое. Понимание этой формулы как слития объективного и субъективного следует считать неточным, а потому и неправильным.

Проблема отношения субъективного и объективного — двуединая проблема. В ней решается, во-первых, вопрос об отношении образа к тому, отражением чего этот образ является, и, во-вторых, вопрос об отношении отражения как свойства к своему материальному носителю — определенным образом организованной материи. Перенос же центр тяжести только на внутримозговые закономерности, отвлекаясь от внешних раздражителей, как от причин сознания, некоторые авторы односторонне

решают проблему объективного и субъективного. Психическое не отражает идеально физиологического процесса, лежащего в основе этого процесса. Если взять условный рефлекс как явление физиологическое и вместе с тем психическое, то психическое не есть отражение физиологического того же условного рефлекса. Единство физиологического и психического в условном рефлексе возникает и реализуется во взаимоотношении нервной системы с объективным внешним миром. Вне анализа взаимодействия организма вообще и головного мозга в частности с внешним миром вопрос об отношении объективного и субъективного не может быть разрешен. Содержание явлений сознания, их сущность раскрывается только при учете постоянной связи, взаимодействия человека с внешним миром. Сознание само является одной из форм этой связи. Сознание является свойством, высшей деятельностью определенного конкретного индивида, находящегося в определенных взаимоотношениях со средой, представляющей собой для человека прежде всего систему тех или иных конкретно-исторических социальных отношений. Детерминация этой социальной средой жизнедеятельности человека является основой и определяющим моментом взаимоотношения объективного и субъективного в человеческой психике. Как направление развития телесной организации человека — общественного существа, так и содержание его сознания определяются общественными условиями его существования.

Раскрытие природы психических явлений, качественных особенностей отражения в зависимости от развития материального субстрата и объективных внешних условий доказало, что сознание возникает только с возникновением человеческого общества и является в связи с этим продуктом общественного развития. Оно «с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди»¹.

Вопросу об общественной обусловленности сознания и связанных с этим некоторых особенностях, о чем будет сказано ниже, в отражательной деятельности человека, диалектический материализм придает большое значение.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 29.

2. Общественная обусловленность возникновения сознания

Процесс возникновения и развития психики животных составляет предысторию человеческого отражения действительности. Если смена этапов развития психики животных, усовершенствование форм отражения было связано с усложнением условий существования, с изменением строения их нервной системы и органов чувств, то, естественно, и особенности отражения человеком внешнего мира связаны с особенностями условий существования человека, со своеобразием строения его организма вообще, головного мозга в частности.

Специфические особенности человеческого отражения обусловлены бытием человека и образом его жизни. Особенность бытия человека по сравнению с условиями существования животных состоит в его историческом, общественном характере. Особенностью образа жизни человека является трудовая деятельность.

Существенное отличие в отношениях организма животного со средой и отношениях человека к внешнему миру заключается в том, что человек не только приспосабливается к среде, но на основе познания объективных законов развития среды изменяет ее в соответствии со своими потребностями. Животное тоже своей деятельностью изменяет внешнюю природу и эти изменения в результате взаимодействия его организма и среды оказывают обратное воздействие на животных, но «это происходит без всякого намерения с их стороны и является по отношению к самим этим животным чем-то случайным»¹.

Несмотря на все многообразие связей организма животного со средой, несмотря на всю сложность его взаимоотношений, на «целесообразность» деятельности животного, оно «только *пользуется* внешней природой и производит в ней изменения просто в силу своего присутствия...», действия животных «не сумели наложить на природу печать их воли». Что касается человека, то он своими действиями, вносимыми им изменениями,

¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, Госполитиздат, 1955, стр. 139.

заставляет природу «служить своим целям, господствует над ней»¹.

Господство человека над природой обусловлено тем, что он, открывая объективные законы внешнего мира, «добывает такие средства к жизни (в широчайшем смысле слова), которых природа без него не произвела бы»².

Взаимодействие животных со средой осуществляется в ходе их инстинктивной деятельности. При этом инстинктивная деятельность рассматривается в широком смысле слова как деятельность, включающая безусловно-рефлекторные связи, цепь которых составляет инстинкты в собственном узком смысле слова, и условно-рефлекторные связи, возникающие в процессе индивидуального развития организма. Особенностью инстинктивной деятельности животных является ее приспособительный характер.

Появившийся новый вид деятельности человека — труд, коренным образом отличающийся от деятельности животных, является формой преобразующего взаимодействия человека с окружающей средой. «Труд, — писал Маркс, — есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти»³.

В труде, в способности людей изменять природу, создавать новое; то, что природой в готовом виде не дано, состоит самое существенное отличие между отношениями человека и животных к внешнему миру.

¹ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 140.

² Там же, стр. 249.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 23, стр. 188—189.

Это отличие настолько существенно, что оно, как учит Энгельс, делает невозможным перенесение законов жизни животных на человеческое общество.

Отличительными признаками труда по сравнению со всеми формами инстинктивной деятельности животных является изменение предметов природы посредством других предметов, роль которых выполняют орудия труда, изготовление орудий труда и общественный характер труда. Если животные и пользуются одними предметами для воздействия на другие предметы, то изготовление орудий труда недоступно даже высшим животным. Между тем «труд, — пишет Энгельс, — начинается с изготовления орудий»¹.

В труде изменяются не только взаимоотношения человека с природой, но и с другими людьми.

«В производстве, — пишет К. Маркс, — люди вступают в отношение не только к природе. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство»².

Возникновение человека знаменовалось его специфическим, трудовым взаимодействием с природой и с другими людьми, существенным изменением отражения внешнего мира, возникновением сознания — специфически человеческой формы отражения действительности.

Чем же сознание человека отличается от психики животных? Психика животных является отражением биологически значимых для них раздражителей. Отражение объективных свойств внешних воздействий животными органически слито с их жизнедеятельностью, с переживанием непосредственной значимости этого воздействия в приспособлении животного к определенным условиям существования.

Отражение объективных свойств предметов и явлений животными опосредствовано процессом удовлетворения их непосредственных потребностей. Переживание

¹ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 137.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 6, Госполитиздат, М., 1957, стр. 441.

значения внешних воздействий как сигналов биологически вредных или полезных раздражителей составляет основное ядро отражения животным внешнего мира. Поскольку сочетания биологически важных для животных внешних раздражителей с внешними воздействиями, приобретающими сигнальное значение, непрерывно меняются (одно и то же явление может в разное время иметь то положительное, то отрицательное значение в жизнедеятельности организма, или потерять всякое значение для него), животное не получает отражения объективно устойчивых свойств предметов и явлений внешнего мира. Элементарное психическое отражение объективной действительности слито у животных с переживанием сигнального значения воздействий этой действительности, опосредствовано этим переживанием, вне его оно не существует. Биологически незначимые для животных предметы и явления внешнего мира остаются вне поля их психического отражения. Психика животных является отражением только индивидуально значимых воздействий. Объективность содержания отражения в собственном смысле слова является характерной особенностью отражательной деятельности человека.

Объективное содержание отражения внешнего мира у животных расширяется за счет объектов, которые могут для животного приобрести сигнальное значение. Вне этого сигнального значения для организма, вне отражения, связанного с потребностями животного, объективного содержания для животного не существует.

В процессе трудовой деятельности человек имеет дело с предметами и явлениями внешнего мира, которые могут быть непосредственно не связанными с биологически для него значимыми воздействиями. Воздействуя одними предметами на другие, превращая предмет труда в продукт труда, человек отражает объективные, существующие вне его, свойства воздействующего предмета и предмета, подвергаемого воздействию, отражает объективные связи, существующие между предметами и явлениями внешнего мира, между этими явлениями и собой. Без отражения этих объективных свойств предметов никакая трудовая деятельность невозможна. Это обстоятельство обуславливается тем, что деятельность человека не всегда направлена на непосредственное удовлетво-

ние потребности. Особенно это отчетливо проявляется при изготовлении орудий труда и при разделении труда между участниками коллектива. При изготовлении орудия человек направляет свою деятельность на предметы, не могущие удовлетворить непосредственно его биологическую потребность. Изготовление орудий осуществляется во времени раньше, чем орудие может быть применено. Таким образом, удовлетворение потребностей отдалается от предметной деятельности человека. Процесс изготовления орудий не совпадает с актом удовлетворения потребностей. «Человек производит даже будучи свободен от физической потребности, и в истинном смысле слова только тогда и производит, когда он свободен от нее»¹.

Успешность деятельности человека по изготовлению орудий труда, трудовой деятельности, направленной на получение того, что природой не дано, предполагает знание человеком объективных свойств предметов и явлений, прежде всего орудия труда, предмета труда и самой деятельности. Знание объективных свойств предметов, необходимое для успешного осуществления трудовой деятельности, не ограничивается отражением поверхностных свойств предметов, оно включает отражение связей предметов. Объективность отражения человеком внешнего мира не только расширяется за счет включения все новых и новых свойств объективного мира, но и углубляется за счет отражения существенных связей, закономерностей возникновения и развития явлений действительности.

Для отражения действительности животным организмом характерен переход от одного явления к другому явлению. Человек, кроме явлений, отражает обнаруживающуюся в явлениях сущность. Способность отражать сущность явлений возникает в результате необходимости изготавливать орудия и в результате возникновения необходимости предвидеть результат деятельности, умственно проследить процесс деятельности, этапы соответствия изменений предмета труда целям труда. Одной из особенностей труда является как раз то, что эта деятельность является целесообразной, планомерной. «Про-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, Госполитиздат, М., 1956, стр. 566.

цесс труда... — писал К. Маркс, — есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей»¹. Характеризуя составные элементы труда, Маркс указывал, что процесс труда складывается из целесообразной деятельности (или самого труда), предмета труда и средств труда.

Животные не имеют цели действий, у них не возникает умственного плана выполнения как действия в целом, так и отдельных его операций. «Паук, — писал К. Маркс, — совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю»².

Лишь для человека характерно отражение объективной действительности в идеальной форме, в виде умственных образов.

Процесс преобразования материального в идеальное, о котором говорит Маркс, и есть со стороны его психологической характеристики процесс осознания действительности.

Для осознания человеком действительности необходимо не только выделение предметов и явлений из процесса непосредственного удовлетворения потребностей, но выделение и себя как деятеля, вносящего изменения в объективное соотношение предметов. «Животное непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью, — писал Маркс. — Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть *эта жизнедеятельность*. Человек же делает самое свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания. Его жизнедеятельность — сознательная»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 195.

² Там же, стр. 189.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 565.

Процессы выделения человеком предметов (в природе), своей деятельности и самого себя взаимосвязаны. Результаты этого процесса фиксировались в мозгу человека в виде определенной системы образов, понятий, категорий, которые являются ступеньками процесса осознания человеком внешней природы и самого себя.

«Перед человеком, — пишет В. И. Ленин, — *сеть* явлений природы. Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет, категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею»¹.

Выделение человеком себя из природы означает вместе с тем превращение организма, особи в субъект. Это превращение связано с оформлением отражения как идеальной, духовной формы существования бытия.

Нам представляется, что отождествление понятия субъективности и сознательности, которое является исходной позицией концепции А. Киселинчева², не является правильным. Утверждая наличие психики у животных, А. Киселинчев считает, что психика животных не имеет свойства субъективности. Такое представление не согласуется с марксистско-ленинским определением психики как субъективного отражения объективной действительности. Субъективность является свойством отражения как человека, так и животных. Далее мы попытаемся показать, чем обусловлена эта субъективность. Указывая на существование элементов субъективности в отражении действительности животными, мы полагаем, что это субъективное отражение существует не в форме умственных образов. Субъективность отражения внешнего мира животными не тождественна субъективности отражения действительности человеком. Субъективность у животного непосредственно сливается с объективным процессом их жизнедеятельности, она лишь переживается особью. Для человека отражение выделяется из процесса его жизнедеятельности, а субъективность, как момент отражения, не только переживается, но и осознается им.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 81.

² См. А. Киселинчев, Марксистско-ленинская теория отражения и учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности, ИЛ. М., 1956.

Человек осознает себя как деятеля и как обладателя определенными психическими свойствами, субъективными состояниями, как субъекта сознания: он осознает мысли, чувства, как принадлежащие ему самому. В человеке, отмечает Ф. Энгельс, природа приходит к осознанию самой себя¹.

Отражение человеком окружающего мира само становится предметом сознания. Мир для человека выступает двояко, с одной стороны, как внешний материальный мир и, с другой стороны, как внутренний идеальный мир, который является отражением внешнего мира.

Процесс осознания себя как существа, обладающего способностью идеально отражать внешний мир, является характерной особенностью специфически человеческого отражения действительности.

Идеальное отражение включает в себе отношение человека к внешнему и внутреннему миру. Только у человека появляется отношение к тому, что отражается и возникает отношение к своим знаниям. Объективные взаимоотношения животного с внешним миром не существуют для животного как отношения. Не выделяя своего отражения от процесса жизнедеятельности, оно никак не относится к своим знаниям, так же как оно никак не относится и к тому, отражением чего эти знания являются.

Эта мысль подчеркнута классиками марксизма-ленинизма. «Там, где существует какое-нибудь отношение, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — оно существует для меня; животное не *«относится»* ни к чему и вообще не *«относится»*; для животного его отношение к другим не существует как отношение»². Относясь к объективной действительности, человек соответствующим образом относится и к знаниям о ней: он соотносит свои знания с внешним миром, оценивает их. Таким образом, одним из признаков сознательного отражения человеком объективной действительности является отношение субъекта к внешним воздействиям, оценка человеком их значения.

Человеку, кроме отношений к природной среде, свойственно также отношение к общественным условиям своего существования. Будучи членом общества, человек

¹ См. Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 13.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 3, стр. 29.

так или иначе относится к другим людям, к труду, к принципам поведения. Отношение человека не является чем-то абстрактным, оно проявляется в его чувствах, желаниях и интересах.

3. Язык как материальная форма существования сознания

Специфическая особенность отражения человеком объективной действительности выражается и в специфическом способе объективации образов отражения. Единственным способом объективации образов отражения действительности у животных является их непосредственное утилитарное взаимодействие с внешним миром. У человека образы отражения объективируются в слове, в речи.

Возникновение и существование сознания, как специфически человеческой формы отражения действительности, неразрывно связано с возникновением языка. Язык является специфически человеческой формой закрепления и выявления результатов познавательной деятельности человека, формой существования сознания.

«Язык так же древен, как и сознание, — указывали классики марксизма-ленинизма, — язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми»¹.

Мысль классиков марксизма-ленинизма о возникновении сознания вместе с возникновением языка исключительно плодотворна. Возникновение как языка, так и сознания обусловлено появившейся в условиях общественной жизни человека потребностью, настоятельной нуждой людей в общении друг с другом. Как язык, так и неразрывно с ним связанное сознание, возникая в результате производственно-трудовых отношений между людьми, представляя собою общественное явление, имеют изначально общественное содержание и выполняют общественное назначение.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 29.

Положение диалектического материализма о неразрывной связи языка и сознания, как при их возникновении, так и при их дальнейшем развитии имеет прямое отношение не только к уяснению вопроса о психике животных и специфических особенностях сознания человека, но служит также руководством в решении проблемы соотношения психики и сознания, как форм отражательной деятельности головного мозга человека. Благодаря речи психические явления, как отражение объективной действительности, как функция мозга, становятся явлениями сознания.

Необходимым условием отделения предмета сознания от отношения к нему, оформления отношения как такового является словесное обозначение как объектов, отражаемых в сознании, так и отношений к ним субъекта. Одной из характерных особенностей сознания человека является обобщенное в процессе общественно-исторической практики людей отражение действительности. Отражение значения вещи, не переходящих, а существенных ее сторон и качеств, отвлечение от несущественных свойств возможно только с помощью языка. Обозначая в процессе общественно-трудовой деятельности предмет с помощью слова, человек выделяет этот предмет среди других предметов, обобщает объективно-общественно значимые признаки данного предмета или явления внешнего мира. В слове закрепляется общественно отраженная сущность явлений, смысл предметов объективной действительности. С помощью слова значения предметов, используемых ранее человеком в процессе его непосредственно практической деятельности, становятся достоянием его сознания, человек получает возможность и теоретически, идеально оперировать ими.

Неразрывная связь сознания и языка наиболее отчетливо проявляется в связи языка и мышления. Борясь против идеалистического понимания как мышления, так и речи, классики марксизма-ленинизма с особой силой подчеркивали неразрывную связь языка и мышления. Выполняя функцию общения, в результате которой люди обмениваются мыслями, язык является реальностью мысли. «Идеи не существуют оторванно от языка»¹.

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. IV, 1935, стр. 99.

Диалектико-материалистическое решение вопроса о соотношении мышления и речи коренным образом противоположно идеалистическим представлениям о существовании мысли независимо от языка. По мнению идеалистов, мысли могут возникать в голове человека в чистом виде до того, как они будут высказаны в речи. В действительности любая мысль человека возникает и существует лишь на базе языкового материала в виде отдельных слов или сочетаний слов в предложениях. Мыслей в чистом виде, не связанных с языком, не существует. «На «духе», — указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, — с самого начала лежит проклятие — быть «отягощенным» материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков — словом, в виде языка»¹.

К. Маркс называл язык основным элементом мышления, элементом, который выражает жизнь мысли. Язык является не только средством закрепления результатов мыслительной деятельности людей, но и необходимым условием возникновения мысли и процесса мышления. Без языковой основы невозможны ни существование мысли, ни передача ее одним человеком другому.

Ф. Энгельс подверг уничтожающей критике теоретизирование Дюринга относительно того, что абстракция и обобщение являются процессом чистого мышления, вышедшего из оков той материальной обусловленности, которой является язык. Иронизируя по поводу этого положения Дюринга, Ф. Энгельс писал, что если бы принять за истину положение Дюринга, то можно было бы подумать, что мышление животных является самым отвлеченным, а сами животные в силу этого представляют собой подлинных мыслителей, ибо их мышление никогда не обременено грубым вмешательством языка.

Являясь необходимым условием специфически человеческого отражения, средством его существования, материальной оболочкой мысли и будучи непосредственно связан с мышлением, язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов — в предложениях результаты мышления, успехи познавательной деятельности человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 29.

Марксистское положение о связи мышления и речи, которым руководствуется советская психологическая наука, касается лишь части проблемы специфических особенностей отражения человека. В связи с тем, что в учебниках психологии речь рассматривается исключительно в связи с мышлением, создается неправильное представление о том, что в существовании и происхождении других психических процессов (ощущение, восприятие, представление и т. д.) речь не принимает никакого участия. В действительности превращение любого психического факта в факт сознания связано с участием речи. Благодаря слову содержание отражения выступает для человека в объективированном виде. Человек в этих условиях не только получает впечатление от воздействующих на него предметов и явлений, но и приобретает возможность, словесно называя предметы и явления, осмысливать содержание своих впечатлений, открывать источник соответствующего психического явления. А это и означает, что человек в своих восприятиях, представлениях, мыслях сознательно отражает объективную действительность. Таким образом, хотя сознательное отражение, как и всякая другая форма отражения, возникает в мозгу на основе воздействия самих отражаемых предметов и явлений, однако это возможно лишь при том условии, если воздействующие явления так или иначе обозначаются во внешней или внутренней речи человека.

Таким образом, речь является формой существования сознательного отражения действительности и механизмом его возникновения. Положение Маркса о том, что язык является реальностью мысли, следует понимать в самом широком смысле: язык является реальностью всякого сознательного психического явления. Поэтому, если мы хотим правильно понять специфические особенности отражения человека, следует рассматривать не только связь речи с наиболее высокими формами отражения, к которым прежде всего относится мышление, но и связь речи с самыми элементарными из них (ощущение, восприятие и т. д.).

В сознании человека нельзя ничего понять, если его рассматривать как акт индивидуальной психической деятельности. Процесс осознания есть процесс раскрытия значения, смысла предметов и явлений, объективных связей их с другими предметами и явлениями. Это рас-

крытие достигается в длительном процессе развития познавательной деятельности человека и фиксируется оно в наиболее конденсированном виде в словах языка. Язык является одним из способов существования общественного сознания. Благодаря языку достижения познавательной деятельности человека становятся сокровищницей знаний человечества.

Через язык осуществляется осознание человеком внешнего мира: в процессе общения с людьми человек, кроме того, что он узнал непосредственно сам, узнает о мире и то, что узнали другие.

Являясь системой закрепления результатов общественного познания, язык сам становится мощной системой внешних воздействий. Конденсируя результаты познавательной деятельности многих поколений, язык детерминирует поведение человека так же, как детерминируют его непосредственные воздействия предметов и явлений внешнего мира.

Слова представляют собой не только соответствующий физический раздражитель в виде определенного звукового или графического комплекса; они являются материальной оболочкой мысли, которая представляет собой идеальное отражение объективного мира, накопленное людьми в ряде поколений.

Опыт человечества, усваиваемый через язык, имеет для человека более важное значение, чем опыт вида, выраженный во врожденной безусловно-рефлекторной деятельности организма. В связи с этим проблема обусловленности сознания человека внешними, общественными условиями существования является не только проблемой биогенетической, о которой говорят некоторые, но, главным образом, проблемой социологической.

Детерминация поведения человека посредством словесных раздражителей возможна потому, что слова заменяют непосредственные внешние воздействия, обозначая их. Только учитывая связь слова, обозначающего реальные предметы или явления внешнего мира, с самими этими предметами и явлениями, можно понять роль слова в осознании действительности.

Исключительная сила воздействия результатов познавательной деятельности человека обеспечивается тем, что отражение предметов и явлений в форме понятий обобщено; образ объективной действительности пред-

стает в понятии как бы очищенным от многочисленных деталей, несущественных признаков. Путем усвоения понятий, обозначенных словом и воздействующих на органы чувств человека, человек воспринимает наиболее важное, сущность явлений, закономерности их возникновения и развития. Идея, понятие, как обобщенное отражение действительности, получившее свое материальное выражение в слове, приобретает все свойства внешнего раздражителя, вызывающего при восприятии его человеком сложную умственную деятельность и активное поведение человека.

Воспринимая слова и фразы, обозначающие предметы и явления объективной действительности, связи между ними, человек получает адекватное знание о внешнем мире. Язык является опосредованным источником познавательной деятельности человека. Ввиду того, что язык отражает существенное в явлениях, закрепляя обобщенное знание, проверенное общественно-трудовой деятельностью, слова являются часто раздражителями, имеющими значительно большее значение в осознании человеком действительности, чем физические внешние воздействия.

Слово наряду со свойствами общими и для других внешних воздействий имеет и существенные особенности как специфический только для человека внешний раздражитель. Эти особенности слова как раздражителя по сравнению с другими внешними воздействиями во многом обуславливают особенности отражения человеком внешнего мира.

Слова выступают как физический раздражитель, который, действуя на слуховой, зрительный и кинестетический рецепторы, оживляет следы временных нервных связей в коре больших полушарий, составляющих основу образов разных предметов и явлений объективной действительности, воспринятых человеком ранее.

При восприятии слова в мозгу человека оживляется такое количество самых разнообразных временных нервных связей, приобретенных человеком в его прежнем опыте, которое не возникает у человека и животных при восприятии непосредственно воздействующих на органы чувств предметов и явлений объективной действительности. Слово как раздражитель отличается от других внешних воздействий и тем, что в нем заключен не только

индивидуальный опыт, но и успехи познавательной работы всего человечества. Слова в отличие от других внешних воздействий представляют собой прежде всего общественное явление, которое включает в себе обобщенные результаты познания тех объектов, которые обозначаются ими. Обобщающий характер отражения действительности является характерной особенностью человеческого мышления.

Обобщающая функция слова развивается как в процессе исторического, так и в процессе индивидуального развития человека. Постепенно, по мере развития человека увеличивается для него объем содержания, заключенный в слове. В связи с этим и воздействие слова на высший отдел центральной нервной системы человека по своей силе и значению не остается неизменным. Это изменение обуславливается индивидуальным опытом человека.

Таким образом, отражательная деятельность человека осуществляется как бы в двух направлениях: 1) восприятие и обобщение данных непосредственного опыта, 2) усвоение обобщенного опыта человечества.

Поступившие от непосредственных внешних воздействий конкретно чувственные впечатления так же как и словесные обозначения этих впечатлений постоянно взаимодействуют между собою. Обозначение непосредственных впечатлений определенными словесными комплексами является способом усвоения общественного опыта и закрепления индивидуального опыта.

Существенным обстоятельством является то, что каждым словесным комплексом связывается в одну группу несколько непосредственных впечатлений от сходных в каких-нибудь отношениях внешних раздражителей. Поэтому, благодаря восприятию словесных внешних воздействий, человек получает возможность отражать большее количество внешних впечатлений, чем через непосредственное восприятие самих предметов и явлений внешнего мира. Только благодаря закреплению речевых обозначений возникает возможность все большего и большего отвлечения от действительности, все более и более глубокого обобщения непосредственных чувственных данных по их существенным признакам и использование результатов познания в практической деятельности человека.

4. Взаимоотношение индивидуального и общественного сознания

Сознание, будучи процессом общественным по своей природе, является вместе с тем сознанием и отдельного человека.

Отражение природы и общества в голове человека существует в формах индивидуального сознания или в различных формах общественного сознания.

Индивидуальное сознание человека охватывает процессы осознания действительности определенным человеком и сознательные действия человека в то или иное время.

Общественное сознание — это понимание действительности определенным обществом или классом и особенности сознательной деятельности общества в целом или отдельных общественных групп.

Отражение общественного бытия общественным сознанием осуществляется в форме идеологии и общественной психологии.

Понятие «общественное сознание», таким образом, включает в себе политические, правовые, нравственные, религиозные, художественные, философские и иные общественные взгляды, научные теории (включая и естественные), а также психологию различных общественных классов, национальные особенности психического склада различных наций и народностей. Общественная психология существует в форме преобладающих настроений, чувств, мыслей и т. д. того или иного класса, той или иной группы людей. Национальные особенности психического склада проявляются в обычаях, нравах, привычках, складе характера людей.

Индивидуальные и общественные формы сознания являются предметом изучения разных наук. Индивидуальное сознание изучает психология, общественное сознание является предметом общественно-исторических наук. В связи с этим проблема соотношения индивидуального и общественного сознания часто обсуждается как проблема отношения социологии и психологии.

Психологический анализ сознания заключается в изучении процессов возникновения сознания, изменения форм его проявления, происхождения из практики и

реализации в практической деятельности. Психология рассматривает сознание в конкретной ситуации, в процессе его развития, изменения различных сторон, в единстве знания, переживания и деятельности.

Социология, изучая идеологию как отражение определенных общественных отношений, отвлекается от процесса переживания, как такового, а рассматривает ее как ту или иную форму общественной мысли, взятую главным образом со стороны ее содержания.

Психология охватывает весь процесс отражения человеком внешнего мира и отношение к нему, включая и такие психические явления, которые выражают сугубо личные интересы отдельного человека. Идеология, являясь совокупностью идей об обществе всего общества или определенного класса, рассматривает интересы не отдельного человека, а всего общества или определенного общественного класса.

Психология как наука рассматривает сознание как процесс в человеческом мозгу, который детерминируется общественной жизнью людей. Социология рассматривает содержание сознания как отражение общественного бытия, определяющего физиономию общества. Социология имеет дело не с сознанием как естественным мозговым процессом и его специфическими закономерностями, а с идеальной формой отражения, осознанием общественного бытия, общественных отношений людей.

Это различие необходимо проводить для того, чтобы избежать социологизирования предмета психологической науки, с одной стороны, и психологизирования социологии, с другой, чтобы избежать применения психологического метода при рассмотрении форм общественного сознания. Особенно распространенными в буржуазной науке в настоящее время являются тенденции последнего рода. Одну из попыток объяснения социальных явлений, исходя из психики человека, представляет фрейдизм. Общим для фрейдистов разных ориентаций является стремление объяснить социальные конфликты, исходя из переживаний индивида, из столкновения его сознания с бессознательными, вытесненными, или подавленными инстинктами. Все общественные институты (государственные учреждения, семья и другие), все общественное развитие с его плавным ходом и конфликтами (войнами, революциями и т. д.) являются, по мнению

психоаналитиков, результатом сложного взаимодействия влечений и выросших на их основе чувств.

В трудах Фрейда встречаются, правда, положения о влиянии общественной среды, цивилизации, на формирование психики человека. Но при этом сама общественная среда, цивилизация рассматривается как продукт столкновения психических процессов, главными из которых являются инстинкт жизни и смерти. Поскольку основным содержанием психической деятельности, согласно психоаналитической концепции, является непрерывная борьба влечений человека, его инстинктов, а инстинкты — это врожденные, в конечном итоге биологически детерминированные деятельности, то социологические явления оказываются не только психологизированными, но и биологизированными. В теориях представителей так называемого культурного психоанализа (Фромм, Хорни и др.) решение проблемы детерминации психического, его соотношения с социальным остается по существу в рамках старого, классического фрейдизма. Основная мысль представителей «культурной школы» психоанализа по данному вопросу сводится к подчеркиванию значения культуры в возникновении и развитии нормального и патологического состояния психических процессов. Но происхождение самой культуры, ее содержание психологизируется, а социальное представляет собой своеобразное инобытие того же психического.

Попытка психологического объяснения социальных явлений характерна для психологических направлений в социологии. Философская сущность этих направлений заключается в субъективно-идеалистическом толковании общественной жизни.

Исходная позиция субъективно-идеалистических социологических концепций заключается в утверждении тождества социального и психического, на основе того, что общественная жизнь есть жизнь индивидов, наделенных сознанием. Такая точка зрения представлена у Богданова, взгляды которого получили основательную отповедь В. И. Ленина. По мнению Богданова, «в своей борьбе за существование люди не могут объединяться иначе, как при помощи *сознания*: без сознания нет общения. Поэтому *социальная жизнь во всех своих проявлениях есть сознательно-психическая*... Социальность нераздельна с сознательностью. *Общественное бытие и*

общественное сознание, в точном смысле этих слов, тождественны»¹.

Богданов социальность сводит к психической жизни общества. В. И. Ленин показал, что из факта общения сознательных существ не следует вывода об отождествлении общественного бытия и общественного сознания. Социальность не совпадает с сознательностью. Социальность или, иными словами, общественная жизнь включает общественное бытие и общественное сознание. Не будучи тождественным общественному сознанию, общественное бытие является основой, базой общественному сознанию. Общественное сознание является отражением общественного бытия. Общественное бытие является определяющим, общественное сознание определяемым. Даже в тех случаях, когда теоретики предвидят характер будущего развития и создают идеи, которые становятся руководством к действию для людей, они опираются на действительно существующие факты, учитывают имеющие место в обществе тенденции, раскрывают объективные законы общественного развития.

Субъективно-идеалистическая позиция в социологии современных психосоциологов выявляется в стремлении заменить социологию психологией, отождествить их. Объявляя психологию наукой об основных движущих причинах общественной жизни, психосоциологи считают, что психология является одной из важнейших общественных наук, на базе которой строятся все остальные социальные науки (философия, право, этика, история и т. д.). Признание психологии основой прогресса, изменений государственного строя, классовых и национальных отношений, борьбы политических партий означает идеалистическое понимание закономерностей общественного развития. В связи с интересующим нас вопросом об отношении индивидуального и общественного сознания важно отметить, что для психосоциологических и микросоциологических концепций характерна замена понятия общественного сознания понятием социальной психологии и отождествление последней с индивидуальной психологией.

Отождествление социологии с психологией осуществляется путем сопоставления понятий социологии и

¹ Цит. по книге: В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 308.

социальной психологии. Эти понятия будто бы идентичны. Социальная же психология якобы является частью учения о психологии индивидуума. Психология индивида в концепциях психосоциологов объявляется источником, движущей силой общественной жизни. «Так как, — пишет Аш, — единственные действующие лица в обществе — индивиды, то все явления групповой жизни, все учреждения, верования и обычаи... обусловлены принципами индивидуальной психологии... Экономические институты есть выражение стремления индивидуумов к обладанию, семейные институты есть следствие стремления индивидуумов к удовлетворению половых потребностей, а политические институты есть проявление стремления индивидуумов к власти»¹.

В социометрических изысканиях ряда современных социологов делается попытка дать количественную характеристику психических процессов, определяющих общественную жизнь. Существо дела остается и здесь субъективно-идеалистическим.

Как сведение социологии к психологии, вытекающее из отождествления общественного и индивидуального сознания, так и социологизация психологии, являющаяся результатом отождествления индивидуального сознания с сознанием общественным, свидетельствуют о метафизическом подходе к проблеме соотношения социологии и психологии.

Исходное положение концепций, в которых социологизируется психология, заключается в том, что человек является существом общественным. Это положение само по себе правильно. Но направление мыслей, которое принимают психосоциологи, является ненаучным. Общественно-историческая обусловленность возникновения и развития сознания не означает сведения психического к голой социальности. Одинаково неправомерно как представление будто социальное не включает в себе ничего, кроме психического, так и представление о том, что положение об общественной сущности психики человека превращает психологию в науку лишь об общественном содержании отражения.

При обсуждении проблемы взаимоотношения индивидуального и общественного сознания часто возникает

¹ S. Asch, *Social Psychology*, New York, 1952, p. 242.

вопрос о том, что чему предшествует — индивидуальное сознание общественному или наоборот. Подобная постановка вопроса сама по себе толкает на ограниченный и неправильный ответ о причинной зависимости социологии и психологии.

Причина как общественного, так и индивидуального сознания лежит вне их. Будучи обусловлены общественным бытием, индивидуальное и общественное сознание связаны между собой не по типу, что чему предшествует, а по типу общего и особенного.

Общественная обусловленность содержания сознания не означает того, как это пытались представить сторонники социологизации психологии, что человек представляет собой некую бестелесную абсолютно бесплотную социальность. «Люди, — писал К. Маркс, — имеют историю потому, что они должны *производить* свою жизнь, и притом *определенным* образом. Это обусловлено их физической организацией, так же как и их сознание»¹. Указание классиков марксизма на обусловленность сознания не только обстоятельствами общественной жизни, но и физической организацией человека дает ключ к разграничению компетенций наук, занимающихся общественным и индивидуальным сознанием — социологии и психологии.

Используя данные общественных наук (истории, политической экономии, языкознания, этики, эстетики), опираясь на общие законы общественного развития, открытые историческим материализмом, психология, призванная выяснять законы возникновения и развития психики человека, должна исходить из установленного факта связи психической деятельности с соответствующей нервно-мозговой организацией человека. Сознание как предмет психологической науки представляет собой отражение как функцию мозга. Сознание как предмет исторического материализма является отражением общественного бытия. Отношение сознания к деятельности мозга, его личностный характер интересуют психологию, но не социологию.

Центральной проблемой психологии является личность; личность рассматривается и социологией, но с иной позиции. Для психологии личность — это конкрет-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 29.

ный индивид, ощущающий, воспринимающий объективную действительность, имеющий определенные потребности и склонности, направляющий свою деятельность к достижению поставленной цели. Достижение этой цели является реализацией волевого усилия человека и т. д. Для социологии личность выступает прежде всего как элемент производительных сил общества, как представитель определенной социальной группы (класс), нации, народа.

Закономерности общественной жизни являются объективными. Надстроечные общественные явления, к которым относятся и все формы общественного сознания, определяются условиями материальной жизни общества, диалектикой производительных сил и производственных отношений. В системе этих отношений сознание человека рассматривается вне зависимости от деятельности нервной системы. Для общественных наук человек является исключительно совокупностью общественных отношений и в связи с этим исторический материализм занимается лишь изучением общественных закономерностей. Сознание интересует исторический материализм как общественное явление, как отражение общественного бытия.

Указывая на различие предмета исторического материализма и предмета психологии в изучении сознания, следует иметь в виду, что индивидуальное и общественное сознание не оторваны друг от друга, что они существуют и развиваются вместе. Наряду с различием между ними существует единство, связь. Однако связи и отношения между индивидуальным и общественным сознанием являются более сложными, чем это изображают те, кто считает, что общественное сознание вырастает из индивидуального сознания, идеология как бы вытекает из психологии.

Общественное и индивидуальное сознание находятся в постоянной взаимной, исторически изменяющейся зависимости. Чтобы понять связь между ними, необходимо увидеть то общее, что они имеют между собой.

Общим для индивидуального и общественного сознания является то, что как первое, так и второе является *отражением* действительности. «Точно так же, — писал В. И. Ленин, — как познание человека отражает независимо от него существующую природу, т. е. развивающуюся материю, так *общественное познание* человека

(т. е. разные взгляды и учения философские, религиозные, политические и т. п.) отражает *экономический строй общества*¹. Ту же мысль высказывал В. И. Ленин, когда подчеркивал, что общее положение диалектического материализма о том, что сознание вообще отражает бытие, конкретизируется в положении исторического материализма, что общественное сознание отражает общественное бытие.

Общественное бытие отражается в сознании отдельной личности непосредственно в личной деятельности и опосредовано через усвоение накопленного человеческого мыслительного материала и общественных идей.

Индивидуальное сознание и общественное сознание имеют один источник, одну причинную обусловленность: общественное бытие определяет и индивидуальное сознание и общественное сознание.

Общей основой индивидуального и общественного сознания является сознательная производственная деятельность и возникающие в процессе этой деятельности отношения. И общественное, и индивидуальное сознания формируются в этой деятельности.

Единство индивидуального и общественного сознания обусловлено тем, что человек сам является общественным существом.

«Индивид, — говорил Маркс, — *есть общественное существо*. Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме *коллективного*, совершаемого совместно с другими, проявления жизни, — является проявлением и утверждением *общественной жизни*»².

В связи с общественным существованием человека круг предметов, детерминирующих его сознание, расширяется за счет факторов общественного бытия человека.

Среди этих факторов первое место занимает общественное производство. Не менее важным является влияние общественных идей, которые отражаются в сознании отдельного человека. Подчеркивая влияние идей на сознание отдельного человека, философия марксизма впервые в истории науки правильно ответила на вопрос о том, откуда возникают сами эти общественные идеи.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 5.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 590.

В противоположность всем идеалистическим теориям происхождения общественных учреждений и идей исторический материализм подчеркивает положение о первичности общественного бытия и вторичности общественного сознания, считая сознание продуктом развития материального бытия, его отражением. Маркс говорит: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»¹.

Ход развития общественных идей, отражающих общественное бытие людей, осуществляется независимо от сознания и воли отдельного человека, он принимает характер объективной закономерности, он как бы навязывается людям с принудительной силой и принимает характер такой же детерминирующей силы, какой обладают законы природы.

«Вступая в общение, люди, — говорит В. И. Ленин, — во всех сколько-нибудь сложных общественных формациях — и особенно в капиталистической общественной формации — *не создают* того, какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются и т. д.»²

В противоположность производственным отношениям людей, устанавливающимся и существующим вне и независимо от человека, формы отражения этих отношений конечно связаны с волей и сознательной деятельностью человека. Независимые от сознания и воли объективные законы получают свое отражение в сознании человека.

В. И. Ленин указывал, что материальные общественные отношения складываются, не проходя через сознание людей, а идеологические общественные отношения, прежде чем сложиться, проходят через сознание людей.

Подчеркивая объективный характер развития общественного сознания, классики марксизма-ленинизма обращали внимание на то, что в истории действуют люди, имеющие цели и намерения. Разные люди имеют разные цели, разные намерения возникают в одно и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, Госполитиздат, М., 1959, стр. 7.

² В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 309.

то же время, а в разное время могут возникнуть одинаковые намерения. Поэтому для понимания действительного хода развития общественного сознания необходимо учитывать цели, намерения и интересы людей, действующих в обществе.

Подчеркивая общность в содержании, единство в истоке индивидуального и общественного сознания, классики марксизма-ленинизма указывали на необходимость учитывать особенности психических процессов, индивидуальные черты сознания человека. «Именно потому, — писали Маркс и Энгельс, — что мышление, например, есть мышление данного определенного индивида, оно остается его мышлением, определяемым его индивидуальностью и теми отношениями, в рамках которых он живет...»¹

Вопрос о взаимодействии общественного и индивидуального сознания имеет две плоскости. Во-первых, какое значение имеет возникновение и развитие индивидуального сознания в процессе формирования общественного сознания и, во-вторых, какую роль общественное сознание играет в возникновении и развитии индивидуального сознания.

С точки зрения диалектического материализма, общественное сознание исторически возникает вместе с формированием индивидуального сознания — этой новой высшей формы психического отражения действительности отдельных людей, членов общества. Общественное сознание не приходит к человечеству откуда-то со стороны. Оно является продуктом деятельности людей. Вместе с тем общественное сознание не имеет никакого отдельного от людей существования, оно существует в умах конкретно-исторических индивидуумов.

Все, что составляет содержание общественного сознания, возникает и существует в составе индивидуального сознания. Энгельс определяет идеальное как отражение объективных общественных отношений между людьми, которые в их голове превращаются в идеальные стремления.

Все идеи, которые возникают у людей, и все учреждения, которые устанавливаются людьми в соответствии с их взглядами, формируются и устанавливаются ими на

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 253.

основе определенной экономической структуры общества, на основе их классовых интересов. Сами же идеи, взгляды возникают как идеи, взгляды определенных людей и все учреждения устраиваются конкретно действующими личностями.

«Люди, — писали Маркс и Энгельс, — являются производителями своих представлений, идей и т. д., — но речь идет о действительных, действующих людях, обусловленных определенным развитием их производительных сил и — соответствующим этому развитию — общением, вплоть до его отдаленнейших форм»¹.

Осознание бытия осуществляется в присущих человеку формах. Эти формы, являясь копией, снимком объективной действительности, вместе с тем представляют собой субъективные образы этой действительности. В процессе индивидуальной познавательной деятельности человека отражение действительности может быть более или менее связанным со специфически личностными особенностями, может сильно зависеть от его психофизиологической организации. В связи с этим индивидуальное сознание как бы отходит от действительности, оно в известном отношении отстоит от действительности дальше, чем общественное сознание, отражая ее в менее существенных, более изменчивых чертах. Конечно, среди форм общественного сознания существуют и такие, как, например, религия, которые, являясь иллюзорным отражением, не заключают в себе знания существенных связей и отношений объективной действительности.

В процессе исторического развития сознания, в ряде сменяющихся индивидуальных сознаний возникают более объективные в своем содержании, отвлеченные от односторонности, случайности категории, отражающие сущность и законы объективных вещей и явлений. Понятия являются уже не только и не столько продуктом познавательной деятельности отдельного индивида, они выработаны в процессе познавательной деятельности многих поколений.

Верное и полное отражение объективных вещей и явлений может быть достигнуто только в практике, в процессе которой человек познает действительность, все стороны и свойства вещей, взятых в их движении, развитии.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 24—25.

А практика человека носит общественно-исторический характер. Таким образом, в процессе познавательной деятельности человек в ходе практики уже выходит за рамки своей индивидуальности: индивидуальное сознание становится источником, начальной ступенью общественного сознания.

Результаты познавательной деятельности отдельных людей включаются в общую систему развивающегося познания человечества. Эта общая система для каждого человека выступает как некоторая отчужденная от человека вообще реальность. В общественном сознании все индивидуальные особенности познавательной деятельности стираются, познание индивидуумов превращается в исторический процесс познания человечества.

Процесс передачи элементов индивидуального сознания в сокровищницу знаний, в достояние всех — общественное сознание — обусловлено объективностью отражения, степенью приближения человека в своем познании к объективной истине.

Однако истинности отражения объективной действительности в идеях, мыслях человека далеко не достаточно, чтобы эти идеи в виде вещественных продуктов труда или искусства, в виде закрепленных в языке взглядов и теорий стали достоянием других людей, стали элементами общественного сознания. Для осуществления процесса передачи результатов индивидуального сознания в сокровищницу общественного сознания необходимы определенные общественно-исторические условия. Если этих условий нет, то научные открытия, изобретения, результаты практической деятельности отдельных людей, хотя они могут быть и передовыми сами по себе, и открывают новое в общественной жизни или природе, могут не приобрести общественного значения, не получить признания, и останутся или совсем неизвестными человечеству или станут известными спустя определенный период времени, когда появляются соответствующие общественно-исторические условия. Таким образом, материальные условия жизни общества служат не только источником возникновения идей, теорий, открытий, не только определяют степень их общественной значимости, но определяют также и характер их распространения, и срок их существования. Примером тому служат многочисленные научные открытия, не нашедшие в свое время

применения и признания и использованные при созревании соответствующих условий.

При наличии соответствующих общественно-исторических условий отражение отдельным человеком объективной действительности в виде определенных идей, взглядов, теорий как бы вливается в общий поток познавательной деятельности человечества. Достигнутые отдельным человеком результаты познания становятся достоянием других людей. Благодаря общественной жизни, разным формам преемственной связи поколений, мысли и действия отдельного человека могут пережить его самого, приобрести черты известного бессмертия. Со смертью человека прекращается существование его индивидуального сознания. Однако достижения индивидуального сознания в форме устных преданий, произведений литературы и искусства, научных открытий и изобретений техники могут продолжать жить, становясь достоянием народа и человечества. «История есть не что иное, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой — видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности»¹.

Аналогично наследованию от предыдущих поколений производительных сил общества результаты познавательной деятельности становятся также достоянием последующих поколений.

Объективированные результаты индивидуального сознания входят в состав общественного сознания, чувств, взглядов. Но общественное сознание является не только хранилищем данных индивидуального сознания. Общественное сознание влияет на выработку идей. Это влияние проявляется прежде всего во влиянии традиции. Вырабатывая те или иные взгляды, идеологию, авторы этих взглядов прежде всего отражают, конечно, положение своего класса в системе общественного производства и общественных отношений, но вместе с тем они через

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 44—45.

воспитание в определенных коллективах усваивают идеи, знания, накопленные их предшественниками. Классовые интересы идеологов, их положение в обществе определенным образом влияют на выбор материала прошлого, на характер его усвоения. Влияние прошлого на развитие индивидуального сознания может быть положительным или отрицательным. Но и в том и в другом случае традиция составляет как бы фон, на котором выступают рельефы идейных течений, направлений, взгляды отдельных мыслителей.

В силу того, что развитие сознания осуществляется под влиянием прошлого и каждая форма общественного сознания имеет специфические законы своего развития, формам общественного сознания присуща относительная самостоятельность. Известной относительной самостоятельностью обладают наука, философия, религия и другие формы общественного сознания.

«Раз возникнув, — писал Ф. Энгельс, — всякая идеология развивается в связи со всей совокупностью существующих представлений, подвергая их дальнейшей переработке. Иначе она не была бы идеологией, т. е. не имела бы дела с мыслями как с самостоятельными сущностями, которые обладают независимым развитием и подчиняются только своим собственным законам»¹.

Относительная самостоятельность форм общественного сознания предполагает, разумеется, связь сознания с источником, породившим его, кроме того, она лежит в основе взаимодействия разных форм общественного сознания между собой. Связь между разными формами общественного сознания очень сложна и многообразна, но без учета этого многообразия и этой сложности невозможно понять как диалектику развития этих форм, самих по себе, так и связей общественного сознания с индивидуальным сознанием.

Взаимосвязь индивидуального и общественного сознания нельзя понять вне процесса общения людей, обмена опытом и результатами познания. Этот обмен осуществляется в первую очередь непосредственно в производстве. Само же производство как деятельность коллектива людей невозможно без речевого общения. Речевое

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 378.

общение, передача в речи чего-либо, происходит путем обозначения в виде звуков, понятных для всех членов коллектива, выражающих одно и то же. Речевое общение осуществляется при помощи языка, общего для всех членов общества. Именно язык, являясь средством, орудием общения людей между собой, и составляет необходимое условие взаимодействия индивидуального и общественного сознания. Посредством языка отдельный человек овладевает общественным сознанием; посредством же языка продукты индивидуального сознания превращаются в достояние общественного сознания народа. В языке отлагаются знания так, как они складываются в истории развития науки, искусства, нравственности, в системе научных понятий, художественных образов. Именно язык, прежде всего являясь действительностью индивидуального сознания, представляет собой действительность общественного сознания. Будучи реальностью общественного сознания, он становится реальностью сознания и индивидуального.

Само возникновение общественного сознания невозможно без существования языка, как существование индивидуального сознания невозможно без существования речи. Связь индивидуального и общественного сознания в данном случае представляется как связь речи и языка. Язык общества служит одним из источников индивидуального сознания, тогда как речь — способом усвоения этого знания, способом обмена знаниями людей друг с другом. В речи человек обобщает свой опыт и передает его другим поколениям.

В. И. Ленин указывал на роль языка как средства выражения общего, сущности и закона в явлениях, т. е. как необходимого орудия абстрагирующей работы человеческого познания. Эта особенность языка закреплять в обобщенном виде результаты познавательной деятельности многих поколений определила его роль как фактора и условия существования и развития общественного сознания, его возникновения из сознания индивидуального и его влияния на индивидуальное сознание.

Через язык, благодаря его органической связи с речью, общественное сознание влияет на развитие индивидуального сознания. Включаясь в жизнь, индивидуум усваивает исторически сложившиеся результаты познания человечества. Подчеркивая зависимость позна-

ния индивида от опыта рода, Энгельс писал, что «теперь уже не считается необходимым, чтобы каждый отдельный индивид лично испытал все на своем опыте; его индивидуальный опыт может быть до известной степени заменен результатами опыта ряда его предков»¹. Практически Робинзонов не существовало и не существует. Родившись, человек сразу попадает в среду, в которой люди занимают преобладающее место. Общение с ними постепенно вводит ребенка, по мере овладения им речью, в курс общественного сознания. Ребенок усваивает правила морали, элементы миропонимания, свойственные обществу, в котором он живет. Усвоение всех основных форм общественного сознания, господствующего в данном обществе, приобретает систематический характер в период школьного обучения, оно резко расширяется тогда, когда человек начинает трудиться и более осмысленно воспринимать увиденное, прочитанное. Это впитывание общественного сознания осуществляется в течение всей жизни человека.

Индивидуальное сознание человека содержит не только усвоенное им содержание общественного сознания, но и результат личного опыта и творчества. Сочетание личного и общественного в индивидуальном сознании отдельного человека очень сложно. Если даже индивидуальный опыт человека незначителен, а творческие моменты его отношения к действительности отсутствуют совсем, то и в этом случае общественное сознание усваивается человеком не механически. Разные люди усваивают неодинаковое по объему содержание общественного сознания, усвоенное может приобрести разный смысл в жизни отдельных людей, вызвать разные чувства, различные побуждения. Индивидуально психологические особенности усвоения содержания общественного сознания определяются часто не самим по себе этим содержанием, его объективным общественным значением, а обстоятельствами жизни данного человека, индивидуальными особенностями его деятельности. Эти особенности обуславливают процесс индивидуализации общественного сознания, процесс превращения достояния общественного сознания в достояние *его, данного индивида*, сознания. Эти особенности определяются воспита-

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 350.

нием, образованием, накопленным индивидуальным опытом, местом человека в системе общественных отношений.

Индивидуальные особенности жизни и деятельности человека определяют его отношение к разным идеям, теориям, обеспечивают успешность или неуспешность их усвоения, действительность усвоенных положений, взглядов, теорий. Таким образом, отношение индивидуального сознания к сознанию общественному характеризуется известной избирательностью.

Усвоение общественного сознания человеком осуществляется не пассивно, в созерцательном отношении к обществу и его идейным богатствам. Решающую роль в усвоении общественного сознания играет общественная практика и как часть ее индивидуальная деятельность человека.

Содержание индивидуального сознания, внутренний мир человека, особенности его возникают лишь в деятельности человека. Воздействуя непосредственно на предмет своей деятельности, человек познает объективные свойства предметов материального мира, а в процессе познания и изменения внешнего мира человек познает и изменяет себя, он так или иначе формирует свое индивидуальное сознание.

В практике же, как она осуществляется в действительности, как общественной деятельности, а не деятельности единичной личности, и возникают конкретные общественные отношения, а через них обмен опытом, накопленными знаниями: индивид как бы сливается с обществом, его индивидуальное сознание оформляется на основе общественного сознания.

В системе общественного сознания, как совокупности религиозных, философских, нравственных, правовых, политических идей, особое место занимают идеи общественного развития. Именно эти идеи больше всего либо ускоряют это развитие, либо тормозят его.

В связи с этим возникает задача выработки идей, правильно отражающих назревшие задачи общества, разработки теории и наиболее рационального обогащения индивидуального сознания содержанием этой общественной теории.

Передовые идеи и теории, как известно, вырабатываются отдельными идеологами и затем вносятся в созна-

ние людей, непосредственных участников общественного прогресса. Значение этих теорий оценивается тем, насколько правильно они отразили объективный ход событий, а сила их определяется степенью овладения умами миллионов масс. Без этого процесса передовые силы общества не могут одержать победу над стареющими, отживающими силами. Интересы передового класса делают необходимым, таким образом, выработку идеологии, соответствующей вновь возникающим задачам, и выработку способов привнесения ее в массы, методов превращения общественного сознания в сознание индивидуальное.

Индивидуальное сознание не может быть несвязанным с сознанием общественным, оно непременно оказывается под влиянием определенной идеологии. Если эта идеология не будет идеологией передового класса, то ум и чувства людей будут определяться идеологией реакционной, освещающей и оправдывающей интересы устаревших, уходящих со сцены общественных сил.

Кроме общественных идей, взглядов, теорий, правильно отражающих назревшие интересы общества, существуют старые, реакционные идеи, взгляды и теории, которые, выражая интересы отживающих сил общества, тормозят, задерживают ход общественного развития, играют реакционную роль в истории, в формировании индивидуального сознания. Общественное сознание — это не только истинное отражение. Известно, что религия, являясь формой общественного сознания, представляет собой ложное, искаженное представление о мире. Это одно из наиболее распространенных заблуждений людей.

Принятие на веру, без рассуждения заведомо противоречащих истине положений обуславливается не только факторами экономического порядка, но и большой силой традиции.

В связи с необходимостью гармонически сочетать индивидуальное и общественное сознание задача заключается не только в выработке передовой теории и привнесении ее в сознание широких масс, но и в вытеснении старой идеологии из сознания людей, в уничтожении пережитков старого в сознании.

В процессе исторического развития общественно-экономических формаций меняются не только содержание

общественного сознания, но и способы его выработки и методы привнесения в сознание индивидов. Так, в условиях строительства коммунистического общества, в период перехода от социализма к коммунизму процесс выработки коммунистического сознания существенно отличается от процесса выработки социалистического сознания в условиях капиталистического общества. Особенности этого процесса в социалистическом обществе заключаются прежде всего в том, что в выработке коммунистического сознания принимают участие миллионы простых людей, тружеников. Это создание коммунистической идеологии совершается в процессе коллективной деятельности людей, их постоянного сотрудничества, взаимной помощи. Для выработки коммунистического сознания в условиях построения коммунистического общества характерны исключительная инициатива всех слоев населения, проявляющаяся в соревновании, в энергичной борьбе со старым, с пережитками капитализма в сознании людей. Всенародные обсуждения важнейших мероприятий, планов, творческие дискуссии, научные конференции свидетельствуют о массовом участии широких слоев населения в выработке коммунистического сознания. Сближение физического труда с трудом умственным является показателем приобщения трудящихся к процессу выработки общественного сознания. Руководящая и направляющая роль в выработке коммунистического сознания принадлежит Коммунистической партии. Вся воспитательная работа служит делу внесения коммунистической идеологии в сознание людей.

В период развития социалистического общества существенно меняются не только условия выработки социалистического сознания и способы превращения элементов индивидуального сознания в сознание общественное, но и условия усвоения общественного сознания отдельными людьми. Одной из существенных особенностей взаимоотношения индивидуального и общественного сознания в условиях социализма является глубокое единство теории и практики. «Говоря о социализме, — писал В. И. Ленин, — нельзя говорить о сознательном строительстве фундамента в самых широких рабочих массах в том смысле, что они взяли книжки, прочли брошюру, а сознательность здесь в том, что они взяли собственную энергию, собственными руками за необыкновенно

трудное дело, наделали тысячи ошибок, и от каждой ошибки сами страдали, и каждая ошибка выковывала и закаляла в той работе по организации управления промышленностью, которая теперь создана и стоит теперь на прочном фундаменте»¹.

Главная цель жизни советских людей — построение коммунистического общества — превращается в результате практической деятельности из мечты, из теоретического плана в действительность, в дело, близкое каждому, в цель *его* жизни, требует непосредственного *его* участия в достижении этой цели.

На роль практики в порождении коммунистического сознания указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, когда они писали: «...как для массового порождения этого коммунистического сознания, так и для достижения самой цели необходимо массовое изменение людей, которое возможно только в практическом движении, в *революции*; следовательно, революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть *господствующий* класс, но и потому, что *свергающий* класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества»².

Важным фактором, облегчающим усвоение содержания общественного сознания, в частности социалистической идеологии, является и то, что соответствующая объективной действительности теория общественного развития — марксизм-ленинизм — является господствующей идеологией в нашем обществе.

«В условиях социализма и строительства коммунистического общества, — указывается в проекте Программы КПСС, — когда стихийное экономическое развитие уступило место сознательной организации производства и всей общественной жизни, когда теория повседневно претворяется в практику, первостепенное значение приобретает формирование научного мировоззрения у всех тружеников общества. Идейной основой этого мировоззрения является марксизм-ленинизм, как цельная и стройная система философских, экономических и социально-политических взглядов. Партия ставит задачей

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 120.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 70.

воспитание всего населения в духе научного коммунизма, добиваясь, чтобы трудящиеся овладевали идеями марксистско-ленинского учения, глубоко понимали ход и перспективы мирового развития, правильно разбирались в событиях внутри страны и на международной арене, сознательно строили жизнь по-коммунистически»¹.

Практическое осуществление задач, поставленных партией по строительству коммунизма, опирающееся на марксистско-ленинскую теорию, способствует разностороннему усвоению социалистической идеологии каждым человеком. Изменение материальных условий жизни, быстрый рост материально-технической базы, фактическое сближение умственного и физического труда составляют объективные условия возникновения внутренней потребности человека к овладению знаниями, накопленными человечеством, к совершенствованию умений и навыков для выполнения высоких требований, предъявляемых к каждому труженику объективным ходом строительства нового общества. Субъективное стремление приобщиться к сокровищнице знаний подкрепляется объективной необходимостью практического использования этих знаний.

Весь ход воспитательной работы Советского государства направлен на внедрение в психику человека содержания общественного сознания, на воспитание всесторонне развитой личности.

«Условия всестороннего развития личности созданы благодаря историческим социальным завоеваниям — освобождение от эксплуатации, безработицы и нищеты, от дискриминации по признакам пола, происхождения, национальности, расы. Каждому члену общества предоставлены равные возможности для творческого труда и образования. Исчезают отношения зависимости и неравенства между людьми в общественной и семейной жизни. Личное достоинство каждого гражданина охраняется обществом. Каждому гарантируется равный и свободный выбор рода занятий и специальности с учетом интересов общества. По мере сокращения времени на материальное производство расширяются возможности для развития способностей, дарований, талантов

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза». Проект, Госполитиздат, М., 1961, стр. 118—119.

в области производства, науки, техники, литературы и искусства»¹.

В период развернутого строительства коммунизма идеологической работе, работе по воспитанию коммунистического сознания придается первостепенное значение. Это обусловливается тем, что выполнение грандиозных задач построения коммунистического общества в нашей стране требует высокого уровня социалистической сознательности народа. «Для перехода к коммунизму, — указывал в своем докладе Внеочередному XXI съезду Коммунистической партии Советского Союза Н. С. Хрущев, — необходима не только развитая материально-техническая база, но и высокий уровень сознательности всех граждан общества. *Чем выше сознательность миллионных масс, тем успешнее будут выполняться планы коммунистического строительства*»².

Программа КПСС определяет следующие основные задачи в области воспитания коммунистической сознательности: формирование научного мировоззрения, трудовое воспитание, утверждение коммунистической морали, развитие пролетарского интернационализма и социалистического патриотизма, всестороннее и гармоничное развитие человеческой личности, преодоление пережитков капитализма в сознании и поведении людей, разоблачение буржуазной идеологии.

В постановлении Центрального Комитета КПСС от 9 января 1960 г. «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» указывается, что в период развернутого строительства коммунистического общества усвоение коммунистического мировоззрения, овладение основами марксизма-ленинизма, глубокое понимание политики партии становится жизненной необходимостью каждого советского человека. Это обусловливается тем, что: «*во-первых*, успешное осуществление программы коммунистического строительства, создание материально-технической базы коммунизма, дальнейшее укрепление экономического могущества СССР, достижение изобилия материальных благ находятся в прямой зависимости от повышения уровня сознательности трудящихся;

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза». Проект, стр. 122.

² «Материалы Внеочередного XXI съезда КПСС», Госполитиздат, М., 1959, стр. 46.

во-вторых, по мере дальнейшего развития социалистической демократии и постепенного перерастания социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление, убеждение, воспитание масс все в большей степени становится основным методом регулирования жизнедеятельности советского общества;

в-третьих, формирование нового человека с коммунистическими чертами характера, привычками и моралью, ликвидация пережитков капитализма в сознании людей является в настоящее время одной из главных практических задач;

в-четвертых, мирное сосуществование государств с различным общественным устройством не ослабляет идеологическую борьбу. Наша партия вела и будет вести непримиримую борьбу за коммунистическую идеологию — самую прогрессивную и подлинно научную идеологию современности»¹.

Широкое развертывание и углубление воспитательной работы в настоящее время, удовлетворение потребности всех трудящихся нашей страны в усвоении передовой идеологии осуществляется в исключительно благоприятных условиях.

Программа Коммунистической партии Советского Союза, опирающаяся на плодотворные идеи марксизма-ленинизма и развивающая эти идеи, определяет перспективу развития нашей страны по пути к коммунизму. Нет сомнения, что эта программа будет успешно выполнена. Наша страна добилась выдающихся успехов в области политической, экономической, идеологической и международной жизни. Эти успехи имеют исключительно большое значение в воспитании коммунистического сознания строителей нового общества. Наша Родина уверенно выходит на передовые рубежи в соревновании с капиталистическими странами. Укрепление единства партии и народа, союза рабочего класса и крестьянства, дружбы народов СССР, товарищеской взаимопомощи, повышение общеобразовательного, культурного и политического уровня народа способствуют успешной работе по коммунистическому воспитанию трудящихся масс.

¹ «О задачах партийной пропаганды в современных условиях». Постановление Центрального Комитета КПСС, Госполитиздат, М., 1960, стр. 3—4.

Одним из важнейших факторов коммунистического воспитания является партийная пропаганда. В постановлении ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» отмечается, что *«главная задача партийной пропаганды состоит в том, чтобы глубоко и всесторонне разъяснять идеи марксизма-ленинизма, показывать их успешное претворение в жизнь в ходе борьбы партии за победу социализма и коммунизма в нашей стране, учить использовать в практической деятельности и творчески развивать теоретическое богатство, накопленное партией, поднимать трудящихся на борьбу за претворение политики партии в жизнь, воспитывать активных и стойких борцов за коммунизм»*¹.

Одной из задач воспитательной работы является проведение ее в тесной связи с творчеством народа, с практикой строительства коммунистического общества. Воспитание в процессе труда — таково требование идеологической работы на современном этапе. Теория неразрывно связана с жизнью, с практикой.

Активное усвоение каждым человеком результатов идеологической работы партии, народа, приобщение индивидуального сознания к сознанию общественному осуществляется различно. В связи с этим «...ЦК КПСС обращает внимание партийных комитетов и организаций на необходимость дифференцированного проведения пропагандистской работы, всестороннего учета профессиональных, возрастных, образовательных, национальных и других особенностей различных слоев населения»².

5. Об общечеловеческом и классовом в сознании человека

Поскольку человек — существо общественное, то содержание его сознания обуславливается системой общественных связей, отношений, в которые вступает человек с другими людьми в процессе своей жизни и деятельности. Но, являясь существом общественным, человек вместе с тем есть и организм, обладающий определенным строением нервной системы, соответствующим развитием органов чувств.

¹ «О задачах партийной пропаганды в современных условиях». Постановление Центрального Комитета КПСС, стр. 12.

² Там же, стр. 18.

Несмотря на особенности психики людей, живущих в условиях того или иного общественного строя, всем нормальным людям, живущим в разные исторические эпохи и принадлежащим к различным классам общества, присущи в известной степени общие психические черты. Даже в классовом обществе, при наличии классовых антагонизмов, вражды и национальных особенностей сознания, всем людям присущи и общечеловеческие свойства психики. Все люди независимо от общественных, классовых, национальных и расовых особенностей обладают способностью ощущать и воспринимать окружающий мир, запоминать и мечтать, мыслить и общаться между собой при помощи языка. Все люди переживают различные чувства и проявляют свою волю.

Общие для всех людей психические особенности, отличающие их от животных (например, способность к логическому мышлению, к творческому воображению, к целенаправленным действиям и т. д.), формируются в ходе общественно-исторического развития человека. Например, с усложнением предмета труда и способов выполнения трудовой деятельности сознание людей обогащается новыми сведениями. С другой стороны, более развитое сознание, опыт, накопленный в процессе труда и специальных научных исследований, позволяют людям переходить к более совершенным видам производства.

Общественное содержание сознания человека, постоянная взаимосвязь индивидуального и общественного сознания не означают, что психические процессы: ощущения, восприятия, представления и т. д. сами по себе имеют классовый характер. Еще более определенно это можно сказать о физиологических явлениях, составляющих материальную основу психических процессов.

Законы высшей нервной деятельности являются общими для людей разных классов, наций, общественно-экономических формаций. Существование индивидуальных особенностей восприятия, памяти, воображения, эмоций, мышления и т. д. зависит не от классовой принадлежности людей, а от типологических особенностей их высшей нервной деятельности. Резко выраженными эти особенности психических процессов встречаются лишь у отдельных представителей, но любого класса, любой нации, любой расы; они не являются привилегией лишь одного какого-то исключительного народа.

Кроме природной обусловленности, индивидуальные особенности психических процессов обуславливаются обстоятельствами индивидуальной жизни человека, лишь в конечном итоге отражающими классовую принадлежность индивида.

Характеризуя соотношение общечеловеческого и классового в сознании человека, следует отметить, что разные психические процессы имеют разную степень классовости. Если психофизиологические функции, чувствительность, ощущения непосредственно не связаны с классовым содержанием сознания, то воля, интересы, мотивы и цели деятельности отражают общественное положение человека, его классовую принадлежность. Но рассматривая и такие психические явления, как воля, эмоции, следует не все относить за счет их классовой обусловленности. Общечеловеческое и классовое в сознании человека тесно связаны, переплетены, взаимно пронизывают друг друга. Примером сложного соотношения общечеловеческого и классового в сознании человека могут служить мышление и речь. ✓

Изменение социальных, экономических и правовых отношений людей неизбежно вызывает изменения в их мышлении. Однако формы мышления человека (суждение, умозаключение и т. д.) изменяются не как формы общественного сознания (философские, правовые и т. д. идеи). Мышление само по себе как способность отражения не представляет собой классового явления. Объективный мир един для всех. Законы его развития также едины. Одинаковыми у всех людей являются и законы отражательной деятельности их мозга — законы высшей нервной деятельности. При изменении классового положения людей, их положения в системе общественной жизни, эти законы остаются относительно неизменными. Что же касается содержания мышления человека, его философских, религиозных и политических взглядов, то оно определяется общественным положением человека, его классовой принадлежностью и изменяется вместе с изменением условий жизни людей на основе изменения экономического базиса, на основе изменения места человека в системе общественных отношений. Понятия и суждения людей наполняются другим содержанием. Поэтому при рассмотрении одних и тех же вопросов представители разных классов делают разные выводы,

хотя объективная истина едина, как един объективный мир и законы его отражения в голове человека. Это обстоятельство обуславливает то, что различные классы в своих интересах пытаются наполнить сами по себе безразличные к классам формы мышления содержанием, отражающим интересы этого класса. Классы не безразличны к мышлению людей, они используют законы и формы мышления в своих политических и экономических интересах, для обоснования и защиты своего мировоззрения.

Если бы в мышлении людей не было общечеловеческого, независимого от индивидуального, группового, классового положения человека, то было бы невозможно понять, каким образом люди, отражая объективную действительность, в состоянии объединиться и на основе своего познания целенаправленно изменять окружающую действительность. Чтобы участвовать в коллективной деятельности, какой является производство, необходимо понимать друг друга. А для этого необходимо, чтобы нечто общее, возникающее в результате познавательной деятельности многих людей, закреплялось в какой-то системе. В действительности так оно и есть. Этой системой является язык как основное средство обмена мыслями. Язык создан не каким-нибудь классом, а обществом в целом, рядом сменяющих друг друга поколений. Выполнить свою функцию — быть средством общения коллектива — язык может только потому, что в формах языка застыли сгустки мысли — понятия, которые понятны большинству общества. Если бы этого общего в отражении не существовало, само общение было бы невозможно. Закрепляя общее в познавательной деятельности людей, язык обслуживает все классы классового общества, всех членов общества.

Язык, являясь созданием общества как целого, в известной степени безразличен к различным классам, но различные классы не относятся безразлично к языку. Подобно логическим формам мышления, классы используют язык применительно к своим нуждам, в зависимости от своих общественных интересов.

Закрепляя результаты познавательной деятельности человечества, язык отражает национальные особенности того народа, который создал этот язык, и используется этим народом как средство общения. Общее содержание

мысли облекается в разную национальную форму. Национальные особенности психики людей, отражаясь в языке, являются результатом жизни народа данной нации на протяжении истории на общей территории, результатом общности экономической жизни и культуры. Определенные экономические условия, многовековая история развития всей духовной жизни, культура народа определенной нации накладывают свой отпечаток на психологию этого народа. Возникает особый психический склад нации, национальный характер как плод, сгусток впечатлений жизни народа, нации в сложных, общих для него исторически сложившихся условиях.

Природные особенности, проявляющиеся прежде всего в особенностях нервной системы, также до известной степени характеризуют национальные особенности поведения и психики людей. Марксизм отрицает всякого рода биологизаторские измышления об особом строении мышления так называемых отсталых народов, бредни о том, что психика людей с белой кожей по своему уровню выше психики людей с цветной кожей. Однако марксизм признает, что представители одной нации обладают некоторыми особенностями психического склада, отличающими их от представителей других наций. В классовом обществе нация не является чем-то единым, она объединяет людей различных классов, разных общественных групп, поэтому национальные особенности сознания людей проявляются сквозь особенности их классовой психологии.

Общественное сознание в классовом обществе приобретает черты национальные и классовые и существует в индивидуализированной форме. Индивидуальное сознание не может быть не классовым и не обладать национальными особенностями. Но сознание индивида обладает большими частностями, чем сознание класса, общества в целом. В последнем случае сознание наиболее обобщено, абстрагировано от индивидуальных особенностей.

В классовом сознании людей отражается типичное, общее для представителей данного класса. Общее для класса проявляется индивидуализированно в сознании отдельных индивидуумов.

Классовое сознание может рассматриваться как идеология и как психология. Известно, что классики марксизма-ленинизма говорили не только о психологии

отдельного человека и об идеологии класса, но и о психологии класса, о классовой психологии. Касаясь отношения различных классов, общественных групп к своему общественному положению, их оценок происходящих событий, процесса отражения общественных изменений, В. И. Ленин неоднократно говорил о психологии крестьян, чувствах рабочих, настроении интеллигенции. Определенные общественные условия, условия материальной жизни, в основном одинаковые для представителей того или иного класса, вызывают одинаковую совокупность настроений, переживаний, чувств, привычек, навыков, черт характера, особенностей волевого поведения, мыслей, которые составляют психологию класса. В психологии класса непосредственно отражается жизнь его представителей. Психология класса возникает независимо от сознания отдельных личностей, стихийно, ее изменение обусловлено изменением реальных жизненных условий.

Всякому сознанию, отражающему бытие, свойственно отставать от бытия. Психология класса также, отражая уже изменившиеся условия, сохраняет черты прошлого, закоренелые навыки, застоявшиеся чувства. Особенно резко видны эти пережитки старой психологии в исторические периоды, в которые резко меняются объективные условия, бытие людей, когда весь ход событий совершается убыстренными темпами. На этих крупных поворотах истории особенно наглядно видны родимые пятна прошлого, характер отставания сознания людей от их бытия.

Несколько иные отношения идеологии класса к условиям его материальной жизни. Идеология как совокупность идей, отражающих более адекватно положение класса в системе общественной жизни, его место среди других классов, идеология как система взглядов на мир в целом, на политическую и культурную жизнь общества, не столь непосредственно связана с материальной жизнью общества, но отражает ее в наиболее существенных чертах. В ней нет привходящих личностных моментов. Это мировоззрение класса в целом, сознание в его более общем виде, чем это имеет место в психологии класса. Идеология возникает как результат сознательного отражения хода событий в настоящем и перспективы их развития. И применяется идеология сознательно. Она может быть идеологией передового класса или идеоло-

гией реакционных сил, но в том и другом случае заинтересованные общественные группы и отдельные лица активно вносят ее в сознание отдельных людей.

Процесс овладения идеологией может быть ускорен, если классы, массы объективно подготовлены к этому ходом общественной жизни, практикой борьбы. Так случилось с выработкой социалистической идеологии, овладением ею широкими массами трудящихся. Социалистическая идеология осветила неосознанное стремление масс к социализму, сформулировала в определенные цели их смутное представление о будущем, их инстинктивное желание изменить настоящее. Социалистическая идеология определяет также способы достижения этих целей. Таким образом, идеология служит одним из факторов изменения психологии класса. Другим фактором является изменение реального положения класса уровня его жизни, бытия в целом.

Образ жизни людей определяет образ их мыслей. Изменение бытия влечет за собой изменение сознания. В классовом обществе сознание индивидуума развивается как классовое сознание.

В своем развитии сознание проходит ряд ступеней от сознания людей, сообща работающих и вместе владеющих средствами производства, через сознание, отражающее частнособственнические общественные отношения, к сознанию тружеников социалистического общества. И на каждой из этих ступеней сознание представителей разных классов, различных общественных групп зависит от объективных условий, от реального общественного положения класса. Борьба за свои жизненные права против эксплуататоров объединяет рабочих. В этой борьбе вырабатываются определенные качества людей — коллективизм, солидарность, чувства равноправия и единства людей разных наций.

Положение представителей эксплуататорских классов капиталистического общества формирует у них такие черты личности, как жестокость, индивидуализм, жадность, не знающее границ стремление к богатству, наживе.

Борьба противоположных классов обнажает истинные помыслы, желания, стремления, выявляет все человеческое в психике эксплуатируемых и подчеркивает всю бесчеловечность у представителей эксплуататорских классов. В капиталистическом обществе «...перед рабо-

чим альтернатива: покориться судьбе, стать «хорошим рабочим», «верно» соблюдать интересы буржуа — и тогда он неизбежно превращается в бессмысленное животное — или же противиться, всеми силами защищать свое человеческое достоинство, а это он может сделать только в борьбе против буржуазии»¹.

В борьбе с угнетателями у рабочих формируется более человеческое отношение к другим людям, возникает настоящий пролетарский гуманизм, в котором вся сложная гамма его чувств отражает его реальное бытие. Для рабочих «каждый человек — человек, между тем как для буржуа рабочий не вполне человек»².

«Пролетарий, — писал В. И. Ленин, — ведет свою борьбу с величайшим самопожертвованием, как частичка анонимной массы, без видов на личную выгоду, на личную славу, исполняя свой долг на всяком посту, куда его поставят, добровольно подчиняясь дисциплине, проникающей все его чувство, все его мышление»³.

Ненависть же и гнев, которые выражаются в отношении к эксплуататорам, служат «доказательством того, что рабочие чувствуют, насколько нечеловеческим является их положение, что они не хотят допустить, чтобы с ними обращались, как со скотом...»⁴ Господствующие классы заинтересованы в том, чтобы рабочие оставались забитыми, прилагают усилия, чтобы задержать умственный рост эксплуатируемых классов. С этой целью идет усиленная идеологическая обработка сознания простого человека, распространяются предрассудки и суеверия, закрепляются пережитки в сознании рабочих.

Качественное изменение сознания при переходе от капитализма к социализму обусловлено изменением способа производства и коренным изменением господствующей идеологии. Социалистический способ производства освободил человека от эксплуатации. Труд стал свободным. Отношение к нему тружеников резко изменилось. Новое, социалистическое отношение к труду — это главное, что появилось в сознании людей социалистического общества. Труд стал активным, творческим. Это главное

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, Госполитиздат, М., 1955, стр. 352.

² Там же, стр. 357.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 7, стр. 299.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 351.

изменение в сознании людей во многом определяет и другие особенности сознания человека при социализме.

Перестройка сознания трудящихся при социализме осуществляется не только под влиянием изменившегося способа производства, реального общественного положения трудящихся масс, но и под влиянием новой социалистической идеологии, отражающей коренные интересы этих масс. Марксистско-ленинское мировоззрение, как истинно научное отражение объективных законов природы и общества, становится достоянием миллионов людей, определяет перестройку их духовного облика, силу их проникновения в сущность природных и общественных явлений.

Усвоение марксистско-ленинской теории, развитие науки и техники наряду с изменением условий материальной жизни способствуют борьбе с суевериями и предрассудками, с родимыми пятнами капитализма — пережитками в сознании людей.

Сознание при социализме превращается в величайшую активную силу, способствующую достижению невиданных успехов в овладении человеком тайнами природы и закономерностями общественного развития.

Усиливающаяся роль сознательного, намеренного регулирования общественной жизни еще более возрастает при переходе от социализма к коммунизму.

Путь изменения сознания при смене общественных условий наглядно обрисовал Энгельс: «Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продуктов над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется плановой, сознательной организацией. Прекращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек теперь — в известном смысле окончательно — выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие. Условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своей обобществленной жизни. Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господ-

ствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела, следовательно, будут подчинены их господству. Общественное бытие людей, противостоявшее им до сих пор, как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самого человека. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в значительной и все возрастающей степени и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»¹.

Свобода, о которой говорит здесь Ф. Энгельс, это прежде всего свободный труд людей.

Практика социалистического строительства, развитие духовного облика социалистического общества являются неоспоримым тому примером. Положение марксистской психологии о том, что сознание не только проявляется, но возникает и формируется в деятельности, получает свое блестящее подтверждение в постоянном росте, изменении сознания человека в его трудовой деятельности.

Социалистическая организация труда способствует проявлению скрытых возможностей человеческой психики, обнаружению задатков, способностей людей.

Большое значение в изменении сознания человека имеет новая техника. Овладевая достижениями передовой науки и техники, люди приобретают новые навыки, умение, их опыт обогащается. Существенные изменения претерпевает и само отношение к труду. Труд в нашей стране рассматривается как дело большой общественной важности, как святая обязанность человека перед Советским государством. Труд превращается в первую жизненную потребность.

Изменившееся отношение к труду служит в свою очередь основой формирования высоких нравственных чувств, закаленной воли, стойкого характера. В процессе труда, на основе новых жизненных условий возникают новые отношения к обществу, к другим людям,

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 267.

к себе. Взаимоотношения между людьми строятся на принципах высокой коммунистической морали. Отношения к коллективу, обществу определяют глубоко гармоничное сочетание личных и общественных интересов личности, формируют мотивы поведения людей. Все эти стороны сознания человека становятся характерными его особенностями, превращаются в черты характера.

Черты характера определяются отношениями личности к окружающему миру, к другим людям, к себе, отношениями, которые определяются образом жизни человека, его деятельностью. Эти многообразные отношения зависят также от мировоззрения личности.

Отношения личности к окружающему, выражающиеся прежде всего в отношении к труду, служат неиссякаемым источником творческих сил человека. Всемерное развертывание инициативы, настойчивости, решительности, уверенности в успехе в любых видах физического и умственного труда, поддержка новаторства, усиление требований и ответственности за общественно необходимую деятельность определяют активную, волевою сторону сознания человека, черты его личности.

Основной результат, который возникает из новых отношений к людям у человека социалистического общества, это — коллективизм, чувство взаимопомощи, постоянное чувство локтя. В социалистическом коллективе сознание формируется на основе высокой идейности, взаимной критической оценки дум и дел друг друга.

Серьезные изменения отношений человека социалистического общества к другим людям служат основой изменения самосознания личности, ее отношений к себе. В социалистическом обществе изживает себя старый закон взаимоотношений людей, по которому человек человеку волк. В результате действия этого закона у человека воспитывался индивидуализм. Советский человек — не индивидуалист. Он не противопоставляет себя обществу, он един с коллективом, он — коллективист. Коллективизм наших людей, как характерная их особенность, проявляется прежде всего в труде, основанном на взаимопомощи, на товарищеском сотрудничестве. Товарищеская взаимопомощь направлена на выполнение общего дела при улучшении деятельности каждого отдельного человека. Коллективизм проявляется также в подчинении личных интересов интересам коллектива, всего

общества. Самосознание советского человека — это сознание человеком себя как члена коллектива, члена социалистического общества, как активного строителя новой жизни. Осознание своей роли в общественной жизни, в процессе общественных изменений в целом позволяет осознать свои права в обществе, свой долг перед родиной, обязанности перед народом и ответственность за его судьбу.

В свое время, характеризуя значение коллективизма, М. И. Калинин писал: «Многие привыкли понимать чувство товарищества как простые слова, а между тем если это чувство правильно развивать, если добиваться того, чтобы комсомольцы и беспартийная молодежь, товарищи и друзья вместе делили свои производственные радости, вместе преодолевали трудности, вместе осваивали технику, подлинно помогая друг другу, вместе проводили свой отдых, занимаясь физкультурой и спортом, и т. д., то товарищество будет прекрасным дополнением к социалистическому соревнованию, оно даст большие плоды»¹.

Широко развернувшееся в настоящее время движение за звание бригад коммунистического труда является блестящим примером коллективизма советских людей, их стремления сообща, вместе добиваться решения задач, поставленных народом, коммунистической партией. Оно свидетельствует также о высокой степени сознательности тружеников, развитии коммунистического отношения к труду. «Старое общество, — писал В. И. Ленин, — было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб. И понятно, что воспитанные в этом обществе люди, можно сказать, с молоком матери воспринимают психологию, привычку, понятие — либо рабовладелец, либо раб, либо мелкий собственник, мелкий служащий, мелкий чиновник, интеллигент, — словом, человек, который заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет»².

Людей социалистического общества характеризует иное отношение и к другим людям и к обществу в целом.

¹ М. И. Калинин, О воспитании и обучении. Избранные статьи и речи, стр. 48.

² В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 269.

тических достижений с нуждами практики, проверка на практике данных науки влияет на преобразование сознания советского рабочего, колхозника, ученого.

Существенные изменения претерпевает нравственное сознание нашего народа.

Программа КПСС определяет моральный кодекс строителя коммунизма. Он включает в себя следующие нравственные принципы:

- «— преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма;

- добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест;

- забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния;

- высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов;

- коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного;

- гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку — друг, товарищ и брат;

- честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни;

- взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей;

- непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму;

- дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни;

- непримиримость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов;

- братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами»¹.

Сознание советского человека сверху донизу перестраивается на основе общественных перемен, которые осуществились в социалистическом обществе. Лишь в социалистическом обществе развивается то общее, самое человеческое, что характеризует сознание индивидуума.

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», Проект, стр. 121.

II. БИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОЗНАНИЯ

1. Есть ли сознание у животных?

Природа любого явления может быть понята, если это явление рассматривается в сложных взаимосвязях с другими явлениями, в процессе его возникновения и развития. Исторический подход к явлениям сознания необходим для понимания их сущности. Этот подход требует ответа на вопрос о том, каковы истоки формирования сознания, существует ли какая-нибудь связь между разными формами и ступенями отражения, есть ли биологические предпосылки возникновения человеческого способа отражения действительности, каковы этапы развития сознания.

Для ответа на эти вопросы необходимо привлечение данных многих отраслей знания — эмбриологии, антропологии, археологии, сравнительного языкознания, сравнительной физиологии, истории философии, искусства, религии. Среди этих отраслей знания одно из важных мест занимает психология, история развития психики животных. И. М. Сеченов указывал, что началом изучения психического должно быть изучение психических явлений в детском возрасте и изучение развития психики у животных. Определяя те области знания, из которых должна сложиться диалектика, В. И. Ленин в ряде других научных дисциплин указывает на историю умственного развития ребенка и историю умственного развития животных. Последняя особенно важна для выяснения биологических предпосылок формирования сознания человека.

Оценивая значение эволюционного учения Ч. Дарвина в истории естествознания, Ф. Энгельс писал, что

благодаря установлению эволюционного развития организмов «не только стало возможным объяснение существующих представителей органической жизни, но и дана основа для предыстории человеческого духа, для прослеживания различных ступеней его развития, начиная от простой, бесструктурной, но ощущающей раздражения протоплазмы низших организмов и кончая мыслящим мозгом человека. А без этой предыстории существование мыслящего человеческого мозга остается чудом»¹. В изучении развития психики животных Ч. Дарвину принадлежит одно из первых мест. Однако дарвиновская концепция умственного развития животных и человека не лишена серьезных недостатков. Так, указывая на развитие умственных способностей животных и человека в процессе эволюции, характер развития психических явлений от животных к человеку Дарвин представлял как процесс количественного роста, без резких качественных сдвигов. Такое понимание развития применялось Дарвином и к сравнительной характеристике умственных способностей высших животных и человека. Рассматривая процесс эволюционного развития психических способностей человека, Дарвин приходит к выводу: «Мы видели, что чувства и впечатления, различные эмоции и способности, как любовь, память, внимание, любопытство, подражание, рассудок и т. д., которыми гордится человек, могут быть найдены в зачатке, а иногда даже и в хорошо развитом состоянии у низших животных»².

Отмечая наличие сходных психических процессов у животных и человека, существование следов, зачатков психических явлений, в развитом виде присущих только человеку, Дарвин преувеличивает значение этих зачатков, антропоморфизирует поведение животных, оставляет в тени качественные особенности психики человека. По Дарвину, «основной разницы в общем характере умственного склада между человеком и животными не существует»³, что «как бы ни было велико умственное

¹ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 156.

² Ч. Дарвин, *Соч.*, т. 5, изд-во Академии наук СССР, М., 1953, стр. 239.

³ Ч. Дарвин, *Полное собрание сочинений*, т. II, кн. 1, М.—Л., 1927, стр. 115.

различие между человеком и высшими животными, оно количественное только, а не качественное». «...Умственные способности человека и низших животных, — писал он, — не отличаются по своему качеству, хотя и отличаются неизмеримо по степени. Различие же в степени, как бы оно ни было велико, не дает нам права относить человека к отдельному царству. Это лучше всего можно видеть из сравнения умственных способностей двух насекомых — червеца (*Coccus*) и муравья, которые принадлежат к одному классу. Здесь различие больше, хотя и несколько иного рода, чем между человеком и высшими млекопитающими»¹.

Недостатки Дарвина в представлении о характере развития психики животных, во многом оправдываемые необходимостью подчеркивать сходство, а не различие, чтоб утвердить эволюционный принцип в биологии, некоторыми из его последователей были умножены. Так, один из ближайших учеников Дарвина — Роменс, углубляя эти недостатки, дошел до крайнего антропоморфизма.

Наблюдая поведение низших обезьян, Роменс уже у них находит разумную деятельность, аналогичную человеческой². Более поздние исследователи, не имея достаточного экспериментального материала и фактов, полученных при наблюдении животных в естественных условиях, приходили также к выводу, что высшие и низшие обезьяны обладают психическими способностями, свойственными человеку.

Вопрос о сходстве и различии психики животных и психики человека еще более остро встал, когда ученые для подтверждения своих взглядов стали ссылаться на широкий экспериментальный материал и данные, сообщаемые наблюдателями естественного поведения животных. Характерным для нашего века в решении этого вопроса является согласие многих ученых с положением Келера о том, что обезьяны обладают интеллектуальными способностями, подобными человеческим, обнаруживают ту форму поведения, которая является специфически человеческой. По мнению Келера, «у шимпанзе разумное поведение того же самого рода, что и у чело-

¹ Ч. Дарвин, Полное собрание сочинений, т. II, кн. 1, стр. 192.

² См. Д. Роменс, Ум животных, СПб., 1888.

века»¹. Эта позиция была по существу принята Харлоу², Гьюмом и Мейерсоном³. Через основные труды Иеркса⁴, посвященные исследованию психики обезьян, красной нитью проходит мысль о качественном сходстве психических способностей человека и обезьян. Указывая на то, что для человека характерно более высокое развитие социальных традиций, культуры, членораздельной речи, абстрагирование, способность к обучению с пониманием и обоснованием, репродуктивному и творческому воображению, Иеркс считает, что все эти функции имеют место и у шимпанзе.

В этой краткой исторической справке, может быть, и не было бы особой нужды, если бы и в настоящее время вокруг этой проблемы не было бы споров.

Задача научного решения этой проблемы состоит в том, чтобы показать, какими особенностями характеризуется психическое отражение, на каком уровне оно возникает, каковы характерные черты сознательного отражения, чем обусловлено его возникновение. Некоторые из психологов считают понятия сознания и психики тождественными и употребляют их в одинаковом смысле. С их точки зрения, сознанием обладает не только человек, но и животные⁵.

Большинство психологов согласно с представлением о том, что в простейших формах психические процессы возникают в животном мире и в ходе эволюции нервной системы эти процессы развиваются. Но даже самые высшие формы психического отражения, имеющие место

¹ В. Келер, Исследование интеллекта человекоподобных обезьян, М., 1930, стр. 203.

² См. H. Harlow and R. H. Israel, Comparative Behavior of Primates, «The Journal of Comparative Psychology», vol. XIV, N 2, 1932.

³ См. P. Guillaume et J. Meyerson, Recherches sur l'usage de l'instrument chez les singes, «Journal de Psychologie normale et pathologique», vol. XXXIV, N 5—8, 1937.

⁴ См. R. M. Yerkes, Almost Human, New York and London, 1925; R. M. Yerkes, A. W. Yerkes, The Great Apes, New Haven, 1929; R. M. Yerkes, Chimpanzees, A Laboratory Colony, New Haven, London, 1945.

⁵ См. И. Ф. Дорофеев, К вопросу о психике и сознании в свете теории познания марксизма-ленинизма и учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности, «Советская педагогика» № 7, 1952.

у человекообразных обезьян, являются неосознанными¹. Осознанность — это типичная, специфическая, характерная особенность психических процессов человека. Возникновение этой особенности знаменовало возникновение нового качества психического отражения — сознания, свойственного только человеку. Понятие психики шире понятия сознания. Если первое относится как к человеку, так и к животным, то последнее свойственно только человеку.

2. О природе психического отражения

Исходной позицией в изучении развития психики для диалектического материализма и научной психологии является положение о том, что психическое отражение возникло в процессе развития органического мира и является свойством высокоорганизованной материи. Всякому материальному образованию, будь оно просто или сложно по своей структуре, присуща способность определенным образом реагировать на внешние воздействия. Способность органических тел возбуждаться от соприкосновения с раздражителями и отвечать определенными реакциями на эти соприкосновения, существующая в форме раздражимости, возникла как необходимое условие осуществления главного процесса жизни — обмена веществ. Физиологические закономерности осуществления процессов раздражимости отличают этот вид реакций от простых физико-химических реакций, наблюдаемых в неживой природе. В раздражимости проявляется способность реагировать самостоятельным, в известном смысле, активным образом, способность, возникшая с возникновением жизни на земле. Эта самостоятельность реагирования может проявляться в самых разнообразных формах — изменении коллоидно-химической структуры и физиологических свойств протоплазмы, частичной или полной невосприимчивости к внешним воздействиям или повышенной возбудимости к ним, в разнообразных реакциях организма, от простых дви-

¹ См. Б. Г. Ананьев, *Очерки психологии*, Лениздат, 1945; С. Л. Рубинштейн, *Бытие и сознание*, М., 1957; «Психология», Учебник под ред. А. А. Смирнова, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, Б. М. Теплова, Учпедгиз, М., 1956.

жений комочка протоплазмы до сложного поведения животных. При всем многообразии ответной деятельности организмов на внешние воздействия раздражимость выполняет на всех уровнях развития органического мира приспособительную функцию. Ее основное назначение состоит в том, чтобы способствовать наилучшему осуществлению обмена веществ со средой.

На самых низших ступенях развития животного мира в условиях однородной среды, как правило, равномерно окружающей организмы, приспособительные реакции возникают в ответ на внешние воздействия, имеющие непосредственное биологическое значение. Непосредственность биологического значения раздражителей заключается в том, что эти воздействия сами способствуют или затрудняют обмен веществ.

Раздражимость является формой отражения этих, имеющих непосредственное биологическое значение, внешних раздражителей.

Усложнение условий существования, наличие в окружающем мире таких свойств вещей, явлений, которые сами по себе не способствуют и не затрудняют процесса жизнедеятельности организма, сделали недостаточным существование отражения только в форме раздражимости. Так как индифферентные сами по себе воздействия в действительности постоянно связаны с воздействиями жизненно важными, то возникает объективная необходимость отличать важное и неважное для организма воздействие и соответствующим образом реагировать на индифферентные внешние влияния. Возникает новая форма отражения действительности, отличающаяся от раздражимости, — психическое отражение.

Разработка вопросов о возникновении и развитии психики связана с выяснением критерия, основного отличительного признака, которым психика отличается от других форм отражения. В истории сравнительной психологии одни авторы этим критерием объявляли способность к запоминанию, другие — способность к научению, третьи — способность к образованию ассоциаций, четвертые — способность к осмысленному, разумному поведению. В зависимости от выбранного критерия устанавливалась ступень развития организмов, на которой возникла психика животных, их сознание. Разный подход к оценке природы психики, способностей животных

отражать окружающее, был причиной того невероятного разноречия мнений по поводу того, когда возникает психика, каковы ее характерные особенности. При разнице мнений и обилии точек зрения общим для большинства представлений было то, что они были выбраны произвольно, субъективно.

Объективные методы исследования поведения животных на разных уровнях развития организмов, учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности поставили изучение психики животных на научную основу, выдвинули объективный критерий для оценки сущности психического, времени его возникновения. Философский смысл павловского учения и заключается в характеристике форм отражения, в раскрытии закономерностей их возникновения, оценке роли их в жизнедеятельности организмов.

Исходной позицией в решении этих вопросов для Павлова было признание того, что организм постоянно связан с условиями существования и что существование всех связей с внешним миром оправдано только тем, что эти связи служат целям уравнивания организма со средой. В этом биологический смысл этих связей, их роль в жизнедеятельности животных.

Павловской физиологии принадлежит раскрытие специфики этих связей, обусловленной характером тех внешних влияний, которые воздействуют на организм. Безусловный рефлекс является формой связи организма с непосредственно биологически важными влияниями внешнего мира. В случае безусловного рефлекса известный раздражитель среды приходит в соприкосновение с соответствующей воспринимающей поверхностью животного и тут же трансформируется в специальный жизненный процесс — нервный процесс, который распространяется по нервным путям через центральную нервную систему до определенного рабочего органа, и здесь еще раз трансформируется в специальную деятельность этого органа: в этом и проявляется реакция организма на внешнее воздействие.

Постоянство безусловно-рефлекторной реакции на жизненно важные внешние воздействия, непосредственно контактирующие с той или иной частью организма, дает основание утверждать, что формой отражения внешнего мира в данном случае служит раздражимость. Несмотря

на усложнение ответных реакций, на то, что у высших животных раздражимость осуществляется при помощи специализированных органов, самое существенное для этой формы отражения — постоянный ответ на биологически непосредственно значимые внешние воздействия в форме врожденных, закрепленных наследственностью реакций — характерно для всех уровней развития животных организмов. Идет ли речь о реакциях амебы на химическое воздействие или о безусловном рефлексе у собаки и обезьяны, принцип связи организма со средой остается одним и тем же. Раздражимость в реакциях амебы и в безусловно-рефлекторной деятельности высших животных одинаково остается формой чисто биологического отражения. Прогресс в развитии этой формы отражения заключается в том, что в ходе эволюции животного мира с усложнением строения организмов, с возникновением и специализацией у них органов восприятия и органов ответной деятельности, вызванных усложнением и изменчивостью окружающей среды, функциональные изменения организма возникают в ответ на большее число внешних воздействий. Следовательно, развитие раздражимости по мере развития организмов заключается в развитии способности организма отвечать определенными деятельностями на большее число разнообразных раздражителей. Сами же ответные реакции также усложняются, они становятся тонко специализированными.

Вопрос о характере биологического и психического отражения является одним из важных теоретических вопросов. Его известной конкретизацией является вопрос об отношении безусловно-рефлекторных связей организма со средой и форм психического отражения.

Можно было бы не останавливаться на нем, если бы он всеми решался однозначно и не вызывал обсуждений. Не существует единого мнения о том, является ли безусловный рефлекс формой психического отражения действительности или не является. Еще более спорным кажется вопрос об отношении психического отражения к инстинктивному поведению животных. Задача легко решалась тогда, когда в традиционной зоопсихологии безусловный рефлекс и инстинкт занимали разные места в классификации форм поведения животных. Схема развития форм отражения выглядела так: рефлекс — ин-

стинкт — навыки — разумное поведение. Первому члену в этой классификации отказывалось в элементах психического, тогда как все другие будто бы обладали свойствами психического. Почти в неизменном виде эти представления господствовали до возникновения павловской физиологии высшей нервной деятельности.

В учении И. П. Павлова вскрыты физиологические механизмы всех форм отражения, всех видов поведения. Инстинкты в свете учения И. П. Павлова — это безусловные рефлексы, их сложная цепь. То, что называлось навыками и разумным поведением, является условно-рефлекторной деятельностью.

С безусловным рефлексом, как таковым, посредством которого отражаются постоянно действующие, непосредственно биологически значимые раздражители, возникновение психического не связано. Осуществление цепи чистых безусловных рефлексов также не сопровождалось бы возникновением психических явлений. Такое категорическое суждение основывается на анализе центральных положений павловского учения. Но в действительности чистой безусловно-рефлекторной деятельности не существует. Следовательно, «чистых» инстинктов фактически не бывает. Справедливо указывал К. М. Быков, что безусловные рефлексы как таковые существуют лишь при рождении организма, а затем они включаются в сложную систему безусловно и условно-рефлекторных связей. О роли условно-рефлекторных раздражителей в инстинктивном поведении животных свидетельствуют многочисленные экспериментальные исследования (А. Н. Промптов¹, Е. В. Пузанова-Малышева², Л. Е. Аренс³, А. А. Машковцев⁴ и др.).

¹ См. А. Н. Промптов, Об эволюционно-биологических особенностях ориентировочной реакции у некоторых экологически-специализированных видов птиц, «Труды института эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности», т. I, изд-во Академии наук СССР, 1947.

² См. Е. В. Пузанова-Малышева, Муравьиные львы и их ловчие воронки, «Труды института эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности», т. I, 1947.

³ См. Л. Е. Аренс, Некоторые результаты исследований поведения одиночных ос-одиноверов, «Доклады Академии наук СССР», Новая серия, т. LXX, № 4, 1950.

⁴ См. А. А. Машковцев, Значение для биологии учения Ивана Петровича Павлова о высшей нервной деятельности, «Успехи современной биологии», т. XXVIII, вып. I(4), 1949.

Вследствие того, что безусловно-рефлекторная деятельность обрастает условно-рефлекторными, временными связями организма со средой, в инстинктивной деятельности животных возникает психическое отражение.

Критерием психического с точки зрения павловской физиологии является отражение таких воздействий внешней среды, которые не имеют непосредственного биологического значения. Это единственно научный критерий, который позволяет избежать произвольного, субъективного подхода к оценке природы психического и определить ступень развития животного мира, на которой возникла психическая форма отражения действительности.

Общим механизмом возникновения психического отражения во всех его формах является условный рефлекс. Основополагающим для нас в понимании этого является положение И. П. Павлова о том, что условный рефлекс есть явление, которое представляет собой физиологическое и одновременно психическое.

Принципиально неправильной является позиция тех авторов, которые, желая найти специфические закономерности психических явлений, считают условные рефлексы явлением чисто физиологическим. При этом иногда делается попытка для специфических психических процессов найти иную, отличную от условно-рефлекторной деятельности, физиологическую основу. Наиболее отчетливо эта тенденция выражена М. Р. Могендовичем. По мнению М. Р. Могендовича, «изучение физиологических механизмов поведения человека методом условных рефлексов не дает прямых указаний на психические процессы как активные функции мозга. Условные рефлексы вскрывают физиологический механизм ассоциативных связей, замыкательную функцию коры мозга, но они не направлены прямо на анализ физиологической природы ощущений, восприятий, представлений и других психических функций. Это — совершенно другая физиологическая проблема, к которой физиология еще только подходит, используя в числе других и метод условных рефлексов, но с обязательным одновременным исследованием психики изучаемого субъекта»¹. В связи

¹ М. Р. Могендович, О физиологических основах ощущений, «Вопросы психологии» № 2, 1958, стр. 3.

с тем, что конкретно экспериментальная трактовка соотношения условного рефлекса и ощущения еще не настолько полна, чтобы сказать, что проблема эта может считаться разрешенной, не следует изображать дело так, что учение И. П. Павлова по существу ничего не дает для физиологической характеристики психических процессов. В павловском учении о высшей нервной деятельности дана общая материалистическая основа и объективный метод раскрытия конкретно-физиологических основ любого психического процесса.

Условный рефлекс является формой связи организма со средой, поэтому анализ психического отражения предполагает исследование реального процесса жизнедеятельности организма в определенных условиях существования, а не суждений по аналогии, не выполнения требований непосредственного вчувствования во внутренний мир животных, характерных для идеалистической зоопсихологии.

«Для того, чтобы раскрыть необходимость возникновения психики, — пишет А. Н. Леонтьев, — ее дальнейшего развития и изменения, следует исходить не из особенностей взятой самой по себе организации субъекта и не из взятой самой по себе, т. е. в отрыве от субъекта, действительности, составляющей окружающую его среду, но из анализа того процесса, который реально связывает их между собой. А этот процесс и есть не что иное, как процесс жизни»¹.

Необходимость возникновения новой формы отражения вызвана условиями жизни, развитием приспособительной деятельности организма к определенным условиям существования. Всякое приспособление в конечном итоге направлено на улучшение жизнедеятельности организма, обмена веществ между ним и средой. Психическое отражение, как условно-рефлекторная деятельность, не составляет исключения. Значение психики в жизнедеятельности организмов заключается в том, что она является отражением тех внешних предметов и явлений, которые, не обеспечивая процесса обмена веществ непосредственно, ориентируют организм среди жизненно важных явлений. Сигнальная функция психи-

¹ А. Н. Леонтьев, Проблемы развития психики, изд-во Академии педагогических наук РСФСР, М., 1959, стр. 25.

ческого — основное его назначение в процессе жизнедеятельности организмов.

Психологическая характеристика сигнального значения психики содержится в концепции А. Н. Леонтьева. Он следующим образом определяет элементарное психическое явление — чувствительность. «Чувствительность (способность к ощущению) есть генетически не что иное, как раздражимость по отношению к такого рода воздействиям среды, которые соотносят организм к другим воздействиям, т. е. которые ориентируют организм *в среде*, выполняя сигнальную функцию. Необходимость возникновения этой формы раздражимости заключается в том, что она способствует основным жизненным процессам организма, протекающие теперь в более сложных средовых условиях»¹.

На сигнальную функцию психического обращали внимание и другие исследователи².

Определение условно-рефлекторного механизма психического и его сигнальной функции дает верное направление для конкретно экспериментальных исследований вопроса о том, на каком этапе развития животного мира возникает эта новая форма отражения. В настоящее время нет однозначного ответа на этот вопрос. Причиной этого является, очевидно, недостаточное его экспериментальное исследование. Некоторые авторы считают возможным говорить о научении простейших отличать съедобное от несъедобного (С. Метальников)³, о способности инфузорий реагировать на нейтральный для них раздражитель (Ф. Брамштедт)⁴. Опираясь на эти опыты, одни исследователи (А. Н. Леонтьев и др.)⁵ утверждают, что временные связи, выполняющие сигнальную функцию, возникают у простейших. Другие

¹ А. Н. Леонтьев, Проблемы развития психики, стр. 42.

² См. Л. М. Веккер, О сигнальной функции психического, «Вопросы психологии» № 4, 1955.

³ См. С. И. Метальников, Могут ли инфузории научиться выбирать пищу? «Известия С.-Петербургской биологической лаборатории», т. XIII, вып. 1, СПб., 1913.

⁴ См. F. Bramstedt, Dressurversuche mit *Paramecium Caudatum* und *Stylonychia Mytilus*, «Zeitschrift für vergleichende Physiologie», B. 22, Hf. 4, 1935.

⁵ См. А. Н. Леонтьев, Очерк развития психики, 1947 (на правах рукописи).

(Я. Дембовский¹, А. Киселинчев² и др.) полагают, что сам факт образования сигнальной связи у парамеций экспериментально не подтвердился, а факты научения, имеющие место у простейших, будто бы нельзя трактовать как факты образования временных связей, по типу сходных с условными рефлексам и выполняющими сигнальную роль. Ссылаясь на то, что понятие условного рефлекса И. П. Павлов применял, анализируя поведение высших животных, обладающих нервной системой, эти авторы встают перед необходимостью ответить на вопрос о том, действует ли принцип временных связей в поведении животных, не имеющих нервной системы.

В пользу утвердительного ответа на этот вопрос свидетельствуют факты научения животных реагировать на воздействия, не участвующие непосредственно в обменных процессах. Признак временной связи, ее индивидуальной приобретаемости неразрывно связан с сигнальной ее ролью.

Там же, где удастся установить возникновение сигнальной связи со средой, есть основание говорить о возникновении психического отражения. Точное определение ступени эволюционной лестницы, на которой возникает способность организма устанавливать временные связи со средой — дело дальнейших более многочисленных и более тщательных экспериментальных исследований. И споры, имеющие место в настоящее время по этому вопросу, могут быть разрешены только в эксперименте. Принципиальная же сторона дела со всей очевидностью определена в учении Павлова, дающем ключ для понимания психического как при его возникновении в процессе эволюции органического мира, так и в процессе его дальнейшего развития по мере усложнения условий существования и строения животных организмов.

Непосредственное отношение к обсуждаемым здесь вопросам имеет, с одной стороны, вопрос о соотношении принципа временности и условно-рефлекторной деятель-

¹ J. Dembowski, On Conditioned Reactions of *Paramecium Caudatum* towards Light, «Acta Biologiae Experimentalis», vol. XV, N 1, 1950.

² См. А. Киселинчев, Марксистско-ленинская теория отражения и учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности, ИЛ, М., 1956.

ности и, с другой стороны, вопрос о природе самого условного рефлекса, его соотношения с безусловными рефлексами. Так, К. М. Быков, высказывая положение о том, что принцип временной связи является более широким понятием, чем его высшее выражение в виде условного рефлекса, приходит к выводу, что временные связи, являясь общим принципом взаимодействия организма со средой, имеют широкое распространение в животном и даже растительном мире. По мнению К. М. Быкова, лишь высшая форма временной связи, которой является условный рефлекс, сочетается с наличием психического акта — ощущения¹. Придавая расширительное значение понятию временной связи, К. М. Быков отрывает этот принцип от неразрывно с ним связанного принципа сигнализации. С точки зрения К. М. Быкова, принцип временной связи является универсальным, по законам которого образуются все рефлексы, в том числе и безусловные. При таком понимании соотношения временных связей, условных и безусловных рефлексов нельзя указать критерия возникновения психического отражения.

Известно, что условные рефлексы возникают у животных, не имеющих коры больших полушарий головного мозга². Замыкательную функцию в данном случае выполняют менее сложно организованные отделы центральной нервной системы. Если согласиться с К. М. Быковым, что только у высших животных механизм временной связи достиг той ступени развития, когда образование ее стало сопровождаться и субъективными проявлениями, то необходимо указать на различие условных рефлексов, обладающих свойством иметь

¹ См. К. М. Быков, Учение об условных рефлексах и рефлекторная теория, «Физиологический журнал СССР», т. XXXVI, № 4, изд-во Академии наук СССР, 1950.

² См. А. К. Воскресенская и Н. Г. Лопатина, Взаимодействие пищевых и оборонительных условных рефлексов у пчел при управлении их летной деятельностью, «Труды института физиологии имени И. П. Павлова», т. II, изд-во Академии наук СССР, М.—Л., 1953; Е. М. Крепс, Сравнительная физиология, «Успехи биологических наук за 25 лет», Сборник статей, изд-во Академии наук СССР, М.—Л., 1945; А. А. Зубков и Г. Г. Поликарпов, Условный рефлекс у кишечнораотового животного, «Успехи современной биологии», т. XXXII, вып. 2(5), изд-во Академии наук СССР, М.—Л., 1951.

субъективные проявления, и условных рефлексов, этим свойством не обладающих. Какова в таком случае специфическая физиологическая закономерность образования условных рефлексов, обуславливающая возникновение специфической формы отражения, на основе каких принципов можно во внешних воздействиях различить те раздражители, которые отражаются в форме психических явлений, и те раздражители, с которыми организм вступает во временные соотношения, но воздействие которых не сопровождается возникновением психического? Ответить на эти вопросы, исходя из этой точки зрения, представляется трудным.

Большой интерес для характеристики отношения рефлекторной деятельности к психическому отражению представляет концепция Э. А. Асратяна о дуге условного рефлекса. Согласно мнению Э. А. Асратяна, «условно-рефлекторная связь замыкается между нервными клетками корковых ветвей дуги безусловного рефлекса и дуги так называемого ориентировочного рефлекса, т. е. между корковыми ветвями дуг двух безусловных рефлексов. ...Условный рефлекс первого порядка есть синтез двух или большего числа разных безусловных рефлексов...»¹

Точка зрения Э. А. Асратяна не является общепризнанной². Э. А. Асратян исходит из того факта, что ориентировочный рефлекс — тот же безусловный рефлекс. Другие исследователи указывают на то, что ориентировочный рефлекс имеет сходство как с безусловным, так и с условным рефлексом³. Он может возникать как на несигнальные, так и на сигнальные раздражители. Ориентировочный рефлекс и на несигнальный раздражитель обладает также некоторыми чертами условного рефлекса. Например, при неподкреплении, он тормозится.

¹ Э. А. Асратян, К вопросу о физиологии временной связи, «Учение И. П. Павлова и философские вопросы психологии», Сборник статей, изд-во Академии наук СССР, М., 1952, стр. 151.

² См. А. Г. Иванов-Смоленский, Новые попытки пересмотра и ревизии основных понятий учения И. П. Павлова, «Журнал высшей нервной деятельности», т. III, вып. 3, изд-во Академии наук СССР, М., 1953.

³ См. «Конференция по проблемам ориентировочного рефлекса», «Вопросы психологии» № 2, изд-во Академии педагогических наук РСФСР, М., 1957.

Против положений Э. А. Асратяна высказано также возражение, касающееся роли ориентировочного рефлекса в возникновении условного рефлекса: если допустить, что ориентировочный рефлекс является составной частью условного рефлекса, то как объяснить возникновение и упрочение условного рефлекса при полном торможении ориентировочного рефлекса или при значительном его ослаблении. Очевидно соотношение условных и ориентировочных рефлексов является более сложным.

Интересная попытка характеристики этих соотношений представлена Е. Н. Соколовым. По мнению Е. Н. Соколова, как условный раздражитель, так и ответная реакция имеют как специальные, так и ориентировочные механизмы. Он предлагает разделять при выработке временной связи возникновение условной ориентировочной реакции и специального условного рефлекса. Последний возникает в ответ на специальные свойства условного раздражителя. Роль ориентировочного рефлекса заключается в соответствующей настройке анализаторов на лучшее восприятие раздражителей, в общем возбуждении коры, необходимых для образования условно-рефлекторных связей. «Если каждый раздражитель, — пишет Е. Н. Соколов, — можно представить как комплекс, включающий специальные и неспециальные компоненты, причем неспециальные являются возбудителем ориентировочного рефлекса, то ясно, что при образовании условного рефлекса действие каждого раздражителя складывается из специального компонента, стимулирующего условный рефлекс, и неспециального, вызывающего ориентировочную реакцию»¹. Это положение имеет принципиальное значение.

Возникновение психического отражения, очевидно, связано с теми особенностями раздражителей, которые и принимают на себя выполнение сигнальной функции. Безусловно-рефлекторные механизмы реакций на внешние воздействия играют исключительно большую роль в настройке анализаторов на лучшее восприятие раздражителей. Эта роль выполняется ориентировочным, адаптационным и оборонительным безусловным реф-

¹ Е. Н. Соколов, Восприятие и условный рефлекс, М., 1958, стр. 291.

лексом. В случае оборонительного рефлекса это влияние сказывается в регулировании силы и продолжительности действия раздражителей на организм. Общебиологическая функция оборонительного рефлекса заключается в том, чтоб уберечь организм от разрушительного неблагоприятного действия внешних раздражителей. Активное или пассивное устранение от неблагоприятного раздражителя или уменьшение силы его воздействия способствуют наилучшему осуществлению временных связей организма со средой. Кроме того, сам оборонительный рефлекс может быть выработан и условно-рефлекторным путем. Таким образом, оборонительная деятельность организма органически включает в себя осуществление условно-рефлекторных связей.

Кроме общей настроенности организма к наилучшему восприятию внешних воздействий в виде ориентировочного и оборонительного рефлексов отдельные органы обладают способностью регулировать связь организма с определенными раздражителями. Эта способность проявляется в образовании адаптационных рефлексов, которые способствуют настройке анализаторов на соответствующее качество и силу раздражителей.

При осуществлении оборонительной деятельности, возникновении адаптационного и ориентировочного рефлекса существенное значение имеет функция раздражителя — выполняет ли он роль безусловного раздражителя или является сигнальным условно-рефлекторным воздействием. Так исследования (Е. Н. Соколова) показывают, что ориентировочная реакция на сигнальные раздражители усиливается. Очевидно ориентирование с помощью психического отражения осуществляется именно при установлении связей организма с сигнальными раздражителями, а специальные безусловно-рефлекторные деятельности, связанные с возбуждением рецепторов, способствуют наилучшему восприятию этих условно-рефлекторных воздействий.

Оценивая функциональное значение раздражителя для заключения о том, имеет ли в том или ином случае место психическое отражение, следует иметь в виду, что абсолютного закрепления за определенными предметами и явлениями этого значения не существует: во-первых, любой безусловный раздражитель при определенных условиях может стать условным раздражителем для

другой деятельности, с другой стороны, при изменении интенсивности сигнальный раздражитель может вызвать и безусловные рефлексы (адаптационные рефлексы, оборонительные рефлексы и т. д.).

Кроме того, для каждого вида животных существуют некоторые явления, которые вызывают условно-рефлекторную деятельность значительно легче, чем другие явления. Эти явления И. П. Павлов называл натуральными условными раздражителями, а образовавшиеся на них рефлексы — естественными условными рефлексами. Как показали исследования Д. А. Бирюкова и его сотрудников, плеск воды для утки, треск сучьев для бобра, шелест листьев для кролика являются адекватными раздражителями, вызывающими образование различных условных рефлексов легче, чем другие раздражители¹. Эти адекватные раздражители у животных соответствующего вида образуют стойкие ориентировочные рефлексы. Жизненная важность этих раздражителей обуславливает легкость образования в ответ на них рефлексов. Значение для организмов этих воздействий остается сигнальным, хотя они часто напоминают безусловно-рефлекторные раздражители, а поведение — условно-рефлекторным. Формой отражения и этих адекватных раздражителей являются психические процессы, по сложности своей зависящие как от характера самих внешних воздействий, так и от ступени филогенетической лестницы, которую занимает соответствующий вид животных.

Итак, возникновение психического отражения связано с осуществлением условно-рефлекторной деятельности организма в ответ на раздражители, приобретающие сигнальное значение. Психика как специфическая форма отражения появляется на основе биологического отражения в форме раздражимости. В процессе развития животных организмов возникли специальные органы, которые приобрели способность возбуждаться только под действием своеобразных внешних раздражителей: появляется специфическая раздражимость орга-

¹ См. Д. А. Бирюков, К сравнению физиологии и патологии условных рефлексов, «Труды 15-го совещания по проблемам высшей нервной деятельности, посвященного 50-летию учения академика И. П. Павлова об условных рефлексах», изд-во Академии наук СССР, М.—Л., 1952.

нов чувств. «На самой низшей ступени животного царства, — писал И. М. Сеченов, — чувствительность является равномерно разлитой по всему телу, без всяких признаков расчленения и обособления в органы. В своей исходной форме она едва ли чем отличается от так называемой раздражительности некоторых тканей (например, мышечной) у высших животных, потому что с анатомической и физиологической стороны ее представляет кусок раздражительной и вместе с тем сократительной протоплазмы. Но по мере того, как эволюция идет вперед, эта слитная форма начинает более и более расчленяться в отдельные организованные системы движения и чувствования: место *сократительной* протоплазмы занимает теперь мышечная ткань, а равномерно разлитая раздражительность уступает место определенной локализации чувствительности, идущей рядом с развитием нервной системы. Еще далее чувствительность специализируется, так сказать, качественно — является распадением ее на так называемые системные чувства (чувство голода, жажды, половое, дыхательное и пр.) и на деятельность высших органов чувств (зрения, осязания, слуха и пр.). Тип эволюции и здесь в общих чертах прежний — расчленение или дифференциация слитного на части и обособление их в группы различных функций (специализирование отправлений), но какой огромный шаг делает через это животный организм сравнительно с исходной формой в деле согласования жизни с условиями существования!»¹

Известная специализация раздражимости, вызванная изменившимися условиями существования, возникла как условие и результат реакции на индифферентные внешние воздействия. На базе специфической раздражимости, по качеству своему не отличающейся от раздражимости биологически важными воздействиями, возникает сигнальная функция отражения. О качественной близости обеих форм раздражимости свидетельствует указанный в науке факт возникновения дистантной чувствительности, на долю которой главным образом и падает восприятие сигнальных раздражителей, из чувствительности контактной, которая служит прежде всего

¹ И. М. Сеченов, Избранные философские и психологические произведения, Госполитиздат, 1947, стр. 413—414.

осуществлению постоянных связей с жизненно важными внешними воздействиями. Специфическая раздражимость органов чувств, возникшая из общей раздражимости всего организма, является механизмом восприятия сигнальных раздражителей. Сигнальная роль этой раздражимости, связанная с отражением не только воздействия индифферентного самого по себе раздражителя, а и связи его с биологически важным воздействием, отличает новую форму отражения от раздражимости. Само отражение индифферентного раздражителя возможно лишь постольку, поскольку он через сигнализацию биологически важных воздействий включается в процесс жизнедеятельности организма. Предметы и явления, не связанные тем или иным образом с важными для организма влияниями, как бы не существуют для животного.

3. Объективное содержание психического отражения животных

Марксистско-ленинская философия всякое психическое, начиная от элементарных ощущений и кончая абстрактным мышлением человека, определяет как субъективное отражение объективной действительности. Применимо ли это определение психического к животным формам отражения внешнего мира? Если да, то каковы особенности этого объективного и субъективного в психическом отражении животных? Объективным в психике является то содержание, которое представляет собой отражение существующих в объективной действительности, вне организма, вне его психики предметов, явлений, связей между ними. Субъективным в психике является способ существования этого содержания как копии, образа объективной действительности, принадлежность его определенному организму, особенности отражения, обусловленные индивидуальными особенностями организма.

Для психики характерно то, что она является субъективным отражением объективного воздействия предметов и явлений внешнего мира, существующих вне и независимо от организма.

Отражение в форме раздражимости непосредственно слито с обменом веществ. Уже элементарная временная

связь служит механизмом отражения таких явлений, воздействие которых с обменом веществ связано лишь опосредованно.

Объективно, независимо от организма, между предметами и явлениями внешнего мира, имеющими непосредственное биологическое значение для обмена веществ, и предметами и явлениями, не имеющими такого значения, существует связь. Чтобы эти сами по себе незначимые для организма предметы и явления приобрели значение в жизнедеятельности организма, животное должно отразить связь этих предметов и явлений с предметами и явлениями, имеющими непосредственное значение для обмена веществ. Чем выше по своему развитию животное, тем большее значение в его жизнедеятельности приобретает отражение индифферентных самих по себе внешних воздействий, играющих ориентирующую, сигнальную функцию. Отражение этих воздействий есть психическое отражение. Сигнальная же функция психического является, как указывалось выше, специфической его особенностью.

Содержание психического отражения животных является копией, снимком, образом воздействий объективной действительности. Непосредственная характеристика объективного содержания психического отражения, существующего в той или иной субъективной форме, невозможна. Рассуждения по аналогии, антропоморфические домыслы неприемлемы для материалистической науки. Характеристика объективного содержания психического отражения может быть получена из анализа поведения животных, из характеристики тех предметов и явлений объективной действительности, которые регулируют поведение животных, становятся сигналами биологически значимых для них внешних воздействий. О содержании отражения можно судить по объективным воздействиям, копией которых это отражение является.

Сигнальную роль в поведении животных выполняют прежде всего отдельные свойства предметов. «Вы можете, — писал И. П. Павлов, — поднести к собаке руку с запахом мяса или мясного порошка, и этого часто будет достаточно для слюнной реакции. Точно таким же образом вид пищи издали, следовательно только световое влияние объекта, также может возбудить работу

слюнных желез»¹. Раздражителем, сигнализирующим пауку о попадании насекомого в паутину, является вибрация. Вибрация для паука является, очевидно, адекватным условным раздражителем. В данном случае отдельное свойство, отражаясь, выполняет ориентирующую роль в поведении организма. Что дело обстоит именно так, доказывается простыми опытами, в которых вибрация паутины вызывалась не путем движения крыльев насекомых, а путем легкого прикосновения к паутине других несъедобных предметов. Поведение паука в обоих случаях будет одинаковым.

На низшей ступени эволюционного развития психика животных является главным образом отражением отдельных свойств предметов. С развитием организмов способность животных отражать отдельные свойства предметов также развивается. В качестве примера можно сослаться на процесс развития способности животных отражать звуковые воздействия внешнего мира. Так, у кишечнополостных, иглокожих, червей реакций на звуковые раздражители еще не наблюдается. Если выводы о способности воспринимать звуковые воздействия внешнего мира беспозвоночными не подтверждены достаточным количеством экспериментальных данных, то положение о развитии способности позвоночных воспринимать звуковые раздражители подкрепляется многочисленными фактами. Получены экспериментальные данные, которые свидетельствуют о восприятии рыбами звуковых раздражителей. Рыбы реагируют на звучание звонка, камертона, смычковых музыкальных инструментов и др.²

Характеризуя объективное содержание отражения действительности животными, необходимо отметить биологическую обусловленность способности реагировать на то или иное внешнее воздействие. Будучи отраженным в своем объективном существовании, сигнальный раздражитель включается в процесс жизнедеятельности животного. Этим обеспечивается его значение в уста-

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, изд. 2, т. III, кн. 1, изд-во Академии наук СССР, М.—Л., 1951, стр. 31.

² См. Ю. П. Фролов, Условные двигательные рефлексы у пресноводных и морских рыб, «Труды физиологических лабораторий академика И. П. Павлова», т. X, изд-во Академии наук СССР, М.—Л., 1941.

новлении связей организма с условиями существования. Это обстоятельство, например, делает понятным странный на первый взгляд факт, что лягушка не реагирует на выстрел, звонок, барабанный бой, но на легкий шум, на шорох ее реакции отчетливы и тонко специализированы.

Усовершенствование способности животных отражать свойства нейтральных раздражителей проявляется не только в том, что большее количество отдельных звуковых воздействий становится сигнальным и эти раздражители отличаются друг от друга по своему сигнальному значению, но и в том, что животные начинают различать такие качества звуков, как силу, высоту, тембр, которых животные, стоящие на более низких ступенях развития, не различают.

В литературе имеются указания на то, что птицы различают некоторые из этих качеств звука. Нервной системой птиц прочно дифференцируются один от другого все тона. Дифференцировка на полутон удается птицам с большим трудом. Птицы, как установили А. М. Черников и Н. А. Попов¹, воспринимают звук рожка, стук метронома, звучание электрического звонка, звук свистка и другие звуки; они дифференцируют отдельные звуки из их комплекса, различают разные высоты звука каждого из этих раздражителей. Экспериментальные данные лаборатории Б. И. Баяндурова² свидетельствуют о том, что чем больше высота звука, тем дифференцировочная способность звукового анализатора птиц выражена слабее, чем ниже высота звука, тем птицы более успешно дифференцируют эти звуки. Установлено, что, например, голуби в области четвертой и третьей октавы дифференцируют полутона, в шестой же октаве они могут различать только терции.

¹ См. Н. А. Попов и А. М. Черников, О дифференцировании внешних раздражений птицами, «Архив теоретической и практической медицины», т. I, № 1—2, Баку, 1923; Н. А. Попов, Искусственные условные рефлексы у птиц и проблема анализатора пространства, «Известия Азербайджанского Государственного университета», т. II, 1922.

² См. Б. И. Баяндуров, К физиологии зрительного анализатора птиц, «Русский физиологический журнал», т. XIV, вып. I, Л.—М., 1931; *его же*, Условные рефлексы у птиц, «Труды Томского Государственного медицинского института», т. 5, Сборник трудов кафедры нормальной физиологии, Томск, 1935.

Какой тонкости достигает способность нервной системы высших животных воспринимать и различать звуковые раздражители свидетельствуют экспериментальные данные, полученные при изучении высшей нервной деятельности собак. Так в опытах В. В. Белякова было обнаружено, что если из тона в 1000 колебаний в секунду сделать положительный условный раздражитель, то уже тон 1012 колебаний может стать дифференцировочным к этому сигнальному раздражителю. Звуки, отличающиеся друг от друга на $\frac{1}{8}$ тона, различаются собакой, они приобретают для нее разное сигнальное значение.

Легко дифференцируется собакой тон в 800 колебаний в секунду от тона в 812 колебаний. Тормозной тон в 680 колебаний отличается нервной системой собаки от положительного тона в $637\frac{1}{2}$ колебаний в секунду¹. Абсолютная дифференцировка была получена при парном воздействии на нервную систему собаки звуками в 19 000 и 20 000, 19 500 и 20 000, 29 000 и 30 000, 29 500 и 30 000 колебаний в секунду².

В павловских лабораториях испытывались чистые тона соответствующей частоты.

Дифференцирование чистых тонов осуществляется по тем же закономерностям, что и дифференцирование обыкновенных сложных тонов, и достигает у собак большой тонкости.

Верхняя граница звуковысотного восприятия собаки заключается в пределах 36 000—38 000 колебаний в секунду³.

Не менее совершенно дифференцируются собакой звуки, отличающиеся один от другого по тембру.

Многочисленные опыты⁴ показали, что слуховой

¹ См. G. Anrep, Pitch Discrimination in the Dog, «The Journal of Physiology», vol. LIII, N 6, 1920.

² См. Л. А. Андреев, Способность различения тонов высокой частоты у собак, «Физиологический журнал СССР», т. XVII, вып. 6, Л.—М., 1934.

³ См. Л. А. Андреев, О высокой границе слуха собаки, «Русский физиологический журнал», т. XI, вып. 3, 1928.

⁴ См. М. А. Усиевич, К дальнейшей характеристике ушного анализатора у собаки, «Труды Общества русских врачей в С.-Петербурге», т. 78, сентябрь—декабрь, 1911; Д. С. Фурсиков, Дифференцирование прерывистых звуковых раздражителей центральной нервной системой собаки, «Известия Петроградского научного института имени П. Ф. Лесгафта», т. II, 1920.

анализатор тонко дифференцирует не только сами звуки по их высоте и тембру, но и различные промежутки между следующими друг за другом звуками: положительный или отрицательный метроном частотой 100 ударов в минуту легко дифференцируется от нейтрального метронома в 104 удара в минуту.

Собака тонко различает звуки одной частоты и одного тембра по их силе. «Не представляет особенного труда, — писал И. П. Павлов, — из каждой данной интенсивности одного и того же звука сделать отдельный условный раздражитель, причем так, например, что малая интенсивность данного тона составляет определенный условный раздражитель, а большая остается без малейшего действия. В таких случаях интенсивность одного и того же звука может настолько мало отличаться одна от другой, что человеческое ухо при их сравнении на самом коротком расстоянии времени едва отличает или совсем не отличает их друг от друга, между тем как анализатор собаки отчетливо отличает их даже на расстоянии часов»¹.

Получены положительные результаты по дифференцированию собакой заданной интенсивности тона как от более высокой, так и от более низкой интенсивности того же тона².

Расширение объективного содержания отражения происходит за счет дополнения отражения отдельных свойств предметов и явлений восприятием совокупностей этих свойств. Формируясь под воздействием определенных внешних условий, нервная система приобретает способность воспринимать предметы как целостное образование в виде совокупности существующих вне и независимо от воспринимающего организма свойств, сторон, оттенков предметов и явлений внешнего мира. Известно, что форма предметов является существенным их качеством. Предметное восприятие начинается именно с возникновения восприятия формы.

В процессе эволюционного развития животного мира способность воспринимать форму предметов появляется

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, изд. 2, т. III, кн. 1, стр. 140—141.

² См. Н. П. Тихомиров, Сила раздражителя в качестве особого условного раздражителя, «Труды Общества русских врачей в С.-Петербурге», т. 77, апрель — май, 1910.

позже, чем способность воспринимать световой поток, дифференцировать световые раздражители разной длины волны. Например, черви различают только свет и тьму, некоторые же насекомые начинают различать формы предметов (различение форм венчиков цветков пчелами в опытах Фриша). У птиц удалось констатировать способность к более тонкой дифференциации форм предметов. В опытах Б. И. Баяндурова¹ птицы отличали шесть форм эллипсов от круга, имеющего с эллипсами одинаковую площадь. Голуби дифференцировали четырех-, пяти-, шести-, восьми-, двенадцати- и шестнадцатиугольники; все эти геометрические фигуры отличались птицами и от круга, лишь при дифференцировке круга и шестнадцатиугольника наступил срыв нервной деятельности.

Экологически определенная для каждого вида животных внешняя среда, обусловившая соответствующее строение нервной системы и анализаторов, определяет характер сигнальной деятельности нервной системы данного вида животных. Это относится и к восприятию форм животными. Так, амфибии лучше воспринимают среди общей массы внешних предметов маленькие, но движущиеся, чем большие и неподвижные. Этот факт подтверждает положение о том, что одним из условий восприятия внешних воздействий является приобретение ими сигнального значения для организма. Маленькие размеры и движение предметов являются чаще всего сигналами пищи амфибиям, питающимся мелкими животными организмами, поэтому и воспринимаются маленькие предметы амфибиями лучше, чем другие свойства предметов.

Способность воспринимать форму предметов достигает большой степени развития у млекопитающих.

Собака, например, дифференцирует несколько разных эллипсов от круга, одинакового с эллипсами по своей освещенности и величине². Отличительным призна-

¹ См. Б. И. Баяндуров, Условные рефлексy у птиц, «Труды Томского Государственного медицинского института», т. 5, Сборник трудов кафедры нормальной физиологии, Томск, 1935.

² См. Н. Р. Шенгер-Крестовникова, К вопросу о дифференцировании зрительных раздражений и о пределах дифференцирования в глазном анализаторе собаки, «Известия Петроградского научного института имени П. Ф. Лесгафта», т. III, Пг., 1921.

ком в этой дифференцировке служила форма. Вначале вырабатывалась дифференцировка эллипсов к кругу с соотношением полуосей 1:2, затем 2:3; 3:4; 4:5; 8:9. Дифференцировка круга и эллипса с отношением полуосей 8:9 оказалась пределом функциональных возможностей собаки анализировать формы предметов. Дифференцировка вырабатывалась и в данном случае, но она была непрочной, быстро нарушалась. Более того, после ее выработки, как правило, наступал срыв нервной деятельности, в результате которого разрушалась не только эта тонкая дифференцировка, но и дифференцировки более грубые.

О большой точности и тонкости восприятия животными формы предметов свидетельствуют опыты над обезьянами. Обезьяны различают 5 ступеней высоты одновременно предъявляемых полусфер, разнящихся между собою на 7 мм, разницу толщины в 5 мм при одновременном сопоставлении 5 объектов. Разное сигнальное значение для обезьян могут приобрести объекты, длина которых различается на 8 мм.

Обезьяны отличают предмет, тождественный образцу, который приобретает сигнальное значение, при одновременном предъявлении четырех разных по величине овалов, пяти многоугольников, четырех трапеций и т. д. Обезьяны различают также овал, круг, пяти-, шести-, десяти- и двенадцатиугольники, ромб, трапецию, сектор и полукруглость, из стереометрических фигур — шар, куб, конус, цилиндр, трех-, четырех- и шестигранные пирамиды, трех-, четырех- и шестигранные призмы¹. Обезьяны могут находить и поднимать с пола мелкие зерна при разной освещенности, ловить мелких насекомых².

Для предметного отражения действительности животным свойственно не только восприятие формы предмета, но и других его качеств. Любой предмет может обладать множеством особенностей, представляя собой совокупность свойств. Благодаря отражению этой совокупности свойств расширяется предметное содержание

¹ См. Н. Н. Ладыгина-Котс, Исследование познавательных способностей шимпанзе, М.—Пг., 1924.

² См. Г. З. Рогинский, Навыки и зачатки интеллектуальных действий у антропоидов (шимпанзе), Л., 1948.

психики животных. Наряду с отражением отдельных свойств предмета в форме ощущений у животных возникает отражение совокупности воспринимаемых органами чувств свойств предмета в форме восприятия. Необходимым условием возникновения у животных психического отражения в форме восприятия является высокое развитие анализаторов и аналитико-синтетической деятельности нервной системы. «По мере филогенетического развития центральной нервной системы, — писал И. П. Павлов, — нервные комбинационные системы, в виде определенных и все более усложняющихся так называемых рефлекторных центров, переносились все ближе и ближе к головному концу, представляя все больший анализ и синтез возбуждающих агентов в связи с нарастанием сложности организма и умножением отношений организма с внешней средой все в больших ее районах. Таким образом постепенно, рядом с более или менее стереотипной нервной деятельностью, с готовыми комплексами физиологических функций, вызываемыми элементарными и немногочисленными раздражениями, развивалась высшая нервная деятельность, считающаяся все с большим числом условий, большим числом уже комплексных раздражений, притом еще колеблющихся»¹.

С точки зрения учения И. П. Павлова ответная реакция животного на комплексный раздражитель значительно сильнее и ярче выражена, чем ответная реакция на раздражитель, воздействующий на какой-нибудь отдельный анализатор².

Отдельные раздражители комплекса, воздействующего на животного, могут быть свойствами разных предметов (так чаще и исследовались условные рефлексы на комплексный раздражитель в экспериментальных условиях павловских лабораторий), но могут быть разными свойствами одного и того же предмета. В последнем случае восприятие этих свойств как определенной совокупности является характерным для предметного образного отражения. Со стороны психологической ха-

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, изд. 2, т. III, кн. 2, изд-во Академии наук СССР, М.—Л., 1951, стр. 140.

² См. И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, изд. 2, т. III, кн. 1, стр. 43.

раактеристики нет разницы между реакцией организма на комплекс свойств, принадлежащих разным предметам, и реакцией на комплекс свойств, являющихся сторонами одного предмета. Условно-рефлекторная деятельность нервной системы в ответ на комплексный раздражитель служит физиологической основой отражения объективной действительности в форме образов внешних предметов. Образование условных рефлексов на комплексный раздражитель является показателем способности нервной системы животных к отражению совокупности свойств, качеств, объективно существующих как свойства, качества определенных предметов, явлений.

Данных о возможности образования условных рефлексов на комплексные раздражители у животных, стоящих на более низких ступенях эволюции, чем рыбы, в литературе нет. Все закономерности образования условных рефлексов на комплексный раздражитель были открыты при изучении высшей нервной деятельности собак.

Комплекс внешних воздействий, приобретающий для животного сигнальное значение и вызывающий ответную деятельность организма, может состоять как из однородных раздражителей, так и из раздражителей, воздействующих на разные анализаторы. Так, например, условный рефлекс у собаки может быть образован на комплекс, состоящий только из звуковых раздражителей. Дифференцировочным к этому комплексу может быть комплекс из тех же звуков, отличающихся от раздражителей первого комплекса изменением места отдельных звуков¹. Этот факт свидетельствует о чрезвычайно тонкой способности нервной системы к дифференцированию не только отдельных раздражителей, но и сложных их сочетаний.

Звуковые раздражители действуют на нервную систему собаки и в комплексе с раздражителями, воспри-

¹ См. А. Г. Иванов-Смоленский, Опыт сравнительного изучения высшей нервной деятельности человека и собаки. «Медико-биологический журнал», вып. 3, М.—Л., 1926; *его же*, Об анализе последовательного четырехчленного звукового условного раздражителя, «Труды физиологических лабораторий академика И. П. Павлова», т. II, вып. I, изд-во Академии наук СССР, 1927.

нимаемыми другими анализаторами, например зрительным¹.

Условно-рефлекторная деятельность на последовательный или одновременный комплекс раздражителей имеет некоторые особенности по сравнению с условно-рефлекторной деятельностью в ответ на изолированные раздражители, входящие в состав данного комплекса: комплекс раздражителей для нервной системы собаки является не конгломератом соединенных в нем отдельных раздражителей, а некоторым новым целостным образованием, по объективному своему существованию и по сигнальному значению неравным простой арифметической сумме входящих в него раздражителей.

Кроме предметов, явлений и их свойств, а также связей между различными предметами и свойствами одного предмета в их движении и развитии в объективной действительности ничего не существует. Поэтому объективное содержание отражения и включает отражение отдельных свойств предметов и явлений, предметов и явлений в целом и связей между отдельными свойствами и признаками предметов и предметами и явлениями в целом. Процесс расширения объективного содержания отражения заключается в переходе от отражения отдельных свойств и качеств раздражителей, связей между ними, через отражение предметов и явлений к раскрытию отношений между ними.

Образование условного рефлекса на отношение между раздражителями характерно для достаточно высокого уровня развития нервной системы: выработать этот рефлекс, как показали опыты, удастся не у всех животных. Характеристика рефлекса на отношение между раздражителями заключается в следующем: если на животное воздействует прерывистый световой раздражитель, например электрическая лампочка, вспыхивающая 60 раз в минуту, то сигнальное значение может приобрести не только этот световой раздражитель, но и звук метронома в 60 ударов в минуту, звучание звонка с тем же количеством прерываний в минуту и т. д. Таким же раздражителем может стать отношение темпера-

¹ См. А. О. Долин, Синтетический рефлекс и физиологическое соотношение его компонентов, «Труды физиологических лабораторий акад. И. П. Павлова», т. IX, 1940.

тур, светлот и др.¹ И. И. Зборовская, например, вырабатала у обезьян специализированную условную реакцию — вытягивать кормушку определенного веса (1200 и 1000 г). Кормушки весом в 300 и 500 г были в этих опытах соответствующими дифференцировочными раздражителями. После экстренной замены соответствующих пар раздражителей новой парой кормушек весом в 100 и 300 г положительная реакция сразу без подкрепления образовалась на 300 г, вытягивание кормушки весом в 100 г стало дифференцировочным раздражителем.

В литературе описаны многочисленные опыты по выработке условных рефлексов на так называемый относительный признак предмета (исследование сотрудников лаборатории, руководимой В. П. Протопоповым², Н. Н. Ладыгиной-Котс³, Г. З. Рогинского, Н. А. Тих⁴ и др.). Признаки предмета быть больше или меньше другого предмета, быть выше или ниже его, светлее или темнее, быть ближе или дальше не являются присущими предметам самим по себе, абсолютным. Это — относительные признаки предмета.

При образовании рефлекса в ответ на отношение между раздражителями, непосредственно чувственно не воспринимаемые свойства предметов и явлений внешнего мира воспринимаются в результате сравнения чувственно воспринимаемых свойств предметов и явлений внешнего мира. Отношение между раздражителями само вызывает изменение состояния клеток в коре головного мозга животного и может стать поэтому сигналом влияния жизненно важных для организма внешних

¹ См. С. В. Клецов, Отношение звуков, как условно-рефлекторный раздражитель, «Труды физиологических лабораторий акад. И. П. Павлова», т. V, 1933; *его же*, К вопросу об обобщении отношения раздражителей в тормозных условных рефлексах, «XV Международный физиологический конгресс, Ленинград — Москва, 9—17 августа 1935 г., Тезисы сообщений», Биомедгиз, 1935.

² См. В. П. Протопопов, Исследование высшей нервной деятельности в естественном эксперименте, Медгиз, УССР, Киев, 1950.

³ Н. Н. Ладыгина-Котс, Исследование познавательных способностей шимпанзе.

⁴ См. Г. З. Рогинский и Н. А. Тих, Условные рефлексы на отношения у обезьян и других животных, «Тезисы сообщений на X конференции филиала Юга РСФСР, посвященной 15-летию со дня смерти акад. И. П. Павлова», Ростов-на-Дону, 1951.

воздействий. Условный рефлекс на отношение является формой отражения связей между предметами и явлениями внешнего мира. Отношение как объективное воздействие на нервную систему проявляется только при восприятии животным нескольких раздражителей, независимо от физической природы каждого из них, взятого отдельно. Более того, «отношение как раздражитель генерализуется; полученное на одном раздражителе, оно воспроизводится на всяком другом новом раздражителе. Этот факт мы называем «генерализацией отношения в качестве раздражителя». Мало этого, можно брать как раздражители из того же анализатора, так и раздражители из другого анализатора»¹.

Связь между предметами отражается животным уже при образовании простого условного рефлекса. Это — связь условного раздражителя с безусловным подкреплением. При образовании рефлексов второго и третьего порядков отражается связь между условными раздражителями. В реакциях на отношение, отражение связи между явлениями усложняется. Дифференцировка и обобщение внешних воздействий в ответ на отношение раздражителей при образовании условного рефлекса на отношение достигает того предела, выше которого развитие сигнальной деятельности нервной системы животных не пошло.

Условный рефлекс на отношение между внешними воздействиями является одной из физиологических основ конкретно-чувственного мышления. Мышление животных носит чувственно-ситуационный характер. Отвлечение и обобщение у них возможно тогда, когда животные в процессе своей деятельности взаимодействуют с предметами и явлениями внешнего мира. Наивысшая объективность, которой достигают животные, отражая действительность, заключается в установлении пространственных и временных связей, возникающих между чувственно воспринимаемыми вещами. Объективное содержание психики животных является отражением лишь объективного существования явлений. Сущность предметов, проявляющихся прежде всего в сфере причинно-следственных отношений между ними,

¹ «Павловские среды», т. III, изд-во Академии наук СССР, М.—Л., 1949, стр. 358.

остается недоступной для восприятия животных¹. Для познания сущности необходимо такое обобщение и отвлечение, которое бы позволило оперировать образами предметов вне непосредственной связи с вызвавшими их предметами. Этой способностью животные не обладают. Мышление животных — конкретно-чувственное, это «мышление в действии», как говорил И. П. Павлов. Мышление животных это не процесс умственного оперирования образами, а процесс узнавания предметов. «Когда у человека реальное впечатление от какого-либо предмета повторяется, скажем, в тысячный раз, в сознании его являются рядом реальное впечатление данной минуты и воспоминание о нем, происходит сопоставление по тождеству, и результатом является то душевное движение, которое мы называем узнаванием предмета. Это есть наипростейшая форма мысли, свойственная даже животным, — форма, с которой начинается умственная жизнь»². Характеризуя элементы мысли, И. М. Сеченов утверждал, что животным свойственна способность сравнения, соизмерения, но эти процессы совершаются в сфере чувственных данных, без всяких рассуждений³. «Низшие формы расчлененного сложного (т. е. сгруппированного) чувствования, заключающиеся в различении и узнавании внешних предметов, свойственны не только ребенку, но и животным, обладающим способностью передвижения. По какому бы поводу ни двигалось животное, ему на каждом шагу необходимо схватывать топографические условия местности, чтобы приравнивать к ним локомоцию и схватывать их часто на бегу, когда пристальное рассмотрение предметов физически невозможно. Значит, даже этот наипростейший случай предполагает в одно и то же время умение различать свойства местности по летучим намекам, и оценку их со стороны удобств для передвижения, т. е. род знания этих свойств из личного опыта. Еще сложнее условия различения в случаях, когда животное гоняется за добычей: здесь ему

¹ См. Н. Н. Ладыгина-Когс, Особенности элементарного мышления животных, «Вопросы психологии» № 3, изд-во Академии педагогических наук РСФСР, М., 1955.

² И. М. Сеченов, Избранные философские и психологические произведения, стр. 384.

³ См. там же, стр. 356, 449.

приходится приравливать свои движения не только к местности, но и к движениям добычи; схватывать не одни пространственные, но и преемственные отношения. Выбор пищи, отличие друга от врага, умение находить дорогу домой в свою очередь изобличают в животном не только способность различать предметы, в смысле их выделения из групп, но и умение узнавать в них старых знакомцев»¹.

4. Факторы, обуславливающие индивидуализированный характер психического отражения животных

Характеристики только объективного содержания отражения, то есть того, что из внешнего мира может быть воспринято и может способствовать ориентированию животного в окружающей среде, далеко недостаточно для понимания природы психических явлений у животных. Содержание отражения вплетается в сложную систему жизнедеятельности и приобретает тем самым индивидуализированный характер. Принадлежность определенному организму, известная субъективность отражения — другая не менее важная сторона психики животных, чем ее объективность, заключающаяся в отражении независимых от животных предметов, явлений или связей, отношений между ними.

Особенность отражения в органической природе и состоит в том, что, выполняя определенную роль в приспособлении к условиям существования, оно является деятельностью организма как активной системы. «Механическая, физическая реакция (*alias* [иначе] теплота и т. д.) исчерпывает себя с каждым актом реакции, — писал Энгельс. — Химическая реакция изменяет состав реагирующего тела и возобновляется лишь тогда, когда прибавляется новое количество его. Только *органическое* тело реагирует *самостоятельно* — разумеется, в пределах его возможностей (сон) и при предпосылке притока пищи, — но эта притекающая пища действует лишь после того, как она ассимилирована, а не непосредственным образом, как на низших ступенях, так

¹ И. М. Сеченов, Избранные философские и психологические произведения, стр. 465—466.

что здесь органическое тело обладает *самостоятельной* силой реагирования; новая реакция должна быть *опосредствована им*»¹.

Таким образом, самостоятельность реагирования, его опосредованный характер являются существенными особенностями отражательной деятельности животных, характеризующими субъективную сторону их психики. Эти особенности развиваются в процессе эволюционного развития животного мира. Они определяют активный характер взаимоотношений животных с условиями существования, служат предпосылкой приспособительной деятельности организмов.

Уже на самых низших ступенях развития животного мира реакции организма опосредованы его внутренним физиологическим состоянием. Неучитывание этого обстоятельства приводило к механистическому толкованию животных как реагирующих автоматов, а их поведения как совокупности физико-химических реакций (концепция Леба)².

Сама же активность животного, избирательный характер его связей с внешними воздействиями, имеющими для животного положительное или отрицательное биологическое значение, являются результатом тонкого приспособления организма к условиям существования. В результате длительной органической эволюции у животных вырабатываются и наследственно закрепляются определенные требования к среде, обуславливающие затем дальнейшую жизнедеятельность данного организма.

Значение требований организма к условиям существования проявляется уже в избирательной активной деятельности простейших организмов. Вот пример, иллюстрирующий это положение³. Инфузории стентору в ротовое отверстие пипеткой впускают карминовую пыль. Сначала инфузория производит быстрые движения, заглатывая эту пыль. Через некоторое время она перестает реагировать, движения ее прекращаются. Если после этого все-таки продолжать раздражать организм

¹ Ф. Энгельс, Дialeктика природы, стр. 238.

² См. Ж. Леб, Вынужденные движения, тропизмы и поведение животных, М., 1924.

³ См. H. S. Jennings, Das Verhalten der niederen Organismen, Leipzig — Berlin, 1910.

карминовой пылью, то инфузория начнет удалять от себя воду с раздражителем. Эти опыты свидетельствуют об активном характере реагирования организма, опосредствованном его внутренним физиологическим состоянием.

Внешние воздействия определяют внешние реакции организма и изменения его внутреннего физиологического состояния. Внешняя активность животного проявляется как «движение ко всему, захватывание всего, что сохраняет, обеспечивает целость животного организма, уравнивает его с окружающей средой, — положительное движение, положительная реакция; и наоборот, движение от всего, отбрасывание, выбрасывание всего, что мешает, угрожает жизненному процессу, что нарушило бы уравнивание организма со средой, — отрицательная реакция, отрицательное движение»¹.

На низших уровнях развития животного мира реакции животного направляются на раздражители, имеющие непосредственное биологическое значение. Эти реакции регулируются воздействием самих этих раздражителей. По мере развития животного мира активность организма, имеющая в основе своей определенные требования к среде, регулируется отражением сигнальных раздражителей. Реакции же организма по-прежнему направлены на биологически непосредственно значимые внешние воздействия. С развитием организмов расширяются возможности их ответной деятельности (развивается и усовершенствуется двигательная система, афферентная нервная система и т. д.). В процессе эволюции животных организмов ответная деятельность все более и более опосредствуется увеличивающейся активностью организма по отношению к жизненно важным воздействиям (расширяется круг потребностей организма), также увеличивается регулирующая роль сигнальных раздражителей: их воздействие все больше и больше отделяется от непосредственного удовлетворения потребностей.

Все законы физиологической деятельности нервной системы характеризуют самостоятельность, своеобраз-

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, изд. 2, т. III, кн. 2, стр. 317.

ние ответной деятельности организма, активный характер его связей с окружающей средой. Диалектика процессов возбуждения и торможения свидетельствует о самостоятельном реагировании органической системы. Как возбуждение, так и торможение — это активные процессы взаимодействия организма, как своеобразной системы, со средой. «Если образование временной связи между известными внешними явлениями и соответствующими реакциями организма, — писал И. П. Павлов, — есть выражение совершенства животной машины, обнаружение более точного уравнивания организма с окружающей средой, то это совершенство дает себя еще более познать в тех колебаниях, которым подвергается эта временная связь в счет, так сказать, преимущественно внутренней механики нервной системы»¹.

Внутренняя механика нервной системы, о которой говорит И. П. Павлов, обеспечивает то, что бесчисленные раздражители не вызывают непрерывных реакций организма, не связаны раз и навсегда с определенной физиологической деятельностью. В каждый данный момент только относительно немногие из этих раздражителей встречают подходящие условия вызвать ту или иную деятельность организма. Внутренние условия обеспечивают выбор нервной системой определенного вида деятельности в ответ на определенный раздражитель, выделенный из бесконечного столкновения влияний внешнего мира. И. П. Павлов образно говорил, что между различными условными рефlekсами идет непрерывная борьба, выбор в каждый данный момент. Первостепенную роль в исходе этой борьбы играет процесс торможения. «Условные рефlekсы как сигнальные по принципу постоянно и тонко корригируются. Раз они не оправдываются в действительности, т. е. за ними не следуют существенные явления, которые они сигнализируют, то они как бы в силу *экономического принципа* в данное время или при данных условиях отменяются, продолжая существовать в другое время, при других условиях»².

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, изд. 2, т. III, кн. 1, стр. 136.

² Там же, стр. 356—357, (Курсив мой. — Е. Ш.)

Внутренняя динамика процессов возбуждения и торможения обуславливается не только характером внешних воздействий, но и состоянием нервных клеток, их работоспособностью. Абсолютная сила воспринятого раздражителя служит показателем силы раздражимости нервной клетки. При увеличении силы воздействия будет увеличиваться и сила раздражительного процесса. Однако это увеличение возможно не без конца. Запас энергии, которым располагает нервная клетка, не беспределен. И. П. Павлов выдвинул положение о необходимости различать порог и предел возбудимости нервной клетки. Если порогом возбудимости является лабильность нервных клеток, их реактивность, то пределом возбудимости является торможение, оберегающее клетку от разрушения, от непосильной для нее работы. Представление о пределе работоспособности позволило объяснить явление суммации раздражителей, которая характерна для нервной деятельности. Согласно правилу суммации действие сильных условных раздражителей не суммируется, как бы упираясь в предел работоспособности, действие слабых раздражителей суммируется, причем суммированная сила раздражителей не должна превышать предела работоспособности нервных клеток.

«При комбинировании слабых условных раздражителей, — писал И. П. Павлов, — можно часто видеть точную арифметическую сумму их. При комбинации слабого раздражителя с сильным происходит только некоторое увеличение эффекта до известной предельной величины. А при комбинации двух сильных эффект становится меньше каждого из компонентов как выходящий за предел (правило суммации условных раздражителей)»¹.

В связи с вопросом о фактах, обуславливающих индивидуальный характер отражательной деятельности, более важным является то, что, кроме конституционального предела работоспособности нервных клеток, существует функциональный предел работоспособности: «При вмешательстве в высшую нервную деятельность предела работоспособности клетки, — говорил

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, изд. 2, т. III, кн. 2, стр. 389.

И. П. Павлов, — надо различать два разных случая: 1) в тех случаях, когда раздражитель является физиологически чрезмерным, выступает торможение, чтобы предохранить клетку от разрушения, и 2) в тех случаях, когда понижается влечение или инстинкт, т. е. тонизирующее влияние подкормки, сильные рефлексy делают для жизни излишними (например, при перекармливании), на них развивается торможение, слабые же, оставаясь в пределах работоспособности, сохраняют обычную величину, или и на них может иррадиировать торможение из пунктов, на которые действуют сильные раздражители»¹. Первый тип предела работоспособности Павлов называет «конституциональным», второй — «функциональным». Оба они накладывают соответствующий отпечаток на отражательную деятельность нервной системы, определяют характер избирательного реагирования животного на внешние воздействия.

Переход возбуждения в торможение осуществляется через определенные фазы. Их нельзя понять, если исходить только из характера внешних воздействий, не учитывая внутренних особенностей нервной системы, способности ее к своеобразному, самостоятельному реагированию, опосредованному природой, состоянием самой реагирующей системы. Все ступени состояний коры, характеризующие соотношением возбуждения и торможения, располагаются последовательно друг за другом. Эту последовательность можно представить в виде шкалы, на концах которой располагаются, с одной стороны, возбужденное состояние, чрезвычайно повышенный тонус раздражения, с другой — состояние полного торможения. Между ними располагается длинный ряд состояний взаимодействия процессов возбуждения и торможения. Их равновесие при нормальном бодром состоянии, уравнильное состояние, возникает тогда, когда все раздражители, независимо от их интенсивности, действуют совершенно одинаково, парадоксальное появляется тогда, когда действуют только слабые раздражители (причем сильные раздражители воспринимаются, но реакция на них еле заметна) и

¹ «Павловские среды», т. I, изд-во Академии наук СССР, М.—Л., 1949, стр. 18.

ультрапарадоксальное состояние имеет место тогда, когда положительное действие оказывают только раздражители, ранее вызывавшие отчетливую тормозную реакцию.

Таким образом, отражение организмом внешних воздействий зависит от состояний нервной системы животного, характера его уравнивания со средой. Объективное содержание отражения выступает для животного в системе его индивидуальных связей в известном смысле в субъективной форме. Фотографического отражения действительности нет и у животных.

Зависимость психики животных, как отражения индифферентных внешних воздействий, от характера жизнедеятельности организма проявляется в том, что образование условных рефлексов обусловливается не только самими по себе качествами условного раздражителя, но и тем безусловным рефлексом, на базе которого соответствующий условный рефлекс образуется. Возбуждение в ответ на воздействие сигнального раздражителя, достигнув полушарий головного мозга, из всех возможных путей в нижележащие отделы мозга выбирает те, которые ведут к наиболее возбужденным безусловно-рефлекторным центрам, выражающим потребность организма. Условный раздражитель для животного выступает заменителем, как И. П. Павлов говорил, суррогатом безусловного воздействия. Экспериментальные факты показали, что величина условного рефлекса зависит непременно от физической силы условного раздражения, но она зависит и от физической силы безусловного раздражителя. Экспериментальные исследования взаимоотношений безусловных и условных рефлексов показали, какова зависимость условных рефлексов от характера их подкрепления. Между величиной условного рефлекса и величиной подкрепления существует прямая зависимость¹. Небольшое подкрепление пищевого условного рефлекса давало малое количество слюны, большее — большее количество.

¹ См. С. В. Клецов, О зависимости величины пищевых условных рефлексов от количества безусловного подкрепления, «Труды физиологических лабораторий акад. И. П. Павлова», т. VI, вып. 2, изд-во Академии наук СССР, М.—Л., 1936.

Не менее ярким подтверждением активности организма как определенной системы и роли безусловного рефлекса в отражении животным действительности является факт выработки условного рефлекса на определенное безусловное раздражение при подкреплении этого рефлекса другим безусловным раздражителем. Например, сильный разрушительный раздражитель — электрический ток, приложенный к коже, был превращен в условный раздражитель пищевого рефлекса¹. В условный раздражитель могла быть превращена серия уколов кожи, прижигание. Превращение безусловного раздражителя в сигнальный раздражитель другого безусловного рефлекса возможно в том случае, если первый рефлекс является физиологически более слабым, биологически менее важным, чем второй рефлекс. В опыте, где сильный электрический ток раздражал надкостницу, угрожая жизни организма, выработать условный пищевой рефлекс на электрическое раздражение не удавалось. В каждый данный момент верх одерживает более жизненно важный рефлекс.

Тонкая динамика восприятия условных и безусловных раздражителей, дифференцированная реакция организма на раздражители в зависимости от непосредственной и опосредованной их жизненной важности свидетельствуют о приспособительном характере отражательной деятельности животных, о включенности психического отражения в самый процесс жизнедеятельности организма.

Среди факторов, обуславливающих индивидуальный характер отражения животным объективной действительности, особое место занимает тип нервной системы.

Известно, что основные нервные процессы (возбуждение и торможение) характеризуются силой, подвижностью и уравновешенностью. Соответствующее сочетание этих свойств процессов торможения и возбуждения определяет тип нервной деятельности. Экспериментальные исследования и наблюдения над естественным поведением животных дали возможность содержательно характеризовать жизненные проявления этих

¹ См. М. Н. Ерофеева, Электрическое раздражение кожи собаки как условный возбудитель работы слюнных желез, изд. Академии медицинских наук СССР, М., 1953.

свойств. Из многочисленных сочетаний силы, подвижности и равновесия процессов возбуждения и торможения выделяются четыре главных типа: центральный, подлинно нормальный тип, у которого оба нервных процесса находятся в равновесии. Существует две формы сильного типа: с одной стороны, тип спокойных животных, с другой, очень оживленных, подвижных. Крайнее положение в классификации типов занимают: во-первых, сильный тип, но со слабым процессом торможения, и, во-вторых, слабый тип, у которого одинаково слабы как процесс возбуждения, так и процесс торможения.

Совпадение классификации типов нервной системы с классификацией темпераментов Гиппократов, выведенной из наблюдений над людьми в разных ситуациях, при решении разных жизненных задач, свидетельствует о том, какое большое значение при изучении поведения животных придавалось индивидуальным особенностям. В павловской школе одной из центральных задач физиологии высшей нервной деятельности была задача постоянно учитывать влияние типа нервной системы на условно-рефлекторную отражательную деятельность организмов.

В процессе индивидуальной жизнедеятельности организмов при постоянном взаимодействии организма с окружающей средой прирожденные особенности нервной системы изменяются, если того требуют обстоятельства, воспитываются, над ними надстраивается сложная система индивидуально приобретенных особенностей. «Итак, — писал И. П. Павлов, — тип есть прирожденный конституциональный вид нервной деятельности животного — генотип. Но так как животное со дня рождения подвергается разнообразнейшим влияниям окружающей обстановки, на которые оно неизбежно должно отвечать определенными деятельностями, часто закрепляющимися, наконец, на всю жизнь, то окончательная наличная нервная деятельность животного есть сплав из черт типа и изменений, обусловленных внешней средой, — фенотип, характер»¹.

Воспитываясь под влиянием изменяющихся условий существования, фенотип влияет на весь процесс жизни

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, изд. 2, т. III, кн. 2, стр. 334.

недеятельности организма, на форму его связей со средой, на всю отражательную деятельность нервной системы животного.

Если врожденные особенности нервной ткани, закономерность взаимоотношения основных нервных процессов, характер безусловных рефлексов накладывают определенный отпечаток на отражение животным внешнего мира, то особенности нервной деятельности, возникшие в процессе жизни отдельного организма, придают отражательной деятельности еще больший индивидуализированный, субъективный характер. В первом случае отражательная деятельность испытывает влияние видового опыта, во втором — опыта индивида. Индивидуальный опыт животного существует в форме наличных условных рефлексов и в форме следов в нервной системе от прежних раздражителей объективной действительности. Каждое вновь пришедшее в головной мозг возбуждение, вызванное воздействием предметов и явлений внешнего мира на органы чувств животного, включается в сложную систему прежних воздействий окружающей среды на организм, объективность его обретает в этой системе своеобразную форму своего существования, присущего только данному организму. Она приобретает индивидуальную субъективную форму существования, форму психического отражения. В павловской школе придавалось большое значение роли внешних воздействий, воспринятых животным в ходе индивидуального развития организма, для процесса его жизнедеятельности. «Большая, но, однако, совершенно осуществимая задача, — писал И. П. Павлов, — учесть следы раздражителей, ранее падавших на животное»¹. Следы в нервной системе от прежних воздействий могут приобретать для животного сигнальное значение, подобно наличным условным раздражителям. Собственно, о существовании следов прежних воздействий и судят прежде всего по образованию следовых условных рефлексов.

В процессе эволюции животного мира способность нервной системы сохранять следы прежних влияний развивается, у высших животных она достигает высокого уровня. Действие следа в нервной системе может

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, изд. 2, т. III, кн. 1, стр. 242.

длиться от нескольких секунд до нескольких дней. Изучение следовых эффектов, взаимодействие их с наличием воздействием условных раздражителей служат необходимым условием раскрытия физиологической основы представлений животных. И. П. Павлов высказал предположение, что представление не является приобретением только человека, обладающего речью. И. П. Павлов указывал на то, что у обезьян сохраняется зрительный образ ранее воспринимавшегося предмета и что этот образ оказывает влияние на поведение животного. Анализируя конкретный экспериментальный материал над шимпанзе, оперировавшей палками определенной формы, И. П. Павлов утверждает, что «обезьяна в некоторых благоприятных условиях пользуется уже и зрительным образом»¹. И в другом месте он отмечает, что «Рафаэль» «анализирует зрительные образы палок»².

Прослеживая постепенное накопление ассоциаций, умножение временных связей у обезьян, И. П. Павлов считает, что у обезьян, имевших дело с палками, «должна образоваться ассоциация отверстия со зрительными образами палок»³.

На наличие у животных представлений указывали Тинкклоу и Войтонис⁴. Они проводили опыты с подменной спрятанного на глазах у животного предмета (такие опыты проделывались на собаках, лисах, обезьянах).

Указывая на возможность существования представлений у животных, И. П. Павлов подчеркивал, что образы у животных мимолетны, слабы, связаны с конкретной ситуацией. Наблюдая действия обезьян конкретными предметами, И. П. Павлов писал: «На обезьянах видно, что для того, чтобы что-нибудь сделать, перейдя от одного к другому, им нужно видеть оба

¹ «Павловские среды», т. II, изд-во Академии наук СССР, М.—Л., 1949, стр. 297.

² Там же, стр. 387.

³ Там же, стр. 388.

⁴ См. Н. Ю. Войтонис и А. В. Крекнина, Материалы к сравнительно-психологическому изучению памяти, «Инстинкты, навыки», т. I, Сборник, Соцэкгиз, М.—Л., 1935; Н. Ю. Войтонис, Сравнительно-психологическое изучение памяти методом отсроченных реакций, «Рефлексы, инстинкты и навыки», т. II, Сборник, Соцэкгиз, М., 1936.

раздражения. Если же обезьяна не получит второго раздражения, которое входит в комбинацию с первым, то она по следу их не свяжет»¹.

Прямая зависимость образов от биологических потребностей организма, их включенность в поведение животных, их связь с двигательными реакциями, невозможность их существования вне воздействующей ситуации — таковы характерные особенности представлений животных. Это, собственно, не те идеальные образы предметов, которые выделяются из непосредственной деятельности, отделены от непосредственно воспринимаемых предметов и явлений и самого воспринимающего субъекта. Эти образы присущи только человеку. Осознанный характер человеческих представлений — существенная их особенность. Представления животных выполняют роль в том элементарном их мышлении, которое ограничивается узнаванием предметов, как его метко определил И. М. Сеченов.

Насколько бы спорным ни было положение о существовании представлений у животных и их роли в поведении, бесспорным, экспериментально доказанным является положение о роли следов прежних воздействий действительности в восприятии внешнего мира, во всей отражательной деятельности организма. Вопрос может заключаться в том, какова природа этих следов, являются ли они чисто физиологическим или вместе с тем и психическим образованием. Но любой ответ на этот вопрос не колеблет положительного утверждения о том, что следы внешних воздействий, индивидуальный опыт животного накладывают определенный отпечаток на наличную высшую нервную деятельность, придают индивидуализированный оттенок психическому отражению животного. Что касается вопроса о природе этих следов, то нам представляется правильным следующее его решение. Следы, полученные в результате восприятия сигнальных раздражителей и сами при определенных условиях выполняющие сигнальную ориентирующую функцию в жизнедеятельности организмов, имеют характер психического отражения. Кроме этих следов, нервная система хранит отпечатки воздействия жизненно важных факторов среды.

¹ «Павловские среды», т. III, стр. 97.

Природа этих отпечатков выражается в соответствующем изменении физико-химической структуры клеток.

Активность организма в системе его отношений с окружающей средой, являющаяся фактором субъективности отражательной деятельности нервной системы, не ограничивается изменением внутреннего состояния нервных клеток и физиологического состояния организма вообще. О роли такого рода активности в отражательной деятельности, от которой во многом зависит характеристика субъективности этой деятельности, речь и шла до сих пор. Активность организма как самостоятельной системы, однако, проявляется не только в изменении внутреннего физиологического состояния организма в целом, его нервной системы в частности, но и в расширении его внешней активности..

В конечном итоге вся внешняя деятельность животного направлена на удовлетворение его потребностей. Но из всех форм деятельности выделяются некоторые, которые сами по себе не направляются непосредственно на удовлетворение потребностей, но которые готовят организм к этой деятельности и в известном смысле опосредуют выполнение основных деятельностей организма, которые заключаются в приближении к тому, что обеспечивает нормальный процесс жизнедеятельности, и уходе от всего, что нарушает или затрудняет его.

Среди этих форм деятельности, опосредствующих процесс жизнедеятельности организма, прежде всего следует отметить ориентировочно-исследовательскую деятельность, произвольные движения и так называемую орудийную деятельность. Их краткая характеристика необходима, чтобы понять, как расширяется субъективность отражательной деятельности в процессе развития животного мира и какого уровня достигают биологические предпосылки возникновения специфически человеческого отражения.

Ориентировочный рефлекс является первой формой отражения воздействия раздражителя или его изменения. Ориентировочная реакция — это реакция на новизну. Проявляется она прежде всего в установке органов чувств на лучшее восприятие предметов. Первичное проявление активности организма в ориентировочной деятельности может угаснуть, если раздражи-

тель действует длительное время или воздействие его повторяется, не сопровождаясь существенными для организма влияниями внешней среды.

Активность организма в ориентировочном рефлексе может не ограничиться лишь соответствующей настройкой рецепторов на восприятие раздражителей, но сопровождаться активными двигательными реакциями животного, изменением физиологического состояния организма, проявляющимся в изменении вегетативных реакций и т. д. Эта вторая фаза активности организма при ориентировочном рефлексе является непременным условием образования временных связей организма со средой. Ориентировочная реакция может оказывать многообразные влияния на возникновение и существование сигнальных связей со средой, вызывающих уже другие, не ориентировочно-исследовательские, безусловно-рефлекторные, реакции организма. В одних случаях ориентировочная реакция препятствует осуществлению других деятельностей организма (пищевой, оборонительной, половой), в других — она сама включается в условно-рефлекторную деятельность, как бы обрастая ею. Включаясь в условно-рефлекторную деятельность организма, ориентировочная реакция превращается из просто реакции, ориентирующей животного в сложных окружающих условиях, в исследовательскую деятельность. Эта деятельность в процессе эволюционного развития животного мира усложняется, ее проявления специализируются. Анализируя поведение обезьян, И. П. Павлов писал: «...первый факт, который чрезвычайно поражает, первый вывод, который я делаю из наблюдения за этими обезьянами, — это чрезвычайно высокое развитие у них исследовательского рефлекса.

Когда я начал говорить об исследовательском рефлексе, я разумел самую первоначальную форму этого рефлекса. Он необходим, чтобы правильное ориентироваться в окружающей обстановке. При этом требуется известная установка рецепторов, соответствующее прислушивание, приглядывание, принюхивание и т. д.»¹

У антропоидных обезьян ориентировочно-исследовательский рефлекс выражен более резко, чем у низших

¹ «Павловские среды», т. II, стр. 68.

обезьян¹. «Рядом с самцом «Рафаэлем», — говорил И. П. Павлов, — имеется самка «Роза», которая, наоборот, предпочитает умственное упражнение брюшному удовлетворению. Сплошь и рядом, когда ей суют еду, она отталкивает ее. Так что можно сказать, что если она и интересуется решением этой задачи, то, казалось бы, на основании только любопытства»².

Ориентировочно-исследовательский рефлекс, при своем возникновении и развитии у многих животных бесспорно связанный с пищевым инстинктом или инстинктом самосохранения, у обезьян в известном смысле выходит за рамки непосредственных биологических потребностей организма. Довольно часто наблюдаемые у обезьян факты торможения пищевой реакции реакцией ориентировочно-исследовательской служат этому бесспорным доказательством³. «У наших собак связи всегда деловые», — говорил И. П. Павлов, а у обезьян ориентировочно-исследовательская деятельность начинает существовать как бы самостоятельно, как «бескорыстное любопытство». В какой-то степени независимо от удовлетворения пищевых потребностей обезьяны могут подолгу «решать» предлагаемые им экспериментальные задачи. Ориентировочно-исследовательская деятельность обезьян осуществляется не только с помощью прислушивания, всматривания, принюхивания, но и с помощью разнообразных движений. Усовершенствование двигательных реакций, выражающих активность животного, способствует обогащению восприятий животным окружающего мира, так как органы движения, являясь эффекторами, концом рефлекторной дуги, в ряде случаев выполняют функцию рецепторов, начальной ее части, с помощью которых воспринимаются воздействия окружающего мира.

¹ См. Х. Т. Арский, А. О. Долин, Г. Г. Кузатов, Ф. П. Майоров, С. А. Палатник, С. А. Харитонов, А. А. Ющенко, Сравнительное исследование высшей нервной деятельности обезьян, «Материалы к V Всесоюзному съезду физиологов, биохимиков и фармакологов, Москва, июнь 1934 г. Тезисы и авторефераты», М.—Л., 1934.

² «Павловские среды», т. II, стр. 386.

³ См. С. Д. Каминский, Функциональные отклонения высшей нервной деятельности у обезьян, условия их возникновения и лечение, «VI Всесоюзный съезд физиологов, биохимиков и фармакологов, Тбилиси, 12—18.X.1937 г., Сборник докладов».

Анализируя факты образования ориентировочно-исследовательского рефлекса у обезьян, И. П. Павлов указывал, что игровая деятельность обезьян, способность их «помастерить», непосредственно не связанная с безусловным подкреплением, обнаруживает признаки «внутреннего мира» животного, являющегося результатом активного состояния коры головного мозга, в которой запечатлено огромное множество следов временных нервных связей, объединенных в сложную физиологическую функциональную систему.

Ориентировочно-исследовательский рефлекс, играющий большую роль в жизнедеятельности животного организма, составляет одну из биологических предпосылок развития сознания человека. По мнению И. П. Павлова, характерной особенностью человека является чрезвычайно высокое развитие ориентировочно-исследовательской деятельности. Любознательность человека имеет своей биологической предпосылкой ориентировочно-исследовательский рефлекс животных. «И мы и животное, — писал И. П. Павлов, — при малейшем колебании окружающей среды устанавливаем соответствующий рецепторный аппарат по направлению к агенту этого колебания. Биологический смысл этого рефлекса огромен. Если бы у животного не было этой реакции, то жизнь его каждую минуту, можно сказать, висела бы на волоске. А у нас этот рефлекс идет чрезвычайно далеко, проявляясь, наконец, в виде той любознательности, которая создает науку, дающую и обещающую нам высочайшую, безграничную ориентировку в окружающем мире»¹.

Активность животного организма в системе отношений с окружающей средой находит свое яркое выражение в формировании так называемых произвольных движений. С развитием способности к произвольным движениям еще более индивидуализируется отражательная деятельность животных. Способность к произвольным движениям является необходимой предпосылкой возникновения направляемой сознанием волевой деятельности, присущей только человеку.

Наивысшей степени «произвольность» поведения достигает в свободном оперировании животным теми

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, изд. 2, т. IV, изд-во Академии наук СССР, М.—Л., 1951, стр. 28.

предметами, которые не потребляются им или отвергаются вследствие их опасности для жизни организма. На высших уровнях развития животного мира эти индифферентные предметы могут употребляться животным в качестве орудий для овладения пищей, для осуществления реакций самосохранения. Активность животного в этой форме деятельности достигает своего наивысшего уровня, а субъективный элемент отражения действительности в ней полностью раскрывается. Употребление предметов в качестве «орудий» свойственно высшим животным. Необходимым условием деятельности с помощью предметов, употребляемых в качестве «орудий», являются возможность образования исключительно большого количества кинестетических связей и взаимодействие этих связей с временными связями, возникающими в ответ на воздействия объективной действительности на все анализаторы¹.

И. П. Павлов не раз отмечал, что обезьяны способны употреблять многие предметы окружающей действительности в качестве «орудий» для решения предложенных им задач. Он наблюдал, как обезьяны пользуются веревкой, крючками, палками, ящиками, кружками, бутылками и другими предметами.

Необходимость употребления некоторых предметов в качестве «орудий» у обезьян, как показывает Н. Н. Ладыгина-Котс, возникает тогда, когда без помощи других предметов совершенно невозможно или затруднено овладение пищевым или другим объектом, непосредственно удовлетворяющим биологические потребности животного².

В деятельности высших обезьян с помощью предметов, применяемых в качестве «орудий», наиболее выразительно проявляется гибкий, пластичный характер сигнальной деятельности их головного мозга.

¹ См. Э. Г. Вацуро, К вопросу о механизме поведения человекообразной обезьяны (шимпанзе) в свете учения акад. И. П. Павлова об условных рефлексах, «Девятое совещание по физиологическим проблемам, посвященное пятилетию со дня кончины акад. И. П. Павлова. Тезисы докладов», изд-во Академии наук СССР, М.—Л., 1941.

² См. Н. Н. Ладыгина-Котс, Развитие психики в процессе эволюции организмов, М., 1958; *ее же*, Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян, изд-во Академии наук СССР, М., 1959.

Однако употребление различных окружающих животное предметов для решения задач ограничено тем, что обезьяны пользуются предметами в качестве «орудий» случайно и при этом не всегда по назначению. Так, например, бутылка может использоваться для разбивания твердых предметов. Для животных орудия не имеют определенного смыслового значения, в них не запечатлеваются способы действия с ними, определенные трудовые операции. «Орудийная», как и всякая другая, деятельность животного включается в процесс осуществления главных жизненных потребностей организма.

Человек, познавая глубже, чем это удается животным, свойства предмета, более эффективно использует этот предмет в качестве орудия. В отличие от животных, которые иногда используют в качестве «орудий» предметы, созданные природой, в ряде случаев лишь незначительно их видоизменяя, человек сам создает орудия труда. Таким образом, существеннейшим качественным отличием человека от обезьяны является то, что человек производит орудия, тогда как обезьяна не способна к изготовлению орудий.

Отсутствие даже у высших животных способности к усвоению причинно-следственных отношений между предметами внешнего мира, отсутствие у них закрепленного значения за предметами, выполняющими роль орудий, слабость образов предметов, осуществление деятельности через пробы и опыты является показателем того, что животные действуют, руководствуясь наличной ситуацией, без предварительного плана деятельности.

В отношении человека с внешним миром возникают специфические особенности, о которых речь будет ниже. Но возникновение этих особенностей подготовлено развитием отражательной деятельности нервной системы животных организмов. Это развитие касается расширения объективного содержания отражений, а также усложнения активности организма в приспособительной деятельности к определенным условиям существования. Эта активность определяет субъективный индивидуализированный характер отражения животными внешнего мира. Представление о том, что человек отличается от животных своей активностью, не соответствует действительности. Характер активности человека

отличается от характера активности животного. Активность первого направлена на преобразование природы, она направлена не только на те предметы, которые имеют непосредственное жизненное значение, но и на то, что имеет опосредованное значение для удовлетворения потребностей. Активность животного включена в непосредственный процесс жизнедеятельности, не выделяясь из него. Активность эта носит потребительский характер. Ее значение для организма состоит в приспособлении к условиям существования. «Животное всю жизнь, — писал И. М. Сеченов, — остается самым узким практиком-утилитаристом, а человек уже в детстве начинает быть теоретиком»¹. Несмотря на все многообразие связей животного организма со средой, на всю сложность взаимодействия организма и условий существования, животные только приспосабливаются к среде, пользуются внешней природой, а производят в ней изменения лишь в силу своего присутствия. Целесообразные действия животных не наложили, по выражению Ф. Энгельса, на природу печать их воли.

Активность животного не существует вне его непосредственного взаимодействия с окружающей действительностью.

Для доказательства существования сознания у животных некоторые авторы приводят положение Энгельса о развитии планомерных действий животных с развитием их нервной системы. Нам представляется, что понятие планомерности действий употребляется в данном случае в смысле приспособительного характера, в смысле ориентирования животного в зависимости от условий, от определенной ситуации. А понятие «сознание» употребляется как синоним психического. Фактический материал, тщательный анализ других положений классиков марксизма-ленинизма о сходстве отражения животных и человека и о специфических особенностях отражения последнего убеждают в необходимости понятие «сознание» применять лишь для характеристики отражательной деятельности человека.

¹ И. М. Сеченов, Избранные философские и психологические произведения, стр. 496.

III. ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЗНАНИЯ

1. Мозг и психика.

Физиологическое и психическое

Вопрос о природных основах сознания имеет как общефилософское, так и специальное естественнонаучное значение. Для философии решение этого вопроса важно потому, что оно непосредственно касается основного вопроса философии. Известно, что решение вопроса об отношении материи и духа, бытия и сознания опирается на тот или иной уровень развития естествознания. Вместе с тем в естествознании общепсихологические проблемы находят свою конкретизацию. В частности, конкретизацией решения основного вопроса философии в психологии является так называемая психофизическая проблема, или проблема отношения мозга и сознания.

Несмотря на колоссальные успехи естествознания вообще и тех отделов его, которые изучают деятельность организма, нервной системы, мозга, и в настоящее время еще имеют место утверждения о том, что психические явления не связаны с физиологической деятельностью мозга. Открыто религиозным представлениям по этому вопросу вторят взгляды некоторых естествоиспытателей, которые сами непосредственно имеют дело именно с исследованием деятельности нервной системы. Так, один из крупных исследователей нервной системы — Шеррингтон, касаясь проблемы отношения мозга и сознания, со всей откровенностью заявил, что сознание и мозг представляют собою две друг с другом не связанные системы, что деятельность мозга не имеет отношения к возникновению сознания. Если мозг, представляя собою материальную систему, по

мнению Шеррингтона, является предметом естествознания, то на изучение сознания компетенция естественных наук не распространяется¹. Убедительную критику концепции Шеррингтона дал И. П. Павлов. Положение Шеррингтона о неприменимости к исследованию деятельности головного мозга концепции условных рефлексов вместе с исходной позицией Шеррингтона И. П. Павлов оценил как откровенный дуализм, с точки зрения которого человек делится на смертное тело и не связанный с ним неумирающий дух. «Сравнивая законы головного мозга и его механизмы, — говорил И. П. Павлов о Шеррингтоне, — он приходит к чрезвычайно странному заключению. Он, оказывается, до сих пор вовсе не уверен в том, что мозг имеет какое-нибудь отношение к нашему уму. Невролог, всю жизнь проевший зубы на этом деле, до сих пор не уверен, имеет ли мозг какое-нибудь отношение к уму?.. Это чисто дуалистическое представление. Это значит декартовская точка зрения: мозг это есть рояль, пассивный инструмент, а душа это есть игрок, который извлекает из этого рояля всякие арии и все, что хочет. Очевидно так»². О дуалистической позиции Шеррингтона свидетельствует его положение о том, что концепция сознания разрушит ту преграду, которая неразумно воздвигнута на пути единства индивида, если она в человеческий индивидуум поместит бессмертную душу. С точки зрения Шеррингтона, природа и сознание представляют собой две различные, не связанные друг с другом сущности. Человек является связующим звеном между ними.

Исходная дуалистическая позиция, заключающаяся в разрыве сознания и материи, определяет дальнейший ход мысли, направленной на установление между сознанием и материей связей, формулирование закономерностей взаимодействия между ними. Разорванные с самого начала системы необходимо было как-то соотнести друг с другом, указать на характер их взаимоотношений. Задача раскрытия соотношения мате-

¹ См. *Ch. Sherrington, The Brain and Its Mechanisms*, Cambridge University Press, 1934; *его же, Man on His Nature*, Edinburgh, 1955.

² «Павловские среды», т. II, изд-во Академии наук СССР, М.—Л., 1949, стр. 444—445.

рии и сознания стоит перед многими исследователями. Но решение ее определяется общетеоретическими позициями авторов. Широко распространенной является дуалистическая концепция в решении проблемы «мозг и психика». Представители этой точки зрения сами говорят о том, что их теории взаимодействия являются разновидностью дуализма и эти теории будто бы наиболее приемлемы для решения проблемы соотношения мозга и психики¹. Исходная теоретическая позиция их находит якобы свое естественнонаучное подтверждение, раскрытие. Так, например, по мнению Эдриана, задача исследования заключается в том, чтобы выяснить, когда и при каких обстоятельствах сознание вмешивается в ход нервных процессов².

Дуалистическую формулировку общей задачи, которая представлена у Эддингтона, Шеррингтона, Эдриана и других авторов, другие исследователи пытались дополнить характеристикой того, как сознание устанавливает связь с мозгом. Наиболее известная в этом отношении попытка содержится в трудах одного из крупных современных физиологов Англии — Икклза. В одной из своих статей³ Икклз ставит своей задачей раскрыть условия, при которых между мозгом и сознанием, самими по себе не связанными, устанавливается связь. Таким образом, задача заключается не в том, чтобы выяснить, при каких условиях возникает сознание, или каким образом мозг порождает сознание, а в том, чтобы ответить на вопрос, при каких условиях мозг и сознание, существующие врозь, связываются между собой. Так, в указанной статье Икклз отмечает, что установить связь сознания с мозгом возможно потому, что мозг обладает только ему свойственной функцией восприятия (детекторная функция). Для установления связи сознания с мозгом, по мнению Икклза, необходим определенный уровень активности коры головного мозга. Снижение этого уровня неиз-

¹ См. A. Eddington, *The Philosophy of Physical Science*, Cambridge, New York, 1939; Ch. Sherrington, *Man on His Nature*, Edinburg, 1955.

² См. E. D. Adrian, *The Physical Background of Perception*, Oxford, 1947.

³ См. J. C. Eccles, *Hypotheses Relating to the Brain—Mind Problem*, «Nature», vol. 168, N 4263, 1951.

менно влечет за собой разрыв связи сознания и мозга. Икклз считает, что влияние сознания на мозг осуществляется путем воздействия сознания на нейроны, в частности на синапсы. Это влияние осуществляется потому, что сознание способно изменить положение синапса, переместив его на определенное расстояние (в пределах ультрамикроскопических величин). В связи с тем что между нейронами нервных клеток мозга существуют многообразные связи и возбуждение проводится через сеть нейронов, то путем перемещения сознанием синапса осуществляется влияние сознания на материю мозга.

В развернутом и наиболее разработанном виде концепция Икклза изложена им в монографии «The Neurophysiological Basis of Mind» (1953 г.). В этой книге, ссылаясь на новейшие данные физиологии, в частности электрофизиологии, Икклз солидаризируется с позицией Эддингтона, Шеррингтона, Эдриана, Кларка в решении проблемы «мозг и сознание».

В качестве исходного момента в естественнонаучном понимании проблемы соотношения мозга и сознания Икклз принимает сформулированные Шеррингтоном и Эдрианом положения о том, что связь сознания с мозгом осуществляется в коре при участии диэнцефалических центров. Нервные импульсы из этих центров поддерживают необходимую активность коры. Чтобы между сознанием и мозгом установилась связь, необходим высокий уровень этой активности. Активность проявляется в возникновении нервных разрядов, в генерализации импульсов в нейронах коры головного мозга.

Развивая представления о детекторной функции коры, отличающей ее чувствительность от чувствительности любого физического инструмента, Икклз выдвигает положение о том, что любая форма колебаний сознания копируется пространственно временными формами колебаний нервной активности. Пытаясь каким-то образом понять, как происходит копирование в нервных изменениях того, что происходит в сознании, Икклз формулирует свою позицию следующим образом: «Связь мозг — сознание идет в двух направлениях, от мозга к сознанию в такой же степени, как от сознания к мозгу в волевых актах. Имеющиеся данные

о мозге дают основу для гипотезы влияния сознания на мозг. Обратный путь — как специфические колебания активности мозга воспринимаются сознанием — более темн; но, по-видимому, если сознание может оказывать влияние на динамические пространственно-временные формы активности в коре и само имеет какие-то пространственно-временные формы колебаний, то можно бы ожидать, что оно будет доступно для действия в обратном направлении»¹.

Несмотря на то что в своих взглядах Икклз использует новейшие данные науки о деятельности мозга, эти взгляды остаются на уровне дуалистических представлений о соотношении мозга и сознания.

Основное содержание дуалистических представлений не изменилось со времен Декарта. Меняется только их форма и способ аргументации.

Положение психофизической проблемы на стыке философии и естествознания, ее мировоззренческое значение, недостаточное естественнонаучное обоснование служат причиной того, что психофизическая проблема постоянно приковывает внимание как естествоиспытателей, так и философов. В разные периоды развития естествознания меняется способ обсуждения этой проблемы. До середины XIX в., когда лишь только начались эксперименты по физиологии нервной системы, главной естественнонаучной основой для обсуждения этой проблемы служили анатомические и морфологические исследования. Психофизическая проблема в связи с этим выглядела как проблема локализации в мозгу психических процессов. С развитием физиологии, особенно физиологии высших отделов нервной системы, бесспорно доказавшей материалистическое положение о том, что сознание является функцией мозга, психофизическая проблема стала рассматриваться как проблема отношения физиологических и психических явлений.

Особенно оживленное обсуждение этой проблемы развернулось в последнее десятилетие, в частности после известной сессии двух академий в нашей стране, посвященной физиологическому учению И. П. Павлова.

¹ J. C. Eccles, *The Neurophysiological Basis of Mind*, Oxford, 1953, p. 281.

Оживившаяся экспериментальная работа и теоретическое освоение учения И. П. Павлова, высокая оценка его как естественнонаучной основы марксистско-ленинской теории познания и советской психологии требовали четкого ответа на вопрос об отношении физиологических и психических явлений. В ряде специальных дискуссий центральное место занимал этот вопрос (дискуссия 1953—1954 гг. в журналах «Советская педагогика» и «Вопросы философии»), вышло также несколько книг, где проблема физиологического и психического является одной из главных проблем.

В связи с трактовкой психофизической проблемы в современном ее виде как проблемы соотношения физиологических и психических явлений обсуждению подвергся вопрос о соотношении психического и форм движения материи. Вопрос этот, как известно, поставлен довольно давно, однако в связи с новым его аспектом (с необходимостью характеристики соотношения физиологического и психического) снова возникает потребность вернуться к его обсуждению. Прошедшие дискуссии, вышедшие в свет работы по вопросу об отношении сознания и форм движения материи выявили существование двух крайних позиций. Сторонники одной из них утверждают, что сознание является формой движения материи, прямо противоположную точку зрения отстаивают авторы, которые полагают, что сознание нельзя трактовать как форму движения материи, хотя бы и высшую.

Энгельс, отстаивая материализм в борьбе с идеализмом, подчеркивал положение о том, что единство мира заключается в его материальности и что все существующее в мире представляет собою разные формы движения материи. Мышление и сознание не представляют в этом отношении исключения. «Движение, рассматриваемое в самом общем смысле слова, т. е. понимаемое как форма бытия материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собою все происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением»¹. Характеризуя в другом месте отношение материи и движения, Энгельс указывал, что «движение

¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 44.

материи — это не одно только грубое механическое движение, не одно только перемещение; это — теплота и свет, электрическое и магнитное напряжение, химическое соединение и разложение, жизнь и, наконец, сознание»¹.

Представители первой из указанных выше точек зрения, ссылаясь на Энгельса, утверждают, что мысль, сознание представляют собой форму движения материи. При этом у некоторых авторов их рассуждения приобретают ярко выраженный вульгарно-материалистический вид. Так, В. М. Архипов пишет: «Психика есть одна из форм движения материи; следовательно, психика — явление, протекающее во времени и пространстве. Материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении; психика — явление чувственное, которое можно «взять в руки». Такова точка зрения диалектического материализма и, в частности, Энгельса, который в выражениях, не допускающих кривотолков, утверждает, что психика есть форма движения материи»².

Позицию диаметрально противоположную занимают авторы (Н. А. Хромов и др.), которые утверждают, что представления о сознании как форме движения материи «не имеют ничего общего с марксистско-ленинской теорией отражения; классики марксизма-ленинизма доказывают, что психика не сводима ни к форме движения материи, ни к самой материи»³.

Обе крайние позиции, представленные, в частности, Архиповым, с одной стороны, и Хромовым — с другой, не могут удовлетворить диалектико-материалистическое понимание действительного соотношения сознания и материи. В чем их недостатки, в каком направлении надо искать ответа на вопрос о характере отношений материи и сознания?

Ошибочность сторонников позиции, отрицающей определение сознания как формы движения материи, заключается в отрыве сознания от материи, в чрезмер-

¹ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 16.

² В. М. Архипов, *О материальности психики и предмете психологии*, «Советская педагогика» № 7, изд-во Академии педагогических наук РСФСР, М., 1957, стр. 67.

³ Н. А. Хромов, *К вопросу о физическом и психическом*, «Учение И. П. Павлова и философские вопросы психологии», Сборник статей, изд-во Академии наук СССР, М., 1952, стр. 134.

ном противопоставлении первого последней. За видимостью их борьбы с вульгарным материализмом может быть обнаружено идеалистическое понимание соотношения материи и сознания. Источником такого понимания является метафизическое противопоставление материи и сознания. Само же противопоставление в свою очередь является следствием разрыва движения и материи. Идеалисты, признавая движение, изменение сознания, мыслей, считают эти изменения результатом внутренней спонтанно действующей психической способности. Движение мыслей, с их точки зрения, не связано с движением материи. «Идеалист, — писал В. И. Ленин, — и не подумает отрицать того, что мир есть движение, именно: движение моих мыслей, представлений, ощущений. Вопрос о том, что движется, идеалист отвергнет и сочтет нелепым: происходит смена моих ощущений, исчезают и появляются представления, и только»¹. Подчеркивая движение, идеалисты теряют из виду то, что движется. Материя исчезает, остается лишь движение. Не соглашаясь с определением сознания как формы движения материи, настаивая на специфичности сознания, на его несводимости к материи, представители этой точки зрения по существу отрывают психическое от материального, превращают сознание в самостоятельную сущность.

Неправильна и позиция некоторых сторонников определения сознания как формы движения материи. Их ошибка состоит в том, что, характеризуя сознание, мышление как форму движения материи, они само движение сводят к материи. Из этого сведения логически следует утверждение, что сознание является чем-то материальным. Оно материально настолько, что его, как утверждает В. М. Архипов, можно «взять в руки».

Диалектический материализм, подчеркивая причинную материальную обусловленность сознания, связь сознания с материей, не сводит сознание к материи.

Соотношение сознания с движением материи наиболее точно и полно выразил В. И. Ленин, когда писал, что взгляды материализма состоят не в том, «чтобы выводить ощущение из движения материи или сводить

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 254.

к движению материи, а в том, что ощущение признается одним из свойств движущейся материи»¹. Таким образом, сознание это не материя и не движение, а свойство движущейся материи. Такому пониманию соответствует определение сознания как свойства высокоорганизованной материи. В мире действительно нет ничего, кроме движущейся материи. Сознание не является каким-то самостоятельным началом. Началом всего является материя. Монизм диалектико-материалистической теории заключается в том, что все существующее признается видоизменением, разными формами материи. Вместе с тем диалектический материализм утверждает, что на определенном уровне развития материи у нее появляется свойство отражать вне человека существующую действительность в форме идеальных, умственных образов. Своеобразие этого свойства, его специфичность по сравнению с другими свойствами материи заключается именно в его идеальности. Сознание не является своеобразной субстанцией, сущностью. Оно лишь своеобразное свойство, проявление материальной сущности. Подобно любому свойству материи, сознание возникает только во взаимодействии объективных предметов и явлений. Оно возникает в результате материального взаимодействия. Вне этого взаимодействия сознания не существует. Однако ни то, что сознание является свойством особым образом организованной материи — мозга, ни то, что оно возникает в результате взаимодействия материальных систем — человека и внешнего мира, не означает, что само сознание материально. Какими бы оговорками ни сопровождалось утверждение о материальности сознания, какие бы аргументы ни приводились в его пользу, в конечном результате оно неминуемо ведет к вульгарно-материалистическим выводам.

Диалектико-материалистическая точка зрения заключается не в том, чтобы, последовательно проводя принцип материалистического монизма, отрицать реальность идеального, а в том, чтобы, исходя из того же принципа, объяснить возникновение особого свойства материи — отражать объективную действительность в форме идеальных образов. Монизм в данном случае

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 35.

закключается в том, что идеальное рассматривается как производное от материального. Производность идеального, психического заключается в том, что оно, во-первых, является результатом, продуктом деятельности материального органа — мозга, и, во-вторых, в том, что идеальное представляет собой снимок, копию, отражение материального мира. Но, признавая существование материальных источников сознания, не следует сознание отождествлять с материей, или, что по существу то же самое, утверждать, что сознание является материальным. Попытка некоторых авторов (Ф. Ф. Кальсин) выйти из затруднительного положения путем разграничения понятий «материя» и «материальное», как субстанции и свойства, не приводит к успеху. В конечном итоге она также остается в рамках вульгарно-материалистической трактовки соотношения материи и сознания. Дело по существу не меняется, если сознание считается не материей, а материальным свойством. От воззрений вульгарных материалистов XIX в. эту точку зрения отличает только то, что она материю заменяет материальным. В данном случае проблема соотношения бытия и духа, материи и сознания не разрешается, а просто перестает быть проблемой. Вопрос, обсуждаемый во всей истории философии, как основной вопрос всякого мировоззрения, становится неправомерным. Из основного вопроса он превращается в один из частных вопросов о том, как соотносятся между собою разные свойства материи, которая является субстанцией. При этом имеется в виду, что у материи могут быть свойства только материальные. Исходная материалистическая мысль о связи сознания с материей, метафизически доведенная до отождествления идеального и материального, в конечном итоге льет воду на мельницу идеализма.

Диалектико-материалистическое решение проблемы материального и идеального исходит из рассмотрения связи сознания с материальной деятельностью мозга и характеристики сознания как отражения действительности. В существующей советской философской и психологической литературе как бесспорное принято положение о том, что сознание, как отражение действительности, нельзя отождествлять с отражаемой действительностью. Образ предмета — это, разумеется, нечто

отличное от самого предмета. Ссылаясь на высказывание В. И. Ленина об абсолютной противоположности материи и сознания в пределах гносеологического вопроса, большинство авторов утверждает, что вне этих пределов противоположность материи и сознания относительна. С переходом к характеристике этой относительной противоположности начинаются горячие дискуссии. В ходе обсуждений поднимается вопрос о том, в чем заключается противоположность материи и сознания за пределами основного гносеологического вопроса и до какой степени эта противоположность относительна.

В связи с достижениями павловского физиологического учения и признанием высшей нервной деятельности основой сознания проблема материи и сознания приобретает конкретный вид как проблема соотношения сознания и высшей нервной деятельности. Среди советских ученых (философов, психологов, физиологов) не найдется сейчас никого, кто бы не считал, что высшая нервная деятельность имеет непосредственное отношение к возникновению сознания. Разные точки зрения существуют по вопросу о том, каково это отношение.

Общефилософский вопрос об отношении сознания к движущейся материи, понимание сознания как свойства движущейся материи конкретизируется в обсуждении проблемы соотношения высшей нервной деятельности и сознания. До последнего времени в этой конкретизированной форме вопрос об отношении материи и сознания не перестает обсуждаться. Живой интерес к нему объясняется большим его значением для философии, но еще бóльшим значением для физиологии высшей нервной деятельности и психологии. С его решением связано определение предмета психологии, выяснение соотношения психологии и физиологии высшей нервной деятельности, оценка и выбор методов исследования психических явлений. Этот комплекс важных и сложных вопросов в данной книге рассматриваться не будет. Он требует специального серьезного исследования. Вопрос об отношении высшей нервной деятельности и психики затрагивается здесь лишь в связи с основной задачей данной части работы — дать характеристику физиологической основы сознания.

В решении вопроса о соотношении психики и высшей нервной деятельности существуют две крайние точки зрения. Сторонники одной из них утверждают, что высшая нервная деятельность и психика — явления тождественные. Поскольку же высшая нервная деятельность успешно изучается физиологией, то психология не имеет права на самостоятельное существование, если она не хочет оставаться на уровне поверхностных описаний. Призыв И. П. Павлова «слить», наложить субъективное на объективное, психическое на физиологическое этими авторами воспринят как призыв к отождествлению психологии с физиологией высшей нервной деятельности, вернее, к ликвидации психологии, замене ее физиологией. Подобные взгляды, особенно вскоре после павловской сессии, были распространены как среди физиологов, так и среди психологов. Например, по мнению Н. А. Вяземского, «в своей сущности психическое совпадает с физиологическим, с взаимодействующими между собой процессами возбуждения и торможения в головном мозгу, степень, качество и постоянно меняющееся распределение которых в мозговой коре и подкорке неразрывно связаны с внешней и внутренней средой человека, отражая как биологические, так и социальные факторы»¹.

Это отождествление приводит к выводу о том, что физиология будто бы имеет право на то, чтобы система ее понятий заменила отжившие, утерьявшие свое значение функционально-психологические категории. Психическое не может быть научным понятием — таков вывод, к которому приводит расширительное толкование физиологии высшей нервной деятельности².

«Изучая деятельность мозга, наука не обнаруживает в нем, — пишет В. М. Архипов, — процессов иных, чем нервные, и потому отвергает утверждение, что, помимо процессов нервных, в мозге еще имеются дополнительные «психические», «идеальные», «субъективные образы»

¹ Н. А. Вяземский, По поводу некоторых актуальных вопросов в психиатрии, «Журнал невропатологии и психиатрии», т. 52, вып. 12, Медгиз, М., 1952, стр. 35.

² См. А. М. Авраменко, О рефлексорном понимании психической деятельности, «Советская педагогика» № 2, изд-во Академии педагогических наук РСФСР, М., 1954, стр. 76.

в виде «стороны», «продукта», «процесса» и т. д., как бы эти сверхнервные явления ни назывались»¹.

Подменяя психологию физиологией высшей нервной деятельности, указанные выше авторы и не указанные, придерживающиеся подобной точки зрения, как правило, ссылаются на то, что для И. П. Павлова термин «психический» был синонимом термина «высшая нервная деятельность» и что одной из главных задач павловской физиологии было объективное исследование деятельности головного мозга. Действительно, основная задача павловского учения состоит в открытии объективных законов деятельности мозга, физиологических процессов, лежащих в основе психических явлений. Но, исходя из прямых высказываний И. П. Павлова и существа его учения, можно ли сказать, что психика есть высшая нервная деятельность? Да, психика есть высшая нервная деятельность. В павловском учении понятие «высшая нервная деятельность» широко, оно охватывает поведение животного, человека в целом. Наряду с положением, что понятие «высшая нервная деятельность» совпадает с понятием «психическое», у И. П. Павлова можно встретить указание на то, что поведение — это и есть высшая нервная деятельность. Но отмеченные выше авторы (Н. А. Вяземский, В. М. Архипов и др.), утверждая, что психика является высшей нервной деятельностью, саму высшую нервную деятельность считают деятельностью исключительно физиологической. Это и привело их к отказу от психологических понятий, к замене их понятиями физиологическими. Отрицание особенности психических явлений по сравнению с явлениями физиологическими неизбежно приводит к материализации психического, на чем особенно настаивает В. М. Архипов.

К тем же результатам приходят теоретики, которые рассматривают «высшую нервную деятельность» исключительно как психологическое понятие и поэтому высшую нервную деятельность считают предметом только психологии (Ф. Ф. Кальсин).

По мнению Ф. Ф. Кальсина², у высших животных, кроме общих со всей мертвой природой форм отражения

¹ В. М. Архипов, О материальности психики и предмете психологии, «Советская педагогика» № 7, 1954, стр. 71.

² См. Ф. Ф. Кальсин, Основные вопросы теории познания, Горький, 1957.

(механических, физических, химических), существуют три высшие формы отражения — физиологическая, психическая и гносеологическая. Общим для всех этих высших форм отражения является будто бы то, что они представляют собою формы движения. Главная задача исследования заключается в том, чтобы увидеть специфику этих форм отражения. Для Ф. Ф. Кальсина физиологические процессы — это прежде всего процессы обмена веществ.

Физиологический анализ имеет дело с физиологическими закономерностями изолированного нервного участка, волокна.

Компетенция физиологии, по мнению Ф. Ф. Кальсина, кончается, как только исследователь сталкивается с образованием условного рефлекса. Особенностью высшей нервной деятельности, по мнению Ф. Ф. Кальсина, является то, что она обеспечивает взаимодействие целого организма с условиями его существования. А эта целостная деятельность является уже деятельностью не физиологической, а психической. Правильно указывая на то, что сигнальная роль в поведении является специфической существенной характеристикой психического отражения, Ф. Ф. Кальсин необоснованно полагает, что изучение сигнальной функции является исключительной задачей психологического исследования. Кроме того, указанием на роль, которую играет психическое, не раскрывается, однако, его сущность и характер его взаимоотношений с физиологическим. Какое реальное образование приобретает эту функцию? С точки зрения И. П. Павлова, этой функцией обладают психические образования — ощущения, восприятия, представления, понятия. Одни из них выполняют функцию первичной сигнализации, другие — функцию вторичной сигнализации. В концепции Ф. Ф. Кальсина эту функцию выполняют особые сочетания, взаимодействие нервных процессов. «Сигнальная деятельность нервной системы, — пишет Ф. Ф. Кальсин, — не сводится ни к одному из этих процессов (имеются в виду процессы возбуждения и торможения. — Е. Ш.). Только единство их, особое, специфически психическое взаимодействие различных нервных процессов создает качественно новую закономерность в деятельности нервной системы»¹. В чем заключается это особое, психиче-

¹ Ф. Ф. Кальсин, Основные вопросы теории познания, стр. 63.

ское взаимодействие нервных процессов? В образовании условного рефлекса, служащего, как известно, механизмом сигнальной деятельности нервной системы? Но от того, что условный рефлекс является формой связи организма со средой, выполняющей сигнальную функцию, он не перестает быть явлением и физиологическим. Классической является подтвержденная всем опытом павловских лабораторий и научных исследований учеников И. П. Павлова формула Павлова о том, что условный рефлекс представляет собой явление одновременно физиологическое и психическое. Ф. Ф. Кальсин по существу противоречит этому положению, считая, что условный рефлекс — это уже не физиологическое, а психическое явление (хотя само психическое понимается им своеобразно).

Положение И. П. Павлова об условном рефлексе как явлении одновременно физиологическом и психическом оспаривается и теми, кто вольно или невольно рассматривает условный рефлекс лишь как физиологическую деятельность, над которой каким-то образом надстраивается еще деятельность психическая. Высшая нервная деятельность, исходя из этой точки зрения, является лишь основной психической деятельности, ее механизмом. Высшая нервная деятельность представляется исключительно как деятельность физиологическая.

Неправильной являются позиции как тех, кто отождествляет высшую нервную деятельность с психической, считая первое явлением не физиологическим, а психическим, так и тех, кто высшую нервную деятельность считает явлением исключительно физиологическим. Как в том, так и в другом случае имеет место упрощение явления, обеднение сложного свойства материи, каким является высшая нервная деятельность.

Представление о том, что психическая деятельность есть высшая нервная деятельность и что условный рефлекс — это явление одновременно физиологическое и психическое, соответствует духу и букве павловского учения. Эти положения, в частности последнее из них, не являются просто оговоркой или отдельным высказыванием И. П. Павлова, а выражают суть его концепции. В этой связи следует упомянуть о некоторых высказываниях Т. Павлова по рассматриваемому вопросу. Т. Павлов пишет: «Марксистско-ленинская психология утвер-

ждает, что психическое явление представляет собой внутреннюю, субъективную сторону высших физиологических нервно-мозговых процессов, а С. А. Петрушевский, неправильно используя *отдельные* цитаты из трудов И. П. Павлова, старается убедить нас, что физиологическое явление *есть одновременно и психическое*. Но как именно? Всецело? Со всеми своими особенностями и при всех условиях? В одном и том же смысле? Сказать, что физиологическое явление есть одновременно и психическое, еще не значит определить точно и ясно природу этих двух явлений и их действительные взаимоотношения. Если физиологическое есть и психическое, а психическое есть и физиологическое *без каких бы то ни было оговорок*, то мы абсолютизируем и метафизически отождествляем психическое с физиологическим и, следовательно, упрощаем павловское учение. Если же это не так, нужно ясно и убедительно сказать об этом и раскрыть, что такое психическое и что такое физиологическое, каковы взаимоотношения между ними, в чем состоит их диалектическое единство и в чем их диалектическое различие и относительная противоположность; *почему, например, психическое не существует и не может существовать без физиологического, но физиологическое существует и может существовать без психического?*»¹ Приведенное высказывание из книги Т. Павлова содержит в себе неточную оценку так называемых отдельных цитат И. П. Павлова. И. П. Павлов не говорит, что *физиологическое* есть одновременно и *психическое*. И. П. Павлов указывает, а С. А. Петрушевский в данном случае только передает его мысли, что *условный рефлекс есть явление одновременно и физиологическое и психическое*. Из толкования же этого положения И. П. Павлова Т. Павловым следует, что условный рефлекс только физиологическое явление, а высшая нервная деятельность сводится к физиологии высшей нервной деятельности. Условный рефлекс представляет собой элемент, единицу высшей нервной деятельности. Возражая против отождествления более широкого понятия «высшая нервная деятельность» с более узким понятием «физиология высшей нервной деятельности»,

¹ Т. Павлов, Основное в учении И. П. Павлова в свете диалектического материализма, ИЛ, М., 1958, стр. 85.

Т. Павлов по существу это отождествление оставляет в силе, когда рассматривает часть, в известном смысле клеточку высшей нервной деятельности — условный рефлекс. Подчеркивая специфику психического, его отличия от физиологического, не следует эти отличия и специфику искать вне высшей нервной деятельности, другими словами говоря, вне условно-рефлекторной деятельности. Всякая попытка представить высшую нервную деятельность как явление исключительно физиологическое, а в равной степени и представление о том, что условный рефлекс не заключает в себе ничего, кроме физиологического, приводит к отрыву психического от физиологического, идеального от материального. Такая позиция противоречит основному содержанию павловского учения о рефлекторной природе психических явлений.

Согласно учению И. П. Павлова, психическая деятельность есть высшая нервная деятельность, психическое возникает в результате осуществления связей организма со средой. Условный рефлекс как раз и является такой формой связи. Само понятие рефлекторной деятельности заключает в себе определение этой формы связи как отражательной. Отражение, характерное для рефлекторной деятельности, составляет сущность психического.

Указывая на то, что высшая нервная деятельность есть деятельность одновременно физиологическая и психическая, мы не должны сводить психическое к физиологическому, а видеть специфику каждого из них, раскрывать взаимосвязь их законов. «Поскольку психическая деятельность, — пишет С. Л. Рубинштейн, — есть рефлекторная деятельность мозга, на нее распространяются все законы высшей нервной деятельности; без их привлечения объяснение психических явлений не может быть полностью осуществлено. Психологическое исследование должно, следовательно, выступить не как нечто, что может быть противопоставлено физиологическому изучению высшей нервной деятельности и, таким образом, обособлено от него, а как его закономерное продолжение, сохраняющее и использующее при объяснении психических явлений все результаты физиологического исследования нейродинамики. Вместе с тем в психологическом исследовании *те же* процессы, которые изучает физиологическое учение о высшей нервной деятельности,

выявляются в новом специфическом качестве. Взятые в этом новом качестве, они детерминируются отношениями, от которых абстрагируется физиология»¹.

С. Л. Рубинштейн справедливо указывает, что задача каждой науки сводится к изучению действительности в специфических для данной науки связях и отношениях. Такое сложное явление, каким представляется высшая нервная деятельность, необходимо рассматривать тоже в разных связях и отношениях с объективной деятельностью. Бихевиористы и рефлексологи рассматривали учение И. П. Павлова о рефлекторной деятельности лишь в одной системе отношений с действительностью. Главным в высшей нервной деятельности для них было физиологическое реагирование на внешний стимул, существование наличной внешней ответной реакции организма. Такое понимание высшей нервной деятельности неизбежно возникает, если метафизически игнорировать внутреннее, идеальное, субъективное в отражательной деятельности мозга, если сложное комплексное исследование высшей нервной деятельности пытаться проводить только физиологическими методами, а саму высшую нервную деятельность считать предметом исключительно чистой физиологии. Упрощением было бы изображать учение И. П. Павлова как попытку свести психическое к физиологическому, объявить по сути дела психическое просто несуществующим. В понятии «сведение» заключается отождествление физиологического с психическим. Когда И. П. Павлов говорил о слитии, наложении психического на физиологическое, он не имел в виду ничего, кроме последовательной реализации требования раскрыть физиологические закономерности деятельности мозга, результатом которой является психическое отражение.

Объективный метод изучения всех явлений и характеристика физиологических процессов высшей нервной деятельности, являющихся основой идеального отражения, — вот что следует из положений И. П. Павлова об отношении физиологического и психического. Многочисленные прямые высказывания И. П. Павлова свидетельствуют о том, что он не отрицал существования пси-

¹ С. Л. Рубинштейн, *Бытие и сознание*, изд-во Академии наук СССР, М., 1957, стр. 220, 221.

хических явлений, так называемого внутреннего мира человека, придавал этим субъективным психическим состояниям большое значение в жизнедеятельности человека. В связи с исключительной важностью психических явлений И. П. Павлов придавал также огромное значение их научному объективному исследованию. Этим объясняется непримиримая борьба Павлова со всякими проявлениями идеализма, анимизма, с любыми попытками понимать этот психический мир как нечто самодовлеющее, как замкнутую в себе сущность.

Сознание как форма психического, идеального отражения, как субъективный образ объективного мира совершается в мозгу как нервная деятельность. Психическое является проявлением физиологического, его свойством идеально отражать объективную действительность. Правомерно в этой связи считать физиологическое основой психического, его фундаментом. Все здание — это высшая нервная деятельность, поведение животных и человека. Верхние этажи здания (психическое) не могут существовать без фундамента (физиологического). Но без верхних этажей — психического — *высшая* нервная деятельность также немыслима, она остается просто нервной деятельностью.

Понятие «высшая нервная деятельность» выражает участие в поведении психического прежде всего сигнальной своей функцией. На то, что физиологическое можно считать фундаментом психического, указывал и И. П. Павлов: «Мы — проще, чем психологи, — писал он, — мы строим фундамент нервной деятельности, а они строят высшую надстройку, и так как простое, элементарное понятно без сложного, тогда как сложное без элементарного уяснить невозможно, то, следовательно, наше положение лучше, ибо наше исследование, наш успех несколько не зависит от их исследований. Мне кажется, что для психологов, наоборот, наши исследования должны иметь очень большое значение, так как они должны впоследствии составить основной фундамент психологического знания»¹. Поскольку физиологическая деятельность является фундаментом, основой психической деятельности, а психическое является проявлением

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, изд. 2, т. III, кн. 1, стр. 105.

физиологического, физиологическое и психическое являются сторонами высшей нервной деятельности, постольку правильно утверждается, что в учении И. П. Павлова находит естественнонаучное подтверждение положение диалектического материализма об относительной противоположности материи и сознания за пределами основного гносеологического вопроса. Чрезмерное подчеркивание специфики психического приводит к абсолютизации различий между физиологическим и психическим и фактически к отрыву сознания от деятельности мозга. Игнорирование же реально существующей относительной противоположности, чрезмерное подчеркивание единства физиологического и психического ведет к вульгарному материализму. Раздувание этого различия, абсолютизация его характерны для идеалистического понимания соотношения мозга и психики.

Исходная идеалистическая позиция, применительно к проблеме физиологического и психического, заключающаяся в отрыве психики от высшей нервной деятельности, влечет за собой неправильные решения и ряда других, более частных проблем: об отношении психического ко времени и пространству, о локализации психического. Примером того, как это может выглядеть, является позиция Б. В. Беляева, для которого «невозможно... субъективные образы объективного мира полагать находящимися в мозгу» или утверждающего, что «психическое локализуется в мозгу только своей материальной основой, а отнюдь не своей субъективной стороной»¹.

В этих положениях подвергаются сомнению основные положения диалектического материализма о психике, сознании как функциях мозга, о связи психического с физиологическим. Какие бы аргументы ни выдвигались в защиту этих положений, якобы подтверждающих или развивающих диалектический материализм, их конечный смысл заключается в отрыве психического от деятельности мозга, в превращении психического в своеобразное, специфическое явление, не связанное с материальными явлениями.

Отношение идеального и материального нельзя понять, если рассматривать лишь взаимоотношение пси-

¹ Б. В. Беляев, Об основном законе психологии, «Советская педагогика» № 9, 1953, стр. 55.

хики и мозга, психического и физиологического. Психическое, как отражение, связано с объективным, материальным миром, который оно отражает. Будучи образом объективной действительности, психическое существует как явление идеальное, противоположное материальному. Но утверждение противоположности материального и идеального не означает, с точки зрения диалектического материализма, что идеальное можно понять из него самого, в отрыве от материального. Идеальное — это образ, копия, отражение материального. Вне материального никакого идеального не существует. Недаром Маркс считал, что идеальное — это не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней.

Преобразование материального в человеческой голове совершается как условно-рефлекторная нервная деятельность. Исключительная ценность рефлекторной теории И. П. Павлова для психологии и марксистско-ленинской философии заключается в том, что она связала воедино две стороны взаимоотношения идеального и материального: связь психического с внешним миром и с деятельностью мозга. Условный рефлекс является формой связи организма со средой, вместе с тем он представляет собой механизм возникновения субъективного, внутреннего мира человека. Психика, являясь функцией мозга, представляет собой отражение объективной деятельности. Обе эти характеристики в концентрированном виде заключаются в условном рефлексе.

В открытии И. П. Павловым сигнального принципа в деятельности мозга заключена оценка жизненного смысла психических явлений, их значения в поведении, жизнедеятельности организмов. Особенно большое значение для понимания физиологических основ сознания имеет концепция И. П. Павлова о специфически человеческой сигнализации — второй сигнальной системе. Через вторую сигнальную систему осуществляется связь человека со специфически человеческой — социальной средой. Вторая сигнальная система, взаимодействуя с первой сигнальной системой, служит физиологической основой специфически человеческих форм отражения действительности — сознательного отражения, регулирующего целенаправленную планомерную деятельность человека не просто как организма, а как субъекта обще-

ственно-исторической жизнедеятельности. Для животных психическое выступает как проявление связи физиологического с биологическими факторами их существования. Условный рефлекс животных — это явление в широком смысле слова биологическое. У человека условно-рефлекторная деятельность объединяет физиологическое со специфически человеческими социальными условиями жизни и деятельности: являясь формой отражения, осуществляя связь со средой, психическое выступает существенным звеном в реальном взаимодействии человека с внешним миром.

2. Проблема локализации сознания

При решении вопроса об отношении мозга и психики возникали многочисленные механистические теории локализации психических процессов. Для них характерно то, что они приурочивали определенные психические явления к соответствующей анатомической структуре.

Выражением идеалистического отрицания связи между сознанием и мозгом являются поиски «седалища души», места, точки мозга, в которой помещается сознание. Эти бесплодные поиски приводят идеалистов к выводу о том, что между душой и телом не существует никакой связи. На первый взгляд кажется, что заявления некоторых буржуазных ученых о том, что они нашли место, где возникают психические процессы, противоположны по своей философской сущности высказываниям тех ученых, которые открыто отрицают всякую связь между явлениями сознания и мозгом. Однако за внешним различием этих будто бы прямо противоположных решений проблемы взаимоотношения мозга и психики скрывается глубокое родство философских позиций открытых идеалистов и представителей психоморфологических дуалистических концепций. Метафизические поиски места души в мозгу при условии, когда отрицается или не учитывается взаимодействие мозга с внешним миром, приводят к заключению, что психика является некоей самостоятельной субстанцией, лишь внешним образом связанной с мозгом. Если в этих случаях речь идет о мозге, то, как правило, имеется в виду, что мозг изолирован от внешнего мира. Связь психики с мозгом, с этой

точки зрения, выглядит как чисто внешняя, нереальная. Локализованная в соответствующем месте психика развивается по законам, якобы не зависящим от законов деятельности мозга. Неприкрытый дуализм, заключающийся в признании существования двух параллельных, одно с другим не связанных явлений — сознания и мозга, — такова философская сущность этих локалистических теорий сознания.

С ложных психоморфологических позиций проблема взаимоотношения сознания и мозга решается путем оперирования понятиями анатомии и психологии, без включения данных физиологических исследований. И более всего примечательно, что на такой позиции стоят не только психологи и психиатры, но и некоторые физиологи-идеалисты, когда они в своих исследованиях вынуждены отвечать на вопрос о связи психических явлений с явлениями физиологическими. Об этом свидетельствует, например, высказывание Ч. Шеррингтона о том, что рефлекторный принцип, господствующий в работе низших отделов мозга, не применим к изучению психической деятельности. По мнению Шеррингтона, как уже упоминалось выше, психические и физиологические явления, совпадая во времени и месте, в действительности существуют отдельно. История мозга заставляет думать, утверждает Шеррингтон, что сознание является какой-то добавкой к нервной организации поведения, что она является неким духовным фактором, сопровождающим нервные процессы. Психические явления, по его мнению, скрыты внутри мозга, в тех его частях, которые наиболее глубоко отделены от внешнего мира, в тех частях, которые менее всего связаны с областями мозга, в которые поступают импульсы из внешнего мира или посылаются из мозга вовне¹.

Некоторые буржуазные неврологи и психиатры по существу возрождают фантастические взгляды френологии Галла, продолжают морфопсихологические представления Клейста. К ограниченным участкам мозга они приурочивают все без исключения психические функции — от формирования слухового образа слова или фразы до побуждения к действию, творческую мысль и даже

¹ См. *Ch. Sherrington, The Brain and Its Mechanisms*, Cambridge University Press, 1934.

моральные поступки и выдержку. В затылочной области коры человеческого мозга — в поле восемнадцатом, по мнению некоторых неврологов, возникают образы одушевленных предметов и прежде всего физический облик самого человека, тридцать девятое поле служит местом, где локализованы буквы, слоги и слова, а край межтеменной борозды является участком, предназначенным специально для математических знаков¹.

Имеющие место в современной зарубежной физиологической литературе попытки соединить материю и сознание при помощи спонтанной электрической активности мозга² исходят из тех же философских позиций дуализма и психофизического параллелизма, которые характерны для рассмотренных выше теорий локализации психических процессов. Игнорирование изучения законов деятельности мозга, исключение понятий физиологии высшей нервной деятельности из системы понятий, необходимых для научного решения вопросов, связанных с темой взаимоотношения мозга и сознания, превращение психофизиологической проблемы в проблему психоанатомическую, игнорирование при решении проблемы «сознание и мозг» постоянных связей организма с внешней средой, признание вследствие этого субстанциальной сущности сознания — таков итог, к которому приходят некоторые буржуазные ученые, подкрепляющие и обосновывающие своими доводами метафизику и идеализм.

В последние десятилетия проблема сознания и мозга привлекает пристальное внимание ученых разных профилей — психиатров, невропатологов, физиологов, психологов. Успехи экспериментального изучения деятельности разных отделов мозга, применение новых методов исследования все более настоятельно выдвигают необходимость ответить на вопрос о связи сознания с физиологической деятельностью мозга. Решение проблемы локализации сознания опосредуется физиологическими исследованиями.

Павловское физиологическое учение в этой связи имеет первостепенное значение для разрешения про-

¹ См. *J. M. Nielssen, A Textbook of Clinical Neurology*, New York, 1951.

² См. *J. C. Eccles, Hypotheses Relating to the Brain — Mind Problem*, «Nature», vol. 168, N 4263.

блемы физиологических основ сознания и связанной с этим проблемы локализации высших психических процессов.

Центральная мысль учения И. П. Павлова заключается в том, что всякая психическая деятельность есть деятельность условно-рефлекторная. Таким образом, ответ на вопрос о том, какая часть нервной системы является органом условных рефлексов, будет вместе с тем ответом на вопрос о том, где возникают психические процессы. Позиция И. П. Павлова по этому поводу выражена совершенно определенно. Он считал, что условно-рефлекторная деятельность является функцией высших отделов центральной нервной системы — коры больших полушарий головного мозга, тогда как безусловные рефлексы представляют собой функцию подкорки. Доказательством того, что условные рефлексы являются деятельностью больших полушарий, И. П. Павлов считал факт исчезновения условных рефлексов при удалении больших полушарий. «Новые рефлексы, — писал он, — составляют функцию высших структур нервной системы животных, и это надо принимать на следующих основаниях. Прежде всего потому, что они представляют самые сложные явления в нервном функционировании и, естественно, должны быть связаны с верхними этажами нервной системы. А затем, уже опираясь на опыты над животными, то при разных отравлениях, то при целых или частичных экстирпациях больших полушарий, можно утверждать, что условный рефлекс для его осуществления требует вмешательства больших полушарий»¹. Главный центр тяжести нервной деятельности, согласно павловской концепции, заключается именно в воспринимающей части центральной нервной системы, в больших полушариях головного мозга. Осуществление условно-рефлекторной деятельности этой частью нервной системы обуславливает то, что большие полушария являются основным органом совершеннейшего уравнивания организма с внешним миром. «...Большие полушария, — писал И. П. Павлов, — являются органом анализа раздражений и органом образования новых рефлексов, новых связей. Они — орган животного организма, который специализи-

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, изд. 2, т. III, кн. 1, стр. 55.

рован на то, чтобы постоянно осуществлять все более и более совершенное уравнивание организма с внешней средой, орган для соответственного и непосредственного реагирования на различнейшие комбинации и колебания явлений внешнего мира, в известной степени специальный орган для непрерывного дальнейшего развития животного организма»¹. Характеризуя механизм образования условных рефлексов, в результате многочисленных экспериментальных исследований И. П. Павлов пришел к выводу, что в больших полушариях находятся не только пункты приложений бесчисленных индифферентных раздражений, но в них же располагаются и пункты — представители безусловных рефлексов. Временная связь замыкается между пунктами восприятия условных раздражителей и представительством безусловных рефлексов в коре головного мозга. При этом сами пункты, центры, И. П. Павлов понимал как отделы нервной системы, регулирующие соответствующую деятельность организма. Так, например, понимал И. П. Павлов пищевой и другие центры нервной системы².

Постоянная связь больших полушарий с нижележащими отделами головного мозга и высшая функция больших полушарий, заключающаяся в связывании организма с условиями его существования, обеспечивают за большими полушариями роль постоянного контролера исполнительных функций организма: большие полушария держат следующие за ними отделы головного мозга с их инстинктивными и простыми рефлекторными действиями под своим постоянным влиянием. «Хотя жизнь животных и нас, — указывал И. П. Павлов, — направляется основными тенденциями организма: пищевой, половой, агрессивной, исследовательской и т. д. (функции ближайшей подкорки), тем не менее для совершенного согласования и осуществления всех этих тенденций и неизбежно в связи с общими условиями жизни имеется специальная часть центральной нервной системы, которая всякую отдельную тенденцию умеряет, все их согласует и обеспечивает их наивыгоднейшее осуществление в связи с окру-

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, изд. 2, т. III, кн. 1, стр. 273.

² См. там же, стр. 155.

жающими условиями внешней среды. Это, конечно, большие полушария»¹.

Регуляторная и контролирующая функция больших полушарий осуществляется потому, что большие полушария служат органом психического отражения действительности. Психика во всех ее видах выполняет сигнальную функцию. Ориентировка в окружающей действительности через психическое отражение способствует наилучшему приспособливанию всех органов и тканей организма к выполнению их жизненных функций. Эти жизненные функции становятся как бы видящими и слышащими. За счет психического отражения расширяется приспособительная деятельность организма к окружающей среде.

Представления И. П. Павлова имеют значение для решения проблемы «мозга и сознания» не только в их общем принципиальном виде. Важны взгляды И. П. Павлова на физиологические механизмы как всякого психического отражения, так особенно высшей формы этого отражения — сознания. Непосредственное отношение к этому имеет концепция И. П. Павлова о сигнальных системах, о чем речь пойдет на страницах 207—233.

Важнейшие для марксистско-ленинской философии положения И. П. Павлова о психике как функции больших полушарий головного мозга подвергались обсуждению с разных сторон и с разных методологических позиций. Прежде всего экспериментальному изучению и теоретическому обсуждению подвергался вопрос о связи условно-рефлекторной деятельности с функционированием коры больших полушарий головного мозга. Важность обсуждения этого вопроса обуславливается тем, что ответ на него имеет непосредственное значение для решения проблемы локализации в мозгу сознательных процессов.

В пользу положений И. П. Павлова о том, что для образования условных рефлексов необходима кора головного мозга, свидетельствуют данные, полученные при удалении разных участков мозговых концов анализаторов (в частности, степень удаления мозгового конца зри-

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, изд. 2, т. III, кн. 2, стр. 206.

тельного анализатора, локализованного в затылочной области коры, определяет соответствующим образом выпадение функции различения определенных световых воздействий на животное). Показателем (индикатором) при этом служило образование или отсутствие условного рефлекса. Различение является одной из особенностей психического отражения. Без различения не может быть и сознательного отражения. Поэтому тот факт, что при повреждении определенной зоны коры условные рефлексы не образуются, является доказательством локализации соответствующих психических функций в экстерпированном (удаленном) участке больших полушарий. По свидетельству Аллена, например, для получения специфического устойчивого условного обонятельного рефлекса необходима интегрирующая деятельность больших полушарий головного мозга¹.

Наиболее показательным для выяснения роли коры головного мозга в образовании условных рефлексов являются опыты с полным удалением больших полушарий головного мозга. В тридцатых годах были опубликованы данные Г. П. Зеленого, которому не удалось образовать условные рефлексы у собак с удаленными большими полушариями головного мозга.

На основании опытов Г. П. Зеленого можно заключить об исключительной роли больших полушарий в образовании условных рефлексов, а тем самым и в происхождении психических явлений.

Позиция И. П. Павлова и его последователей в этом вопросе энергично оспаривалась. Против нее используются как экспериментальные факты, так и теоретические рассуждения.

Так, например, некоторые отрицают положение И. П. Павлова о том, что большие полушария необходимы для образования условных рефлексов на том основании, что у эмбрионов, не имеющих зрелой коры больших полушарий головного мозга, можно образовать условные рефлексы. Сложность констатации степени зрелости неокортекса у эмбрионов в определенное время его развития снижает доказательность этого аргумента

¹ См. W. F. Allen, Relationship of the Conditioned Olfactory-Foreleg Response to the Motor Centres of the Brain, «The American Journal of Physiology», vol. 121, N 3, 1938.

против положения о больших полушариях как органе условных рефлексов¹.

В качестве доказательства в пользу утверждения о том, что для образования условных рефлексов большие полушария будто бы не необходимы, приводится также факт образования условных рефлексов у низкоорганизованных животных, не обладающих корой головного мозга.

Это соображение не учитывает того, что по мере развития животного мира происходит процесс передачи некоторых функций более старых образований мозга вновь возникающим отделам. Условно-рефлекторная деятельность у животных, стоящих на разных уровнях эволюционного развития, является функцией самого сложного для данного вида животных отдела их мозга. Таким образом, этот аргумент против положения о том, что для образования условных рефлексов необходима кора больших полушарий головного мозга, не учитывает принципа развития структуры мозга и соответствующей ей функции.

С обсуждением вопроса о сознании как результате условно-рефлекторной деятельности мозга связано в известном смысле обсуждение вопроса о локализации сознания не только в мозгу, но и в каких-то других частях нервной системы, в частности на ее периферии. Теориям центральной локализации сознания противостоят многочисленные взгляды о периферической локализации сознания. Если теории центральной локализации сознания исходят из экспериментальных данных физиологических исследований, то теории периферической локализации опираются прежде всего на опыты и наблюдения психологов. Исходная позиция периферических теорий заключается в признании того, что психическое, будучи рефлекторным по своей природе, представляет собою прежде всего ответную деятельность на определенные стимулы. Поскольку ответ на стимул является индексом сознания, то локализовать последнее будто бы целесообразнее поближе к эффекторам, непосредственно осуществляющим этот ответ. Факт, на который опирались при этом авторы, заключался в связи мышления с дви-

¹ См. J. Foley, The Cortical Interpretation of Conditioning, «The Journal of General Psychology», vol. IX, N 1, 1933.

гательными реакциями речевого аппарата. На вопрос: можно ли представить себе мышление без мышечной активности, отвечали отрицательно. Это подтверждалось многими наблюдениями, опросом большого числа лиц: молча ли они думают или проговаривают (тихо, про себя) продумываемое (исследования Хансена и Лемана¹ и др.). Регистрация мышечных движений во время мышления укрепляла позиции авторов теорий периферической локализации сознания. Так, Фримен наблюдал двигательную активность мышц ноги, руки и челюсти во время умственной работы человека². Л. Макс приводит наблюдение над мышечной деятельностью глухонемых. Поскольку органом речи у глухонемых служат руки, то движения рук являются свидетельством их мыслительной деятельности. Макс наблюдал, что мышечные сокращения в пальцах рук, интенсивные во время бодрствования и сна со сновидениями, резко снижаются во время сна без сновидений³. Исследования Фримена и Макса послужили экспериментальной основой для моторных, или периферических теорий сознания. Центральное положение этих теорий заключается в том, что сознание не является свойством мозговой деятельности, а представляет собой внутреннюю мышечную реакцию. Моторная часть рефлекторной дуги для возникновения сознания является будто бы более существенной, чем ее центральная часть.

Привлекая к объяснению возникновения сознания рефлекторный принцип, представители периферических теорий сам рефлекторный ответ оставили без начала и середины. Для них неважно, отражается ли стимул в том или ином психическом состоянии. Мышечная деятельность превращается из индикатора сознания, из условия возникновения сознания, в его заместителя. Сознание как бы уступает место движению. Человек представлялся автоматом, роботом, машиной, лишь реагирующей на внешние раздражители.

¹ См. *F. C. Hansen und A. Lehmann*, Ueber unwillkürliches Flüstern, «*Philosophische Studien*», B. 11, Hf. 4, 1895.

² См. *G. L. Freeman*, The Spread of Neuro-muscular Activity During Mental Work, «*The Journal of General Psychology*», vol. 5, N 4, 1931.

³ См. *L. W. Max*, An Experimental Study of the Motor Theory of Consciousness, «*The Journal of Comparative Psychology*», vol. 19, N 3, 1935.

Моторные, или периферические, представления о природе сознания являются специфическими для бихевиористических концепций¹. Особенно заостренную форму периферическая теория имеет у Уотсона, для которого нормальное мышление индивида является просто деятельностью мышц его гортани². Для бихевиоризма проблема сознания, как таковая, просто не существует. Сводя по существу сознание к двигательным реакциям и тем самым локализуя сознание в эффекторных частях нервной системы, сторонники периферической, моторной, теории сознания должны были каким-то образом ответить на вопрос о том, какую роль в возникновении сознания играет хотя бы та часть коры больших полушарий головного мозга, которая имеет непосредственное отношение к происхождению движений, именно моторная область коры. Если моторная деятельность является основной характеристикой сознания, то стимуляция моторной области коры должна была бы сопровождаться возникновением самых разнообразных явлений сознания. Между тем, как показал эксперимент, раздражая моторную область коры человека, можно наблюдать, что он в зависимости от раздражаемого участка двигает той или другой рукой или ногой и единственным субъективным отражением этого раздражения является кинестетическое ощущение от мышц двигающегося органа. Никакого другого элемента сознательного отражения при этом не возникает³. Другим экспериментальным доказательством несостоятельности моторных теорий сознания является наблюдение над больным при повреждении моторной области коры. Если бы моторные теории сознания соответствовали действительности, то повреждения моторной зоны более сопровождались бы нарушениями сознания, чем повреждения других зон. Такого эффекта не наблюдается⁴. Мак-Комас остроумно замечает, что если согласиться с моторной теорией сознания, что всякое явление

¹ См. *C. H. Woolbert*, A Behavioristic Account of Sleep, «The Psychological Review», vol. 27, N 6, 1920.

² См. *J. B. Watson*, Is Thinking merely the Action of Language Mechanism? «The British Journal of Psychology», vol. XI, 1920.

³ См. *W. B. Pillsbury*, The Place of Movement in Consciousness, «The Psychological Review», vol. 18, 1911.

⁴ См. *H. C. McComas*, Extravagances in the Motor Theories of Consciousness, «The Psychological Review», vol. 23, N 5, 1916.

сознания сопровождается двигательной реакцией, то самосознание было бы не чем иным, как видом непрерывной пляски святого Витта.

Известную попытку соединить периферическую и центральную теории локализации сознания представляют исследования роли мышечного напряжения в актах умственной деятельности. Наиболее значительный интерес в этом отношении представляет работа Фримена, в которой он пытается доказать, что мышечная деятельность способствует мозговой деятельности, связанной с умственными операциями. Причем существенным является положение о том, что как явления сознания, так и мышечная деятельность обуславливаются центральной нервной деятельностью¹.

По мнению Фримена, изменение в напряжении мышц проходит параллельно колебаниям в умственной деятельности, имеющим место у человека в течение дня. Опираясь на собственные наблюдения и данные, сообщенные другими авторами, Фримен полагает, что роль мышечной деятельности в активизации умственной деятельности заключается в том, что раздражения, идущие в мозг от сокращающихся мышц (проприоцептивные импульсы), изменяют порог возбудимости корковых нейронов.

Вопрос о роли мышечной деятельности в активизации умственной деятельности имеет лишь частное значение в решении серьезной проблемы о взаимодействии разных частей нервной системы, принимающих участие в происхождении сознания.

Идея центрального происхождения сознания сама по себе в настоящее время еще не является бесспорной и правильной. Центральная нервная система представляет собою сложнейшее образование друг с другом связанных и постоянно взаимодействующих отделов и участков мозга. И правильное понимание физиологических основ сознания, материального субстрата его, связано с выяснением участия разных отделов в совместной отражательной деятельности мозга, с научным, экспериментально подтвержденным представлением о соотношении главного и второстепенного, вспомогательного в этой деятель-

¹ См. G. L. Freeman, *Mental Activity and the Muscular Processes*, «Psychological Review», vol. 38, N 5, 1931.

ности. Широкое экспериментальное изучение деятельности разных отделов мозга, развернувшееся в последние десятилетия, и важный теоретический философский смысл конкретных достижений в этой области естествознания служат причиной пристального внимания к вопросам, поднимаемым теориями, в которых утверждается, что кора головного мозга не имеет непосредственного значения в возникновении сознания. Так, по мнению некоторых авторов, сознание локализуется на путях нервов, проходящих из нижних отделов мозга в высшие отделы. Чтобы понять роль отдельных областей мозга в происхождении сознания, некоторые исследователи пришли к выводу о делении самого сознания на два типа: один из них будто бы локализуется в коре, другой — в таламусе («вегетативное сознание»).

Серьезному обсуждению в настоящее время подвергается проблема локализации сознания в связи с новейшими, особенно электрофизиологическими, исследованиями деятельности мозга. Эти исследования послужили основой для создания специальной теории центрэнцефалической системы. Авторами этой теории являются Пенфилд и Джаспер¹. Они считают, что принятые до сих пор представления о регулирующей роли коры больших полушарий головного мозга в поведении человека являются недостаточными, и высказывают положение о необходимости пересмотреть установившиеся представления о локализации в коре высших психических функций: произвольной деятельности, мышления, сознания.

Высшая интеграция, которая считалась функцией коры больших полушарий головного мозга и которая является основой сознательной деятельности, осуществляется, согласно теории центрэнцефалической системы, особой системой, расположенной симметрично по отношению к обоим полушариям. Регулирующая роль в поведении принадлежит будто бы этой центрэнцефалической системе, а кора является частью нервной системы, ей подчиненной.

¹ См. W. Penfield, T. Rasmussen, *The Cerebral Cortex of Man. A Clinical Study of Localisation of Function*, New York, 1950; В. Пенфилд и Т. Эрикссон, *Эпилепсия и мозговая локализация*, Медгиз, 1949; W. Penfield, H. Jasper, *Epilepsy and the Functional Anatomy of the Human Brain*, Boston, 1954; «Brain Mechanisms and Consciousness», Symposium, Oxford, 1954.

Основой теории центрэнцефалической системы служит открытие активизирующего влияния ретикулярной (сетевидной) формации мозгового ствола. Электрофизиологические исследования последних лет показали, что при раздражении периферического конца какого-нибудь анализатора в коре головного мозга возникают два типа электрических волн. Один из них возникает в мозговых участках соответствующего анализатора, в проекционных зонах коры, другой генерализуется по всей коре. Эта закономерность была обнаружена при действии на соответствующие анализаторы звуковыми, световыми, обонятельными и болевыми раздражителями. Анатомогистологические исследования показали, что биоэлектрическая активность в проекционных зонах коры вызывается нервным возбуждением, приходящим от периферических концов анализаторов. Чтобы объяснить возникновение генерализованных электрических ответов в коре мозга, было выдвинуто предположение о роли ретикулярной формации и других подкорковых образований. Ретикулярная формация, простираясь от верхних отделов спинного мозга до переднего отдела промежуточного мозга, занимает центральное положение между афферентными (чувствительными, центростремительными) и эфферентными (двигательными, центробежными) путями. Связь ретикулярной формации с другими отделами мозга осуществляется через аксоны, расходящиеся от нервных клеток, составляющих ретикулярную формацию, во все направления.

Согласно теории центрэнцефалической системы, ретикулярная формация выполняет двойную физиологическую функцию. Она, с одной стороны, способна оказывать возбуждающее или облегчающее влияние¹, с другой стороны, резко тормозящее². Многочисленные исследования ретикулярной формации мозгового ствола привели к выводу, что ретикулярная формация имеет непосредственное отношение к поддержанию тонуса коры больших

¹ См. *H. Magoun*, The Ascending Reticular Activating System, Research Publications Association Nervous and Mental Diseases, vol. XXX, 1952.

² См. *H. Magoun* and *P. Rhines*, An Inhibitory Mechanisms in the Bulbar Reticular Formation, «The Journal of Neurophysiology», vol. IX, N 3, 1946.

полушарий головного мозга, характерного для бодрствующего состояния.

Представления об активирующей роли ретикулярной формации входят составной частью в теорию центрэнцефалической системы Пенфилда и Джаспера. Центрэнцефалическая система кроме ретикулярной формации включает будто бы совокупность сложных связей между основными зонами коры и верхними частями мозгового ствола.

Опираясь во многом на экспериментальные данные о сложных взаимоотношениях коры и подкорковых образований, конкретизирующих общие представления о целостной работе нервной системы, теория центрэнцефалической системы ставит вопрос о локализации психических функций, включая и самые сложные из них.

Представители теории центрэнцефалической системы, формулируя свои взгляды, указывают на некоторые факты, бесспорно заслуживающие внимания. Так, Пенфилд¹, проделывая нейрохирургические операции на больных, страдающих очаговой эпилепсией, обратил внимание на то, что сложные психические функции не являются результатом деятельности отдельных корковых полей. При раздражении, например, специфических зрительных полей, как указывает Пенфилд, сложных зрительных образов (галлюцинаций) получить не удастся. При этом возникают лишь элементарные ощущения. Если раздражать непосредственно двигательную область коры, координированных двигательных актов также не возникает. При прямом раздражении разных участков коры возникают лишь двигательные реакции отдельных конечностей, групп мышц или даже отдельных мышц. При раздражении, например, речевой области коры, связанной с осуществлением акта речи, человек не говорит, не сознает отдельных слов или слов, объединенных во фразе. Отдельные движения при прямом раздражении двигательных областей коры могут соединиться в двигательные акты, которые являются врожденными для организма и могут быть вызваны раздражением и подкорковых областей.

¹ См. W. Penfield, H. Jasper, *Epilepsy and the Functional Anatomy of the Human Brain*, Boston, 1954; В. Пенфилд и Т. Эрикссон, Эпилепсия и мозговая локализация.

Пенфилд высказывает предположение, что ассоциативные внутрикорковые связи не имеют отношения к осуществлению сложной координированной деятельности. Разрушая ассоциативные связи прецентральной извилины, Пенфилд наблюдал сохранение способности соответствующих конечностей к координированным движениям¹.

Основываясь на этих наблюдениях, Пенфилд приходит к выводу, что кора мозга не осуществляет высшей интегративной функции, не является органом сложного поведения и сознания человека². Исключение составляет височная область коры, одной из функций которой является будто бы сохранение в памяти прошедших событий³. Прямое раздражение этой области вызывает возникновение в памяти когда-то имевших место событий, раздражение же подкорковых отделов височной области тормозит процесс запоминания воздействий, имеющих место в это время. Полагая, что наивысшие психические явления связаны с высшим уровнем интегративной деятельности нервной системы, авторы теории центрэнцефалической системы утверждают, что этот уровень интеграции осуществляется именно центрэнцефалической системой⁴. Осуществление высшей интегративной функции на разных уровнях центрэнцефалической системы, связанных со специфическими зонами коры, указывает на локализацию на этих уровнях разных психических процессов⁵. Так, будто бы в заднем комплексе таламуса, являющемся коррелирующим центром височной, теменной и затылочной областей коры, локализуется образная память, проекция коры в таламической ретикулярной системе является местом локализации внимания; проекция в субталамической области имеет непосредственное отношение к высшей моторной интеграции, связанной с произвольной деятельностью.

¹ См. W. Penfield, *Mechanisms of Voluntary Movement*, «Brain», vol. 77, Part 1, 1954.

² См. W. Penfield, *Studies of Cerebral Cortex of Man*, «Brain Mechanisms and Consciousness», Symposium, Oxford, 1954.

³ W. Penfield, *Memory Mechanisms*, «Archives of Neurology and Psychiatry», vol. 67, N 2, 1952.

⁴ См. W. Penfield, *Studies of the Cerebral Cortex of Man*, «Brain Mechanisms and Consciousness», Oxford, 1954.

⁵ См. H. Jasper, *Functional Properties of the Thalamic Reticular System*. См. ibidem.

Основной теоретический аргумент в пользу высшей интегрирующей роли центрэнцефалической системы состоит в подчеркивании существования единого нервного органа (центрэнцефалической системы) и его центрального расположения по отношению к другим отделам головного мозга¹. Центральное расположение обеспечивает будто бы наилучшую связь этой системы с другими частями мозга, а ее единичность — единство психических процессов и синтез возбуждений, поступающих в разные анализаторные системы мозга. Так, возникновение единого зрительного образа объясняется, согласно теории центрэнцефалической системы, как результат интегрирующей деятельности центральной ретикулярной сети ствола². Ведущую роль в образовании зрительного образа играют, таким образом, не связи коры с двухсторонне представленными центрами таламуса, а связи коры с центральной ретикулярной сетью ствола. Единство органа определяет с этой точки зрения единство психического явления. Целостная согласованная деятельность всего мозга является будто бы результатом интегрирующей деятельности центрэнцефалической системы.

Экспериментальные исследования, полученные электрофизиологическими, нейрохирургическими, нейронографическими и другими методами, представляют большой интерес для уяснения сложнейших связей между разными отделами мозга, в частности между корой и подкорковыми образованиями. Эти исследования должны быть тщательно изучены, проверены, и многие из них станут бесспорным достоянием науки. Однако авторы теории центрэнцефалической системы исходили из ложных теоретических философских позиций, поэтому и пришли к выводам, противоречащим истинному пониманию проблемы локализации функций в мозгу, о функциональной роли разных отделов головного мозга. Наиболее отчетливо эти выводы, хотя они высказывались и раньше, прозвучали в докладах на симпозиуме (1953 г.), посвященном специально проблеме локализации функций в мозгу. Само название симпозиума — «Brain Mechanisms and Consciousness» свидетельствует о постановке на обсуждение не просто экспериментальных данных, а широ-

¹ См. W. Penfield, H. Jasper, *Epilepsy and the Functional Anatomy of the Human Brain*, Boston, 1954.

² Ibidem.

кой мировоззренческой проблемы отношения материи и духа, мозга и сознания. В центре внимания участников симпозиума было обсуждение роли ретикулярной формации, как активирующей системы, и существо теории центрэнцефалической системы. Отмечая, что в настоящее время существуют три точки зрения на соотношение материи и сознания, на локализацию сознания, Фессар — один из активных участников симпозиума, считает, что основная масса современных экспериментальных данных свидетельствует о том, что интеграция, в результате которой совершается сознательная деятельность, осуществляется нейронами ретикулярной формации мозгового ствола. Он не соглашается с двумя другими точками зрения, согласно одной из которых сознание является функцией мозга, работающего как нечто целое, другой — что интегративная функция осуществляется постоянно меняющейся динамической организацией индифферентной массы нейронов, расположенных по всей коре головного мозга. По мнению Фессара, механизм сознания представляется в следующем виде: «Сенсорные проекции к рецептивным областям коры мозга через специфические пути; бессознательное формирование форм активности в коре; проекция конкурирующих форм активности в центрэнцефалическую систему, где их взаимодействие дает более высокую степень интеграции. Это кончается новой ориентацией отдельных восходящих импульсов, и в конечном счете происходит возникновение интегрированного восприятия»¹. Фессар по существу соглашается с Пенфилдом, для которого понимание и произвольная деятельность, представляя собой главные характеристики сознания человека, являются результатом функционирования неповрежденной, относительно обособленной области мозга, в которой совершается высший уровень нервной интеграции. Этой областью является центрэнцефалическая система. В качестве доказательства локализации сознательных процессов не в коре, а именно в центрэнцефалической системе Пенфилд указывает, что удаление любой области коры головного мозга не влечет за собой потери сознания, тогда как повреждение мозгового ствола всегда сопровождается

¹ A. E. Fessard, *Mechanisms of Nervous Integration and Conscious Experience*, «Brain Mechanisms and Consciousness», Oxford, 1954, p. 216.

потерей сознания. Исходя из прочно установившегося в этой теории представления о том, что с центрэнцефалической системой связано возникновение потока импульсов, вызывающих произвольную активность, воспроизведение результатов прошлого опыта, осуществление умственной деятельности, Пенфилд следующим образом характеризует механизм возникновения сознания. «Сознание, — говорит он, — становится возможным в результате взаимодействия мозговой коры и ганглионарных образований центрэнцефалической системы.

Чтобы избежать недоразумений, очевидно, лучше не называть ее центрэнцефалон, так как она состоит из проводящих путей и ганглионарных связей, делающих возможным центральную интеграцию между двумя полушариями. Это не сегмент, который можно грубо изолировать, так как она располагается в диэнцефалон, мезэнцефалон и, возможно, простирается в метэнцефалон. И только часть каждого из этих подразделений можно назвать центрэнцефалической.

Сенсорные пути, приносящие информацию из внешнего мира и из организма самого человека, проходят через диэнцефалон к коре и затем обратно в центрэнцефалическую систему.

Можно сказать, что в каждый момент жизни человека в центрэнцефалическую систему поступает одновременно большое количество информации (зрительные, звуковые, соматические) в форме нервных импульсов. Как правило, индивидуум не всегда осознает этот поступающий материал. Говорят, что он обращает внимание то на то, то на другое.

Те вещи, на которые обращено внимание, фиксируются (регистрируются) в височных областях больших полушарий. Я предполагаю, что эта фиксация должна осуществляться потоком импульсов из серого вещества центрэнцефалической системы к серому веществу коры височных областей. Мы можем принять, что индивидуум осознает, что интегрировано и затем направлено к височным областям»¹.

Таким образом, согласно Пенфилду, фиксация событий осуществляется височной областью коры. Импульсы от всех воздействующих на человека раздражителей вос-

¹ «Brain Mechanisms and Consciousness», Oxford, 1954, p. 490—491.

принимаются, интегрируются и проецируются в височную область коры. Здесь осуществляется сравнение прошлых запечатлений и вновь поступивших раздражений. Результат, возникающий в процессе этой сравнительной деятельности, снова передается в центрэнцефалическую систему, являясь основой для формулирования плана действий. Согласно этому плану, центрэнцефалическая система путем посылки импульсов в двигательную область коры вызывает произвольную деятельность человека. Таким образом, центрэнцефалической системе принадлежит роль высшего интегратора, осуществляющего, направляющего произвольное сознательное поведение человека. Кора по существу служит своеобразным промежуточным пунктом между центрэнцефалической системой и исполнительными органами. В случае произвольных движений кора передает по пирамидным путям к спинному мозгу и мышцам импульсы, поступившие в нее из центрэнцефалической системы.

Теория центрэнцефалической системы заслуживает критической оценки как в своей экспериментальной, так и особенно в своей теоретической части. В литературе указывается, что фактические данные, полученные при изучении роли ретикулярной формации мозгового ствола, часто не согласуются между собой из-за того, что они получены различными методами. Серьезные возражения вызывает перенесение теоретических выводов, полученных в результате обобщения фактов, добытых в условиях острых опытов (электрические раздражения разных участков мозга), на объяснение функционирования нормально действующего мозга в естественных условиях. Между тем на основе этих данных делаются широкие обобщения, имеющие непосредственное мировоззренческое, философское значение. Обсуждение вопросов метода исследования из простого обсуждения методических приемов изучения в данном случае перерастает в обсуждение важнейших методологических вопросов. При этом на первый план выдвигается проблема качественных особенностей закономерностей, обусловленных специфическими условиями их осуществления. Существенным оказывается вопрос о том, остается ли тем же самым качество нервной деятельности при изучении ее в остром опыте или при столь резком изменении условий оно резко изменяется.

При электроэнцефалографическом исследовании изучаются закономерности мозговой деятельности, в известной степени изолированной от деятельности целостного организма, на изъятой из сложных поведенческих реакций отдельной части организма. Законно возникает вопрос, будет ли эта деятельность отдельного органа идентична деятельности этого органа как части сложной системы организма, связанного различными способами с условиями существования.

Еще более остро проблема качественных особенностей возникает в связи с тем, что факты, полученные сторонниками теории центрэнцефалической системы главным образом на животных, без особых поправок рассматриваются как основа для решения проблемы локализации сознания у человека. Возникновение новых мозговых структур, разумеется, не могло не отразиться на изменении функций. Функция приурочена к структуре. Сложная функция должна быть связана с более сложными мозговыми образованиями. Этого требует материалистический принцип развития, эволюционный подход к возникновению как структуры, так и приуроченной к ней функции. Между тем, с точки зрения авторов теории центрэнцефалической системы, оказывается, что сложнейшая нервная интеграция, результатом которой является произвольная деятельность, сознание человека, осуществляется нервными структурами, более древними, более простыми по своему строению, чем позже возникшая и более сложно организованная кора больших полушарий головного мозга. Центрэнцефалическая система человека не имеет резких качественных отличий от центрэнцефалической системы животных. Значит, их функции, в частности функция высшей нервной интеграции, не должны резко различаться. Между тем сознательное отражение действительности, целенаправленная произвольная деятельность свойственна только человеку. Какие особенности в интегрирующей деятельности ретикулярной формации человека, сходной по своему строению с ретикулярной формацией животных, обеспечивают особенности психической деятельности человека? Метафизический подход к оценке экспериментальных данных затрудняет ответ на этот вопрос.

Теоретическая позиция авторов теории центрэнцефалической системы, особенно в той ее части, которая

касается проблемы локализации высших психических функций, не согласуется с учением о высшей нервной деятельности и является по существу разновидностью психоморфологических теорий. Центральным положением учения о высшей нервной деятельности является утверждение о ведущей роли в жизнедеятельности организма коры больших полушарий головного мозга. Доказательством этому служит то, что образование условных рефлексов, являющихся формой наивысшего приспособления организма к условиям существования, зависит от коры больших полушарий головного мозга.

Соответствующие высказывания И. П. Павлова по этому поводу приведены выше. Весь дальнейший ход развития павловского учения учениками и последователями И. П. Павлова является подтверждением принципиальных положений своего учителя.

Было бы, однако, неправильно представлять, что в учении о высшей нервной деятельности подчеркивание ведущей роли больших полушарий означает вместе с тем умаление роли подкорковых образований. Если это имеет место у некоторых авторов, это в известной степени означает отступление от существа учения И. П. Павлова. Условно-рефлекторная деятельность возникает лишь на базе безусловных рефлексов. Последние являются функцией нижележащих по отношению к коре нервных структур. Поэтому уже изучение образования условных рефлексов требовало учета деятельности и подкорки. И. П. Павлов считал, что задача физиологии высшей нервной деятельности сводится к исследованию деятельности коры, изучению безусловных рефлексов как функции базальных ганглий и, наконец, к исследованию взаимодействия коры и подкорковых образований. Формулирование этой задачи вытекает из общеметодологического принципа павловского физиологического учения — изучать условно-рефлекторную деятельность нервной системы как деятельность, обеспечивающую приспособление организма к условиям существования. Кроме обеспечения деятельности организма в ответ на определенные внешние воздействия подкорка выполняет функцию поддержания определенного тонуса коры. «Итак, — писал И. П. Павлов, — подкорковые центры в большей или в меньшей мере определяют деятельное состояние больших полушарий и тем разнообразно изменяют отношение

организма к окружающей среде»¹. Эти представления И. П. Павлова подкрепляются в настоящее время многочисленными экспериментальными данными отечественных и зарубежных исследований. Изучение роли подкорковых образований представителями павловской физиологии не приводит, однако, к выводу о локализации высших психических функций в ретикулярной формации или центрэнцефалической системе.

Представлениям сторонников теории центрэнцефалической системы, являющейся разновидностью психоморфологических концепций (сознание локализуется в определенной, сравнительно ограниченной нервной структуре), противоречит и другой принципиальный вывод павловской физиологии — о динамической локализации мозговых функций. Положения И. П. Павлова о динамической локализации функций в мозгу противоположны и представлениям некоторых исследователей, утверждающих, что все отделы мозга имеют для происхождения сознания равноценное значение (эквипотенциализм Лешли²).

Существенными моментами в выработке концепции о динамической локализации функций в мозгу являются взгляды И. П. Павлова на строение анализаторов, в частности на структуру их мозговых концов. По мнению И. П. Павлова, анализаторные клетки располагаются как в центральном ядре анализатора в соответствующей части коры, так и в других частях коры больших полушарий головного мозга. Само представление «центра» в павловской физиологии несколько иное, чем это имеет место в классической физиологии. Вот что, например, И. П. Павлов писал о так называемом пищевом центре: «Его надо понимать в широком смысле слова, что это есть отдел нервной системы, регулирующий химическое равновесие тела... Надо допустить, что пищевой центр находится в различных этажах центральной нервной системы»³.

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, изд. 2, т. III, кн. 2, стр. 123.

² См. K. S. Lashley, Basic Neural Mechanisms in Behavior, «The Psychological Review», vol. 37, N 1, 1931; *его же*, Brain Mechanisms and Intelligence, Chicago — Illinois, 1929.

³ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, изд. 2, т. III, кн. 1, стр. 155, 157.

Существенным для представлений о динамической локализации функций в мозгу является положение о возможности замыкания временной нервной связи между любыми пунктами коры. Любые функции, особенно самые сложные из них, результатом которых является сознательное отражение действительности, осуществляются при участии не какой-нибудь одной области коры, мозгового конца одного анализатора, а совокупностью корковых полей, связанных между собой сложной системой межкорковых связей, а также связанных с подкорковыми образованиями системой корково-подкорковых связей. В результате существования сложных корковых и корково-подкорковых связей в структуре психической деятельности обеспечивается ее начало, заключающееся, как известно, в определенных потребностях организма, середина (связанная с образным отражением) и ответная деятельность в форме той или иной деятельности организма.

Сознание как специфически человеческая форма отражения действительности связано со специфическими особенностями в строении головного мозга человека. Эволюционный подход к изучению структуры и функции, взаимоотношений между ними, широко применяемый в советской науке, позволяет правильно понять сложную диалектику количественных и качественных изменений в процессе развития мозга, преемственность нового со старым и специфические особенности нового. Так, в процессе эволюции организмов наряду с возникновением новых мозговых структур осуществляется перестройка и тех структур, которые имеют место у животных, стоящих ниже на эволюционной лестнице. Происходит известный сдвиг функций. Наивысшие для данного вида животных приспособительные функции осуществляются наиболее сложно организованными мозговыми структурами. Процесс развития мозга состоит не в простом прибавлении новых структур, а в изменении деятельности мозга в целом. Это особенно отчетливо прослеживается при сравнении мозга человека с мозгом млекопитающих, даже самых развитых из них — обезьян. По сравнению с мозгом обезьян в мозгу человека все корковые поля более развиты и дифференцированы. Наряду с более резкой дифференциацией корковых полей у человека увеличивается общая площадь поверхности больших полушарий. Это

увеличение связано с развитием как более поздних, так и ранее возникших корковых образований. Количественные изменения в объеме, поверхности, весе головного мозга человека по сравнению с головным мозгом млекопитающего тесно связаны с изменением клеточной структуры мозга: появляются сложные звездчатые клетки, происходит большая пирамидизация формы клеток, более многообразными становятся типы нервных отростков (дендритов, аксонов). У звездчатых клеток возникают многочисленные отростки-придатки, благодаря которым в известной степени обеспечивается функциональная многозначность разных участков коры, переключение нервных импульсов с одних проводящих путей на другие.

Изменения в структуре мозга, функциональная многозначность корковых образований не означают, что у корковых полей нет специализации и что все они равнозначны между собой. Представления об анализаторах, строении и функциях их мозговых концов согласуются со взглядами о динамической локализации, служат составной частью этих взглядов. С точки зрения взглядов о динамической локализации функций, учитывающих известную специализацию отделов и участков коры, все более или менее сложные функции являются результатом сложного взаимодействия разных участков головного мозга. В связи с этим поражение одного участка коры не влечет за собой выпадения какой-то одной определенной функции. Нарушение функции может явиться результатом поражения разных участков мозга. Чем сложнее функция, тем сложнее ее мозговая обеспеченность. Это особенно наглядно демонстрируется сложной деятельностью головного мозга.

Специфические особенности в деятельности человеческого мозга являются не только результатом деятельности лишь у человека возникающих мозговых структур, но и усложнением, перестройкой тех отделов, которые являются общими у человека с организмами, менее сложно организованными.

В последние годы в литературе оживленно обсуждается вопрос о том, обуславливаются ли специфические функции человеческого мозга, связанные с сознанием, произвольной деятельностью, речевым абстрактным мышлением, какими-нибудь отграниченными от всех

других частей нервными образованиями, или эти функции являются результатом изменений в деятельности тех же частей мозга, которые общи у человека с другими животными. Некоторые исследователи утверждают, что у человека существуют специальные зоны коры, обеспечивающие специфические функции. По мнению И. Н. Филимонова, эти зоны (зоны второй сигнальной системы) аналогичны ядрам первой сигнальной системы¹.

С точки зрения других авторов, обеспечение специфических функций происходит за счет анатомического разделения мозговых концов анализатора, с локализацией их в разных местах коры².

Е. К. Сепп считает, что у человека в результате трудовой деятельности возникают специфические для него два новых корковых анализатора, локализованные в поле 40 и 39³.

Позиция Е. К. Сеппа, сводящего сложнейшие функции человеческого мозга — анализ результатов трудовой деятельности и овладение трудовыми навыками — к функции отдельных полей и выделению отдельных анализаторов, чревата ошибками узкого локализационизма. Другую позицию занимают авторы, утверждающие, что специфически человеческие функции мозга обеспечиваются не изолированными, имеющими строгую локализацию новыми анатомическими структурами, не возникновением новых анализаторов, а качественной перестройкой деятельности всей коры головного мозга⁴.

Новейшим исследованиям анатомофизиологической структуры мозга предстоит решить этот естественнонаучный спор. В данном случае важно экспериментальное изучение взаимосвязи внутри разных отделов мозга,

¹ См. И. Н. Филимонов, Эволюция коры больших полушарий и учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности, «Журнал высшей нервной деятельности», т. I, вып. 4, изд-во Академии наук СССР, М., 1951.

² См. С. Н. Давиденков и С. Н. Доценко, Возможно ли изолированное поражение зрительного анализатора первой и второй сигнальной системы? «Журнал высшей нервной деятельности», т. VI, вып. 4, М., 1956.

³ См. Е. К. Сепп, О локализации функций в коре головного мозга, «Журнал невропатологии и психиатрии», т. LV, вып. 12, Медгиз, М., 1955.

⁴ См. Н. С. Преображенская, О некоторых вопросах проблемы локализации функций, «Журнал невропатологии и психиатрии», т. LVII, вып. 6, Медгиз, М., 1957.

оценка роли каждого из них в обеспечивании сложной аналитико-синтетической деятельности мозга. Для философии диалектического материализма важно утвердившееся в советской физиологии изучение деятельности мозга в связи организма с условиями его существования, целостное изучение, опирающееся на павловский принцип динамической локализации функций в коре головного мозга.

Важным обстоятельством в связи с этим является то, что принцип приурочения динамики к структуре, как один из методологических принципов, тесно связан с двумя другими принципами, на которые опирается рефлекторная теория — принцип детерминизма и принцип анализа и синтеза. Эта связь принципов имеет исключительное значение для понимания проблемы локализации функций, она дает возможность рассматривать психические процессы как результат аналитико-синтетической деятельности мозга. В ходе этой деятельности мозга анализируются и синтезируются внешние влияния на организм. Вместе с тем эта деятельность разыгрывается в определенных мозговых структурах. Психические явления — это не имманентное, присущее определенному строению мозгового вещества свойство, как думают идеалисты-психоморфологи, а отражение действительности, осуществляемое в ходе реальной жизнедеятельности человека. Сознание — свойство рефлекторно-действующего мозга.

3. Рефлекторные механизмы отражения

Для возникновения условно-рефлекторной деятельности, являющейся основой психического отражения, как известно, необходимо деятельное состояние коры больших полушарий головного мозга. В связи с этим для уяснения вопроса о физиологических основах сознания необходима оценка некоторых условий, при которых обеспечивается бодрствующее состояние нервной системы, составляющее в свою очередь условие активных взаимоотношений организма с условиями существования, в результате которого возникает психическое отражение действительности. В последние годы внимание исследователей в связи с новыми электрофизиоло-

гическими исследованиями привлёк вопрос о роли разных отделов нервной системы, обеспечивающих бодрствующее состояние организма. Известно, что деятельное состояние нервной системы вызывается притоком нервных импульсов, возникающих при воздействии на органы чувства животных и человека объективной действительности. Попыты с нарушением органов чувств подтверждают положение об активной роли анализаторов в поддержании бодрствующего состояния коры больших полушарий головного мозга. Данные, полученные в последние годы, однако, показывают, что сохранность рецепторов и первичных афферентных путей всех видов чувствительности еще не является условием, достаточным для поддержания бодрствующего состояния мозга. Необходимым условием бодрствующего состояния головного мозга является нормальная деятельность сетевидной системы мозгового ствола. Подтверждением этого положения служат некоторые экспериментальные факты. Так Бремер¹, разрушая средний мозг кошки сзади ядра III нерва, получил энцефалограммы, соответствующие сонному состоянию головного мозга. О наличии сонного состояния свидетельствовало и состояние зрачков.

Разрушая сетевидную систему среднего мозга при сохранении всех первичных чувствительных путей, Мегоун с сотрудниками также получил состояние, напоминающее коматозное². Таким образом, необходимым условием бодрствующего состояния головного мозга является облегчающее влияние ретикулярной формации мозгового ствола.

Исследуя влияние ретикулярной формации на возникновение сна, многие ученые склоняются к предположению, что сон возникает вследствие того, что по тем или иным причинам (физическое нарушение целостности разных отделов ретикулярной формации) в кору головного мозга прекращается доступ афферентных импульсов, идущих от активирующей центральной ретикулярной формации или из ретикулярной системы таламуса.

¹ См. *F. Bremer*, *The Neurophysiological Problem of Sleep*, «Brain Mechanisms and Consciousness», Symposium, Oxford, 1954.

² См. *H. Magoun*, *The Ascending Reticular System and Wakefulness*, «Brain Mechanisms and Consciousness», Symposium, Oxford, 1954.

Взаимоотношение тормозного и активирующего влияния подкорковых образований составляет одно из условий, обеспечивающих бодрствующее состояние головного мозга. Бодрствующее же состояние необходимо для восприятия внешнего мира. Если, например, нарушается определенный баланс возбуждения и торможения на уровне подкорки, то в кору по афферентным путям могут поступать импульсы, возникающие под воздействием внешних раздражителей, но дальнейшей аналитико-синтетической обработки, характерной для бодрствующего мозга, в данном случае не происходит. Однако именно эта аналитико-синтетическая деятельность нервной системы является основой отражения в форме психических явлений.

Соглашаясь по вопросу о том, что ретикулярная формация, подкорковые образования оказывают влияние на состояние мозговой коры (ее бодрствующее или сонное состояние), современные исследователи не имеют единой точки зрения в оценке характера этого влияния. Если в рассмотренных выше взглядах (Бремер, Мегуэн) авторы придерживаются положения о том, что сонное состояние возникает в результате прекращения потока возбуждения из ретикулярной системы в кору головного мозга, то некоторые авторы полагают, что существуют специальные мозговые структуры, преимущественной функцией которых является угнетение мозговой активности. Среди последних должен быть назван прежде всего Гесс¹ с его теорией подкоркового центра сна. По мнению Гесса, в гипоталамусе существуют области, функции которых противоположны по своему знаку друг другу. Если возбуждение одной из них обеспечивает деятельное состояние организма, то возбуждение другой угнетает активность организма. Экспериментальные данные, послужившие основанием для теоретических обобщений, получены путем электрического раздражения этих областей. Область гипоталамуса, электрическое раздражение которой вызывает снижение активности организма, рассматривается Гессом как гипногенный центр, т. е. центр сна.

Большинство исследователей в настоящее время не согласно с давно выдвинутой и энергично защищаемой

¹ См. W. Hess, The Diencephalic Sleep Centre, «Brain Mechanisms and Consciousness», Symposium, Oxford, 1954.

Гессом теорией гипоталамического центра сна. Ее существенные недостатки заключаются, во-первых, в том, что она в специфической форме возрождает раскритикованные теории мозговых центров, и, во-вторых, не согласуется с фактами, свидетельствующими об участии коры в организации деятельного бодрствующего состояния организма. Главное место среди этих фактов занимает факт возникновения торможения деятельности организма путем воздействия на органы чувств внешних раздражителей. В этом случае, по данным павловской школы, сонное состояние является результатом возникновения и распространения коркового торможения.

Наряду со случаями центрального коркового происхождения сна активное бодрствующее состояние организма может возникнуть также путем влияния на кору, минуя активирующее влияние ретикулярной формации. Например, животное может пробудиться от сна, если раздражать непосредственно кору электрическим током.

Испытывая, несомненно, возбуждающее и тормозящее влияние ретикулярной формации, кора сама принимает непосредственное участие в организации бодрствующего состояния. Например, если нарушены проекционные корковые поля, то пробуждения путем воздействия на органы чувств специфическими раздражителями не осуществляется, хотя, очевидно, неспецифическая активация ретикулярной формации имеет место. В возникновении бодрствующего состояния имеют значение не только связь корковых полей с подкорковыми образованиями и ретикулярной формацией мозгового ствола, но и взаимосвязь участков коры головного мозга. Бодрствующее состояние, как необходимое условие активных взаимоотношений организма со средой, является, таким образом, результатом сложной деятельности головного мозга, в которой участвует как кора, так и подкорковые образования. В последние годы высказывается предположение о том, что большую роль для бодрствующего состояния имеет состояние нейтронов, синапсов, через которые осуществляется проведение возбуждения. Причиной сна может стать, как полагает, например, Бремер¹, возникновение слабости нейрональной синапти-

¹ См. «Brain Mechanisms and Consciousness», Symposium, Oxford, 1954, General Discussion.

ческой связи. Это состояние может возникнуть как в коре, так и в подкорке, гипоталамусе и ретикулярной формации. В результате морфологической и функциональной связанности отделов мозга слабость, возникающая в одних частях, может явиться причиной ослабления деятельности других частей. Таким образом, сонное, недеятельное состояние организма может явиться результатом цепного процесса, имеющего при разных условиях и в разное время своим началом разные участки нервной системы и включающего в качестве промежуточных звеньев как корковые, так и подкорковые образования. Ретикулярная формация, интегрирующая импульсы, идущие в кору головного мозга, является одним из существенных звеньев в этой цепи, но не исключительным и не единственным. Корковым звеньям принадлежит также важная роль в возникновении и поддержании бодрствующего состояния организма. В итоговой активности организма коре принадлежит роль восприятия специфических воздействий, влияние на ретикулярную формацию. Кроме того, осуществляется взаимовлияние разных областей коры одного полушария и частей коры разных полушарий.

Деятельное состояние коры является необходимым условием вступления организма в активное взаимоотношение с окружающей действительностью. А в процессе этого взаимоотношения и возникая по существу для него, осуществляется отражательная деятельность нервной системы. Эта отражательная деятельность есть деятельность рефлекторная. В последние годы получены новые ценные данные, во многом уточняющие и развивающие научные представления о рефлекторной деятельности нервной системы. Эти данные получены как путем классической методики условных рефлексов, так и путем электрофизиологических методик. Сами электрофизиологические исследования оказываются плодотворными тогда, когда они осуществляются с позиций рефлекторной теории нервной деятельности.

Одной из задач физиологии высшей нервной деятельности И. П. Павлов считал раскрытие внутреннего механизма образования условного рефлекса, интимных связей основных нервных процессов — процессов возбуждения и торможения, в результате которых устанав-

ливаются сложные связи организма с условиями существования. При решении этой задачи важно, говорил И. П. Павлов, проследить пространственное распространение нервных процессов. Электрофизиологические исследования высшей нервной деятельности в решении этой задачи приобретают первостепенное значение. Новейшие исследования электрической активности мозга выдвинули два принципиально важных вопроса, имеющих непосредственное значение для понимания физиологических основ отражательной деятельности мозга: во-первых, вопрос о структуре условно-рефлекторной связи, месте замыкания условных рефлексов; во-вторых, вопрос об отражении в регистрируемых энцефалограммах динамики процессов возбуждения и торможения и о корреляции психических процессов с данными энцефалограмм. Эти вопросы, особенно первый из них, широко обсуждались на состоявшемся в Москве в конце 1958 г. Международном совещании по электроэнцефалографии высшей нервной деятельности. При обсуждении проблемы мозговой структуры условно-рефлекторной деятельности дискуссировался вопрос о роли коры и подкорковых образований в возникновении условного рефлекса. С точки зрения одних (Гасто, Роже), экспериментальные данные последних лет будто бы свидетельствуют о том, что существует подкорковое замыкание временных связей, а корково-кортикальные связи играют незначительную роль. При этом они полагают, что замыкание рефлекторной связи, осуществляемое ретикулярной формацией путем неспецифических проекций ретикулярной формации в кору, вовлекает кору в условно-рефлекторную деятельность: при замыкании связей в ретикулярной формации мозгового ствола возникает очаг возбуждения, а затем возбуждение распространяется в кору и к периферии. Коре головного мозга в концепции этой группы исследователей отводится подчиненная роль. По существу в данном случае подвергается пересмотру один из методологических принципов павловской рефлекторной теории — о соответствии динамики структуре, с позиций которого высшие функции (а условно-рефлекторная деятельность есть наисложнейшая и наивысшая известная до сих пор деятельность нервной системы) приурочены к самым сложным материальным структурам. Позиция представите-

лей указанной точки зрения не согласуется с данными большинства специалистов по электрофизиологии нервной системы.

И. П. Павлов, характеризуя механизм образования условных рефлексов, указывал на необходимость изучать подкорку как орган, осуществляющий безусловно-рефлекторную деятельность. И это понятно, условный рефлекс ведь образуется на базе того или иного безусловного рефлекса. Новейшие электрофизиологические исследования дали возможность раскрыть различную роль в целостном функционировании мозга подкорковых образований, дать характеристику до сих пор неизвестных функций ретикулярной формации мозгового ствола и зрительного бугра. Однако эти данные не дают оснований пересматривать центральное положение павловской физиологии о коре больших полушарий головного мозга. Электрофизиологические исследования ряда ученых в настоящее время направляются на то, чтобы экспериментально раскрыть степень участия подкорковых образований в условно-рефлекторной деятельности организма.

Характеризуя значение ретикулярной формации в осуществлении условно-рефлекторной деятельности, П. К. Анохин указывает на то, что разные нервные структуры ретикулярной формации оказывают разное влияние на замыкание условных рефлексов¹.

На роль коры, как органа условно-рефлекторной деятельности, указывают многочисленные исследования. Так при повреждении ретикулярной формации мозгового ствола, проведенном А. Крейндлером, двигательные условные рефлексы полностью восстанавливались. Если бы ретикулярная формация была системой, исключительно ответственной за образование условных рефлексов, этих фактов, очевидно, получить не удалось бы. Известно, что для образования условного рефлекса необходимо соответствующее безусловно-рефлекторное возбуждение. По данным Л. Г. Трофимова, Н. Н. Любимова, Т. С. Наумовой, во время пищевого подкрепления условного рефлекса снижается электрическая актив-

¹ См. П. К. Анохин, Новые данные о функциональной гетерогенности ретикулярной формации ствола мозга, «Журнал высшей нервной деятельности», т. IX, вып. 4, 1959.

ность ретикулярной формации среднего мозга и зрительного бугра¹.

Активность подкорковых образований, принимающих участие в образовании условных рефлексов, при упрочении условного рефлекса снижается, доминирующая роль переходит к специфическим мозговым образованиям (Трофимов, Мегоун)².

Изменение возбудимости, реактивности, мобильности нейронов, возникающее вследствие распространения диффузных процессов из подкорковых образований на кору, является необходимым условием замыкания временной связи, генерализации условного рефлекса. Упроченный условный рефлекс, однако, может иметь место и тогда, когда диффузных изменений коркового состояния не происходит.

Показательные данные, свидетельствующие в пользу коркового замыкания условного рефлекса, получены в лаборатории М. Н. Ливанова. В коре головного мозга удалось получить очаги возбудимости, имеющие определенную электрофизиологическую характеристику. Регистрируя электрическую активность, возникшую при условном раздражении в соответствующем участке зрительной области коры, М. Н. Ливанов проследил движение очага возбуждения из мозгового конца зрительного анализатора к корковой области двигательного анализатора. В этих опытах прослеживается образование своеобразной дорожки активности, протаривание пути между двумя очагами возбуждения и дается очень наглядная пространственная характеристика движения нервных процессов, места замыкания условно-рефлекторных связей. А это чрезвычайно важно как с практической, так и с теоретической, методологической точки зрения.

И. П. Павлов указывал, что вся суть изучения рефлекторного механизма, составляющего фундамент высшей нервной деятельности, сводится на пространствен-

¹ См. Л. Г. Трофимов, Н. Н. Любимов и Т. С. Наумова, Электрические явления в различных структурах коры и подкорки и их динамика при рефлекторной деятельности, «Конференция по вопросам электрофизиологии центральной нервной системы, май 1958. Тезисы докладов». М., 1958.

² См. Л. Г. Трофимов, Электроэнцефалографическое изучение высшей нервной деятельности, «Журнал высшей нервной деятельности», т. IX, вып. 4, 1959.

ные отношения, на определение путей, по которым распространяется и собирается раздражение¹.

Указывая на значение коры головного мозга в осуществлении условно-рефлекторных связей организма со средой, исследователи в настоящее время обращают внимание на то, что различные структуры самой коры имеют неодинаковое значение в образовании условных рефлексов. Электрофизиологические исследования свидетельствуют о том, что в поверхностных слоях коры головного мозга, в которых располагаются широко разветвленные и связанные друг с другом отростки нервных клеток, расположенных в более глубоких слоях, процесс возбуждения протекает значительно медленнее, а следы раздражения сохраняются значительно дольше, чем в других слоях. В связи с этим высказывается предположение, что, может быть, эти свойства поверхностных слоев коры лежат в основе осуществления связи между возбуждениями, вызванными разными раздражителями, и обеспечивают образование условных рефлексов.

Бурное развитие в последние годы электрофизиологии нервной системы ставит перед исследователями важный вопрос об электрической характеристике нервных процессов, вопрос о выражении в электроэнцефалограммах функционального состояния мозга.

Философское значение обсуждения этих вопросов заключается в том, что в данном случае вслед за решением проблемы энцефалографической характеристики процессов возбуждения и торможения, функционального, физиологического состояния нервной системы, встает проблема электрофизиологической характеристики психических явлений, вопрос о соответствии электроэнцефалограмм фактам сознания. Такая попытка уже содержится в ряде исследований. Так Гасто² считает, что между крайними состояниями сознания и бодрствования и показаниями электроэнцефалограммы удастся установить корреляции. Корреляцию же между электроэнцефалограммами и промежуточными состоя-

¹ См. *И. П. Павлов*, Полное собрание сочинений, изд. 2, т. III, кн. 1, стр. 207.

² См. *H. E. Gastaut*, *The Brain Stem and Cerebral Electrogenesis in Relation to Consciousness*, «Brain Mechanisms and Consciousness», Symposium, Oxford, 1954.

ниями сознания констатировать оказывается трудно. Важными в этой связи являются высказанные Гасто соображения о том, что наряду с параллельными изменениями сознания и энцефалограммы наблюдаются случаи, которые отчетливо свидетельствуют об отсутствии корреляции сознания и энцефалографических показателей. Например, считается, что появление синхронизированных медленных волн соответствует наименее возбужденному состоянию и отсутствию сознания. Но бывают случаи, когда отсутствие сознания и низкая возбудимость не сопровождаются появлением медленных волн (обмороки, вызванные кардиозолом, коматозные состояния). С другой стороны, возникающие медленные волны регистрируются и при состояниях, не сопровождающихся потерей сознания. В состояниях же, которые явно связаны с уменьшением возбудимости (зимняя спячка животных), могут появляться быстрые несинхронизированные волны, характерные для возбужденного состояния.

Попытка найти корреляцию психических процессов с электроэнцефалографическими показателями содержалась в докладах Г. Уолтера¹ и Сторма ван Леувена². В частности, поднимался вопрос об отражении в электроэнцефалограммах индивидуальных особенностей человека, его темперамента. Но фактических данных, необходимых для энцефалографической характеристики типологических особенностей высшей нервной деятельности, еще не достаточно.

Принципиальная сторона вопроса заключается в том, возможна ли корреляция электрофизиологических показателей и психических явлений. Психические явления представляют собой результат сложной совокупной деятельности разных отделов нервной системы головного мозга.

Электрические явления регистрируются с определенных участков коры головного мозга или подкорковых

¹ См. G. Walter, The Theoretical Properties of Diffuse Projection System in Relation to Behavior and Consciousness, «Brain Mechanisms and Consciousness», Symposium, Oxford, 1954.

² См. Л. Г. Трофимов, Электроэнцефалографическое изучение высшей нервной деятельности, «Журнал высшей нервной деятельности», т. IX, вып. 4, 1959.

образований. В электроэнцефалограммах может отражаться то или иное функциональное состояние мозга. С помощью электрофизиологических методов можно дать более полную характеристику физиологической деятельности головного мозга. Их значение для характеристики психических процессов опосредуется раскрытием нейрофизиологической основы этих процессов. Отыскание непосредственных корреляций электроэнцефалограмм с качественно разнообразными психическими явлениями теоретически не оправдано. Электрофизиологический метод является лишь одним из ряда методов изучения высшей нервной деятельности, с его помощью дается характеристика лишь одной стороны деятельности мозга — его электрической активности. Психическая деятельность не сводится лишь к электрическим явлениям, разыгрывающимся в мозгу. Даже физиология высшей нервной деятельности, лежащая в основе психических явлений, не может быть охарактеризована лишь со стороны ее электрической выраженности. Электроэнцефалография является, таким образом, одним и не единственным методом изучения деятельности мозга, и ее данные могут быть правильно поняты и использованы для раскрытия законов деятельности мозга, порождающего сознание, лишь в совокупности с другими методами исследования высшей нервной деятельности.

В комплексе вопросов, связанных с уяснением физиологических основ сознания, наряду с общей характеристикой разных отделов нервной системы в поддержании деятельного, бодрствующего состояния организма и их роли в осуществлении условно-рефлекторной деятельности нервной системы важным является вопрос о том, как происходит восприятие нервной системой внешних воздействий, без которого не возможна никакая сознательная деятельность человека.

Материалистические основы теории восприятия заложены в учении И. П. Павлова о рефлекторной деятельности мозга и связанном с ним учении об анализаторах. Периферической теории чувственного познания И. П. Павлов противопоставил теорию центрального, коркового происхождения ощущений и восприятий.

Согласно современным данным, возбуждение, возникающее в периферических концах анализаторов (глаз,

ухо и др.), распространяется по нервам, достигая центральных нервных образований (подкорки и коры). Анализ раздражителей, по мнению И. П. Павлова, начинаясь в рецепторах, усложняется в связи со сложностью нервных структур, на уровне которых этот анализ осуществляется. Так подкорка производит различие силы или интенсивности раздражителя. Если, например, у животных удаляется кора больших полушарий головного мозга, то способность этих животных различить свет и тьму, силу звуковых раздражителей, отреагировать на прикосновение предметов (тактильные раздражители) остается. Но указанное различие является функцией лишь первой центральной инстанции головного мозга, получающего возбуждение от воздействий на органы чувств внешних раздражителей. Качественные особенности раздражителей в данном случае не воспринимаются.

При воздействии раздражителей возбуждение, возникшее в органах чувств, достигает центральных отделов нервной системы двумя путями. По одному из них (специфическому) возбуждение идет от органа чувств через ряд промежуточных отделов, достигает специфического поля коры головного мозга. По этому пути передается специальная информация в специальные корковые воспринимающие станции. Для зрительных раздражителей этой специальной станцией будет затылочная область коры, для слуховых — височная. Но наряду с этим существует неспецифический путь передачи возбуждений от органов чувств в центральные образования. Этот путь, начинаясь от специфического пути нервными разветвлениями (коллатералиями), заканчивается в неспецифических образованиях ретикулярной формации. Через ретикулярную формацию возбуждение от органов чувств также поступает в кору. В отличие от возбуждения, достигшего коры по специальному чувствительному нерву и связанного с возникновением различения качества раздражителей, нервные импульсы, возникающие в органах чувств и проводимые в кору неспецифическим путем через ретикулярную формацию, достигают всех слоев коры, генерализуясь на большие участки ее, и оказывают большое влияние на возбудимость нервных клеток. Эти возбуждения поддерживают определенный тонус коры больших полушарий головного

мозга, необходимый для ее специфической аналитико-синтетической деятельности.

Новейшие данные физиологии о специфическом и неспецифическом нервных путях проведения возбуждений распецифичили научные представления о сложном процессе восприятия действующих на органы чувств внешних раздражителей. Электрофизиологические исследования, дающие характеристику отличий электрической активности мозга, вызванной путем возбуждений коры, пришедших по специфическому и неспецифическому пути, помогают проследить сложные взаимодействия разных видов возбуждения и рассматривать процесс восприятия как результат совместной деятельности специфической и неспецифической систем афферентации.

Если, например, по тем или иным причинам исключается или снижается проведение возбуждения по неспецифическим путям, то специфического воздействия раздражителя на органы чувств недостаточно для восприятия раздражителя и выполнения им роли в регуляции поведения. Во сне у животных и человека проводимость возбуждений по специфическому пути может оставаться высокой, но недостаток импульсов, поступающих из ретикулярной формации, приводит к тому, что раздражители не воспринимаются организмом. Эти данные свидетельствуют также о том, что восприятие раздражителей следует рассматривать не как функцию лишь ограниченной сенсорной области коры, как это представлялось до недавнего времени, а как результат целостной деятельности головного мозга.

Интенсивные исследования последних лет вносят существенные поправки в распространенные до сих пор представления о характере деятельности анализатора. До недавнего времени господствующим был взгляд, что возбуждение, возникшее в воспринимающих органах по чувствительным афферентным нервам, распространяется в спинной и головной мозг, а оттуда соответствующим образом переработанные импульсы в виде приказов по нервам, идущим от головного мозга, поступают к органам-исполнителям (двигательной системе, железам и т. д.). Афферентная система резко отделялась от афферентной системы. Причем анализаторы рассматривались исключительно как афферентная система. Анатомо-гистологические и электрофизиологиче-

ские исследования, однако, показали, что сами анализаторы следует рассматривать и как эффекторы. По путям, ведущим от рецептора в центральные нервные образования, нервные импульсы идут не только в направлении от периферии к центру, но и от центра к периферии, а следовательно, сам анализатор действует как сложная афферентно-эфферентная система. Прежние представления о деятельности анализатора позволяли проследить влияние внешних воздействий на деятельность анализаторов, а через них на состояние центральной нервной системы и поведение организма. Но они толкали в известной степени на оценку деятельности соответствующих областей коры как чисто детекторной, а саму кору как пассивно воспринимающую и передающую импульс дальше на центробежные нервы. Учитывалась лишь одна сторона взаимной связи органов чувств и центральной нервной системы — влияние периферии на центр. Представление об анализаторе как афферентно-эфферентной системе дает возможность дать характеристику и обратного непосредственного влияния центральной нервной системы на деятельность приборов, воспринимающих внешние воздействия.

Установлено, что эфферентные импульсы в рецепторы поступают из разных уровней нервной системы. Между центральной нервной системой и рецепторами, таким образом, осуществляется как прямая (от периферии к центру), так и обратная (от центра к периферии) связь.

Если путем прямой связи внешний раздражитель воздействует на центральную нервную систему, то путем обратной связи через эффекторный путь под влиянием центральной нервной системы осуществляется настройка, перестройка деятельности самого рецептора.

Эти «приказы» центральной нервной системы, разумеется, обусловлены предшествующим влиянием внешних раздражителей, состоянием самой центральной нервной системы и всего организма в целом. Животное и человек во взаимоотношениях с объективной действительностью выступают как самостоятельная активная система. Эта активность в известной степени проявляется уже в известной саморегуляции воспринимающей деятельности анализатора. Положение о саморегуляции анализатора не означает, конечно, что анализатор действует

как изолированная замкнутая в себе система, а процесс восприятия является функцией отдельных анализаторов. Саморегуляция понимается как перестройка деятельности анализатора путем импульсов, приходящих из центральной нервной системы, в зависимости от характера внешнего воздействия.

Импульсы центральной нервной системы поступают в анализатор как через специфический путь, так и через неспецифический путь. На функциональное состояние рецептора влияет, таким образом, как кора больших полушарий головного мозга, так и ретикулярная формация. Влияние последней, в частности, сказывается в возбудимости нервных клеток воспринимающих аппаратов. Между самой ретикулярной формацией и корой больших полушарий головного мозга существует также не только прямая связь, но и обратная. Влияние коры на анализаторы может осуществляться, таким образом, и через ее воздействие на ретикулярную формацию.

В системе вопросов, связанных с проблемой физиологических основ сознания, одно из главных мест занимает вопрос о физиологической природе восприятия объективной действительности. Общепринятым в современном естествознании и марксистской философии является положение о том, что психическая деятельность является функцией мозга. Мозг функционирует в виде рефлексов. И. П. Павлов указывал, что деятельность анализаторов и условно-рефлекторная деятельность составляют механизмы высшей нервной деятельности, поведения животных и человека. Эти механизмы взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга. Восприятие внешних воздействий возникает в результате условно-рефлекторной деятельности нервной системы, составной частью которой является рефлекторная деятельность анализаторов. Деятельность анализаторов включается и в безусловно-рефлекторную деятельность организма. Существенно ее значение в первичном ориентировании организма во внешних условиях, в реакциях на «новизну», которыми являются ориентировочные рефлексы («что такое?»). Ориентировочные рефлексы в свою очередь играют большую роль в настраивании органов чувств на лучшее восприятие внешних воздействий.

Безусловно-рефлекторная регуляция деятельности анализаторов осуществляется путем приема органами

чувств энергии внешнего раздражителя, проведения импульсов в центральные нервные образования (подкорку или кору) и путем импульсов из центра к органу чувств осуществляются приспособительные действия воспринимающего органа. Таким, например, образом осуществляется приспособление глаза к потоку световой энергии, сужение или расширение зрачка, возникающее в результате восприятия определенной интенсивности светового раздражителя. Безусловно-рефлекторная регуляция деятельности анализатора обеспечивает его приспособительную функцию к интенсивности внешних воздействий. Она лежит в основе адаптации (приспособление) органов чувств. Вместе с тем безусловно-рефлекторная регуляция анализаторов является необходимым условием осуществления по механизму условного рефлекса качественного различения раздражителей и выполнения этими раздражителями регуляторной роли в поведении организмов.

Существенным для понимания отражательной деятельности нервной системы является включение деятельности анализаторов в условно-рефлекторную деятельность организмов. Известно, что условно-рефлекторную связь можно получить в одном и том же анализаторе. Действуя, например, последовательно двумя световыми раздражителями разной интенсивности, можно через некоторое количество сочетаний этих раздражителей наблюдать, как один из этих раздражителей условно-рефлекторным путем вызвал изменение деятельности зрительного анализатора. Так, после сочетания освещения глаза с темнотой было отмечено заметное уменьшение падения чувствительности, обусловленное воздействием света. Освещение глаза становится условным раздражителем, вызывающим повышение чувствительности глаза. Безусловным раздражителем, повышающим чувствительность глаза, является темнота. Свет (как условный раздражитель) приобретает свойства темноты (как безусловного раздражителя) ¹.

Для рефлекторного механизма воспринимающей деятельности нервной системы характерно возникновение условно-рефлекторных связей между разными анализаторами. Если световое воздействие как безусловный

¹ См. Е. Н. Соколов, Восприятие и условный рефлекс, М., 1958.

раздражитель, вызывающий сужение зрачка, сочетать во времени со звуковым раздражителем, то после нескольких таких сочетаний одного звукового раздражителя будет достаточно для сужения зрачка и понижения световой чувствительности глаза.

Условно-рефлекторное взаимодействие анализаторов, осуществляемое при помощи коры больших полушарий человеческого мозга, является основой возникновения отражения совокупности свойств и качеств предметов и явлений объективной действительности. Например, чтобы получить зрительный образ предмета, недостаточно лишь возникновения фотохимических процессов сетчатки, имеющих при восприятии световых раздражителей, при относительно статичном положении глаза. Еще И. М. Сеченов указывал на то, что движения глаза играют существенную роль в формировании зрительного образа предмета (отражения его контура, удаленности и т. д.). Экспериментальные данные свидетельствуют о том, что зрительный образ предмета возникает в результате сложного сочетания собственно чувствительной и двигательной деятельности глаза, его своеобразной ощупывающей деятельности. В данном случае имеет место совместная деятельность зрительного и двигательного анализаторов. При восприятии звуковых раздражителей роль двигательного компонента тоже большая: при помощи движений животное и человек улавливают ухо в положение наилучшего слышания. При восприятии объема предмета, тяжести, свойств его поверхности данные зрительного анализатора дополняются показаниями двигательного анализатора, данными температурной и кинестетической чувствительности.

Условно-рефлекторная деятельность организма строится на основе определенных видов безусловно-рефлекторных связей организма со средой. Характерная в связи с этим особенность условных рефлексов — возникать на основе того или иного подкрепления, играет также существенную роль в осуществлении отражательной деятельности нервной системы. Во-первых, для возникновения условных рефлексов должен быть достаточно сильно возбужденным центр соответствующего безусловного рефлекса. «Если новое, индифферентное раздражение, — писал И. П. Павлов, — попав в большие

полушария, находит в этот момент в нервной системе очаг сильного возбуждения, то оно начинает концентрироваться, как бы прокладывая себе путь к этому очагу и дальше от него в соответствующий орган, становясь, таким образом, раздражителем этого органа»¹. В павловских лабораториях были получены факты, показывающие влияние соответствующего безусловного рефлекса на условно-рефлекторную деятельность. Например, если животное (собака) сыто, то пищевые условные рефлексы образуются с трудом или не образуются совсем. Если животное очень голодно, пищевые условные рефлексы тоже угнетены, и только оптимальное пищевое возбуждение вызывает возникновение соответствующей условно-рефлекторной деятельности. Сам по себе объективный сигнальный раздражитель в разных условиях будет по-разному отражаться в зависимости от безусловно-рефлекторного возбуждения нервной системы. В конечном итоге вся деятельность организма направлена на удовлетворение его нужд. Эти нужды, потребности выражаются в избирательном отношении организма к определенным внешним воздействиям, в повышении возбудимости к определенным раздражителям. Удовлетворение потребности в веществах, непосредственно обеспечивающих жизнедеятельность организма, включается в сложную систему условно-рефлекторной деятельности: у животных и человека трудно констатировать чистые безусловно-рефлекторные деятельности. Образование условно-рефлекторных связей организма со средой является необходимой предпосылкой удовлетворения жизненных потребностей организма, живущего в сложных условиях существования. Вместе с тем само безусловно-рефлекторное возбуждение серьезно влияет на протекание условно-рефлекторной отражательной деятельности. Например, кастрация животных, вызывающая изменения половой потребности, безусловно-рефлекторной деятельности, связанной с осуществлением полового инстинкта, вызывает заметные изменения в условно-рефлекторной деятельности. Потребности организма в известной степени обуславливают его отражательную деятельность. Так, у собак,

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, изд. 2, т. III, кн. 1, стр. 118.

имеющих слабую корковую деятельность, снижение тонуса безусловно-рефлекторного полового возбуждения, вызванного кастрацией, вызывает на определенное время некоторое повышение этой деятельности. У собак же с сильной корой кастрация, понижающая тонус полового инстинкта, вызывает на некоторое время понижение и условно-рефлекторной корковой деятельности.

Нормальная отражательная деятельность зависит не только от наличия и соответствующего уровня того или иного безусловно-рефлекторного возбуждения. Результат отражательной деятельности будет определяться соответствующим балансом между разными безусловными рефлексами (например, пищевым, половым, оборонительным). Условно-рефлекторная деятельность будет зависеть от относительной силы безусловного рефлекса, на базе которого она осуществляется, от выбора в каждый данный момент этой базы в качестве основной в зависимости от условий существования и общего состояния нервной системы, организма вообще.

Связь условно-рефлекторной деятельности с безусловно-рефлекторной в ее психологической характеристике, таким образом, выражает связь сознания с потребностями организма. Но это одна сторона. С другой стороны, безусловные рефлексы связаны в известной степени с эмоциональной сферой сознания. Выражая отношение организма к удовлетворению и неудовлетворению органических потребностей, эмоции влияют на течение условно-рефлекторной деятельности. Это влияние обуславливается прежде всего тем, что безусловно-рефлекторный компонент эмоций связан с многообразными изменениями в функциях организма: соответствующее изменение безусловно-рефлекторной деятельности, выявляющееся в эмоциональных состояниях, влечет изменение деятельности сердца, органов дыхания, степени расширения и сужения кровеносных сосудов, деятельности секреторных желез. Одним из внешних выражений эмоционального состояния являются выразительные движения (жесты, поза, мимика). Эти изменения в функциях организма характерны для эмоциональных переживаний, возникают не только при осуществлении безусловно-рефлекторной деятельности: их могут вызвать и условные раздражители. Но вместе с тем, возникая

в результате инстинктивной деятельности, они оказывают существенное влияние на течение отражательной деятельности головного мозга. Сказанное выше показывает, насколько сложна причинная обусловленность психической деятельности и насколько сложны и взаимопереплетены физиологические факторы, влияющие на ее осуществление.

Отмечая роль коры и подкорковых образований в возникновении психических явлений, необходимо указать, что в основе их осуществления лежит сложная динамика процессов возбуждения и торможения, законы их взаимодействия. Не считая необходимым останавливаться на характеристике самих по себе законов иррадиации, концентрации и взаимной индукции, мы должны указать по крайней мере на то, что соответствующее соотношение возбуждения и торможения в коре головного мозга является необходимым для создания очага оптимального возбуждения, с существованием которого связано выделение того или другого раздражителя, характеризующее с психологической стороны как направление внимания на определенный предмет или явление. Оптимальный очаг возбуждения появляется в том или ином месте коры больших полушарий головного мозга одновременно с возникновением процесса торможения по закону отрицательной индукции на соседних соответствующих участках коры головного мозга. Очаг оптимальной возбудимости в результате внешних и внутренних условий постоянно перемещается по коре головного мозга. С его возникновением и перемещением И. П. Павлов связывает возникновение явлений сознания. «...Позвольте мне, — писал И. П. Павлов, — в коротких словах передать вам, как представляется мне физиологически то, что мы обозначаем словом «сознание» и «сознательное».

Конечно, я совершенно не коснусь философской точки зрения, т. е. я не буду решать вопроса: каким образом материя мозга производит субъективное явление и т. д.? Я постараюсь только предположительно ответить на вопрос: какие физиологические явления, какие нервные процессы происходят в больших полушариях тогда, когда мы говорим, что мы себя сознаем, когда совершается наша сознательная деятельность?

С этой точки зрения сознание представляется мне нервной деятельностью определенного участка больших полушарий, в данный момент, при данных условиях обладающего известной оптимальной (вероятно, это будет средняя) возбудимостью. В этот же момент вся остальная часть больших полушарий находится в состоянии более или менее пониженной возбудимости. В участке больших полушарий с оптимальной возбудимостью легко образуются новые условные рефлексы и успешно вырабатываются дифференцировки. Это есть, таким образом, в данный момент, так сказать, творческий отдел больших полушарий. Другие же отделы их, с пониженной возбудимостью, на это неспособны, и их функцию при этом — самое большее — составляют ранее выработанные рефлексы, стереотипно возникающие при наличии соответствующих раздражителей. Деятельность этих отделов есть то, что мы субъективно называем бессознательной, автоматической деятельностью. Участок с оптимальной деятельностью не есть, конечно, закрепленный участок; наоборот, он постоянно перемещается по всему пространству больших полушарий в зависимости от связей, существующих между центрами, и под влиянием внешних раздражений. Соответственно, конечно, изменяется и территория с пониженной возбудимостью.

Если бы можно было видеть сквозь черепную крышку и если бы место больших полушарий с оптимальной возбудимостью светилось, то мы увидали бы на думающем сознательном человеке, как по его большим полушариям передвигается постоянно изменяющееся в форме и величине причудливо неправильных очертаний светлое пятно, окруженное на всем остальном пространстве полушарий более или менее значительной тенью»¹.

Оценивая различную роль разных отделов нервной системы, а соответственно и физиологических факторов, обеспечивающих возникновение психических явлений, во взаимоотношении организмов со средой, мы должны постоянно иметь в виду принципиальное положение павловского физиологического учения о том, что связь

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, изд. 2, т. III, кн. 1, стр. 247—248.

со средой организм устанавливает как целостное образование и что все физиологические закономерности являются выражением приспособительной деятельности организма к определенным условиям существования. Лишь таким образом может оцениваться и роль психического отражения и механизм его возникновения. И. П. Павлов, характеризуя целостную приспособительную деятельность организма, указывал на различные уровни этой деятельности. «У высших животных, до человека включительно, — писал он, — первая инстанция для сложных соотношений организма с окружающей средой есть ближайшая к полушариям подкорка с ее сложнейшими безусловными рефлексам... Вызываются эти рефлексy относительно немногими безусловными, т. е. с рождения действующими, внешними агентами. Отсюда ограниченная ориентировка в окружающей среде и вместе с тем слабое приспособление. Вторая инстанция — большие полушария... Тут возникает при помощи условной связи, ассоциации, новый принцип деятельности: сигнализация немногих безусловных внешних агентов бесчисленной массой других агентов, постоянно вместе с тем анализируемых и синтезируемых, дающих возможность очень большой ориентировки в той же среде и тем уже гораздо большего приспособления. Это составляет единственную сигнализационную систему в животном организме и первую в человеке. В человеке прибавляется... другая система сигнализации, сигнализация первой системы — речью, ее базисом или базальным компонентом — кинестетическими раздражениями речевых органов. Этим вводится новый принцип нервной деятельности — отвлечение и вместе обобщение бесчисленных сигналов предшествующей системы, в свою очередь опять же с анализированием и синтезированием этих новых обобщенных сигналов, — принцип, обуславливающий безграничную ориентировку в окружающем мире...»¹

Психическая деятельность, связанная с первой сигнальной системой, приобретает особенности в связи с возникновением нового вида сигнальной деятельности у человека. Поэтому характеристика физиологических

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, изд. 2, т. III, кн. 2, стр. 214, 215.

основ сознания, специфических особенностей высшей нервной деятельности человека, обуславливающих особенности и его психических явлений, требует специального разбора.

4. Некоторые особенности высшей нервной деятельности человека

Изучая высшую нервную деятельность животных и человека, И. П. Павлов указывал, что законы высшей нервной деятельности являются общими законами мозговой деятельности животных и человека.

В этом отношении важно положение И. П. Павлова об идентичности понятий условного рефлекса и ассоциации, которая психологами считалась основой умственной деятельности человека. «Условная связь... — писал И. П. Павлов, — есть, очевидно, то, что мы называем ассоциацией по одновременности. Генерализация условной связи отвечает тому, что зовется ассоциацией по сходству. Синтез и анализ условных рефлексов (ассоциаций) — в сущности те же основные процессы нашей умственной работы»¹.

Мысль о применимости законов высшей нервной деятельности, открытых при изучении поведения животных, для характеристики психики человека ясно высказана И. П. Павловым, когда он рассматривал механизм волевого движения человека как условно-рефлекторный, ассоциационный процесс, указывал, что этот процесс подчиняется всем законам высшей нервной деятельности.

Признание общности законов высшей нервной деятельности животных и человека на первых порах изучения поведения последнего, бесспорно, было необходимым шагом в развитии объективного познания психических явлений человека и сыграло положительную роль на пути включения всех без остатка жизненных явлений в орбиту объективного изучения.

Завершением этого первого этапа знакомства с законами деятельности мозга человека, начатого самим

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, изд. 2, т. III, кн. 2, стр. 335.

И. П. Павловым и проводимого одновременно с ним и после него Н. И. Красногорским, А. Г. Ивановым-Смоленским и их сотрудниками, был вывод, что общий закон деятельности высших отделов головного мозга — закон замыкания временных нервных связей — является основным законом высшей нервной деятельности животных и человека. Этот вывод имел то бесспорно положительное значение, что он положил конец всяким прямым и замаскированным попыткам протащить идеалистический тезис о независимости психики человека от деятельности его головного мозга.

Вывод, что все основные законы высшей нервной деятельности животных — иррадиация, концентрация и взаимная индукция, благодаря которым осуществляется взаимодействие нервных процессов возбуждения и торможения, имеют место и в высшей нервной деятельности человека, опирается на большой конкретный экспериментальный материал.

Общие черты в высшей нервной деятельности животных и человека имеют место при образовании связей первой сигнальной системы.

Однако, ввиду того что высшая нервная деятельность человека осуществляется как целостная деятельность его мозга, что первая сигнальная система человека находится в постоянной связи и взаимодействии со второй сигнальной системой и испытывает постоянное ее влияние, уже при образовании связей первой сигнальной системы человека возникают некоторые особенности, отличающие эти связи от связей первой сигнальной системы животных.

Особенности первой сигнальной деятельности нервной системы человека сказываются в том, что процессы возбуждения и торможения у человека более подвижны, чем у животных, условные рефлексы образуются быстрее. Дифференцировки раздражителей у человека более тонки и прочны, чем у животных. Аналитико-синтетическая деятельность коры головного мозга человека уже на уровне первой сигнальной системы поднимается на новую, более высокую ступень. Если, например, животному (собаке) не удастся анализирование и синтезирование двух последовательных четырехчленных комплексных раздражителей, отличающихся изменением места второго и третьего компонента,

то ребенок сравнительно легко справляется с этой задачей. Наблюдаются особенности, например, в быстроте образования и прочности следовых и запаздывающих временных связей, в осуществлении законов иррадиации, концентрации и взаимной индукции процессов возбуждения и торможения.

Подчеркивая факт существования некоторых особенностей нервных процессов при образовании первосигнальных связей у человека, следует иметь в виду, что эти особенности в известной степени определяют отличия первой сигнальной системы человека от первой сигнальной системы животных.

Особенности первосигнальной деятельности человека обусловлены тем, что как вторая, так и первая сигнальные системы человека развивались в условиях общественной, социальной детерминации. Сами органы чувств человека представляют собой продукт его общественного развития. Восприятие человеком внешнего мира опосредствуется всей прошлой общественной практикой человечества, в процессе которой переделывается, совершенствуется деятельность органов чувств человека, воспринимающих воздействия внешнего мира.

«Орел, — писал Ф. Энгельс, — видит значительно дальше, чем человек, но человеческий глаз замечает в вещах значительно больше, чем глаз орла. Собака обладает значительно более тонким обонянием, чем человек, но она не различает и сотой доли тех запахов, которые для человека являются определенными признаками различных вещей. А чувство осязания, которым обезьяна едва-едва обладает в самой грубой, зачаточной форме, выработалось только вместе с развитием самой человеческой руки, благодаря труду»¹.

Только благодаря общественному производству отражение человека обогатилось за счет таких сторон действительности, которые недоступны высшим животным: в процессе художественной деятельности человека, например, появилась способность воспринимать красоту красок и форм, гармонию звуков и пр.

Изменяя в практической деятельности внешнюю действительность, человек и воспринимает ее вследствие этого иначе: «лишь благодаря предметно развернутому

¹ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 135—136.

богатству человеческого существа развивается, а частью и впервые порождается, богатство субъективной *человеческой* чувственности: музыкальное ухо, чувствующий красоту формы глаз, — короче говоря, такие *чувства*, которые способны к человеческим наслаждениям и которые утверждают себя как *человеческие* сущностные силы. Ибо не только пять внешних чувств, но и так называемые духовные чувства, практические чувства (воля, любовь и т. д.), — одним словом, *человеческое* чувство, человечность чувств, — возникают лишь благодаря наличию *соответствующего* предмета, благодаря *очеловеченной* природе. *Образование* пяти внешних чувств — это работа всей до сих пор протекшей всемирной истории»¹.

Специфические особенности отражения объективной действительности человеком связаны с возникновением специфических связей со средой, с возникновением второй сигнальной системы, внесшей новый принцип в работу коры головного мозга человека в целом. Отсюда начинается главная разграничительная линия в отражательных способностях человека и животных.

Раскрывая физиологические закономерности деятельности человеческого мозга, естествознание подтверждает материалистическое решение проблемы взаимоотношения мозга и сознания человека: сознание является функцией мозга, постоянно взаимодействующего с внешним миром.

Деятельность мозга, осуществляющего связь организма с внешним миром, протекает по определенным физиологическим законам. Существование процессов возбуждения, торможения и сложнейшее взаимодействие между этими основными нервными процессами является необходимым условием образования как связей первой сигнальной системы, так и связей второй сигнальной системы.

По мнению И. П. Павлова, основные законы деятельности первой сигнальной системы являются законами и второй сигнальной системы, потому что это работа все той же нервной ткани. Так же как образование связей первой сигнальной системы является ре-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 593—594.

зультатом ответной деятельности нервной системы на определенные раздражители внешнего мира, образование в коре головного мозга связей второй сигнальной системы осуществляется при наличии определенного раздражителя, который, воздействуя на органы чувств человека, вызывает в коре головного мозга процесс возбуждения. Если процесс возбуждения в первой сигнальной системе возникает при воздействии на анализаторы человека предметов и явлений внешнего мира, то процесс возбуждения во второй сигнальной системе возникает при действии на человека специфического раздражителя — слова — в виде звукового, зрительного или кинестетического комплекса.

И. П. Павлов специально подчеркивал, что среди этих воздействий исключительную роль в образовании второсигнальных связей играют кинестетические раздражения, приходящие в кору головного мозга из речевого аппарата. «Если наши ощущения и представления, — писал он, — относящиеся к окружающему миру, есть для нас первые сигналы действительности, конкретные сигналы, то речь, специально прежде всего кинестетические раздражения, идущие в кору от речевых органов, есть вторые сигналы, сигналы сигналов»¹.

Под влиянием определенных внешних и внутренних условий на уровне второй сигнальной системы возникает процесс торможения: он играет существенную роль в образовании и уточнении специально человеческих временных связей.

О наличии процесса торможения свидетельствует то, что при определенных условиях второсигнальные раздражители перестают оказывать действие или их эффект уменьшается, при определенных условиях образование сигнальных связей запаздывает во времени по сравнению с моментом воздействия внешних раздражителей на органы чувств человека и т. д.

И. П. Павлов не раз подчеркивал, что нормальная высшая нервная деятельность зависит от соотношения процессов возбуждения и торможения. «Мы знаем, — говорил он, — что они такое, когда они нормальны, и знаем, что они такое, когда они делаются патологи-

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, изд. 2, т. III, кн. 2, стр. 232.

ческими, больными. Они могут терять в своей силе и совершенно упраздняться, могут менять свою подвижность, могут менять подвижность в обе стороны — в сторону патологического ускорения и патологического замедления. Следовательно, деятельность как первой сигнальной системы, так и второй надо детально анализировать при помощи изучения того, что делается с раздражительным и с тормозным процессами или их патологическим отклонением в одной системе и в другой системе. Нет никакого сомнения, и это совершенно очевидная истина, что основные законы раздражительного и тормозного процессов, со всеми их изменениями, должны, конечно, целиком оставаться значимыми для обеих сигнальных систем»¹.

Под основными законами возбуждения и торможения в данном контексте имеются в виду законы иррадиации, концентрации и взаимной индукции. Если процесс возбуждения или торможения возникает в каком-нибудь пункте коры больших полушарий головного мозга, то он захватывает как первую, так и вторую сигнальные системы. Торможение как бы спускается вниз, образно говорил И. П. Павлов, анализируя один из многочисленных клинических случаев: сначала тормозится вторая сигнальная система, затем первая.

Явления взаимной индукции наблюдаются как между разными комплексами связей второй сигнальной системы, так и между сигнальными системами и безусловно-рефлекторной деятельностью подкорки. Движение нервных процессов по законам концентрации, иррадиации и взаимной индукции является механизмом сложнейшего взаимодействия сигнальных систем, в результате которого человек адекватно отражает объективную действительность.

В настоящее время уже недостаточно подчеркивать положение об общности законов высшей нервной деятельности животных и человека и констатировать, что вторая сигнальная система есть работа «все той же нервной ткани». Усилия учеников и последователей И. П. Павлова направляются на то, чтобы охарактеризовать не только общие черты в деятельности мозга животных и человека, но и специфические законы обра-

¹ «Павловские среды», т. III, М.—Л., 1949, стр. 318—319.

зования временных нервных связей — связей второй сигнальной системы.

С возникновением второй сигнальной системы возникает новый принцип высшей нервной деятельности — отвлечение и обобщение бесчисленных сигналов первой сигнальной системы при помощи слова.

Специфические особенности в отражательной деятельности человеческого мозга связаны с особенностями замыкания временных нервных связей в коре головного мозга.

Замыкание временных связей является всеобщей закономерностью высшей нервной деятельности животных и человека. Подчеркивая это положение, И. П. Павлов вместе с тем считал, что виды временных связей, образующихся в коре головного мозга человека, отличаются от видов связей, образующихся в коре головного мозга животных.

Подробное изучение форм временных связей дало возможность ученикам И. П. Павлова известным образом классифицировать виды коркового замыкания.

Среди известных видов коркового замыкания выделяется образование условного рефлекса на базе того или иного безусловного рефлекса. Заключительная часть такого условного рефлекса совпадает с эффекторной частью безусловного рефлекса, на базе которого образован соответствующий условный рефлекс. Ряд исследователей (В. К. Фаддеева и др.)¹ наблюдали образование новой условно-рефлекторной связи на основе ориентировочно-пробовательных двигательных реакций.

Одной из форм коркового замыкания является образование новой условно-рефлекторной связи с помощью подражания². Эти формы замыкания временных нервных связей существуют и в коре головного мозга высших животных.

¹ См. В. К. Фаддеева, Образование условной связи путем ориентировочно-пробовательных реакций (по «методу проб и ошибок»), «На пути к изучению высших форм нейродинамики ребенка», Сборник, М., 1934.

² См. А. А. Новикова, О подражательных условных рефлексах у детей, «Опыт систематического исследования условно-рефлекторной деятельности ребенка», Сборник, М.—Л., 1930; Р. М. Пэн, Образование новых условных связей у детей путем подражания, «На пути к изучению высших форм нейродинамики ребенка», Сборник, М., 1934.

Для человека характерны новые формы временных нервных связей, возникающих в коре его головного мозга. Специфическим для человека является образование нового условного рефлекса при подкреплении сигнального раздражителя словесным приказом, инструкцией.

Образование новых временных связей у человека осуществляется на основе прочно закрепленных в жизненном опыте человека временных связей. Каждая упрочившаяся в жизненной практике человека временная связь создает реальные предпосылки, является условием возникновения новых временных связей.

При изучении второй сигнальной системы ученики И. П. Павлова обратили внимание на характеристику внешних воздействий, в ответ на которые возникает деятельность человека, на форму и физиологическую основу речевых реакций¹.

Речевые реакции человека возникают в ответ на воздействие объективных раздражителей внешнего мира и их словесных обозначений, представляющих собой систему сигналов.

Речевые реакции человека по своим физиологическим основам могут быть условными и безусловными рефлексами. К безусловным речевым реакциям относятся только речевые рефлексы в форме междометий.

Физиологической основой всех форм поведения человека, связанных с восприятием непосредственных и словесных раздражителей, является образование условных рефлексов. Существуют три формы этих условных рефлексов. Во-первых, двигательные, сенсорные и другие врожденные реакции организма в ответ на словесные раздражители в виде отдельных слов или их сочетаний в предложениях. Во-вторых, условные рефлексы в виде речевых реакций в ответ на отдельные раздражители и цепи непосредственных раздражителей внешнего мира. И, наконец, в-третьих, словесные реакции в ответ

¹ См. А. Г. Иванов-Смоленский, Биогенез речевых рефлексов и основные принципы методики их исследования, «Психиатрия, неврология и экспериментальная психология», вып. 2, П., 1922; *его же*, Пути развития экспериментального исследования работы и взаимодействия первой и второй сигнальных систем, «Труды института высшей нервной деятельности», Серия патофизиологическая, т. II, изд-во Академии наук СССР, М., 1956.

на словесные раздражители. Последний тип связей представляет собой тип условно-условных связей.

С возникновением второй сигнальной системы, как указывалось выше, возникает новый принцип высшей нервной деятельности, лежащий в основе специфически человеческих форм отражения действительности — принцип отвлечения и обобщения. Осуществление этого нового принципа связано с изменением характера проявления основных физиологических законов деятельности мозга. Присущие второй сигнальной системе особенности движения нервных процессов лежат в основе функций отвлечения и обобщения, характеризующих речевое мышление человека. Бесспорно, что в основе отвлечения, обобщения, дальнейшего анализирования и синтеза корой головного мозга человека новых обобщенных сигналов лежат законы движения и взаимодействия высших нервных процессов, но проявление этих законов в деятельности человеческого мозга имеет свои специфические особенности. Наибольший интерес и ценность для раскрытия физиологических основ человеческого способа отражения действительности приобретает вопрос о том, по каким физиологическим законам осуществляется взаимодействие сигнальных систем. Специфические особенности физиологической деятельности человеческого мозга характеризуются не только специфическими особенностями второй сигнальной системы по сравнению с первой сигнальной системой, но и специфическими закономерностями взаимодействия сигнальных систем, отличающими их от закономерностей взаимоотношения первой сигнальной системы и подкорки у животных.

Взаимодействие сигнальных систем осуществляется по законам движения нервных процессов — иррадиации, концентрации и взаимной индукции.

Особенностью движения нервных процессов в коре головного мозга человека является их избирательный характер. Так, экспериментально обоснованным является тот факт, что при образовании временных нервных связей в ответ на первосигнальные раздражители — звук, свет, положение предмета в пространстве, на комплекс этих свойств и т. д. — нервное возбуждение, кроме имеющей место в первой сигнальной системе иррадиации в соответствующем анализаторе (иррадиация

возбуждения на близкие по своей физической природе звуки, незначительно различающаяся интенсивность света и оттенки цвета), избирательно иррадирует на определенные словесные раздражители — письменные или устные словесные обозначения соответствующих непосредственных внешних воздействий. Предпосылкой взаимодействия между непосредственным отражением условных раздражителей и их словесных обозначений в коре головного мозга человека является то, что в процессе индивидуального развития человека между воздействием предмета и его названием образуется прочная связь.

В коре головного мозга человека в процессе индивидуального развития отдельного индивидуума формируется сложная динамическая система, в состав которой входят связи как между непосредственными впечатлениями от предметов и явлений внешнего мира, так и между этими впечатлениями и их словесными обозначениями. В течение индивидуального развития человека в коре его головного мозга образуется большое количество этих более или менее сложных структур. Связь между отдельными элементами этих сложных нервных образований, возникающих в результате постоянного воздействия на нервную систему человека взаимосвязанных предметов и явлений объективной действительности, осуществляется по механизму избирательной иррадиации нервных процессов (опыты Н. Н. Трауготт, О. П. Капустник, Э. П. Смоленской, М. И. Серединой)¹. При воздействии, например, на зрительный анализатор каким-нибудь предметом как условным раздражителем возбуждение, возникшее в зрительной области коры, избирательно распространяется на об-

¹ См. Н. Н. Трауготт, Взаимоотношение непосредственной и символической проекции в процессе образования условного тормоза, «На пути к изучению высших форм нейродинамики ребенка», Сборник, М., 1934; О. П. Капустник, Взаимоотношения между непосредственными условными раздражителями и словесными их символами, «Основные механизмы условно-рефлекторной деятельности ребенка», Сборник, М. — Л., 1930; Э. П. Смоленская, О словесных символах условного и дифференцировочного раздражителей, «На пути к изучению высших форм нейродинамики ребенка», Сборник; М. И. Середина, Возрастные особенности простого обобщения в мозговой коре ребенка, «Опыт систематического экспериментального исследования онтогенетического развития корковой динамики человека», Сборник, М., 1940.

ласть речевого анализатора. Это возбуждение оживляет следы словесных обозначений данного предмета: образуется временная связь между условной реакцией и воздействием не самого предмета, а его словесного обозначения.

Скорость распространения возбуждения из области запечатления следов, возникающих при восприятии непосредственных внешних воздействий, в область следов, возникающих в ответ на словесные раздражители, зависит от индивидуальных особенностей человека и в очень большой степени от его предыдущего опыта.

Наряду с избирательной иррадиацией возбуждения внутри определенной динамической структуры имеет место избирательная иррадиация и процесса торможения.

В ходе экспериментальных исследований было обнаружено, что избирательной иррадиации подвергается внутреннее торможение всех видов: дифференцировочное, запаздывающее, угасительное и условное торможение.

Избирательная иррадиация процессов возбуждения и торможения лежит в основе того, что условный рефлекс второй сигнальной системы бывает часто менее генерализованным, более специализированным, чем условный рефлекс первой сигнальной системы.

Известно, что генерализованный условный рефлекс на любые внешние влияния по мере усиления концентрации раздражительного или тормозного процесса постепенно специализируется. Специализация условного рефлекса первой сигнальной системы влечет за собой по закону концентрации нервных процессов специализацию условного рефлекса и в области восприятия речевых раздражителей.

В связи со специализацией связей в первой сигнальной системе отрицательные условные рефлексы тоже подвергаются специализации. Если, например, условную комбинацию раздражителей, состоящую из слова «дом» и звучания звонка, заменить комбинацией раздражителей, состоящей из слова «лес» и звучание звонка, то в результате иррадиации торможения последняя пара раздражителей вызывает ту же условнотормозную реакцию. По мере специализации условного тормоза, в результате избирательного обобщения условнотормоз-

ная реакция возникает только в ответ на комплекс, состоящий из звучания звонка и близкого по своему смыслу словесного раздражителя (хата, изба, Haus) (опыты И. И. Короткина)¹.

Наряду с общими законами специализации условных рефлексов в первый и второй сигнальных системах специализация условного рефлекса в речевой области имеет некоторые особенности: в одних случаях процесс специализации условного рефлекса, иначе говоря концентрация тормозного процесса, происходит одновременно как в первой сигнальной системе, так и во второй; в других случаях концентрация тормозного процесса во второй сигнальной системе осуществляется медленнее, а потому и значительно позже, чем специализация условного рефлекса в первой сигнальной системе.

Распространение тормозного процесса, возникшего в первой сигнальной системе, во вторую сигнальную систему возможно при образовании временных нервных связей в ответ на раздражители, воздействующие на любой из анализаторов.

Законы распространения дифференцировочного торможения из первой сигнальной системы во вторую сигнальную систему те же, что и законы, по которым осуществляется передача условного тормоза из первой сигнальной системы во вторую, из области непосредственных впечатлений в область запечатлений словесных раздражителей.

Если положительным условным раздражителем сделать комплекс из красного, белого и желтого цветов, предъявляемых последовательно, а дифференцировочным раздражителем — комплекс из тех же цветов, предъявляемых только в обратной последовательности, — желтый, белый и красный, то можно получить следующую картину распространения нервных процессов, в результате которых осуществляется взаимодействие сигнальных систем (опыты Э. П. Смоленской): во второй сигнальной системе отражается как объединение этих раздражителей в соответствующий комплекс, так

¹ См. И. И. Короткин, Действие слов-раздражителей как условного тормоза в бодрственном и гипнотическом состоянии, «Труды института физиологии имени И. П. Павлова», т. I, изд-во Академии наук СССР, М.—Л., 1952.

и дифференцирование одного комплекса от другого. В тех же случаях, когда передача условного раздражителя и дифференцировочного торможения из первой сигнальной системы во вторую и обратно не осуществляется, по-видимому, на разных участках нервной системы возникают индукционные отношения, которые и препятствуют распространению процессов возбуждения и торможения из первой сигнальной системы во вторую и из второй сигнальной системы в первую.

Избирательное распространение возбуждения и торможения, которое является одной из особенностей в деятельности головного мозга человека, не тождественно простой генерализации и динамическому стереотипу, которые имеют место в первой сигнальной системе.

Подобно иррадиации, в первой сигнальной системе избирательная иррадиация возбуждения и торможения во второй сигнальной системе носит системный характер, но наряду с этим она резко разграничивает элементы, не входящие в данную динамическую, закрепленную в индивидуальном опыте систему, хотя в ряде случаев ее элементы вызываются внешними раздражителями, близкими по своей физической природе и силе.

Исключительная подвижность нервных процессов коры головного мозга человека лежит в основе быстрых и сложных переключений и переделок, в основе того, что тончайшие и сложнейшие реакции человека объединяются в определенные группы, отдифференцированные друг от друга.

Специфические особенности нервных процессов в коре головного мозга человека лежат в основе специфически человеческих особенностей обобщения. Избирательная иррадиация процесса возбуждения лежит в основе избирательного обобщения.

Индуктивные отношения, возникающие между временными нервными связями второй сигнальной системы, обуславливаются специфическим обобщением, свойственным только речи. Известно, что физиологической основой обобщения в пределах первой сигнальной системы является генерализация условных рефлексов. Генерализованный условный рефлекс образуется на раздражители, имеющие между собой что-то общее. Прежде всего и чаще всего он образуется в пределах одного анализатора. Объективным воздействием, опре-

деляющим возникновение этой генерализованной нервной деятельности, является система внешних раздражителей, принадлежащих к одному виду энергии, например звуковой, световой и т. д.

Одинаковая интенсивность воздействия может быть общим признаком многих внешних раздражителей, не имеющих между собою других сходных признаков. Обобщение раздражителей по интенсивности воздействия также характерно для генерализации рефлексов. Разумеется, интенсивность воздействия на нервную систему, сходная у многих раздражителей, не характеризует самих этих раздражителей, так же как не выражает она и сущности отношений между ними.

В основе обобщения раздражителей, воздействующих на один анализатор животного, лежит процесс распространения возбуждения в мозговом конце одного анализатора. При генерализации условного рефлекса на интенсивность внешних воздействий имеет место иррадиация возбуждения из одного мозгового конца анализатора на другой.

Существенной особенностью обобщения у человека является обобщение не по принципу образования условного рефлекса на раздражители, воздействующие на одну сенсорную систему, хотя бесспорно, что и это имеет место. Характерным для деятельности второй сигнальной системы является обобщение раздражителей по существенному признаку. При образовании, например, условного рефлекса на слово «фрукт» обобщение осуществляется не по запаху, вкусу, цвету, а по общему всем фруктам признаку — расти на дереве, быть съедобным. На этом основании и возможно образование, как говорят физиологи «с места», временных нервных связей не только на сходные по своей физической природе внешние воздействия, адресованные к одному анализатору, но и на близкие по своему значению внешние словесные воздействия (доктор — врач) или письменные и устные обозначения одного и того же внешнего предмета или явления. В последнем случае раздражители воздействуют на разные сенсорные системы — написанное слово воспринимается зрительным анализатором, произнесенное — слуховым.

Обобщение на базе второй сигнальной системы, как новая ступень обобщения внешних воздействий, осуще-

ствляется прежде всего в пределах определенной динамической структуры, связь между элементами которой возникает в течение индивидуальной жизни человека. Образование таких динамических структур, состоящих из непосредственного впечатления и его словесного, устного или письменного, обозначения, представляет собой элементарную единицу обобщающей деятельности коры головного мозга человека¹.

Кроме простых динамических структур, в коре головного мозга человека в течение его онтогенетического развития образуются сложные синтетические динамические структуры². Если, например, образовать у детей положительную условную реакцию на изображение различных птиц, а на изображение различных зверей выработать тормозные реакции, то при замене изображений различных птиц словом «птица» это слово вызывает без подкрепления соответствующую положительную реакцию; слово «зверь» без предварительной выработки вызывает тормозную двигательную реакцию (опыты Г. Д. Народицкой). Слово «птица» в онтогенетическом опыте ребенка прочно связывается с названием и изображением отдельных птиц, и поэтому произнесенное название взамен показа настоящей птицы или ее изображения сразу вызывает соответствующую положительную или отрицательную реакцию.

¹ См. О. П. Капустник, Взаимоотношения между непосредственными условными раздражителями и словесными их символами, «Основные механизмы условно-рефлекторной деятельности ребенка», Сборник, М.—Л., 1930; Н. Н. Трауготт, Взаимоотношение непосредственной и символической проекции в процессе образования условного тормоза, «На пути к изучению высших форм нейродинамики ребенка», Сборник, М., 1934; Н. Н. Трауготт и В. К. Фаддеева, О влиянии затрудненного угашения пищедобывательных условных рефлексов на общее и речевое поведение ребенка, «На пути к изучению высших форм нейродинамики ребенка», Сборник; А. Г. Иванов-Смоленский, Основные проблемы патологической физиологии высшей нервной деятельности человека, Медгиз, М.—Л., 1933; Б. М. Курбатов, Исследование динамической передачи условной связи из одной корковой сигнальной системы в другую, «Труды института высшей нервной деятельности», Серия патофизиологическая, т. II, изд-во Академии наук СССР, М., 1956.

² См. В. К. Фаддеева, О роли избирательной иррадиации и индукции в некоторых сложных формах совместной деятельности двух сигнальных систем, «Труды института высшей нервной деятельности», Серия патофизиологическая, т. II, М., 1956.

Особый для человеческого способа отражения действительности вид движения нервных процессов в форме избирательной иррадиации и взаимной индукции нервных процессов дает возможность представить с физиологической точки зрения природу ассоциаций. Примером этого могут служить следующие опыты Г. Д. Народицкой¹. В этих опытах вырабатывалась положительная реакция на голубой световой сигнал. После закрепления этой реакции ее стал вызывать не только голубой световой сигнал, но и слово «голубое» и, что наиболее интересно, слово «небо». Тормозная реакция на зеленый световой сигнал могла быть вызвана словом «зеленая» и словом «трава». «Когда мы в качестве условного раздражителя, — пишет А. Г. Иванов-Смоленский по поводу этих опытов, — применяем слово «небо», то возбуждение направляется в двигательную область мозговой коры не непосредственно, а через энграмму слова «голубое», связанного в онтогенезе со словом «небо». Условная реакция вызвана здесь не первичным (внешним), а *вторичным возбуждением* (внутренним), оживляющим в мозговой коре запечатления прошлого опыта...»² В результате возникновения вторичного возбуждения в коре головного мозга человека возникают вторичные нервные связи, непосредственно не связанные с подкреплением.

В процессе онтогенетического развития человека в коре его головного мозга образуется бесконечное множество связей как между непосредственными впечатлениями и словесными обозначениями предметов и явлений внешнего мира, так и между отдельными запечатлениями словесных воздействий. Характер этих связей определяется реальными процессами жизнедеятельности того или иного человека, его индивидуальным опытом. Как показали исследования Н. И. Красногорского³,

¹ См. Г. Д. Народицкая, Сложная динамическая структура у детей различных возрастов. «Труды института высшей нервной деятельности», Серия патофизиологическая, т. II, М., 1956.

² А. Г. Иванов-Смоленский, Экспериментальное исследование высшей нервной деятельности ребенка, «Физиологический журнал», т. XIX, вып. I, М.—Л., 1935, стр. 137.

³ См. Н. И. Красногорский, Труды по изучению высшей нервной деятельности человека и животных, т. I, Медгиз, М., 1954.

Н. Р. Шастина¹, А. Я. Федорова², В. Д. Волковой³, система этих связей объединяет слова, выражающие разную степень обобщенного отражения действительности. Если, например, выработана положительная условная реакция на слово «воробей», то ту же реакцию вызывают слова «птицы», «летают», «живут».

С умножением жизненных встреч человека с объективной действительностью, с расширением сферы его индивидуального опыта усложняются системы нервных связей в коре головного мозга. Эти системы, образуя динамические структуры коры больших полушарий, составляют материальную основу человеческого мышления.

Сложнейшие динамические структуры в коре головного мозга человека представляют собою как бы смысловые пучки, которые, разумеется, включают не только одно слово. Некоторые предметы и явления имеют два, три и более названий. Эти названия и объединяются в соответствующий смысловой пучок. Непосредственно впечатление от внешних воздействий как бы в виде сетки объединено с несколькими другими пунктами коры головного мозга человека, в которых «локализуются» соответствующие словесные обозначения. Как показывают конкретные экспериментальные исследования, возникшее в каком-либо участке динамической структуры возбуждение распространяется на другие участки этой структуры. Генерализация в пределах этой системы сочетается с дифференциацией в коре головного мозга других систем, имеющих смысловое сходство с дифференцируемой системой. В процессе общественно-трудовой деятельности одни динамические структуры в результате аналитической деятельности нервной системы отделяются от других.

¹ См. Н. Р. Шастин, К физиологии вербальных раздражителей (Сообщения I и II), «Физиологический журнал СССР», т. XV, вып. 3, Ленгиз, 1932.

² См. Н. И. Красногорский, К физиологии становления детской речи, «Труды 15-го совещания по проблемам высшей нервной деятельности, посвященного 50-летию учения академика И. П. Павлова об условных рефлексах», изд-во Академии наук СССР, М.—Л., 1952.

³ См. В. Д. Волкова, О некоторых особенностях образования условных рефлексов на речевые раздражители у детей. «Физиологический журнал СССР», т. XXXIX, № 5, изд-во Академии наук СССР, М.—Л., 1953.

Синтетическая деятельность нервной системы лежит в основе обобщения впечатлений от внешних воздействий и обобщения уже обобщенных сигналов в виде словесных обозначений.

Умственная деятельность человека — это анализирование и синтезирование, иначе говоря, различение и дальнейшее обобщение уже в известной степени обобщенных сигналов, какими являются самые простые слова. Для человека, умственная деятельность которого является результатом взаимодействия первой и второй сигнальных систем, все это анализирование и синтезирование осуществляется как деятельность сознания.

В результате совместной аналитической и синтетической деятельности головного мозга человека возникают своеобразные динамические стереотипы, которые, раз возникнув, затем долгое время остаются постоянными.

Для слова, как специфического регулятора человеческого поведения, характерна более постоянная связь с сигнализируемым объектом, чем для первосигнальных раздражителей, сигнализирующих благоприятные или неблагоприятные непосредственно биологически значимые внешние влияния. Звуковой раздражитель может сигнализировать о пище, а может и не сигнализировать, в другой раз он может сигнализировать о наличии опасности. Условный рефлекс первой сигнальной системы образуется, как правило, на основе того или иного безусловного подкрепления. Напротив, слово, когда человек обучен соответствующему языку, постоянно сигнализирует, т. е. обозначает первые сигналы, соответствующие предметам и явлениям внешнего мира, непосредственно воздействующие на органы чувств человека. В известном смысле можно сказать, что связь между словами, как сигналами сигналов, и первыми сигналами более стабильная, прочная, чем между первыми сигналами и сигнализируемыми ими безусловными внешними воздействиями. «Человеческая речь, — писал И. П. Павлов, — после того как человек ей научится, остаётся постоянной»¹. Свойство слова находится в постоянной связи с обозначаемым им предметом и явлением объективной действительности, с отношениями между ними является

¹ «Павловские среды», т. I, М.—Л., 1949, стр. 240.

специфическим по сравнению со свойством угашения условных рефлексов первой сигнальной системы.

Известное постоянство слова, как специфического раздражителя второй сигнальной системы, неугашаемость его сигнальной функции являются результатом того, что слова выполняют роль средства общения во взаимоотношениях членов человеческого коллектива. Неугашаемость связей слова с сигнализируемым им объектом возникает в результате того, что в процессе общения в ходе исторического развития человечества слово приобретает определенное смысловое значение, в котором в обобщенном виде отражается предмет, явление объективного мира, отношение или связь между ними. Если сам звуковой сигнал не является отражением сигнализируемого им пищевого вещества, то в слове «звук» заключено содержание, смысловое значение, которое, будучи закреплено в процессе исторического развития соответствующего народа, представляет собою отражение объективных явлений, обозначаемых данным словом.

Наряду с постоянством слова, неугашаемостью второсигнальных связей, для слова, как второсигнального раздражителя, характерно непрерывное расширение его содержания. При наличии основного постоянного ядра слова — его смыслового содержания, как результата обобщенного отражения объективной действительности, в процессе исторического развития человечества, в процессе индивидуального развития отдельных людей, в зависимости от личного опыта человека рефлексобразовательная сила слов, их роль в отражательной деятельности отдельных индивидуумов может резко изменяться. В зависимости от индивидуального опыта одни и те же слова могут вызывать в мозгу разных людей разные по качеству и количеству временные нервные связи.

Систематизирование внешних впечатлений, включение отдельных внешних воздействий в динамически изменяющуюся систему временных нервных связей у отдельного человека регулируется историческим опытом человечества, закрепленным в ходе постоянного обращения людей к объективной действительности и в результате постоянного общения людей друг с другом. Образование динамических стереотипов высшей нервной деятельности человека осуществляется на базе второй

сигнальной системы и регулируется поэтому закрепленным в процессе общественно-исторической деятельности смысловым значением слов. Это обстоятельство объясняет тот факт, что в одну динамическую структуру или систему включаются слова, имеющие одно значение, хотя эти слова резко отличаются по своей физической природе.

В настоящее время известны многочисленные факты, свидетельствующие о том, что условные рефлексы на слова, имеющие одинаковое смысловое значение, но разное звучание, образуются без подкрепления, «с места», тогда как слова, мало отличающиеся по звучанию, но разные по смыслу, никаких реакций у человека не вызывают. Например, для человека одинаковой рефлексо-образовательной силой обладают слова — доктор, врач¹, изба, хата и др., тогда как слова, близкие по звучанию, попадают в разные динамические структуры; слова диктор — доктор; дочка — почка — точка; речка — ручка имеют отчетливо отдифференцированное сигнальное значение. У животных легко образуются условные рефлексы на слова; но генерализация условного рефлекса на эти словесные воздействия как первичная ступень элементарного обобщения осуществляется по признаку акустической близости; иногда условные рефлексы образуются даже не на соответствующие слова, а на сходные интонации при произнесении этих слов.

Обобщение у человека основывается на распространении возбуждения в области закрепленных в индивидуальном опыте временных связей, имеющих то или иное смысловое значение. Следует иметь в виду, что соответствующий, возникающий в индивидуальной жизни человека, «смысловой пучок» объединяет не только близкие по своему смыслу другие слова. Если можно было бы себе графически представить систему временных связей в коре головного мозга человека, то эта схема выглядела бы примерно так. «Пункт» возбуждения в пределах первой сигнальной системы объединяется с возбужденным «участком» второй сигнальной системы. Этому участку соответствует обозначение словом данного впе-

¹ См. Л. А. Шварц, Значение слова и его звукового образа как условного раздражителя (Сообщение I), «Бюллетень экспериментальной биологии и медицины», т. XXV, вып. 4, Медгиз, М., 1948.

чатления. От участка возбуждения во второй сигнальной системе распространяется образованная в процессе индивидуального опыта человека, в процессе его постоянного общения при помощи речи с другими людьми сеть проторенных путей к другим пунктам возбуждения в пределах второй сигнальной системы. Этим пунктам соответствуют все производные от основного слова слова, составляющие гнездо слов, объединенных соответствующим сходным или подобным смысловым содержанием.

В коре головного мозга человека возникают временные нервные связи не только между основным словом и производными от него словами, но и между этими производными словами и непосредственными впечатлениями. Таким образом, в коре головного мозга образуется сложная система связей между разными непосредственными впечатлениями, этими впечатлениями и их словесными обозначениями, а также между этими словесными обозначениями.

За каждым словом для человека кроется система внешних раздражителей в виде непосредственно воспринимаемых предметов и явлений объективной действительности или связей и отношений между ними. Абстрактные слова в этом отношении не составляют исключения: в них также отражается та или иная сторона объективной действительности. Чем дальше слово от раздражителей, им обозначаемых, тем большее количество внешних объективных воздействий оно заменяет, как бы фокусирует в себе их сходное смысловое значение.

При восприятии слова по сравнению с другими внешними воздействиями часто нарушается правило отношений между интенсивностью раздражителя и силой ответных реакций. Это правило открыто было при изучении высшей нервной деятельности животных. заключается оно в том, что более сильные внешние воздействия вызывают и более сильные реакции и, наоборот, менее сильные раздражители вызывают и менее сильные реакции. Правило силовых отношений действует в определенных диапазонах интенсивности раздражителей. В деятельности второй сигнальной системы нарушение правила силовых отношений проявляется в том, что сильные по своей физической характеристике звуковые

раздражители часто вызывают менее отчетливые реакции, чем словесные раздражители, имеющие меньшую физическую силу; например, звук, произнесенный тихо, может вызвать больший эффект, чем громко произнесенное слово. Правило силы в работе второй сигнальной системы заменяется адекватным ему правилом общественной, социальной значимости словесных раздражителей. Необходимость вносить поправку в правило силы при характеристике восприятия речевых раздражителей обуславливается тем, что слова многообразными способами связываются с объективными внешними воздействиями, их значение опосредуется и органически сливается со всем ходом индивидуального развития человека.

Закрепление большого числа условных связей в индивидуальном опыте человека служит в известной степени условием внезапного замыкания новых связей, т. е. образования условных рефлексов без подкрепления. Отмечаемая у высших животных (обезьян) возможность внезапного замыкания временных нервных связей получает у человека широкое развитие¹. Одним из физиологических законов внезапного замыкания является генерализация условного рефлекса. Когда генерализация касается рецепторного поля рефлекса, то возникают «с места», без предварительной выработки условные рефлексы на близкие по своей природе условные раздражители. Если, например, образован условный рефлекс на вспыхивание зеленой лампочки, то без предварительной выработки он может возникнуть на вспыхивание желтой, красной и других лампочек. Когда генерализация касается эффекторной части условного рефлекса, то на один и тот же раздражитель внезапно возникает другая условно-рефлекторная связь, отличающаяся от преж-

¹ См. *Л. Е. Хозак*, Образование условных связей у ребенка путем перекрестного замыкания на основе прошлого опыта, «На пути к изучению высших форм нейродинамики ребенка», Сборник; *Л. И. Котляревский*, Нейродинамика условных замыканий, внезапно возникающих при сложных ситуациях, см. тот же сборник; *А. Г. Иванов-Смоленский*, Пути развития экспериментального исследования работы и взаимодействия первой и второй сигнальных систем, «Труды института высшей нервной деятельности», Серия патофизиологическая, т. II, М., 1956; *Н. Н. Трауготт*, *Л. Я. Баионов*, *А. Е. Личко*, Очерки физиологии высшей нервной деятельности человека, Медгиз, М., 1957.

ней исполнительным органом, принимающим участие в ее осуществлении. Если в ходе опыта испытуемый в ответ на тот или иной условный раздражитель нажимал на телеграфный ключ левой рукой, то безо всякой предварительной выработки он может нажать и правой рукой.

Впечатление еще большей внезапности образования связи создается тогда, когда условный рефлекс генерализуется как в своей рецепторной, так и в своей эффекторной части. Внезапное замыкание имеет место, когда при закреплении двух условных рефлексов временная связь образуется на третий, промежуточный между ними. При этом эффекторная часть этого промежуточного рефлекса может совпадать с эффекторной частью одного из ранее выработанных рефлексов или быть также промежуточной.

С возникновением второй сигнальной системы возможность замыкания временных нервных связей без предварительного подкрепления сильно расширяется. Причиной этому служит как генерализация условных рефлексов, так и взаимодействие старого и нового опыта. Индивидуальный опыт человека благодаря существованию у него второй сигнальной системы намного богаче индивидуального опыта животных, поэтому возможность внезапного замыкания временных нервных связей у человека практически безгранична.

Образование новых временных связей, непосредственно в данный момент не зависящих от внешнего воздействия, по механизму внезапного замыкания является одной из основных отличительных особенностей замыкательного аппарата головного мозга человека.

Внезапное замыкание новых временных связей осуществляется благодаря различным механизмам обобщения, генерализации условного рефлекса, избирательной иррадиации нервных процессов и механизму вторичного возбуждения.

Факт внезапного замыкания временных нервных связей в коре головного мозга человека свидетельствует о чрезвычайной сложности высшей нервной деятельности человека. Характеризуя этот факт, следует подчеркнуть детерминированность всех проявлений высшей нервной деятельности человека: внезапные связи возникают на основе прочно закрепленных в жизненном опыте человека временных нервных связей. Каждая упорчив-

шаяся в жизненной практике человека временная связь создает необходимые условия, реальные предпосылки для внезапного замыкания новых многообразных связей, не зависящих от непосредственно данной конкретной ситуации. Это обуславливается в каждый данный момент некоторым сходством внешних воздействий, при которых происходило подкрепляемое замыкание временных нервных связей в течение индивидуальной жизни человека.

Как показал еще И. М. Сеченов, возникновение образов памяти, иначе говоря образов представлений, всегда обусловлено наличием в ситуации, воспринимаемой человеком, внешних воздействий, сходных в каких-либо своих чертах с предметом или явлением, отражаемым этим образом. Эти внешние воздействия являются как бы толчком для воспроизведения старых, запечатленных в нервной системе, образов памяти. Что касается формирования новых обобщенных образов, то и для них не теряет значения принцип детерминизма: обобщение осуществляется на базе уже существующих образов, отражающих непосредственные внешние воздействия, на базе впечатлений, полученных от восприятия речевых раздражителей.

Деятельность головного мозга составляет материальную основу психических процессов человека. Функционирование мозга осуществляется под влиянием воздействия внешнего мира на органы чувств животных и человека. В деятельности сигнальных систем в неразрывном единстве находятся материальная основа психики и воздействия внешнего мира. Бесспорно, что при всех обстоятельствах ведущее значение приобретают внешние воздействия. Все расширяющийся круг этих внешних воздействий сам определяет пути формирования и материальной структуры — головного мозга человека.

В учении о двух сигнальных системах диалектически разрешена проблема взаимоотношений природного и общественного в отражательной деятельности человеческого мозга. Учение Павлова открывает физиологический механизм влияния общественной среды на деятельность человека — и тем самым в противовес допавловской метафизической психологии, разрывающей отражательную деятельность человека на природные ме-

ханизмы и общественное содержание, дает синтетическое представление о единстве природного и общественного в отражении человеком внешнего мира, давая совершенно ясное понимание вопроса об общественной обусловленности высшей нервной деятельности (следовательно, и психики) человека.

Разные стороны объективных внешних воздействий, воспринимаемых человеком, детерминируют разные стороны психической деятельности человека. При восприятии предметов и явлений внешнего мира, сигнализирующих о непосредственно значимых для организма раздражителях, при условии образования временных нервных связей, возникают элементарные явления чувствительности. Психической формой отражения первосигнальных внешних воздействий являются ощущение, восприятие, представление, составляющие конкретно чувственную ступень отражения объективной действительности.

Аналитико-синтетическая деятельность головного мозга на уровне второй сигнальной системы является физиологической основой абстрактно обобщенного отражения человеком объективной действительности, высшей формой которого является понятие.

Иногда внутренние сплетения, сочетания конкретных и обобщенных образов объективной действительности настолько сложны, своеобразны, что человек теряет представление об их связи с реальными фактами действительности. Создается впечатление, что дух самодетелен, что человек волен придумать то, чего нет в действительности, что человеку все возможно, что его психика, особенно в высших ее формах, не зависит от внешнего мира, ничем не детерминирована.

Всячески подчеркивая зависимость всех форм отражения действительности от внешних воздействий, учение И. П. Павлова предусматривает в сложности отражения и некоторую «свободу» в образовании временных нервных связей в коре головного мозга, которым в данный момент в соответствующих условиях непосредственно ничего, казалось, не предшествует. Подчеркивая ведущую роль внешних условий в высшей нервной деятельности, павловское понимание ее детерминированности ни в коей мере не исключает признания значения внутренних условий в ее возникновении и протекании. И. П. Павлов подчеркивал активный характер орга-

низма в системе взаимоотношений его со средой. Эта активность организма обуславливается тем, что сам организм представляет собою сложную систему. Ее существование как системы обеспечивается тем, что организм постоянно взаимодействует с внешним миром, ее относительная самостоятельность обеспечивается тем, что все, что падает на нервную систему животных, не пропадает для нее даром, все запечатлевается в ней. Эти запечатления взаимодействуют друг с другом. Анализирование и синтезирование актуальных раздражителей и впечатлений, оставшихся от прежних воздействий на нервную систему, составляет основу для относительной самостоятельности отражательной деятельности нервной системы. Этой относительной самостоятельности отражения нет в отражении предметов и явлений внешнего мира неорганическими системами. В результате сложной деятельности человеческого мозга в голове человека не только воспроизводятся испытанные когда-то впечатления, но возникают и новые идеи, осуществляются новые открытия. Без допущения известной самостоятельности высшей нервной деятельности нельзя было бы себе представить возникновения в уме человека вообще чего-либо нового, творческого.

Внешний мир в уме человека отражается, таким образом, не пассивно, не зеркально, а творчески, много-сторонне, многогранно.

Наибольшая роль творческих временных нервных связей проявляется в оперировании абстрактными понятиями при образовании новых идей. Научная характеристика высшей нервной деятельности дает достаточное основание для понимания физиологических основ образования новых идей и вообще делает понятным всю умственную деятельность, как оперирование человека умственными, идеальными образами.

Являясь продуктом реальной жизнедеятельности организма, одни психические явления оказывают в свою очередь влияние на возникновение и развитие других психических явлений. Вместе с тем психика влияет на характер не только психических, но и соматических процессов. В основе этого влияния психики на многие процессы жизнедеятельности организма лежит физиологический закон деятельности мозга, постоянное взаимодействие сигнальной деятельности нервной системы

(первой и второй сигнальных систем) с деятельностью подкорки головного мозга, где расположены мозговые представительства вегетативных функций организма.

Характерной особенностью второй сигнальной системы является и то, что речевая деятельность человека вырабатывается в течение онтогенетического развития человека. Речевые движения речедвигательного аппарата человека не врождены. В случае образования речевых рефлексов в ответ на сигнальный раздражитель возникают не врожденные по своей форме реакции, как это имеет место при образовании условных рефлексов первой сигнальной системы, а реакции, приобретенные человеком в процессе его индивидуальной жизни.

Подводя итоги, можно сказать, что характерными особенностями замыкательной функции головного мозга человека являются, во-первых, условно-условный характер связей, осуществляемый главным образом через пирамидальный путь, и, во-вторых, внезапность замыкания связей в пределах определенной динамической структуры, сформировавшейся в процессе индивидуальной жизни человека.

Руководствуясь диалектико-материалистическими принципами и учением И. П. Павлова о высшей нервной деятельности, советская психология отбрасывает схоластические рассуждения о том, имеет ли отношение умственная деятельность к деятельности мозга. Отказываясь от понимания психики, как замкнутой в себе субстанции, советская психология отправляется от основных исходных материалистических принципов материалистической философии — психика есть функция мозга, отражение внешнего мира. Естественнонаучную основу этих методологических принципов составляет физиологическое учение И. П. Павлова о двух сигнальных системах.

IV. СОЗНАНИЕ И ПСИХИКА ЧЕЛОВЕКА

I. К вопросу о месте сознания в системе психических процессов

Выделение особенностей отражения человеком внешнего мира по сравнению с отражением животных связано с необходимостью ответить на вопрос о том, в каком отношении сознание человека стоит с психическими процессами, общими для человека и животных. Известно, что общим для человека и животных является конкретно-чувственное отражение, осуществляемое на базе первой сигнальной системы.

Вопрос о соотношении сознания с другими психическими процессами (ощущение, восприятие, представление, мышление и т. д.) решался по-разному. Ясная позиция о соотношении сознания с другими психическими явлениями содержится уже в концепции Декарта. Говоря о сознании как атрибуте духовной субстанции, само сознание Декарт понимал как все то, что непосредственно переживается¹. Восприятие, мышление, воля, надежда, любовь, ненависть и т. д. являются видами сознания, формами проявления духовной субстанции. Сознание является родовым понятием для различных видов непосредственно переживаемых психических явлений. Сознание в дуалистической концепции Декарта является замкнутым в себе внутренним миром, данным человеку лишь в самонаблюдении.

Для Локка сознание является общим свойством всех душевных явлений. Это свойство проявляется во всех представлениях, мыслях, чувствах, потребностях и в во-

¹ См. Р. Декарт, Избранные произведения, Госполитиздат, М., 1950.

левых действиях. Во внутреннем опыте, о котором говорит Локк, человек имеет дело только с отдельными, конкретными содержаниями сознания, само сознание есть нечто общее для всех этих содержаний, их общий признак¹.

В зависимости от общих установок авторов изменялась характеристика основных элементов сознания. Так для Юма, например, в качестве основного элемента сознания выступали ощущения, для Гербарта — представления. По мнению Гербарта, из бесчисленного количества представлений, которым располагает душевная субстанция, в каждый данный момент лишь очень немногие достигают сознания. Существует определенная область душевной жизни, которая находится вне сознания, как бы по ту сторону его. Само сознание Гербарт считает совокупностью всех одновременно действующих представлений. В одном из примечаний к своей книге «Психология» он пишет: «Выражение *«представление находится в сознании»* следует отличать от выражения: *«я сознаю свое представление»*. К последнему относится внутреннее восприятие, а к первому — нет. В психологии непременно требуется слово, которым обозначалась бы *совокупность всего одновременно действующего представления*. Для этого не находится другого слова, кроме *«сознание»*. Здесь надо будет принять распространенное словоупотребление, тем более, что внутреннее восприятие, которого в ином случае требуют для сознания, не имеет никаких прочных границ»².

Характеризуя динамику представлений, Гербарт считает, что для того чтобы представление могло проникнуть в сознание, оно должно обладать определенной силой. С помощью этой силы одни представления вытесняют другие, более сильные из них затемняют более слабые. Сознание, таким образом, представляет собой своеобразное поле битвы представлений. Эта образная наглядно-пространственная характеристика сознания оставляла исследователей на уровне описания сознания, не способствовала раскрытию его сущности. Между тем подобная описательно символическая характеристика сознания в истории философии и психологии встреча-

¹ См. Д. Локк, Избранные философские произведения в двух томах, т. I, Соцэкгиз, М., 1960.

² И. Ф. Гербарт, Психология, СПб., 1895, стр. 107.

лась довольно часто. Так, Юм сравнивал дух¹ с родом театра, в котором в непрерывном многообразии сменяют друг друга различные восприятия. Стоит последовать за артистами за кулисы — и мы попадем в юмовском театре в область бессознательных психических явлений. Э. Геринг также уподоблял сознание сцене в театре, на которую психические явления появляются из-за кулис и с которой они исчезают за кулисы².

Представление о том, что сознание является чем-то общим, единым для психических процессов, существует и у других, принимая лишь разные формулировки. Для одних сознание является «родом», для других — «совокупностью», для третьих — сущностью отдельных психических явлений³. Близко к этой позиции примыкает понимание сознания как суммы психических процессов. В этом случае сознание отождествляется со всеми другими психическими явлениями. Понятие сознания употребляется просто для обозначения факта психической жизни взамен понятий других психических явлений.

В других концепциях психические явления изображаются как состояния сознания. Вся психическая жизнь представляет собой будто бы «функцию сознания». Само сознание сравнивается с потоком. Отдельные психические процессы как состояния сознания являются частями этого потока. Сознание, согласно этой точки зрения, существует как некоторая первичная данность, которая в зависимости от разных обстоятельств может выявлять себя в том или ином психическом состоянии. По существу эта совокупность психических состояний или состояний сознания каждого отдельного лица представляла собой не что иное, как душу: понятия «сознание», «душа», «я» оказываются идентичными, совпадающими и по объему и по содержанию. Сущность сознания, с этой точки зрения, заключается в отнесении психического явления, которое человек испытывает к себе, к своему «я». При более расширительном толковании сознания оно просто сводится к непрерывному ощущению

¹ См. Д. Юм, Исследование о человеческом уме, Пг., 1916.

² См. E. Hering, Über das Gedächtnis als eine allgemeine Funktion der organisierten Materie, Leipzig, 1912, S. 9.

³ См. W. Wundt, Grundriß der Psychologie, 15 Aufl., Leipzig, 1922; Э. Б. Титченер, Учебник психологии, ч. I, М., 1914, стр. 13—14.

человеком своего психического бытия, которое само обнаруживается в испытываемых человеком душевных состояниях. Сознание является будто бы основой душевной деятельности человека, непременным условием всякого психического явления.

Представление о сознании как совокупности психических состояний или сумме различных психических процессов требовало введения в научный оборот других понятий, которые бы объяснили или по крайней мере помогли бы описать различие этих состояний. Так возникают понятия «поле сознания», «широта сознания», «узость сознания», «интенсивность сознания», «быстрота сознания» и т. д. При чем каждое из этих понятий применяется для характеристики преимущественно какого-нибудь одного из психических явлений и вводится для уяснения отношения этого явления к его родовому обобщающему понятию — понятию сознания как такового. Стоит привести принятую в традиционной психологии трактовку этих понятий, чтобы увидеть, что при применении их речь идет о разных психических явлениях.

«Поле сознания» характеризуется сравнением одного состояния душевной жизни с другим, на него не похожим. В одно время психическая жизнь бывает гораздо богаче и разнообразнее, чем в другое. Например, в течение значительного времени человек может быть всецело занят каким-нибудь одним делом, или поглощен какою-либо одною идеею, или подавлен каким-либо страданием, или охвачен какою-либо радостью. В другое время тот же человек необычайно быстро подмечает и сравнивает между собой разнообразные предметы. В данном случае говорят, что «поле его сознания» более широко, чем в первом случае. Количество впечатлений, какое может быть «охвачено», объединено душевною деятельностью в одно поле сознания, может быть разным для различных индивидов и для одного и того же индивида при различных условиях, при разных его состояниях в зависимости от степени его развития. Нетрудно убедиться, что под «полем сознания» понимается объем внимания, способность человека фиксировать большее или меньшее количество объектов. Вопрос о «широте сознания», сформулированный как вопрос о количестве одновременно удерживаемых объектов внимания, подвергался экспериментальной проверке. Было,

например, показано, что широта сознания в области последовательных звуковых впечатлений достигает 15—16 объектов, в области зрительных — 5—6, в области осязания — от 5 до 8. Понимание широты, или объема сознания как объема внимания наиболее отчетливо выражено в концепции Вундта.

Характеристика «интенсивности сознания», как правило, относится к силе чувств, интенсивности волевого действия. О мыслительных процессах тоже иногда говорят, что они то более сильны, то более слабы. Понятие интенсивности сознания употребляется тогда, когда сознание рассматривается как род душевной энергии, как сумма психических явлений. При этом различные психические состояния рассматриваются обладающими в большей или меньшей степени признаком сознания: понятие интенсивности сознания употребляется для характеристики определенных психических явлений, которые сами представляют собой состояния сознания.

Так обстоит дело и с другими характеристиками сознания. «Быстрота сознания» характеризуется скоростью смены состояний сознания друг другом. Бывает, что в некоторые моменты жизни человек передумывает более мыслей, испытывает более разных чувств и желаний, чем в другие моменты. Временная характеристика сознания применяется разными авторами в разных случаях и к разным явлениям. Например, когда говорят, что человеку потребовались десятые доли секунды для того, чтобы воспринять звучание звонка и нажать при этом на ключ, замыкая электрический ток, то речь идет о скорости простой психической реакции. Если испытуемому дается задача различить окраску предъявляемых предметов и словесным или иным способом подтвердить факт восприятия предъявленных раздражителей, то, очевидно, будет иметь место усложненный психический процесс и скорость его протекания будет отличной от скорости процесса, имеющего место при простой психической реакции. В случае оформления мысли в суждения и умозаключения или при решении той или иной умственной задачи скорость психического явления будет опять другой, она будет уже скоростью других психических процессов.

Измерительный подход к сознанию предполагает существование разных состояний сознания, которые вза-

имодействуют друг с другом по присущим им внутренним закономерностям. Наиболее наглядным примером этого является гербартовская психология представлений, в построении которой применены принципы математики.

Специфика состояний сознания определяется, по мнению многих психологов, тем, что одни из них являются преимущественно состояниями познания, другие — состояниями чувства, а третьи — воли.] 2

При различии взглядов на специфику психических процессов, при различии характеристик их объема, интенсивности и скорости большинство исследователей считали, что сами эти процессы представляют собой модификации далее неразложимого единого целого, каким является сознание. В понимании соотношения сознания с другими психическими процессами была порочной исходная позиция. Сущность сознания, проявляющегося в своих состояниях, сводилась к тому, что сознание дано определенному субъекту.

В других концепциях предпринимались попытки найти признак, отличающий сознание от других психических процессов. Сознание разделялось на акт, предмет сознания и состояние сознания. Можно, например, сказать, что процесс представления — это акт сознания, представление как образ является фактом или предметом сознания, а чувство — состоянием сознания. Такое соотношение сторон сознания имеет место, по мнению многих психологов, в любом психическом явлении. Особенно последовательно на таком понимании сознания настаивал П. Наторп. По его мнению, в сознании существуют три друг с другом связанных стороны: 1) то, что сознается; 2) некто, кто сознает и 3) отношение между первыми двумя. Первое — это содержание сознания, второе — я, третье — отношение между я и содержанием сознания. Выделением этого отношения подчеркивается активная сторона сознания. Оно представляет собою нечто такое, что уже не нуждается в дальнейшем объяснении и не сводится к чему-либо более простому. О нем можно говорить, его можно описывать, но нельзя объяснить. Это отношение и является будто бы характерным признаком сознания, в нем заключается сущность сознания¹. 3 за снм сора- ния W

¹ См. P. Natorp, Allgemeine Psychologie, Erstes Buch, Tübingen, 1912, S. 27.

42-44
Выделение того, кто имеет сознание, и того, что со-
знается, было связано с постановкой и решением про-
блемы субъекта-объекта. Объект обладает свойством
быть познаваемым, субъект — иметь сознание. В боль-
шинстве идеалистических психологических концепций
объект — это не внешний мир, а субъект — это не реаль-
ный человек; объект и субъект являются сторонами од-
ного духовного процесса, в котором объектом являются
психические факты, переживаемые человеком, а субъек-
том — «я», имеющее эти переживания. Фактически речь
идет лишь о разных сторонах субъективного мира чело-
века. Эти положения подкрепляются утверждением того,
что между субъектом и объектом существует неразрыв-
ная связь и что разделить понятия субъекта и объекта
можно только в абстракции¹.

Подчеркивая активность сознания, его направлен-
ность на объект, представляющий собой также духов-
ное образование, психологи-идеалисты сводили сознание
к рефлексии на психические содержания, т. е. ограничи-
вали сознание самосознанием или первое сводили к по-
следнему.

Кред
идея
Для большинства концепций традиционной буржуаз-
ной психологии характерно то, что авторы этих концеп-
ций пытались определить сущность сознания, соотнося
его с другими психическими процессами и исходя из пред-
ставления о субстанциональном характере психического.
Этим определяется подход к изучению сознания: анализ
сознания проводится в пределах самого сознания, исходя
из него, как имманентной, замкнутой в себе самой сущ-
ности. Исходная позиция идеалистических концепций
определяет абстрактно-схоластические способы обсу-
ждения проблемы сознания. Понятие сознания опреде-
ляется через оперирование другими психологическими же
категориями. Даже в тех концепциях, авторы которых
делают попытку рассмотреть сознание как возникаю-
щее и развивающееся психическое явление, это разви-
тие понимается как развитие той же замкнутой психи-
ческой субстанции. О том, что сознание понимается как
замкнутая сущность, свидетельствует фактический отрыв

¹ См. W. Schmied-Kowarzik, Umriß einer neuen analytischen
Psychologie, Leipzig, 1912, S. 105.

трансцендентальная²⁴⁰ интересная книга — это
имманентная субстанциональная рефлексия
(Ха.х)

сознания от внешнего мира и материальной деятельности мозга человека.

Марксистская психология при анализе сущности сознания, соотношения сознания с другими психическими явлениями исходит из того положения, что любое психическое явление, будь оно сознательным или несознательным, надо рассматривать не изнутри, из соотношения его с другими же психическими явлениями, а из соотношения с внешним миром. Причем соотношение это не ограничивается связью изолированного явления с вызвавшим его внешним раздражителем, а понимается как результат взаимоотношений субъекта с объективной действительностью, человека как социального существа с обществом и внешним миром, природой.

2. Сознание как познание действительности

Сущность сознания заключается прежде всего в том, что оно является отражением действительности человеком. Поэтому характеристика сознания является вместе с тем характеристикой процесса познания человеком объективного мира. Знания составляют ядро сознания. «Способ, каким существует сознание и каким нечто существует для него, это — *знание*»¹.

В совпадении познания и сознания заключается гносеологическая сущность сознания.

Познание человеком осуществляется в разных формах, из которых первой и элементарной является ощущение. Осознание действительности генетически начинается с ощущений и восприятий предметов и явлений внешнего мира. Хотя сознание, как специфически присущая человеку способность отражения, возникло в процессе развития органического мира позже, чем способность ощущать этот мир, ощущение тем не менее становится моментом сознания, доставляющим для более углубленного проникновения в объективную действительность весь материал, определяя тем самым все содержание сознания. В связи с этим исключительно важным является определение В. И. Лениным ощущения

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 633.

как превращения энергии внешнего раздражения в факт сознания. На роль ощущения в сознательной деятельности человека указывал И. М. Сеченов, когда он подчеркивал, что потеря способности ощущать неизбежно влечет за собой потерю сознания. Сама сознательность, по словам И. М. Сеченова, выражается не чем иным, как сознаваемыми чувствованиями. Чувствования в контексте рассуждений И. М. Сеченова соответствуют ощущениям. «Отрывать разум от органов чувств, — писал И. М. Сеченов, — значит отрывать явление от источника, следствие от причины. Мир действительно существует помимо человека и живет самобытной жизнью, но познание его человеком помимо органов чувств невозможно, потому что продукты деятельности органов чувств суть источники всей психической жизни»¹.

Попытка оторвать сознание от деятельности органов чувств, берущая свое начало в положении Локка о разделении опыта человека на внешний и внутренний, логически приводит к представлению о существовании чистого сознания, диктующего законы деятельности всем так называемым низшим психическим процессам.

Материалистическая психология исходит и последовательно проводит, подтверждает и доказывает положение о том, что психическая деятельность вообще, сознательное отражение в частности, действительно берет свое начало в ощущениях. Однако только доставленных ощущениями впечатлений о внешнем мире для его познания было бы недостаточно, если бы нервная система человека не обладала способностью сохранять на тот или иной срок полученные однажды ощущения или более сложные образы внешнего мира.

Память, в которой выражается эта способность сохранять следы прежних воздействий, является важнейшим условием сознательного отражения человеком внешнего мира. Если вопрос о пространственном характере психических явлений многократно обсуждался и решения его являются противоречивыми, а иногда и взаимно исключаящими, то в том, что любой психический процесс протекает во времени, вряд ли кто сомневался.

¹ И. М. Сеченов, Избранные философские и психологические произведения, стр. 286.

Без известного промежутка времени существования психического явления нет ни ощущения, ни представления.

Представьте себе существо, способное сознавать ощущения, способное к двигательным ответам на внешние раздражения, чувствующее, что эти раздражения приятны или неприятны, способное сознательно совершать свои действия, и представьте себе также, что у этого существа все эти акты настолько преходящи, что они не оставляют в нервной системе никакого следа, исчезая бесследно, безвозвратно. Можно было бы полагать, что у этого существа сознание было, но это сознание было бы самым несовершенным, до того слабым, что можно сомневаться, было ли оно вообще.

Чтобы сознавать что-то, необходима известная умственная работа сравнения настоящего состояния с предшествующим. Психические явления, сменяющие друг друга, прежде чем закрепиться в памяти, и не связанные с предшествующими явлениями, не могут стать явлениями сознания.

В действительности у человека прошедшее связано с настоящим. Его сознание представляется как ряд психических явлений, сохраненных памятью. Память является результатом сохранения во времени нервного возбуждения, продолжавшегося хотя бы незначительное время.

Чувственное познание осуществляется в форме ощущений и восприятий. Что касается характеристики восприятия как факта сознания, элемента сознания, то тут дело обстоит так же, как и с ощущениями. Восприятие в принципе является так же процессом чувственного познания, как и ощущение, только процессом более сложным. В ощущении отражаются отдельные свойства предмета, в восприятии отражается совокупность чувственных качеств, представляющих собой, как правило, отдельные свойства предмета. Реально в процессе чувственного отражения существует целостный процесс, в котором восприятие и ощущение являются лишь двумя его моментами. Причем фактически ощущение как такое в более или менее чистом виде существует лишь в нескольких случаях: либо как еще не расчлененная чувствительность, представляющая собой начальное звено процесса чувственного познания, либо как продукт абстрагирующей работы человеческого мышления,

либо как результат исследования чувственного познания в специально организованных экспериментальных условиях.

В результате восприятия внешних воздействий и сохранения их во времени памятью возникают представления. В учебниках психологии совершенно правильно представления рассматриваются в разделе памяти.

Если ощущения и восприятия являются началом, возникновением сознательного отражения, а память — закреплением и необходимым условием его сохранения, то процесс представления является по существу тем специфическим для человека психическим явлением, в котором сознание как бы отрывается от своего непосредственного источника и начинает существовать как некоторое ярко выраженное субъективное явление — явление сознания. В нем уже теряется та непосредственность, чувственная данность, которая имеет место в ощущениях и восприятиях.

Познание, составляя существенную особенность сознательного отражения, начинаясь с чувственного созерцания, углубляется и расширяется в мышлении человека. Причем представление является промежуточной ступенью в процессе перехода от ощущения к мысли.

Отдифференцирование в процессе общественно-исторической практики людей знания от непосредственных переживаний субъекта, отражение объективно закономерных свойств, качеств и связей предметов и явлений внешнего мира выражается в отвлеченном теоретическом мышлении, свойственном только человеку.

Люди, говорит Маркс, «начинают с того, чтобы есть, пить и т. д., т. е. не «стоять» в каком-нибудь отношении, а активно действовать, овладевать при помощи действия известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворять свои потребности. (Начинают они, таким образом, с производства.) Благодаря повторению этого процесса способность этих предметов «удовлетворять потребности» людей запечатлевается в их мозгу, люди... научаются и «теоретически» отличать внешние предметы, служащие удовлетворению их потребностей, от всех других предметов. На известном уровне дальнейшего развития, после того как умножились и дальше развились тем временем потребности людей и виды деятельности, при помощи которых они удовлетворяются,

люди дают отдельные названия целым классам этих предметов, которые они уже отличают на опыте от остального внешнего мира»¹.

В процессе исторического развития человеческого общества возникает понятие как элемент мысли, как форма обобщенно абстрагированного отражения объективной действительности.

Характеризуя общее и особенное в отражательной деятельности животных и человека, Ф. Энгельс подчеркивал, что «диалектическое мышление — именно потому, что оно имеет своей предпосылкой исследование природы самих понятий, — возможно только для человека, да и для последнего лишь на сравнительно высокой ступени развития»².

Процесс мышления состоит, главным образом, в сравнении, сопоставлении, анализе и синтезе наглядных образов или обобщенных и абстрагированных образов объективной действительности, в образовании понятий. Без этого постоянного процесса анализирования и синтеза, без мышления никакое знание невозможно, как вообще оно невозможно без получения первичных впечатлений в виде ощущений и восприятий через органы чувств. Если через ощущения и восприятия человек получает непосредственные данные, то мышление является процессом осознания этих данных действительности, процессом проникновения в то, что непосредственно органам чувств недоступно. Отражение объективной действительности в мышлении означает раскрытие с помощью суждений и умозаключений сущности предметов, законов их возникновения и развития, существенных связей между предметами и явлениями. Отражая внешний мир в форме суждений, умозаключений и понятий, человек раскрывает явления, понимает их, воспринимает их в системе многообразных объективных связей. В первичном восприятии такого понимания явления может и не быть, хотя первичное восприятие наряду с впечатлением о факте существования самого объекта может содержать элементы обобщенного знания.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, Госполитиздат, М., 1961, стр. 377.

² Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 176.

В процессе мышления
сознание
и ощущение
Данное
в сознании

77

Опираясь на то, что в процессе мышления, как формы опосредствованного познания, человек оперирует материалом непосредственного чувственного познания и это оперирование носит активный характер, некоторые авторы противопоставляли ему ощущения и восприятия как пассивный материал сознания, они приходили к выводу о существовании активной и пассивной сторон познания. Таким образом, целостный процесс познания разрывался, а сознание отождествлялось только с мышлением.

Примером подобного понимания сущности сознания, его соотношений с другими психическими процессами могут являться многочисленные теории о перцепции и апперцепции.

В отчетливо выраженной форме представление о перцепции и апперцепции имеет место у Лейбница, затем оно через Канта перешло в современную психологию.

Для Лейбница¹ апперцепция является высшей способностью человека. Ассоциативный ход представлений является, по Лейбницу, сущностью низшего разума, т. е. животной души. Апперцепция, которая по существу идентична самосознанию, является собственной деятельностью рассудка. Ассоциативному принципу в психологии Лейбниц, а с ним немецкая философия в целом, противопоставил идею господства активного принципа, активного начала над психическим содержанием: в апперцепции будто бы и заключается творческий принцип души, ее господство над всей психической деятельностью. По мнению Лейбница, в существовании апперцепции как спонтанно исходящей от «Я» способности заключается специфика человеческой душевной деятельности, сознания человека. Являясь условием всякого высшего сознания, апперцепция представляет собой свойство разумной монады в отличие от неразвитых энтелехий. Через идеи Лейбница об апперцепции идеализм завоевывал себе позиции в психологии. Между тем идея апперцепции нашла своих сторонников и в самой философии.

Принимая в принципе лейбницеvское понимание апперцепции для объяснения активной и пассивной сто-

¹ См. Г. В. Лейбниц, Избранные философские сочинения, М., 1908; его же, Новые опыты о человеческом разуме, Соцэкгиз, М. — Л., 1936.

рон познания, Кант¹ считал, что характерная особенность души заключается не в том, что она обладает определенным содержанием, — это осуществляется низшими ступенями познания, — а в том, что ей присуща деятельность, которая вносит известный порядок в это содержание. Эта деятельность направлена на объединение и разъединение разных элементов содержания, на отыскивание между ними сходства, на раскрытие различий. Способ, которым дух, самосознание (апперцепция), вносит единство в многообразное содержание сознания, не определяется чувственной познавательной деятельностью (простыми или сложными представлениями). Сама апперцепция не является результатом познавательной деятельности человека, она коренится в лежащем в основе всего логическом единстве сознания.

По существу кантовское представление об апперцепции, специально приспособленное для психологии Э. Рейнгольдом, И. Гербартом, М. Дробишем, В. Вундтом² и другими авторами, принималось большинством идеалистически настроенных психологов. Под апперцепцией, с их точки зрения, понимается усилие ума удерживать в сознании одни элементы и избавиться от других. При этом эти элементы должны связываться с какими-то уже существующими психическими образованиями. Этими элементами могут быть восприятия, представления, чувства и мысли. Существующие элементы сознания предвосхищают восприятие действительности, налагают свой отпечаток на весь процесс познания, усиливая одни стороны и ослабляя другие. Апперцепция как бы подсказывает человеку смысл явлений, заставляет его оценивать, истолковывать их на соответствующий лад, она ведет к истине или заблуждению.

Понимание апперцепции как активной деятельности разума логически приводило к представлению о противоположном понятии перцепции, восприятия человеком внешнего мира, как пассивного начала в познании.

¹ См. И. Кант, Критика чистого разума, изд. 2, Пр., 1915.

² См. E. Reinhold, Theorie des menschlichen Erkenntnisvermögens und Metaphysik, Gotha und Erfurt, 1835; И. Ф. Гербарт, Психология; М. Drobisch, Empirische Psychologie nach naturwissenschaftlicher Methode, Leipzig, 1842; В. Вундт, Введение в психологию, М., 1912.

Понятия перцепции и апперцепции встречаются и в марксистской литературе. Но обозначается ими нечто другое, чем связанное с ними в истории психологии. Под перцепцией в марксистской литературе понимается восприятие, как непосредственное отражение вещей человеком при посредстве органов чувств. Перцепция не сводится к пассивному отражению, подобному отражению в зеркале. В самом чувственном познании содержится активное преобразующее отношение человека к внешнему миру.

В термин апперцепция в марксистской литературе вкладывается тоже отличный от его первоначального значения смысл. С ним связывается представление о зависимости каждого нового восприятия от предшествующего жизненного опыта человека, а также от физического и психического состояния человека в момент восприятия. Это представление об активности прошлого опыта противоположно представлениям Лейбница об апперцепции и перцепции как самосознании и сознании и понятию трансцендентальной апперцепции Канта.

Марксистская философия преодолевает разрыв сознания на активное и пассивное начала. Она рассматривает познание как единый процесс. Научная характеристика сознания заключается не в сопоставлении друг с другом разных элементов внутри его, а в анализе содержания явлений сознания, отражающих внешний мир. Разница элементов сознания состоит не в том, что одни из них активны, а другие пассивны, а в том, что в них отражаются разные стороны объективной действительности.

Процесс мышления — это не просто процесс упорядочивания данных чувственного опыта, а процесс отражения (с помощью чувственных данных) объективных связей, закономерностей предметов и явлений. Связь между ощущением, восприятием и мышлением обусловлена не какой-то над ними стоящей силой, она обеспечивается связью сторон, свойств, качеств объективной действительности. Ощущение, восприятие и мышление, безусловно обладая своей спецификой, существуют лишь как стороны единого процесса познания. Подобно тому как нельзя оторвать явление от сущности, закономерности развития предметов и явлений от самих этих предметов и явлений, единичного от общего, так нельзя резко разделить, разорвать непосредственное познание в фор-

ме ощущений, восприятий от познания в форме понятий, суждений и умозаключений, в каждом из которых отражается та или иная сторона действительности.

Отражение объективной реальности составляет содержание сознания. Механизм осознания сводится к раскрытию отношения психического явления к реальному факту, вызвавшему это психическое явление. Некоторые психические явления имеют место и у животных, но у животных нет способности устанавливать объективную причину, вызвавшую изменение внутреннего состояния, ставшую содержанием психического явления. Ощущения человека неосознаны до тех пор, пока не установлено, какой внешний раздражитель вызвал это ощущение. Когда речь идет о сознании как высшей форме отражения действительности, имеется в виду, что в реальном процессе осознания внешнего мира над ощущениями, восприятиями, представлением и мышлением не надстраивается какой-то добавочный этаж, который, опираясь на все нижележащее, представляет собой нечто от них отличное, вне их существующее. В действительности в процессе общественно-исторического развития человека эти формы отражения получают новое качество. Сознание — это не нечто над ощущением и мышлением стоящее, а через них осуществляемое, более высокое, осмысленное отражение внешнего мира.

Осмысленность как новое качество психических процессов возникает только у человека.

3. Взаимоотношение сознания и деятельности

Жизненный смысл сознания не был бы оправдан, если бы оно не было связано с реальным поведением, деятельностью человека. Поэтому характеристика связи сознания с деятельностью необходима для понимания сущности сознания и специфических особенностей отражательной деятельности человека.

Вопрос о соотношении сознания и деятельности является одним из коренных вопросов в системе психологических знаний, одним из краеугольных камней психологической теории. Подобно психофизической проблеме он был своеобразной пробой, на которой проверялось философское кредо многих психологических концепций.

Общеметодологическая проблема соотношения сознания и деятельности представлена в истории психологии многими аспектами. К ее решению подходили с разных сторон, рассматривали и в общем виде, пытались к общему решению подойти путем анализа частных вопросов. Так, например, было при постановке проблемы отношения ощущения, как элементарного психического процесса, и движения, как элемента деятельности. Многие идеалисты, разрывая деятельность и сознание, вообще начинали с этого звена. Вывод, к которому приходили сторонники взглядов о том, что между сознанием и деятельностью не существует никаких связей, заключался в утверждении положения о непознаваемости психики, замкнутости сознания в себе самом. Ход рассуждений, приводящий к подобным выводам, был приблизительно таким. Все познаваемое влияет на наши органы чувств. Это влияние осуществляется через движение. Дух есть нечто способное существовать, видеть, чувствовать, судить; между духом и движением не существует никакого естественного сходства. Поскольку движение не может быть ничем иным, как перемещением, переменной места, которым подвергаются частицы материи, а психическое не перемещается, постольку между этим физическим фактом механического движения и психическим явлением (желанием, эмоцией, ощущением) не существует никакого сходства. Исходя из мысли, что факты движения и сознания не тождественны между собой, идеалисты приходят к утверждению, что различие между сознанием и деятельностью так глубоко, что его нужно возвести в принцип: абсолютно разорвать сознание и деятельность.

Положение о том, что сознание и деятельность не связаны друг с другом, подкреплялось будто бы тем фактом, что движение иногда не сопровождается сознанием. При нарушениях деятельности головного мозга движения могут осуществляться, но человек этих движений не осознает. Например, щекотание ступни ноги вызывает сокращение соответствующих мышц, но осознания этих сокращений может и не быть. Если же мозг действует нормально, то, говорят сторонники этой точки зрения, кроме этой рефлекторной, отраженной, произвольной двигательной реакции, возникает новое явление — ощущение, которое испытывается субъектом,

«Я» человека. Именно «Я» чувствует шекотание, а этого чувствования достаточно, чтобы признать, что «Я» обладает сознанием. Таким образом, сознание рассматривается как явление прибавочное к движению и независимое от него. Аfferентная и эfferентная деятельности нервной системы метафизически разрываются.

В более широком плане проблема сознания и деятельности представляется как проблема соотношения сознания и поведения. Интроспективная психология, замыкая сознание в кругу его явлений, совершенно отбросила анализ поведения, она стала психологией чистого сознания. Проблема связи сознания и деятельности интроспективной психологией не разрешалась, а игнорировалась, она просто снималась с повестки обсуждений и научных исследований. Не разрешал ее и бихевиоризм, который, выступая против идеализма интроспективной психологии, оставлял для анализа лишь внешнее поведение индивида. Связанные в действительности явления сознания и деятельности оказывались как бы на разных полюсах, становясь предметом изучения разных по своим исходным позициям направлений психологии. Остающееся на одном полюсе сознание превращалось в пассивную созерцательность, как бездейственное внутренне присущее человеку состояние. Как бы на другом полюсе оказывалась бессознательная деятельность. Преодоление этого разрыва оказалось возможным не путем внешнего сопоставления сознания и деятельности, внешнего сочетания идеалистически понимаемых явлений, а путем изучения как того, так и другого, как форм взаимодействия человека с объективной действительностью. Выход из тупика, в котором по существу оказалась интроспективная психология и бихевиоризм, состоял в том, чтобы психику в целом рассматривать как отражение внешнего мира конкретным живым, действующим в определенных ситуациях человеком.

В решении своих специфических задач относительно связи сознания и деятельности научная психология опирается на диалектико-материалистическое учение о единстве теории и практики. Общефилософская концепция о связи практики с теорией, труда с жизнью опирается, кроме всего, на материал, полученный при изучении роли труда в становлении человеческого мышления.

Практика служит основой познания. Это положение подтверждается как изучением процесса исторического развития научного познания, так и анализом процесса познания, постоянно осуществляемого отдельным человеком.

Диалектический материализм преодолел идеалистическое представление о том, что если люди поступают сознательно, если их мысль и воля предшествуют действию, опережают его, то это якобы служит свидетельством первичности сознания по отношению к материальной деятельности людей, практике. Подчеркивая единство теории и практики, диалектический материализм доказывает, что мысли людей являются ответом на запросы практики, что образ жизни людей определяет образ их мыслей. При этом марксистская философия не отвергает активности разума, а, указывая на его активность, анализирует материальный источник возникновения этой активности. Маркс писал, что «природа не строит машин, паровозов, железных дорог, электрических телеграфов, сельфакторов и т. д. Все это — продукты человеческой деятельности; природный материал, превращенный в органы власти человеческой воли над природой или в органы исполнения этой воли в природе. Все это — *созданные человеческой рукой органы человеческого мозга*; овеществленная сила знания»¹.

Общие положения диалектического материализма о связи теории с практикой послужили основой для постановки и разработки в психологии вопросов, связанных с проблемой соотношения сознания и деятельности.

Неразрывную связь сознания и деятельности психология видит уже в неразрывной связи ощущения и движения. При этом она опирается на данные естествознания, исходит из положения о рефлекторной природе любого психического явления. В естественнонаучном обосновании этого положения преимущественная роль принадлежит И. М. Сеченову. Психическая деятельность, по Сеченову, выражается внешними признаками, и обыкновенно все люди, и неученые, и ученые, и натуралисты, и люди, занимающиеся исследованием духа,

¹ «Из неопубликованных рукописей К. Маркса», «Большевик» № 11—12, 1939, стр. 63.

судят о первой по последним, т. е. по внешним признакам.

И. М. Сеченов считал, что все бесконечное разнообразие внешних проявлений мозговой деятельности сводится к мышечному движению. «Смеется ли ребенок при виде игрушки, улыбается ли Гарибальди, когда его гонят за излишнюю любовь к родине, дрожит ли девушка при первой мысли о любви, создает ли Ньютон мировые законы и пишет их на бумаге — везде окончательным фактом является мышечное движение. Чтобы помочь читателю поскорее помириться с этой мыслью, я ему напому рамку, созданную умом народов и в которую укладываются все вообще проявления мозговой деятельности, рамка эта — *слово и дело*. Под *делом* народный ум понимает, без сомнения, всякую внешнюю механическую деятельность человека, которая возможна лишь при посредстве мышц. А под *словом* уже вы, вследствие вашего развития, должны разуместь, любезный читатель, известное сочетание звуков, которые произведены в гортани и полости рта при посредстве опять тех же мышечных движений»¹.

Считая непременно условием научного познания психики раскрытие связи психических явлений с деятельностью человека как связи двух первых третей рефлекса головного мозга с его последней — третьей частью, Сеченов считает деятельность необходимым условием развития самих органов человека. «Известно из наблюдений над взрослым человеком, над ребенком и над животными, — пишет Сеченов, — что первым условием для поддержания материальной целости, следовательно и функций всех нервов и мышц без исключения, необходимо соответственное упражнение этих органов; так, на зрительный нерв должен действовать свет, движущий нерв должен быть возбуждаем и его мышца должна сокращаться и пр. С другой стороны знают, что в случае насильственного прекращения упражнения которого бы то ни было из этих органов в человеке является тягостное чувство, заставляющее его искать недостающего упражнения»².

¹ И. М. Сеченов, Избранные философские и психологические произведения, стр. 71.

² Там же, стр. 122.

Между сознанием и деятельностью существует не однопорядковая связь, а взаимодействие, и как всякое взаимодействие оно двустороннее, оно требует участия обеих сторон и накладывает отпечаток на взаимодействующие компоненты.

Проявлением этой взаимной связи является влияние сознания на деятельность.

Специфическая особенность жизнедеятельности человека, как отмечалось выше, состоит в том, что человек трудится. Возникнув на основе труда и формируясь в процессе конкретной жизнедеятельности человека, сознание выступает как регулятор человеческой деятельности. Сама деятельность приобретает сознательный, целенаправленный характер. В целенаправленности действий человека и обнаруживается специфическая роль сознательного отражения действительности. Производя в процессе труда предметы, служащие для удовлетворения своих потребностей и потребностей коллектива, человек в виде представления имеет в уме возможный результат своей деятельности. Человек действует не только сообразуясь с наличными условиями своей деятельности, но и осуществляет тот внутренний мысленный план, который предшествует выполнению конкретных действий.

Только высшая форма отражения действительности — сознание — дает человеку возможность подчинить свои действия возникающим в его голове представлениям и понятиям, а также действовать мысленно, «в уме». Этим и определяется та специфическая роль, которую играет сознание в деятельности человека.

Таким образом, сознательное отражение окружающей среды и связей человека с окружающей средой является весьма активным фактором в определении деятельности человека, направленной на изменение окружающей среды.

Тот факт, что сознание является отражением, не означает того, что сознание не выполняет активной роли в жизни. Сознание является прежде всего продуктом общественной жизнедеятельности, человеческой практики. Будучи отражением действительности, оно играет важную роль в регулировании той самой деятельности, продуктом которой является. Сознание выступает как

средство, направляющее деятельность на достижение определенных целей. Жизненный смысл сознания как раз и проявляется в том, что на базе отражения действительности сознание регулирует сложнейшие общественные взаимоотношения и отношение человеческого общества с этой действительностью. Только этим оправдано возникновение сознания в процессе исторического развития человечества.

Регулирующая роль сознания проявляется прежде всего в волевых процессах человека. Но этим активная роль сознания не ограничивается. В своем активном взаимодействии с действительностью человек эмоционально воспринимает внешний мир. В идеалистической психологии подобно тому, как активность волевых процессов истолковывалась как проявление активности духовного начала, так и возникновение эмоций считалось результатом внутренней активности сознания.

Человек в ходе деятельности, подвергаясь воздействиям предметов и явлений внешнего мира, занимая определенную позицию по отношению к ним, их изменениям, определенным образом относится к этим предметам, эмоционально их переживает. Эмоциональное отношение человека к действительности в свою очередь может стать стимулом для его деятельности. Эмоции в известном смысле индивидуализируют всю сознательную деятельность человека.

Научная характеристика взаимоотношения сознания и деятельности была бы односторонней, если бы мы ограничивались указанием на роль сознания в деятельности человека. Это взаимоотношение имеет и другую сторону: деятельность оказывает влияние на формирование сознания.

В марксистской психологии преодолен тот недостаток теоретической мысли, на который указывал Ф. Энгельс, когда он писал: «Как естествознание, так и философия до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, а с другой — только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно

тому, как человек научался изменять природу»¹. Все психические процессы человека всегда протекают в какой-либо деятельности. Это имеет место не только в волевых, что кажется само собой разумеющимся, но и в познавательных и эмоциональных процессах. Человек всегда так или иначе действует, и в ходе своей деятельности он познает действительность, у него возникают определенные эмоции.

Подчеркивая связь сознания и деятельности, указывая на то, что сознание и деятельность, как теория и практика, постоянно связаны друг с другом, взаимно проникают друг в друга, марксистская психология не отождествляет их между собой. Связь между сознанием и деятельностью может быть то более, то менее тесной, и определяется это всякий раз конкретными условиями, всем ходом жизнедеятельности человека.

Представления о связи сознания и деятельности не означают того, что, судя о внутреннем мире человека по характеру его внешних проявлений, можно всю психическую деятельность свести к внешним реакциям человека. Психология не уничтожает внутреннего мира человека, она только отводит подобающее ему место. Сознание и деятельность, с этой точки зрения, представляются сторонами реального взаимоотношения человека с внешним миром.

Лишь рассмотрение связей сознания с деятельностью помогло увидеть действительное место сознания в системе психических явлений и более содержательно понять его сущность.

В итоге можно сказать, что характерным для сознания является то, что оно есть отражение действительности. Оно характеризуется активным отношением человека к действительности, к самому себе, к своим поступкам и действиям, к деятельности, направленной на достижение поставленных целей. Сознание является способностью человека понимать окружающий мир, процессы, происходящие в нем, свои мысли и действия и свое отношение к миру и себе самому. Сознание человека формируется и проявляется в его трудовой деятельности, в его поступках и действиях, в отношении к отдельным людям, к обществу в целом.

¹ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 183.

4. Сознание и переживание

Указанием на значение познавательных процессов в сознательном отражении внешнего мира однако не исчерпывается характеристика сознания и не уясняется до конца его место в системе отражательной деятельности человека.

Познает объективную действительность не какой-то абстрактный человек, а конкретная живая личность. А эта личность не только познает, но и чувствует и действует. Психические явления принадлежат определенному субъекту, им переживаются. Эта принадлежность психических явлений определенной личности определяет субъективную сторону в отражательной деятельности человека. Сознание это не только знание, но и переживание.

В литературе, особенно философской, часто имеет место отождествление, если не в формулировках, то по смыслу, сознания с познавательными процессами вообще, с мышлением в особенности. Причем мышление в большинстве случаев рассматривается как процесс познания в его чистом виде, не обремененном ничем личностным, абстрагированным от всякого переживания, от любой эмоции. Это абстрагирование в известной степени может быть оправдано лишь дидактическими и методическими целями, но никак не целями научного понимания сущности дела.

В действительности объективное содержание сознания, полученное через познавательные процессы, существует для человека как принадлежащее ему отражение внешнего мира, как его переживание.

Идеалистическая психология обычно начинала с анализа переживаний субъекта. При этом подчеркивалось, что данность психического субъекту является существеннейшей и единственной характеристикой сознания. На переживании этот анализ обычно и заканчивался. Выходило, что сознание нигде не имеет начала, ибо оно дано субъекту как таковое. Познать его по внешним проявлениям было невозможно, оно познавалось будто бы только изнутри, путем интроспекции. Круг оказывался замкнутым.

Интеллектуалистические теории сознания пытались выйти из этого круга, но им не удавалось разрешить

реально существующего противоречия, раскрыть действительные связи познания и переживания. Анализируя сознание, представители интеллектуалистических концепций просто сбрасывали со счетов эмоциональный фон, на котором разворачивается познавательная деятельность, а оперировали процессом и продуктами чистой мысли. Идеализм и этими концепциями не преодолелся, он только из одной области смещался в другую. Выход из тупика в решении вопроса о соотношении знания и переживания состоял не в том, чтобы каким-то образом в отражении человека уравнивать знание и переживание, а в том, чтобы понять роль переживания в познании — охарактеризовать индивидуальную личностную сторону познания.

Переживание, как и знание, составляет одну из сторон сознания. Указывая на то, что знание и переживание являются сторонами сознания, мы несколько огрубляем реальные отношения, в которых существуют эти явления. Смысл этой характеристики состоит в подчеркивании положения, что знание и переживание неразрывно связаны между собой, взаимно проникают друг в друга, постоянно взаимодействуют. У реально живущего, познающего и действующего человека нет только знаний и нет только переживаний. Объективное содержание психического процесса, характерное для знания, оценивается, соотносится с индивидуальным опытом человека, с его жизнью. В этом соотношении и оценке вскрывается истинное значение процессов и явлений внешнего мира для человека, их смысл. Этим в известной степени объясняется роль психических явлений в жизнедеятельности человека.

Путем раскрытия отношения психического явления к причине его вызвавшей, само переживание становится фактом сознания. Вне раскрытия этой связи, этого отношения переживание может существовать, но оно остается неосознанным. Раскрытие объективного предмета переживания означает вместе с тем осознание и самого переживания.

Термин переживание в обыденной жизни и психологической литературе употребляется в более узком смысле, чем в данном случае. Переживанием считают не любое психическое явление, а особенно важное в индивидуальной жизни человека явление, отчетливо влия-

ющее на ход событий этой жизни. И относятся эти психические явления по традиционной классификации к эмоциональным процессам. Но и в этом и в другом случае остается верным то, что переживается человеком любой психический процесс и что сознание человеком своего переживания связано с включением в психический процесс знания, как отражения того внешнего воздействия, которое им переживается.

5. Самосознание как вид сознания

Сложность сознательного отражения человеком внешнего мира заключается в значительной степени в сложности сочетания объективного и субъективного моментов познания. Это отчасти отражается уже в языке. Факт восприятия внешнего воздействия можно выразить двояко: увидев дерево, услышав шум приближающегося трамвая, человек может сказать: «дерево зеленеет, идет трамвай» или: «я вижу зеленеющее дерево и слышу шум проходящего трамвая». В первом случае констатируется объективный факт, во втором — к этой констатации существования объекта, к характеристике его независимых от субъекта свойств присоединяется представление о воспринимающем субъекте. С этим представлением связана субъективность явлений сознания, понятие действующего лица, наблюдателя, которое получило распространенное название «я».

Несмотря на разницу взглядов на сущность «я», большинство психологов и философов сходятся на том, что «я» — это определенная реальность, отрицать которую невозможно и с существованием которой не считаться нельзя. Субъект, его переживания, состояния и деятельности суть нечто поистине действительное. Идеалисты считают, что субъект — это лишь психическое образование, которое представляет собой лишь имманентную неизменную сущность, иначе говоря, душу.

На реальность «я» указывали не только идеалисты, о ней говорили и материалисты. Так, в своем письме к сыну физиологу А. И. Герцен писал: «Человек, лишь только начинает взвешивать свои поступки, сознает, что он действует по собственному желанию. Он заключает отсюда о самопроизвольности своих поступков — забы-

вая, что само сознание представляет равнодействующую длинного ряда antecedentов. Он подмечает цельность своего организма, единство всех его частей и их функций, убеждается в существовании центра для его чувственной и умственной деятельности и заключает на основании этого об объективном существовании души, независимой от материи и господствующей над телом.

Следует ли отсюда, что чувство свободы личности — заблуждение, сознание нашего я — галлюцинация? Я не думаю этого. Свергнуть ложных богов необходимо, но это еще не все: под масками их мы должны отыскать причину их существования. Какой-то поэт выразился, что предрассудок представляет почти всегда младенческую форму предчувствуемой истины»¹.

Свержение богов, т. е. ложных понятий, о котором говорит А. И. Герцен, является мерой, необходимой там, где становится до очевидности ясным, что эти понятия действительно являются именно теми божествами, ценность которых сводится к нулю и реальное содержание которых ничтожно. Действительно ли таковым является понятие «я»? Очевидно, нет. Этот кумир имеет реальное значение, с ним человек сталкивается в повседневной практике, в ежеминутном своем взаимоотношении с внешним миром.

Что же такое я, какой реальный смысл вкладывается в это понятие?

Несколько примеров покажут, как многогранно это явление и как многозначно представление о нем. Человек, например, может сказать «я плохо одет», «меня намочил дождь», в этих случаях речь идет, очевидно, об одежде человека. Несколько другой смысл приобретает высказывание человека о том, что он устал, что ему весело. В первом случае констатируется существование объективного события, во втором наряду с сообщением о факте усталости, веселья сообщается и о переживании этих состояний субъектом. Знание о состоянии человека дополняется переживанием им самого этого состояния. Существуют оттенки смысла в выражении переживания человеком усталости от физической работы, как усталости тела, от душевной усталости. Усталость в первом смысле слова как бы находится в муску-

¹ А. А. Герцен, *Общая физиология души*, СПб., 1890, стр. 2.

лах, оно чувственно локализовано в определенном месте. Переживание усталости является отражением человека состояний органов его тела. Усталость духовная уже не локализуется в каком-нибудь месте. В этом случае усталость не является отражением состояния отдельных органов или систем организма, а выражает моральное состояние личности. Усталость как скука, духовная опустошенность, является, конечно, другим признаком в определении понятия *я*, чем телесная усталость. Один раз, в первом случае, речь идет о *я* как определенном физическом теле, другой раз о духовном содержании, субъективной стороне жизни человека. Когда человек говорит, что он хорошо запоминает номера телефонов или что он умен или глуп, то эти характеристики *я* уже не являются результатом ощущения состояния организма, непосредственного переживания. Они являются продуктом умозаключения.

Можно быть одаренным и до поры до времени, в детском возрасте например, не отдавать себе отчета в этом, не чувствовать этого непосредственно. Но само существование одаренности, как способности к определенного рода деятельности, является необходимым условием возникновения осознания человеком себя как существа одаренного. Например, музыкальное дарование существует у ребенка раньше, чем он осознает его. О своей способности хорошо запоминать имена или номера телефонов или о своей одаренности человек узнает из осуществления этих способностей, из проявления одаренности. Осознание их как свойств своей личности возникает в результате реализации этих свойств личности в определенных общественных условиях.

Эти примеры показывают, насколько многообразно и разнопланово понимается *я*, как много у него аспектов, насколько разнообразными могут быть подходы к нему. При всем разнообразии сторон этого явления необходимо различать характеристику физических и духовных особенностей личности. Конечно, физическое и духовное в человеке органически слиты. В целях же лучшего понимания этих сторон личности их целесообразно разделить. Правомерность такого разделения оправдывается в известной степени тем, что в процессе индивидуального и исторического развития сознания сначала формировалось представление о физическом

облике человека, а затем возникло осознание себя как думающего, познающего существа.

Представления о физических и духовных сторонах личности возникают на основе восприятия реальных предметов и явлений. Так, ощущения, полученные человеком в процессе его индивидуального развития при помощи зрения, осязания, восприятия собственных движений, образуют основу представлений человека о теле, как чем-то отличным от внешнего мира. Ощущения боли, тепла, холода, голода локализуются в собственном теле, тогда как зрительные, слуховые впечатления вследствие специального устройства органов отражают явления, находящиеся вне человеческого тела. Это обстоятельство обуславливает различие собственного тела от предметов внешнего мира и других тел: у человека возникает представление о своем физическом облике.

Представление о духовной стороне личности возникает у человека тогда, когда осознается факт существования образов предметов, воздействующих ранее на человека. Осознание представлений, как образов, отсутствующих в данное время внешних воздействий, является, следовательно, первичной ступенью в различении психического явления, свойственного человеку, от материального явления, существующего вне человека. Образ дерева — это нечто отличное от самого дерева. Дерево может исчезнуть, а представление о нем надолго сохраняется. Человек, таким образом, замечает, что в нем есть что-то отличное от предметов внешнего мира. Круг явлений, относимых человеком к своему внутреннему миру, резко расширяется с возникновением у человека представлений о существовании у него чувств горя, радости, бодрости, усталости, восхищения и т. д. К этому выводу человек приходит на основе своего многообразного опыта. Кроме того, человек замечает, что вещи изменяются под влиянием его действий, которые направляются его потребностями, стремлениями. Эти потребности, стремления также не похожи на то, с чем сталкивается человек во внешнем мире. Таким образом, наряду с предметами внешнего мира человек обнаруживает, что в нем существуют ощущения, представления, чувства, волевые процессы. Совокупность этих психических процессов составляет внутренний мир человека, духовную сторону его личности.

Как возникает представление об этой совокупности? Что представляет собою самосознание человека? Самосознание — это вид сознания. Подобно сознанию, для него характерна органическая связь переживания и знания, формирующихся и проявляющихся в конкретной деятельности индивида. Подчеркивая положение, что самосознание включает в себе как основное ядро знание, материалистическая психология противостоит идеалистическому представлению о самосознании, как переживании, исходящем из субъекта и направленном на него. Характеристика сознания как отражения вне и независимо от человека существующей объективной действительности противоположна идеалистическому сведению сознания к самосознанию. Всякое самосознание есть сознание, но сознание не есть только самосознание. Сознание как разумное отражение мира в его движении и развитии может осуществляться без осознания человеком самого процесса отражения. Человек может адекватно отразить явления, познать их, правильно реагировать на них, понимая их смысл, т. е. осознавать эти явления, но себя, как познающего субъекта, своей деятельности в ответ на воздействия не осмысливать, иначе говоря, не сознать, не понимать. У человека могут существовать мысли, чувства, побуждения, которые он не понимает, хотя они вызывают его деятельность, хотя человек реагирует на отраженные в этих мыслях и чувствах явления. Все это свидетельствует о том, что сознание и самосознание не являются одним и тем же. Самосознание представляет собой высший вид сознания, для его возникновения и развития необходим определенный уровень сознания. Отождествление сознания и самосознания означает индивидуализацию и субъективизацию сознания в ущерб его объективному содержанию, в том числе и его общественной сущности.

Отличительная особенность самосознания заключается только в том, что объект его и акт его сознания в известной степени совпадают. Однако подчеркивание этой особенности не означает, что объект самосознания является непосредственной данностью субъекта, а самосознание представляет собой вчувствование, самопостижение этой данности. Осознавание себя, своего внутреннего мира возможно лишь путем осознания своей дея-

тельности, своих мыслей как отражения внешнего мира. Прежде чем могло возникнуть осознание своих ощущений, восприятий, мыслей, должны были возникнуть сами эти ощущения, восприятия и мысли, как отражения объективной действительности. В основе выделения человеком себя среди предметов и явлений внешнего мира лежит отражение объективной действительности, самосознание является также результатом отражения деятельности других людей, своей практической и теоретической деятельности.

Самосознанием обладают только люди. Этот вывод следует из представлений о том, что самосознание является видом сознания, а последнее, с нашей точки зрения, является специфической особенностью отражательной деятельности человека. Не обладая сознанием, животные, естественно, не имеют и самосознания. Только у человека возникает сознание себя, самосознание как высшая форма сознания.

Самосознание формируется в процессе исторического развития человека. Это подчеркивал В. И. Ленин, когда он говорил, что инстинктивный человек не выделяет себя из природы, а сознательный выделяет.

Процесс исторического становления самосознания может быть исследован путем изучения продуктов деятельности человека, искусства, языка, в которых выражается уровень познания человеком внешнего мира и осознания им самого себя.

Структура самосознания, закономерности его формирования наиболее отчетливо выявляются при возникновении сознания в детском возрасте. В детском возрасте процесс формирования самосознания может быть предметом наблюдения и экспериментального исследования. Экспериментальное изучение этого процесса, проведенное в советской психологии, исходит из ясных диалектико-материалистических установок. Главная из них заключается в признании того, что самосознание не врождено человеку, а представляет собой продукт его развития в определенных общественно-исторических условиях, является результатом реальных взаимоотношений человека с другими людьми. Самосознание человека — это не только и не столько переживание, непосредственно присущее ему, как это утверждали психологи-идеалисты, а результат познания реальных причин

своих переживаний, действительного процесса своей жизнедеятельности.

Процесс осознания человеком самого себя, начиная с некоторого «самоощущения», возникающего в процессе жизнедеятельности, формируется тем же путем, которым развивается и осознание внешнего мира. Развитие самосознания заключается в переходе от ощущения к представлениям, а от него к мысли. Физическое я ребенка, которое некоторые авторы (В. Штерн и др.) считают изначально присущим человеку и составляющим якобы базу для формирования духовного я, обретается человеком в опыте, подобно любому знанию о внешнем мире. Исходным в формировании представлений человека о самом себе является образование ощущений и многообразных связей между ними. Анализируя эти ощущения и связи между ними, человек встречается сам с собой.

В основе явлений самосознания лежит та же рефлексорная деятельность мозга, с которой физиология и психология имеют дело при изучении познания человеком внешнего мира.

Ценные соображения о формировании самосознания в детском возрасте содержатся в трудах И. М. Сеченова. И. М. Сеченов анализирует на ребенке объективно возникающее различие между зрительными, слуховыми и осязательными ощущениями, получаемыми им при восприятии собственного тела, и зрительными, слуховыми и осязательными ощущениями, получаемыми им при восприятии внешнего мира и других людей. В процессе получения этих ощущений и возникновения различия между ними у ребенка формируется представление я. Вот как И. М. Сеченов описывает этот процесс:

«Ребенок видит, например, свою руку 10 раз в день и столько же раз руку матери.

Чтобы видеть свою руку ясно, ребенок должен поставить ее на определенное расстояние от глаз. Он это и делает путем заученного рефлекса. У него ассоциируется таким образом зрительное ощущение своей руки с ощущением ее движения. Для рассматривания же руки матери такого движения вовсе не нужно, а нужно какое-нибудь другое, например подойти поближе. Пока подобных, различных по содержанию, ассоциаций

мало, ребенок, конечно, не умеет отличать своей руки от материнской. Но с значительным умножением их, при разнообразных условиях, отличительные характеры ассоциаций должны выступать резче и резче — является отделение в сознании двух сходственных предметов. Процесс идет далее: ребенок видит часто игрушку в руке матери и столько же часто в собственной: первое ощущение остается простым, ко второму присоединяется осязательное и мышечное. История снова повторяется тысячи и тысячи раз. Оба акта отделились друг от друга, и в сознании является уже собственная рука с примесью самоощущения»¹.

Экспериментальные исследования показывают, что вначале ребенок обращается с органами своего тела как с предметами внешнего мира, он не только умственно, но и физически еще не отделяет от своего тела некоторых предметов, соприкасающихся с ним². Это вычленение собственного тела из совокупности окружающих предметов осуществляется путем расчленения самой действительности, выделения из совокупности предметов и явлений отдельных предметов в результате деятельности ребенка с этими предметами и путем изменения функций органов своего тела. Например, существенным условием осознания ребенком ножек как своих является превращение их из предметов игровой деятельности в средство деятельности с другими предметами. Переживание собственной деятельности, возникающее в результате ощущения собственного тела, постепенно отделяется от отражения объективных свойств предметов, с которыми сталкивается ребенок. Эти объективные свойства превращаются из причины переживания в объект знания. Объектом познания постепенно становятся и сами переживания.

Фоном, на котором осуществляется у ребенка формирование переживаний, а из переживаний формирование представлений об органах своего тела, являются мышечные ощущения, которые несут на себе, больше чем какие-либо другие ощущения, печать принадлеж-

¹ И. М. Сеченов, Избранные философские и психологические произведения, стр. 131—132.

² См. Б. Г. Ананьев, К постановке проблемы развития детского самосознания, «Известия Академии педагогических наук РСФСР», вып. 18, М. — Л., 1948.

ности определенному субъекту. Для формирования самосознания большое значение имеют также те, по словам И. М. Сеченова, неопределенные темные ощущения, которые сопровождают акты, совершающиеся во внутренних органах.

Эти ощущения примешиваются к любой деятельности человека, к любому акту восприятия им внешнего мира. Будучи постоянно связанными с деятельностью органов чувств, воспринимающих внешние воздействия, эти ощущения являются отражением состояния организма и составляют самоощущение, самочувствие человека. На материальный характер деятельности организма, лежащей в основе образования самочувствия человека, указывают исследования павловской школы, в частности К. М. Быкова и его учеников.

Большую роль в образовании самочувствия человека играет деятельность особых анализаторов, при помощи которых воспринимается и анализируется сложный комплекс явлений, происходящих в самом организме.

В процессе нормальных взаимоотношений с объективной действительностью, при здоровом состоянии внутренних органов, человек не воспринимает отчетливо субъективного фона своей воспринимающей деятельности. Человек обычно не дает дифференцированной характеристики различным состояниям своего самоощущения. Весь сложный комплекс психических явлений, составляющих самочувствие, получает, по словам И. М. Сеченова, родовое обозначение *я*.

Само отделение самочувствия, субъективного оттенка всякой деятельности от объективного содержания этой деятельности не изначально дано человеку, оно является результатом многократного сочетания разнообразных комбинаций объективного и субъективного в любом психическом процессе. «Из детского *самочувствия*, — писал И. М. Сеченов, — родится в зрелом возрасте *самосознание*, дающее человеку возможность относиться к актам собственного сознания критически, т. е. отделять *все свое внутреннее* от всего приходящего извне, анализировать его и сопоставлять (сравнивать) с внешним, — словом, изучать акт собственного сознания»¹.

¹ И. М. Сеченов, Избранные философские и психологические произведения, стр. 504.

Формирование самосознания осуществляется в процессе выделения человеком себя из внешнего мира. Первичной формой этого выделения, заключающегося в формировании представлений человека о своем физическом я, является отграничение человеком внешнего пространства от пространства своего тела, выделение из самочувствия осознания «схемы своего тела». Это выделение осуществляется в процессе конкретного взаимодействия ребенка с предметами, находящимися вне его. Активное оперирование предметами в разных ситуациях способствует осознанию объективных свойств этих предметов, которыми они как бы противостоят человеку (плотность, форма и т. д.), и свойств органов своего тела. Овладению внешним пространством, а через него выделению из этого пространства собственного тела способствует возникающая в конце первого года жизни ребенка способность перемещаться самому относительно предметов. Эта способность дополняет способность ребенка перемещать предметы относительно своего тела. С развитием ребенка эти способности совершенствуются. Способность перемещаться в пространстве возникает с началом ходьбы, способность перемещать предметы развивается с усложнением хватательных движений руки и развитием координации этих движений с показаниями дистантных органов чувств, прежде всего зрения, затем слуха и т. д. Действия с предметами, таким образом, имеют большое значение в процессе выделения человеком самого себя из предметного мира. Решающую роль в этом процессе приобретает предметный характер самой деятельности. Факты показывают, что ребенок отражает первоначально предметы своей деятельности, а затем только свою деятельность с этими предметами¹.

Расширение сферы самосознания происходит за счет отделения ребенком своих действий от себя. Анализируя процесс возникновения представлений о собственных действиях, И. М. Сеченов подчеркивал, что этот процесс осуществляется подобно всякой познавательной деятельности человека, направленной на внеш-

¹ См. Б. Г. Ананьев, К постановке проблемы детского самосознания, «Известия Академии педагогических наук РСФСР», вып. 18, 1948.

ний мир. «Когда ребенок на вопрос: «что делает Петя?» отвечает от себя совершенно правильно, т. е. соответственно действительности: «Петя сидит, играет, бегают», анализ собственной особы ушел уже у него на степень отделения *себя* от своих действий. Что это такое и как это происходит? Ребенок множество раз получает от своего тела сумму самоощущений во время стоянья, сиденья, беганья и пр. В этих суммах, рядом с однородными членами, есть и различные, специально характеризующие стояние, ходьбу и пр. Так как состояния эти очень часто перемежаются друг с другом, то существует тьма условий для их соизмерения в сознании. Продукты последнего и выражаются мыслями: «Петя сидит или ходит». Здесь *Петя* обозначает, конечно, не отвлечение из суммы самоощущений постоянных членов от изменчивых, потому что эта операция удастся плохо даже взрослому, но мысли все-таки соответствует ясное уже и в уме ребенка отделение своего тела от своих действий. Затем, а может быть и одновременно с этим, ребенок начинает отделять в сознании от прочего те ощущения, которые составляют посыл на действия, — ребенок говорит: «Петя хочет есть, хочет гулять» и пр. В первых мыслях выражается безразлично состояние своего тела, как цельное самоощущение; здесь же сознана раздельность уже двух самоощущений... Так как эти состояния могут происходить при сиденьи, при ходьбе и пр., то должно происходить соизмерение и их друг с другом в сознании. В результате выходит, что Петя то чувствует пищевой голод, то гуляльный; то ходит, то бегают: во всех случаях *Петя* является тем общим источником, внутри которого рождаются ощущения и из которого выходят действия»¹.

Отделение человеком своих действий от самого себя предполагает выделение из психических состояний побудительных сил этих действий — мотивов поведения. Последние проявляются прежде всего в желаниях ребенка. Осознание желания, отнесение его к самому себе, осознание действия как способа осуществления этого желания связано с формулированием ребенком

¹ И. М. Сеченов, Избранные философские и психологические произведения, стр. 303—304.

цели своего поступка, со способностью сохранить эту цель и практически реализовать ее. Осознание же своих действий, целей своей деятельности и мотивов своего поведения означает начало формирования духовного я ребенка, начало самосознания личности. Если выделение ребенком своего тела из совокупности окружающих предметов завершается формированием самощущения, самовосприятия и представления о себе, то осознание человеком своих психических свойств, качеств осуществляется в процессе формирования мысли, понятия о я. Процесс самоощущения имеет своей физиологической основой деятельность первой сигнальной системы, формирование же понятия о внутреннем мире человека, его духовное я связано с деятельностью второй сигнальной системы. Вторая сигнальная система является орудием ориентировки человека не только во внешнем мире, но и в себе самом.

Понятийный характер отражения, связанный со второй сигнальной системой, обеспечивает условия возникновения мыслей о собственных поступках, своей психической деятельности. Их возникновение оправдано необходимостью регулирования своего поведения в соответствии с требованиями окружающих условий. Саморегуляция, контроль над своим поведением составляют функцию самосознания, его жизненный смысл и являются отличительными особенностями человека.

Физиологическим механизмом осуществления самосознания, а вследствие этого и саморегуляции и самоконтроля является деятельность второй сигнальной системы. В формировании самосознания человека вторая сигнальная система имеет исключительное значение. Она, во-первых, служит механизмом обобщения данных самощущения, самоощущения. Это обобщение необходимо в процессе формирования понятия я. Во-вторых, и это главное, она служит физиологической основой речи человека. А через речь осуществляется общение человека с другими людьми. Вне связей же человека со средой, и прежде всего с общественной средой, другими людьми невозможно понять формирование его самосознания.

Осознание человеком самого себя путем выделения из среды осуществляется в процессе общественно-практической деятельности человека и восприятия им

самого процесса этой деятельности и ее результатов. Исходным в самосознании является, таким образом, не полагание субъектом самого себя и осознание собственного я, как утверждал Фихте, и не саморазвитие и самозавершение сознания в самосознании, как считал Гегель, а познание реальной жизни и деятельности, практических изменений человеком внешнего мира. При этом имеется в виду отражение воздействий на внешний мир не одного лица, а коллектива, общества, человечества в целом. Следовательно, речь идет не столько о личном, сколько об общественном воздействии человека на природу. Выделение субъекта из среды шло, по всей вероятности, вначале путем различения природы и человеческого общества, а затем путем выделения индивидуума из человеческого рода. В формировании самосознания большое значение имеет осознание человеком своей деятельности, но еще большее значение имеет осознание человеком деятельности других людей, их реальных взаимоотношений с внешним миром. Таким образом, начальным этапом самосознания является не смотрение человека внутрь и постижение своего внутреннего мира, а познание человеком внешнего мира и других людей. Осознавая деятельность людей, воздействующих на внешний мир и изменяющих его, человек приходит к осознанию себя как активного субъекта познавательной и практической деятельности. Следовательно, формирование самосознания начинается не с самоанализа субъекта и перенесения данных этого самоанализа на познание внешнего мира и других людей, а от познания внешнего мира и других людей. Эта мысль ярко выражена Марксом: «В некоторых отношениях человек напоминает товар. Так как он рождается без зеркала в руках и не фихтеанским философом: «Я есмь я», то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку»¹.

Другие люди, с которыми человек постоянно взаимодействует различным образом, отражают его я. Поведение окружающих людей служит отправной точ-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 62.

кой для формирования представлений человека о своем собственном я, соответствующих объективным свойствам и качествам, которыми данная личность обладает.

Отражение себя зависимым от объективного хода вещей и своих связей с другими людьми способствует формированию представлений человека о своих правах, обязанностях, долге. В свою очередь переживание долга, чести, совести составляет нравственную основу чувства я. К самоощущению как переживанию своего физического состояния, к осознанию своей познавательной деятельности присоединяется представление о себе как практически деятельном существе и нравственной личности. Вытекающее из осознания себя как нравственной личности чувство собственного достоинства, а также критическое отношение к своим намерениям и действиям составляют важные элементы самосознания человека.

Центральное положение диалектико-материалистической философии об общественной сущности сознания остается верным и для понимания самосознания личности и подтверждается конкретными экспериментальными психологическими исследованиями. Эти исследования показывают, что наряду с предметным миром, в формировании всех элементов самосознания личности имеют большое значение другие люди, общество в целом. Другие люди выступают главной причиной формирования самосознания личности человека. Например, уже организуя предметную игровую деятельность, взрослые способствуют отделению ребенком внешних предметов от собственного тела, отлучению внешнего пространства от «схемы» тела. Постоянно называя ребенка собственным именем в разных ситуациях, при разных его психических и физических состояниях, взрослые помогают формированию у ребенка осознания своих действий, отделению их от себя и от предметов, на которые они направлены, и способствуют формированию у ребенка понятия я, как устойчивой совокупности действий, желаний и других психических свойств. Подобно формированию понятия любого предмета при его назывании собственное имя ребенка постепенно приобретает свойство обозначать некую устойчивую совокупность его качеств. Из обо-

значения отдельного свойства оно становится обозначением понятия.

Большой интерес представляют экспериментальные исследования, выясняющие роль оценки в формировании самооценки личности, как одной из важных сторон самосознания. Данные этих исследований также наглядно показывают роль общественных условий, окружающих ребенка людей в формировании самосознания личности.

Оценка действий, поступков ребенка способствует ориентировке его в своих побуждениях, потенциальных качествах, которые могут реализоваться при определенных условиях. Их оценка выполняет в процессе воспитания и обучения разные функции. Б. Г. Ананьев особо выделяет ориентирующую и стимулирующую функции оценки. Ориентирующая функция оценки проявляется в том, что оценка способствует осознанию ребенком своих знаний, полученных в процессе обучения. Стимулирующая функция оценки служит условием формирования у ребенка переживаний, связанных с результатами его деятельности, и тем самым выполняет роль побудителя к достижению определенных результатов деятельности¹.

Исследование процесса формирования самосознания путем оценки окружающих и себя показывает, что оценка поступков, качеств других людей у подростков возникает легче и раньше, чем оценка качеств собственной личности². Причем при формировании оценки других людей сначала возникает оценка качеств, связанных с определенными видами деятельности, затем оценка качеств, связанных со взаимоотношениями с другими людьми, и затем оценка качеств, относящихся к личности в целом. О роли оценки ребенка другими людьми в формировании самооценки и самосознания подростка свидетельствуют характерные ответы испытуемых на вопрос экспериментатора: «Откуда ты знаешь о чертах своего характера?», сообщаемые в упо-

¹ См. Б. Г. Ананьев, Психология педагогической оценки, «Государственный имени В. М. Бехтерева институт по изучению мозга», т. IV, Л., 1935.

² См. Г. А. Собиева, Формирование самосознания и самооценки у советских школьников. Диссертация, М., 1953.

минавшейся выше работе Г. А. Собиевой. Подростки отвечают, что они знают о своих качествах от родителей, учителей, товарищей, а затем начинают замечать их у самих себя.

Эта способность замечать соответствующие качества у самого себя, способность самооценки возникает в результате оценки поступков подростка взрослыми, анализа и обобщения наблюдаемого подростком поведения других людей, в котором проявляются соответствующие качества. «Человек познает себя через другого человека лишь в процессе общения и понимания других людей... Если подросток определяет собственные качества, он может это проделывать лишь при условии сравнения, сопоставления себя с другими»¹.

Общественная обусловленность формирования самосознания заключается не только в непосредственном общении людей друг с другом, в их оценочных отношениях, но и в формулировании требований общества, предъявляемых к отдельному человеку, в осознании самих правил взаимоотношения. Предъявление определенных правил поведения, требований к индивиду, взрослому или ребенку, становится необходимой побудительной силой, направляющей анализ собственных психических особенностей².

Определенные требования общества к индивидууму служат источником осознания человеком характера своей деятельности, ее результатов, а благодаря этому осознаются и качества личности человека, которые в известном смысле выступают как причина определенного поступка, как побудительная сила соответствующей деятельности. Самоанализ, отчет человека в своих поступках, которыми сопровождается самосознание, не является реализацией внутренней потребности человека в самоуглублении, самокопании, о которых обычно говорят психологи-идеалисты, а является формой само-

¹ Б. Г. Ананьев, Воспитание характера школьника, Л., 1941, стр. 65, 68.

² См. В. А. Горбачева, К вопросу о формировании оценки и самооценки у детей, «Известия Академии педагогических наук РСФСР», вып. 18, 1948; Т. В. Драгунова, К характеристике некоторых психологических особенностей советских подростков, Диссертация, М., 1951.

регулирования человеком своей деятельности. Самоконтроль, осуществляемый как регулирование познания и переживаний человека, возникающих в предметной деятельности, контроль за результатами этой деятельности в процессе индивидуального развития человека дополняется самоконтролем за поведением на основе соответствующих моральных норм. Наряду с познавательными свойствами личности формируются ее нравственные качества. Если первые возникают как результат отражения прежде всего объективных качеств, свойств вещей предметного мира, то вторые формируются и проявляются во взаимоотношении человека с другими людьми, при осуществлении жизнедеятельности в определенном коллективе.

В процессе общения, совместной деятельности в коллективе самосознание обогащается как путем выделения индивидуума из коллектива, так и путем осознания себя не просто как индивидуума, а как части коллектива. Процесс развития самосознания, начинаясь с осознания человеком своего физического я, возникающего в практических взаимоотношениях человека с предметами объективной действительности, завершается формированием у человека осознания себя как субъекта коллективной деятельности, как части определенного производственного коллектива, как части общества.

Этот процесс выделения индивидуальности из коллектива и осознание человеком себя как части коллектива сопровождается формированием и расширением объема осознания человеком нравственных качеств своей личности. Таким образом, общество в разных формах влияет на формирование самосознания личности. В детском возрасте процесс общественного влияния на формирование самосознания осуществляется в ходе совместной игровой деятельности и учебы детей в дошкольных коллективах или других детских учреждениях. В школе на формирование моральных качеств ребенка наряду с влиянием самих воспитателей большое влияние оказывает коллектив отряда, класса, школы. Высшим уровнем самосознания является осознание человеком себя как субъекта коллективной деятельности, личностью. Этого высшего уровня в своем развитии человек достигает путем осознания себя как

субъекта. Самосознание осуществляется через осознание себя как части класса, школы, общества¹.

«Осознание себя, — пишет А. Л. Шнирман в указанной статье, — как субъекта различных видов своей практической и теоретической деятельности неразрывно сплетено в самосознании человека с осознанием своих отношений к тому коллективу, в котором разворачивается эта деятельность, с осознанием своих обязанностей, своего долга перед коллективом. В связи с этим в развитии самосознания особенно отчетливо выступает *нравственная* его сторона. Вот почему в психологической структуре самосознания мы придаем особенно важное значение представлениям человека о своих правах и обязанностях, чувству долга и ответственности, чести и совести»².

¹ См. А. Л. Шнирман, Формирование отношений к коллективу и развитие самосознания старших школьников, «Известия Академии педагогических наук РСФСР», вып. 18, 1948.

² Там же, стр. 60.

V. ОБ ОСОЗНАННЫХ И НЕОСОЗНАННЫХ ПСИХИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЯХ

1. Существует ли бессознательное?

Понимание природы сознания, его места в системе психических явлений требует определенного ответа на поставленный в истории науки вопрос о соотношении осознанных и неосознанных психических процессов.

Наряду с характеристикой явлений сознания бессознательное стало отдельным предметом исследования.

Проблема бессознательного изучалась и обсуждалась учеными в течение многих десятилетий. К ее решению подходили с разных точек зрения представители разных научных дисциплин, начиная от неврологии, с одной стороны, и кончая философией — с другой. Вопрос о сущности бессознательного был объектом как экспериментальных исследований, так и теоретических изысканий. В отчетливой форме представление о бессознательном выразил Лейбниц в своих представлениях об особом классе «малых перцепций», неапперципируемых восприятий¹. Эти малые бессознательные перцепции в отдельности не замечаются, при суммировании их действия, при соответствующем упорядочении возникает ясное сознательное восприятие или впечатление. В идеалистической концепции Лейбница бессознательные перцепции представляют собой низшую ступень развития врожденного, присущего душе содержания, являясь материалом сознательной дея-

¹ См. Г. В. Лейбниц, Новые опыты о человеческом разуме, Соцэкгиз, М. — Л., 1936.

тельности души, условием развития психической жизни как замкнутого в себе единства.

В истории развития науки представления о бессознательных психических явлениях принимались учеными разных философских направлений, противоположных психологических школ. О бессознательных темных представлениях говорил, например, Кант¹. В философии Шеллинга немалое место занимает идея о бессознательной деятельности².

Среди психологов, в системе взглядов которых отводилось место бессознательному, могут быть названы Герbart, Вундт, Гельмгольц, Цельнер, Бенеке, Фехнер и другие.

Так, Герbart указывал, что существуют представления, которые при определенных условиях не сознаются субъектом. Введением понятия бессознательных представлений Герbart пытался объяснить динамику душевной деятельности. Это было главной задачей его психологии³. Бенеке⁴ полагал, что сознанием сопровождаются только те из представлений, которые обладают высшей степенью интенсивности. По мнению Фехнера⁵, психология не может обойтись без допущения существования бессознательных ощущений. Вундт⁶, Гельмгольц⁷, Цельнер и другие психологи утверждали, что существуют бессознательные умозаключения.

Э. Гартман разработал специальную теорию бессознательного — «философию бессознательного». Определяя ее задачу, Гартман писал, что она должна «исследовать относительно бессознательное и абсолютно бессознательное, причем, следуя индуктивному методу, она должна была, исходя от относительно бессознательного на почве физиологически бессознательного, через абсолютно бессознательную индивидуальную деятельность, возвыситься к метафизически бессознательному

¹ См. И. Кант, Антропология, СПб., 1900.

² См. Ф. В. И. Шеллинг, Система трансцендентального идеализма, Соцэкгиз, Л., 1936.

³ См. И. Ф. Герbart, Психология, СПб., 1895.

⁴ См. F. E. Benecke, Lehrbuch der Psychologie, Berlin, 1833.

⁵ См. G. T. Fechner, Elemente der Psychophysik, 3 Aufl., Leipzig, 1907.

⁶ См. В. Вундт, Лекции о душе человека и животных, СПб., 1894.

⁷ См. Г. Гельмгольц, Популярные речи, ч. II, СПб., 1897.

в смысле функционального и субстанционального момента»¹.

Для философии бессознательного Гартмана важно подчеркивание существования бессознательного в последнем, как сам Гартман говорил, метафизическом значении. Признание существования бессознательного в этом смысле означает признание существования бессознательного абсолютного духа или бессознательного субъекта, иначе говоря, утверждение существования субстанциального носителя бессознательной абсолютной деятельности. Само бессознательное превращается в субстанцию, по отношению к которой все остальное является только ее акциденциями, атрибутами или модусами. «Преобразование прилагательного в существительное или субъективация предиката в выражении «бессознательное» получает благодаря этому более чем только грамматическое, но и фактическое значение. Бессознательный субъект с бессознательной деятельностью является тем тождественным третьим, которого последователи философии тождества в психофизическом параллелизме ищут позади материального явления и явления сознательно-психического, оставляя его, однако, совершенно неопределенным, хотя и ясно, что тождественное *третье* может существовать только тогда, когда оно *отличается* от *обеих* форм своего проявления, а следовательно, не является ни материальным, ни сознательно-психическим, т. е. когда оно есть нематериальное бессознательное»².

Однако подобное философское обоснование существования бессознательного не смогло устранить противоречия между разным пониманием бессознательного в системах отдельных психологов, у представителей разных психологических школ. Само психологическое понятие бессознательного часто приобретает разный смысл.

Несмотря на противоречия между психологами и философами, признающими существование бессознательного, на противодействие мнению о бессознательном со стороны ряда таких крупных психологов, как Лотце, Бэн, Спенсер и другие, концепции бессозна-

¹ Э. Гартман, К понятию бессознательного, «Новые идеи в философии», Сборник 15, СПб, 1914, стр. 22.

² Там же, стр. 19—20.

тельных психических явлений получили в конце XIX в. широкое распространение. Для философии этот период был периодом господства идеалистических направлений.

Концепция бессознательного в философии дополнялась теориями естествоиспытателей. Работы Рибо, Жанэ, Принса проложили путь к изучению глубин психической жизни, ее бессознательных состояний¹.

Сугубое внимание к бессознательному было уделено в системе фрейдовского психоанализа. Подобно Гартману в философии, Фрейд в психологии в центр своей разработки поставил концепцию бессознательного. Если первый был создателем идеалистической «философии бессознательного», то второй являлся апостолом идеалистической теории бессознательного в психологии. Фрейд говорил, что понятие бессознательного стучалось в двери психологии, что философия и психология нередко заигрывали с ним, но наука не могла найти для него применения. Психоанализ будто бы подхватил это понятие, всерьез его принял и придал ему новое содержание.

Психоанализ как основная концепция бессознательного является в настоящее время одним из самых распространенных идеалистических направлений психологии. Центром психоанализа, или, как его называют, «психологии бессознательного», являются США. Психология бессознательного, о котором мы якобы не осведомлены, но которое оказывает решающее влияние на поведение человека, перестала быть в США просто одной из психологических концепций, она вторглась в социальные науки, в различные области искусства, особенно в литературу. Большинство практиков врачей-психиатров находятся под ее влиянием. Один из критиков фрейдизма в США А. Старр остроумно замечает, что в кругах буржуазной интеллигенции говорят о своем «бессознательном» в такой же прозаической манере, как если бы они говорили о деятельности своего сердца или желудка².

¹ См. «Подсознательное»: статьи Гуго Мюнстерберга, Теодора Рибо, Пьера Жанэ, Мортон Принса, «Новые идеи в философии», Сборник 15, СПб., 1914.

² См. А. Starr, *Psychoanalysis and the Fiction of the Unconscious*, «Science and Society», vol. XV, N 2, 1951.

Перемещение центра психоанализа из Европы в США и широкое распространение психоаналитических теорий бессознательного объясняется глубокими социальными причинами. В период всеобщего кризиса капитализма правящий класс использует все способы, чтобы принизить разум. Борьба против разума, против растущего сознания широких трудящихся масс такими вопиющими средствами, как сжигание книг, контроль над школами и университетами, соединяется с более утонченной идеологической борьбой в форме пропаганды бессознательного. Главная цель этой пропаганды состоит в том, чтобы, умаляя роль разума, объяснить противоречия современного общества, жизненные невзгоды при помощи стихийных биологических сил, якобы присущих природе человека. Источником беспокойства, коллизий, объявляются не внешние условия, а внутренний мир человека, его психика, его врожденные биологические особенности. Описывая бессознательное как нечто «анархичное», «хаотическое», «дьявольское», представители «психологии бессознательного» явно заимствуют эти определения из характерных черт самого капитализма в последней стадии его развития с его хаосом, анархией, кризисами и безработицей.

В психологии бессознательного отразился пессимизм, растущий цинизм, мистицизм идеологии буржуазного мира, общая иррациональность буржуазной жизни, неспособность теоретиков капитализма понять действительные движущие силы общественного развития.

Концепция бессознательного составляет ядро психоаналитической теории Фрейда. Центральное место эта концепция занимает и в построениях учеников и последователей Фрейда и в настоящее время. Лишь беглого взгляда на фрейдистскую литературу достаточно, чтобы убедиться, что это действительно так¹.

Большинство представителей психоаналитического направления придерживается фрейдовской концепции «бессознательного» как совокупности подавленных инстинктивных побуждений, определяющих поведение

¹ См. O. Fenichel, *The Psychoanalytic Theory of Neurosis*, New York, 1945.

людей, влияющих на устройство их общественных учреждений. Многие из учеников и последователей Фрейда считают величайшим вкладом в науку¹ положение Фрейда о том, что большая часть психической деятельности человека бессознательна и она-то и определяет всю жизнедеятельность человека.

И те психоаналитики, которые подчеркивают влияние факторов культуры на поведение человека, по существу в своих концепциях сохраняют основным содержанием психики «бессознательное» Фрейда. В ряде случаев бессознательное приобретает лишь другое наименование. Для К. Хорни основная движущая сила поведения заложена в ребенке как чувство беспомощности перед потенциально враждебным миром. Это чувство бессознательно. Оно не изменяется в процессе развития человека. При соответствующих условиях это чувство становится динамической силой возникновения невротических симптомов и определяет характерные особенности человека². Фромм считает, что человеческая природа находится под влиянием культуры, но определяющие жизненный путь личности противоречия, дихотомии коренятся в самом существе человека, иными словами, это та же фрейдовская концепция бессознательных мотиваций. Эти противоречия человек не может отменить, он может лишь соответствующим образом на них отреагировать в зависимости от влияния тех или иных культурных факторов³. Сознательные и бессознательные силы детерминируют нормальное и невротическое поведение личности⁴. Практический вывод, вытекающий из принятия концепции бессознательного в медицине, сводится к необходимости содействовать проникновению в сознание первоначально подавленных духовных сил⁵.

¹ См. *C. Thompson, Psychoanalysis, Evolution and Development*, London, 1952, p. 78; *F. Alexander, Development of the Fundamental Concepts of Psychoanalysis*, «Dynamic Psychiatry», Ed. by F. Alexander and Helen Ross, Chicago, 1952, p. 3.

² См. *K. Horney, Neurosis and Human Growth*, New York, 1950.

³ См. *E. Fromm, Escape from Freedom*, New York, Toronto, 1941.

⁴ См. *E. Hilgard, L. Kubie, E. Pumpian-Mindlin, Psychoanalysis as Science*, New York, 1956.

⁵ См. *F. Fromm-Reichmann, Principles of Intensive Psychotherapy*, Chicago, 1950.

Поскольку существенные черты психологии бессознательного сохранились в теориях учеников и последователей Фрейда — неофрейдистов, а психология бессознательного Фрейда является одним из самых распространенных и реакционных направлений современной психологии, то для позитивного понимания психических явлений необходимо дать краткую характеристику этой концепции бессознательного, как она сформулирована и развита основателем психоанализа З. Фрейдом. Концепция бессознательного возникла не в результате широких экспериментальных исследований, она является не выводом, а постулатом психоаналитической теории. Деление психики на сознательное и бессознательное является основной предпосылкой психоанализа¹, тем фундаментом, на котором воздвигнуто громоздкое здание фрейдизма. Понятие бессознательного наряду с понятиями инстинкта и комплексов является основным понятием фрейдизма. При помощи понятия бессознательного Фрейд пытался раскрыть динамику душевной жизни. Признавая существование напряженных душевных состояний, Фрейд считал, что в психике человека существует большое количество психических образований, которые не становятся сознательными, потому что превращению бессознательного в сознательное противодействует определенная сила. Задача психоаналитической техники и заключается в том, чтобы найти средства, с помощью которых можно было бы устранить эту противодействующую силу и довести соответствующие представления до сознания. Состояние, в котором эти представления находились до осознания, Фрейд назвал вытесненным, а сила, приводящая к вытеснению, характеризовалась в психоанализе как сопротивление. Вытеснение, по мнению Фрейда, характерно для динамики душевной жизни. Вытесненное рассматривалось как типичный пример бессознательного. Процесс вытеснения и сопротивление сами осуществляются будто бы бессознательно. Вытесненное бессознательное содержание составляет ядро психики человека².

¹ См. S. Freud, Das Ich und das Über-Ich (Ichideal), «Gesammelte Werke», B. 13, London, 1947.

² См. S. Freud, Jenseits des Lustprinzips, «Gesammelte Werke», B. 13.

Поставив вопрос о том, каковы силы и условия вытеснения психических содержаний, импульсов к действию в бессознательное, Фрейд отвечает следующим образом: вытеснению подлежит какое-нибудь желание, которое резко противоречит другим желаниям индивида, желание несовместимое с этическими и эстетическими взглядами личности. Представление, которое возникло в сознании как носитель этого несовместимого желания, в результате конфликта, внутренней борьбы подпадает под вытеснение и вместе с относящимися к нему воспоминаниями устраняется из сознания, забывается. Несовместимость соответствующего представления с установками человека является мотивом вытеснения; моральные принципы индивида осуществляют вытеснение, представляя собою вытесняющие силы. Материалом вытеснения являются преимущественно сексуальные желания и вся психическая деятельность, связанная с осуществлением этих желаний¹. Справедливо замечает А. Солтер, что новым содержанием, которое внес психоанализ в теорию бессознательных психических явлений, является зависть к penis'у, комплекс кастрации, каннибализм и эдиповский комплекс. Следовательно, одной из особенностей психоаналитической концепции бессознательного является его сексуализация². Вся сложная система психоаналитических изысканий З. Фрейда, начиная от толкования сновидений, анализа оговорок, описок, забывания имен, названий до характеристики литературного и иного творчества, пронизывается этой идеей.

На тесную связь понятия бессознательного с изучением закономерностей динамики душевной жизни, в частности с процессом вытеснения и сопротивления, указывает разделение Фрейдом неосознанных явлений психики на предсознательные и бессознательные. Разделение неосознанного на две системы — бессознательного и предсознательного отличает концепцию Фрейда от существовавших до него теорий психологов, рассма-

¹ См. З. Фрейд, О психоанализе, М., 1913, стр. 40; З. Фрейд, Основные психологические теории в психоанализе, М. — Пг., 1923, стр. 140. 141.

² См. А. Salter, The Case against Psychoanalysis, London, New York, Toronto etc., 1953, p. 26, 27.

тривающих бессознательное лишь в системе его взаимоотношений с сознанием. Весь смысл фрейдовского разделения сводится к тому, чтобы подчеркнуть своеобразие бессознательного, замкнутость этой системы. Предсознательное, с точки зрения Фрейда, это такое содержание сознания, которое способно стать сознательным. Бессознательное же представляет собой вытесненное, которое само по себе без дальнейшей специальной психоаналитической работы не может стать сознательным. Бессознательное является не просто качеством психических явлений, а особой системой психической деятельности, своеобразной силой, которая меняет все поведение человека, всю его психику, включая и сознание.

Выделение бессознательного в специальную систему привело Фрейда к своеобразному представлению о строении личности¹. Личность, по мнению Фрейда, разделена на «Оно», «Я» и «Сверх-я». Большую часть «Оно» составляют влечения, вытесненные желания. «Оно» — это система бессознательного. Влечения, существующие в бессознательном, не координированы друг с другом, они существуют рядом, но друг с другом не связаны. В системе бессознательного нет отрицания, нет сомнения, противоречий. К особым свойствам системы бессознательного, по Фрейду, относится то, что бессознательное существует вне времени, его содержания не распределены во временной последовательности, с течением времени они не меняются. Процессы, протекающие в бессознательном, не имеют отношения и к реальности. Они подчинены лишь принципу наслаждения. Их ценность для индивида, их природа зависят только от того, насколько они сильны и отвечают ли они требованиям регулирования наслаждения. Принцип удовольствия и неудовольствия Фрейд в последних своих работах заменил борьбой инстинктов жизни и смерти. Подводя итог характеристике особых свойств бессознательного, Фрейд писал: «...отсутствие противоречия, первичный процесс (подвижность активной силы), течение вне времени и замена внешней реально-

¹ См. S. Freud, Das Ich und das Es, «Gesammelte Werke», B. 13; З. Фрейд, Толкование сновидений, М., 1913, стр. 443—444.

сти психической — таковы признаки, которые мы можем найти в процессах, относящихся к системе *Ubw*»¹.

Подчеркивая, что бессознательное является истинно психическим, Фрейд откровенно заявляет, что оно нам также неизвестно по своей сущности, как неизвестен и реальный внешний мир. Подобно ограниченной области внешнего мира, которая познается при помощи органов чувств, также незначительна та часть бессознательного, которая открывается человеку, например, в сновидениях.

Замкнутая система бессознательного, до предела мистифицированная Фрейдом, в системе психоаналитической теории представляет собой не что иное, как душу, как носителя психического, принятого во всех идеалистических направлениях психологии. Из области мистического бессознательного, существующего вне времени и не связанного с реальностью, что-то проникает в сознание, если счастье ему благоприятствует, а затем снова погружается в мистическое хранилище всех влечений и побуждений.

Очевидный идеализм концепции бессознательного в психоанализе сочетается с метафизикой. Бессознательное представляет собой врожденное обиталище духовных ценностей, оно не развивается с развитием человека.

В литературе существует представление, что именно Фрейду принадлежит приоритет в открытии бессознательных психических явлений. В действительности дело обстоит иначе: о существовании бессознательных психических явлений было известно и до Фрейда, о них не раз говорилось и писалось. Фрейд набросил на бессознательные явления покров таинственности. Он не открыл их, а завуалировал, мистифицировал.

Правильно характеризуя содержание фрейдовской концепции бессознательного, ряд исследователей ставит вопрос о том, следует ли вообще заниматься проблемой бессознательного, говорить о бессознательном, существуют ли такие психические явления, которые не были бы одновременно и явлениями сознания. Отрицательная оценка психоаналитической теории бессозна-

¹ З. Фрейд, Основные психологические теории в психоанализе, стр. 145.

тельного приводит к дискуссии по поводу самого факта существования бессознательных психических явлений¹.

Вопрос о существовании бессознательных психических явлений поднимается и вне связи с оценкой психоаналитической концепции. Он с необходимостью возникает всякий раз, как только исследователь берется за анализ специфических особенностей отражения человеком внешнего мира. Ряд философов считает, что понятия психического и сознательного тождественны и что о существовании бессознательных психических явлений говорить бессмысленно.

Для большинства психологов-марксистов задача заключается не в том, чтобы констатировать существование бессознательных, лучше сказать, неосознанных, психических явлений и подтвердить теоретическое положение о неполном совпадении понятий сознания и психики, а в том, чтобы дать марксистскую диалектико-материалистическую трактовку тем очевидным фактам, когда человек не осознает своих влечений, мотивов поведения своей деятельности как индивида, не говоря уже о том, что он часто не осознает, не понимает своей деятельности как член общества. Реально вопрос формулируется следующим образом: какие состояния психики можно характеризовать как явление неосознанного отражения и при каких условиях осуществляется процесс осознания содержания психического отражения? В своей интерпретации неосознанных психических явлений материалистическая психология противостоит психоаналитической концепции бессознательного. Естественнонаучную основу для понимания характера как осознанных, так и неосознанных психических явлений составляет павловское учение о высшей нервной деятельности. В настоящее время есть немало сторонников Фрейда, которые пытаются доказать, что между Павловым и Фрейдом нет принципиальных разногласий и задача дальнейшего развития научной теории заклю-

¹ См. дискуссию: *A. Starr*, *Psychoanalysis and the Fiction of the Unconscious*, «Science and Society», vol. XV, N 2, 1951; *M. Lane*, *The Conscious and Unconscious in Human Behavior*, «Science and Society», vol. XV, N 4, 1951; *F. Bartlett*, *Marxism and the Psychoanalytic Theory of the Unconscious*, «Science and Society», vol. XVI, N 1, 1951—1952.

чается в объединении фрейдовской концепции с учением И. П. Павлова. В частности, это относится и к обсуждению вопроса о бессознательном. Поскольку И. П. Павлов признает существование неосознанных психических явлений, постольку якобы нет необходимости считать, что психоаналитические представления противоположны павловским взглядам на эту проблему¹.

То, что И. П. Павлов признавал существование бессознательных психических явлений, — это факт. «Мы отлично знаем, — писал он, — до какой степени душевная, психическая жизнь пестро складывается из сознательного и бессознательного»². Но этот факт не дает основания для утверждения о единстве взглядов Фрейда и Павлова на природу психических явлений. Принципиальное различие заключается в понимании связи психических явлений с внешним миром и в характеристике нейрофизиологической основы сознательных и бессознательных явлений.

Фрейдисты не устают повторять, что одной из главных заслуг Фрейда является провозглашение и последовательное проведение им принципа детерминизма. Действительно, Фрейд считал, что всякий поступок, любой акт деятельности строго детерминирован. Но детерминирован он не воздействиями внешней среды, не объективным миром, а системой бессознательного. Бессознательное из предмета объяснения становится объяснительным принципом, своеобразным ключом, с помощью которого открываются тайны сознания. Но этот ключ сам является в высшей степени таинственным. Детерминирующей силой объявляются психические явления. Причинно-следственные отношения существуют как отношения разных сторон психического, в пределах психического. Человек в конечном счете рассматривается как замкнутая система, в которой реализуются

¹ См. дискуссию в журнале «Monthly Review» по поводу статьи Д. Федотова «О взглядах советской науки на психоанализ»: *D. Fedotov, The Soviet View on Psychoanalysis*, «Monthly Review», vol. 9, № 8, 1957; *N. Reider, A Psychoanalyst Replies*, «Monthly Review»; vol. 9, № 8, 1957; *L. Kubie, Pavlov, Freud and Soviet Psychology*, «Monthly Review», vol. 9, № 11, 1958.

² И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, изд. 2, т. III, кн. 1, стр. 105.

заложенные от рождения силы — бессознательные инстинкты, вытесненные импульсы к действию.

Павловское понимание детерминизма исходит из признания постоянной связи организма с условиями существования. Психическое является одной из форм этой связи. Причинно-следственные отношения объединяют систему воздействий внешней среды с системой отражения этих воздействий. Психическое, будь оно осознанным или неосознанным, не является чем-то само себя определяющим, замкнутым, а представляет собой отражение объективной действительности.

2. Осознанность и неосознанность — качества психического отражения

Осознанное или неосознанное не представляют собой замкнутых, отгороженных друг от друга психических систем, принципиально отличающихся друг от друга. Осознанность и неосознанность являются качествами психического отражения человека. Определение осознанности и неосознанности как качеств психического отражения человека с необходимостью приводит к выводу, что понятия сознательного и бессознательного относятся лишь к характеристике психических явлений.

Ряд теоретиков бессознательное считают свойством объектов неорганической природы, «не способных к сознанию». Не способным к сознанию является якобы только то, что не может иметь его по самой своей природе. С этой точки зрения бессознательным является движение камня при падении, притяжение железа к куску магнита и т. д. В данном случае понятие бессознательного употребляется как синоним понятию неодушевленного, непсихического. Придерживаясь положения о неосознанности и осознанности как качеств психического отражения человеком объективной действительности, мы полагаем, что подобное расширительное толкование бессознательного не основательно.

Нам представляется неправильным употребление понятия бессознательного для характеристики форм непсихического отражения. Из отождествления бессоз-

знательного с любой формой реакции в природе с неизбежностью возникает представление о существовании метафизического бессознательного в том смысле, как его понимал Гартман (см. выше, стр. 279). Существование бессознательного предполагает актуальное или потенциальное существование сознательного у человека. Бессознательное это то, что еще не осознано им, или то, что в определенное время при соответствующих условиях было осознанным, но при изменении этих условий перестало осознаваться. Для марксистской философии характерно отрицание существования какого бы то ни было психического состояния вне реально действующих органических существ. Бессознательного как формы психического состояния не существует вне отношений организма с условиями существования, вне отражения объективных воздействий на органы чувств человека.

Понимание неосознанности и осознанности как качеств психического отражения дает возможность ответить на вопрос о характере соотношения физиологического и психического, обсуждаемого в связи с определением сущности бессознательного. Последовательное проведение представления о том, что бессознательное является качеством психического отражения, с необходимостью требует рассмотрения и тех состояний органической материи, которые могут характеризоваться как явления бессознательного отражения. Само по себе строение органической материи не предполагает существования психического, таким образом, не оно является носителем сознательного или бессознательного. Следовательно, эти категории неприменимы к характеристике анатомической структуры организмов на разных уровнях их развития. В реальном процессе жизнедеятельности организмов возникают специфически биологические связи, в основе которых лежит процесс обмена веществ. Обмен веществ осуществляется благодаря определенным физиологическим процессам. Анатомическая структура соответствующим образом функционирует. Это функционирование (физиологические процессы) осуществляется как чисто материальный процесс, без всякой примеси психического. Отсюда, очевидно, следует, что понятие бессознательного неприменимо не только к характеристике неорганической природы,

но оно может быть применимо к характеристике не всякой и физиологической деятельности организма. Целесообразность деятельности желудка, печени, сердца и других внутренних органов является результатом биологических закономерностей, никакой психической деятельности она не порождает, осуществляется без ее вмешательства. Свойством психического отражения обладает лишь нервная система. Но не всякая деятельность и нервной системы есть деятельность психическая. Известно, что нервная система осуществляет регулирующую и координирующую деятельность всех тканей и органов организма. Эта низшая нервная деятельность, по определению И. П. Павлова, не обладает свойством психического отражения. Последнее возникает в результате осуществления нервной системой связей организма со средой.

Основными формами связи организма со средой являются безусловные и условные рефлексы. Свойство же осознанности или неосознанности отражения относится только к условным рефлексам. Безусловные рефлексы не выполняют функции психического, им свойство осознанного и неосознанного отражения не присуще. Механизмом психического отражения в форме осознанного и неосознанного является условно-рефлекторная деятельность.

Фрейдистская концепция бессознательного построена на представлении о том, что главной формой бессознательной психики являются инстинкты. Для Фрейда бессознательное является местом обитания таинственных эдиповских комплексов, каннибалистических побуждений, инстинктов смерти и гомосексуальных желаний. Все инстинкты и связанные с ними влечения Фрейд разделяет на две враждебные и противоположные группы. Первая группа охватывает влечения «эго», инстинкты смерти, агрессии, разрушения; ко второй — относятся половые инстинкты, инстинкты жизни. Последние, по мнению Фрейда, являются инстинктами «эроса». Для первой группы характерны тенденции, толкающие человеческий организм к возврату в животное состояние, даже в состояние неорганической материи. Конкретным проявлением инстинкта смерти является садизм, мазохизм, для которых характерны агрессивные, насильственные действия, направленные

на других людей или на самих себя. Проявлением инстинкта жизни является эротическая любовь. Инстинкты обладают таким мощным зарядом психической энергии, что, несмотря на строгую цензуру со стороны сознания, они проникают в него в искаженной символизированной форме в виде сновидений, описок, оговорок, психопатологических симптомов.

Обладая такой зарядкой, инстинкты, являясь по существу неизменными, определяют якобы как жизнь отдельного человека, так и формы и условия развития общества. Метафизичность концепции Фрейда в понимании природы инстинктов и их места в жизнедеятельности человека проявляется со всей очевидностью.

В связи с интересующим нас вопросом важно то, что в концепции Фрейда инстинкты, будучи врожденными, представляют собой явления психические. И именно это психическое является бессознательным. Для Фрейда безразлична физиологическая характеристика любого психического явления, в том числе и инстинкта. Более того, Фрейд говорил о том, что о физиологии нервной системы ничего неизвестно и вряд ли будет что-нибудь известно. Инстинкты в концепции Фрейда изображены как некоторые психические образования, стоящие над всякой физиологической деятельностью. Правда, ради наглядности Фрейд схематически помещал инстинкты в определенное место нервной системы, не совпадающее с локализацией сознания. Это требовалось Фрейду больше для наглядного пространственного символического изображения структуры личности, чем было необходимо для раскрытия природных основ инстинктов. Итак, инстинкт человека в психоаналитической системе Фрейда — это психическая бессознательная побудительная сила поведения.

Противоположная концепция инстинктов создана павловской физиологией высшей нервной деятельности. С точки зрения И. П. Павлова, а с этой точкой зрения в настоящее время согласно большинство физиологов и психологов, инстинкты представляют собой сложную цепь безусловных рефлексов. Безусловный рефлекс как единичный акт деятельности живого организма не обладает свойством психического отражения. В этом отношении нельзя согласиться с положением М. А. Усневича о том, что «всякий безусловный рефлекс имеет

корковое представительство и, стало быть, не может не сознаваться»¹. Отражаемые в безусловном рефлексе свойства внешних воздействий играют не ориентирующую, сигнальную роль в поведении, что характерно для психического отражения, а служат причиной постоянных врожденных ответов организма. Свойства эти непосредственно или полезны или вредны организму. Отражение их носит физиологический характер. Ничего психического во врожденной деятельности организма не возникает и тогда, когда отдельные безусловные рефлексы объединяются в сложную цепь, образуя инстинкты. Соединение отдельных рефлексов в цепь рефлексов не дает нового качества отражения. Инстинкты, будучи физиологической, а не психической деятельностью, не порождают тем самым сознательных или бессознательных явлений. Категория бессознательного к чистым инстинктам неприменима, как неприменима она и к характеристике физиологических процессов в тканях и органах организма или физиохимических процессов в неорганической природе.

Характеристика состояния как сознательного и бессознательного может быть дана лишь процессам, связанным с психическим отражением. Такими процессами является условно-рефлекторная деятельность нервной системы.

Характеризуя условно-рефлекторные связи как физиологический механизм осознанности и неосознанности, как качеств психических явлений, мы касались лишь одной стороны вопроса об осознанных и неосознанных процессах. Не менее важным является содержание отражения, которое влияет на его качественные особенности, определяет осознанность или неосознанность его. Если об инстинктах со всей категоричностью было сказано, что они не являются механизмом психического отражения в какой-либо его форме, то предметом отражения как вид деятельности организма на определенные внешние раздражители они могут быть. Это отражение инстинктов может быть как осознанным, так и неосознанным. Таким образом, сам инстинкт как цепь безусловных рефлексов и воз-

¹ М. А. Усиевич, Письмо в редакцию, «Журнал высшей нервной деятельности», т. VIII, вып. 5, изд-во Академии наук СССР, М., 1958.

действие, вызвавшее его, может быть предметом отражения, но механизмом этого отражения уже является условно-рефлекторная деятельность. Сами по себе инстинкты ни сознательны, ни бессознательны. Но отражение их человеком может быть осознанным или неосознанным.

Когда речь идет о том, что условно-рефлекторная деятельность есть деятельность психическая, то имеется в виду, что сознание не есть сама себя созерцающая сущность. Для материалистической психологии чужда идея о замкнутой системе как осознанных, так и неосознанных психических явлений. И те и другие являются формой психического отражения объективной, вне субъекта существующей действительности. При условно-рефлекторной деятельности мозга предметом осознания является не динамика процессов возбуждения и торможения, лежащая в основе этого механизма, а внешнее воздействие, вызвавшее эту динамику. На эту особенность обращал внимание еще И. М. Сеченов, характеризуя деятельность высших органов чувств, ближе всего связанных с процессом осознания действительности. «Другую отличительную особенность высших органов чувств, — писал он, — составляет то, что даваемые ими ощущения не имеют такого субъективного характера, как, например, боль или голод, а относятся сознанием наружу к произведшим их причинам, объективируются»¹.

Не осознается не только динамика внутримозговых нервных процессов, но и физиологические процессы в самом воспринимающем органе. Например, при ощупывании предмета осознаются не физико-химические процессы, происходящие в нервных окончаниях пальцев руки, а характер поверхности ощупываемого предмета, сила сопротивления материала, из которого он сделан, форма предмета, температура его поверхности. При зрительном восприятии осознаются не физико-химические процессы сетчатки глаза, не процесс проведения нервных импульсов от сетчатки по зрительному нерву в теменную область коры больших полушарий головного мозга, а объективные воздействия на орган зрения.

¹ И. М. Сеченов, Физиологические очерки, ч. II, М. — Пг., 1923, стр. 75—76.

Было бы, однако, неправильно думать, что импульсы от органов тела, внутренних органов чувств и органов движения не могут стать предметом психического отражения в осознанной или неосознанной форме. Недаром проблема интерорецепции нередко обсуждается как имеющая непосредственное значение для психологии бессознательного. «Наряду с восприятиями из внешнего мира человек беспрерывно получает впечатления от собственного тела, — писал И. М. Сеченов. — Одни из них воспринимаются обычными путями (собственный голос — слухом, формы тела — глазом и осязанием), а другие идут, так сказать, изнутри тела и являются в сознании в виде очень неопределенных темных чувствований. Ощущения последнего рода суть спутники процессов, совершающихся во всех главных анатомических системах тела (голод, жажда, чувство благосостояния, усталость и пр.), и справедливо называются системными чувствами. Сопутствуя актам, непрерывно происходящим в теле, они должны постоянно наполнять сознание человека, и если мы не всегда чувствуем их присутствие здесь, то только благодаря их крайней бледности сравнительно с продуктами деятельности высших органов чувств. Стоит, однако, какому-нибудь системному ощущению мало-мальски подняться из-за обычного уровня, и оно становится в сознании если не преобладающим, то равноправным членом проходящего в данную минуту ассоциированного ряда»¹.

В павловской физиологии мысли И. М. Сеченова об интерорецепции и ее роли в жизнедеятельности организмов были приняты, экспериментально проверены и развиты дальше. По мнению И. П. Павлова, импульсы от внутренних органов поступают в нервную систему, высший отдел которой держит в своем ведении все явления, происходящие в теле. В коре головного мозга, указывал И. П. Павлов, вместе с грандиозным представительством внешнего мира имеет место широкое представительство внутренней среды организма: состояние органов и тканей, их работа, внутренние органические процессы. В связи с затронутым вопросом об отношении интерорецепции к явлениям психического отражения важно указать на положение И. П. Павлова о том,

¹ И. М. Сеченов, Избранные философские и психологические произведения, стр. 502.

что любое состояние нервных клеток может стать условным раздражителем: вступить во временную связь с деятельностями организма. «На большие полушария, — писал И. П. Павлов, — непрерывно падают бесчисленные раздражения как из внешнего мира, так и из внутренней среды самого организма... А из каждого отдельного состояния корковых клеток (а этих состояний, следовательно, тоже бесчисленное множество) может образоваться особый условный раздражитель»¹.

Экспериментальному исследованию в павловской физиологии подвергались обе стороны взаимной связи коры и внутренних органов: влияние импульсов с внутренних органов на поведение организмов и роль коры головного мозга, устанавливающей связи организма со средой, в деятельности внутренних органов. Почти во всех внутренних органах обнаружены специальные чувствительные образования для восприятия специфических и неспецифических раздражителей внутренней среды организма, воздействующей на соответствующий внутренний орган. Первичное различение этих воздействий осуществляется в рамках раздражимости, и механизмом ее является безусловно-рефлекторная деятельность. Но это различение может включаться в сложную систему поведения человека, в связи с тем что над каждым безусловным рефлексом надстраивается масса условных рефлексов. Более того, интерорецептивные импульсы, как показали многочисленные исследования К. М. Быкова, Э. Ш. Айрапетьянца и др., могут быть не только возбудителями безусловно-рефлекторной деятельности, но и стать условными раздражителями. Условные рефлексы удалось получить, раздражая почти все внутренние органы². Эти авторы справедливо замечают, что изучение интерорецептивной деятельности имеет большое значение для понимания той области психического, которая была в монопольном владении идеалистической психологии бессознательного.

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, изд. 2, т. III, кн. 2, стр. 229.

² См. К. М. Быков, Кора головного мозга и внутренние органы, изд. 2, Медгиз, М. — Л., 1947; Э. Ш. Айрапетянц, Высшая нервная деятельность и рецепторы внутренних органов, изд-во Академии наук СССР, М. — Л., 1952.

Интерорецептивные импульсы, постоянно вызывающие ответные безусловные реакции организма, прежде всего деятельность того же органа, не выполняют сигнальной роли, не отражаются в психической форме. Те же импульсации, идущие с внутренних органов, которые становятся сигналами безусловных реакций других органов, отражаются в психической форме. По своему физиологическому механизму это отражение ничем не отличается от отражения воздействия предметов и явлений на экстерорецепторы. «Важным обстоятельством, — писал К. М. Быков, — при этом следует считать точно установленные факты, что раздражения внутренних органов способны превратиться в условный рефлекс, а по природе эти внутренние (интерорецептивные) условные рефлексы принципиально тождественны с теми, которые открыл Павлов в отношении внешних для организма раздражений»¹. Это положение К. М. Быкова подверглось критике. В частности, на Объединенной сессии двух академий, выступая в прениях, Г. В. Гершуни говорил: «В докладе Константина Михайловича говорится о принципиальной тождественности условных рефлексов с интерорецептивных и экстерорецептивных поверхностей; что понимается под этой тождественностью? То, что и тут и там идет речь об образовании временных связей, это несомненно. И это чрезвычайно важно. Но вместе с тем нельзя же себе представить, что возможности синтетической и аналитической работы зрительного и слухового анализатора, которые еще Сеченов рассматривал «как орудия общения организма с внешним предметным миром», тождественны с интерорецептивным анализатором. Ведь нельзя же отрицать тот очевидный факт, что если какой-либо предмет будет наложен на интерорецептивную поверхность, при этом не возникнет его предметного отражения, а возникнут лишь темные ощущения»². Бесспорна, конечно, разница в характере отражения воздействия на интерорецепторы и экстерорецепторы. Хотя

¹ «Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова, 28 июня — 4 июля 1950 г., Стенографический отчет», изд-во Академии наук СССР, М., 1950, стр. 18—19.

² Там же, стр. 270.

то и другое отражение осуществляется по механизму условного рефлекса, оба выполняют сигнальную функцию, ориентируя организм через восприятие несущественных раздражителей в подыскании благоприятных условий осуществления биологически целесообразных деятельности организма, но разница в оттенках отражения с экстерорецепторов и интерорецепторов имеет место. При воздействии раздражителей на интерорецепторы момент переживания состояния раздражаемого органа преобладает над знанием объективных свойств раздражения. При восприятии воздействия на экстерорецепторы знание объективных свойств раздражителя преобладает над переживанием состояния воспринимающего органа чувства. Отражение, осуществляемое через интерорецепторы, не приобретает характера образа предмета. Образность, предметность составляет особенность воспринимающей деятельности головного мозга при анализе и синтезе импульсов, поступающих от экстерорецепторов, и составляет характерную черту осознанного отражения. Осознание деятельности интерорецепторов является результатом дополнения переживания состояния органа или организма знанием внешних или внутренних влияний, вызвавших это состояние.

Деятельностью интерорецепторов определяется преимущественно тот внутренний фон чувствования организма, который переживается человеком как самочувствие. С вопросом о переживании состояния организма связан вопрос о характере отражения человеком его инстинктов, влечений. В инстинктах животных есть только переживание, которое играет большую роль в осуществлении связей организма со средой, выполняя функцию регулятора деятельности, направленной на удовлетворение биологических требований организма. Инстинкты животных неосознанны. Осознанность инстинктов человека и возникающих на их основе влечений связана с возникновением отражения объективных воздействий, вызывавших инстинкты, отражения внешних обстоятельств, на которые направляются влечения человека. Переживание состояния организма, характерное для инстинктов и влечений как таковых, возникающее в результате безусловно-рефлекторной деятельности нервной системы, дополняется знанием,

отражением объективных свойств предметов и явлений, вызывающих инстинкты. Само это отражение осуществляется путем условно-рефлекторной аналитико-синтетической деятельности нервной системы.

Понимание инстинктов и влечений как явлений, включенных в сложную систему реальных взаимоотношений человека с внешним миром, характерно для диалектико-материалистического подхода к уяснению осознанных и неосознанных моментов поведения человека. Этот подход противоположен психоаналитическому пониманию влечений как оторванных от связей человека с внешним миром абстрактных бессознательных движущих сил поведения. Нормальная и патологическая деятельность человека представляет собой лишь выявление, способ реализации влечений как импульса к действию. Внешние предметы и явления, на которые могут быть направлены влечения, играют, по мнению Фрейда, подчиненное значение в детерминации поведения человека. «Объектом влечения, — писал Фрейд, — является тот объект, на котором или посредством которого влечение может достичь своей цели. Это самый изменчивый элемент влечения, с ним первоначально не связанный, а присоединенный к нему только благодаря его свойству сделать возможным удовлетворение»¹. Вся динамика душевной жизни объясняется Фрейдом как борьба функционально напряженных импульсов к действию в форме влечений, гнездящихся в мистической сфере бессознательного, с противостоящими факторами, порожденными общественной природой человека и характерными для его сознания. Для характеристики этой борьбы Фрейд изобретает особые закономерности и механизмы — как вытеснение, сублимация влечений, их символизация.

Научное понимание способности влечений стать движущей силой поведения связано с уяснением превращения влечений в мотив поведения, связей влечений с потребностями организма, целевой установкой личности. Осознание влечений является фактором превращения неосознанных тенденций в стимулы поведения. Осознание влечений означает соотнесение переживания

¹ З. Фрейд, Основные психологические теории в психоанализе, стр. 108.

с объектом, вызвавшим это переживание, или деятельностью, направленной на удовлетворение потребности человека. Осознанность инстинктов, влечений определяется всей системой отношений человека к действительности. Характер потребностей организма, степень их удовлетворения, соответствие требований человека окружающей действительности, сознательное связывание влечений с новым психологическим содержанием определяют развитие, изменение, трансформацию влечений. В отражении предметной отнесенности влечений, переживаний, в образном характере этого отражения заключается особенность сознания человеком своих влечений. Объективность отражения, характерная для предметной отнесенности влечений, сливается с непосредственностью переживания, характерного для влечений, выражающих потребности организма.

Характеристика осознанности и неосознанности, как качества психического отражения, начатая с анализа отражения внутренних состояний организма, проявляющихся в форме влечений, должна быть дополнена характеристикой этих качеств психики при установлении связей организма с внешним миром, при отражении предметов и явлений объективной действительности.

3. Некоторые условия превращения неосознанного отражения внешнего мира в осознанное

Если по поводу бессознательного, как выявления внутреннего состояния организма, было много споров и столкновений мнений, то не меньшего внимания был удостоен вопрос о бессознательном отражении внешнего мира. В первом случае с психологической точки зрения вопрос формулировался так: существуют ли бессознательные инстинкты, чувства, влечения, во втором случае он заключался в следующем: существуют ли бессознательные ощущения, восприятия, представления и мысли.

Ощущения, восприятия, представления являются формами психического отражения, но всегда ли эти формы являются фактами сознания? У животных, как указывалось выше, все эти формы отражения являются неосознанными, хотя и психическими. Отвергая психо-

аналитическую мистическую идеалистическую концепцию бессознательного как изолированной системы психических сил, вытесненных из сознания, материалистическая психология должна дать отдельную оценку этой концепции и действительным фактам. А факты показывают, что и у человека существует психическое отражение, которое в отдельных случаях может не быть фактом сознания. Осознанное психическое отражение является высшей формой отражения. Высшая форма предполагает существование более низших форм: из них оно вырастает. Осознанное отражение возникает на основе неосознанного отражения.

Каковы условия превращения неосознанного отражения в отражение осознанное? Возникновение осознанного отражения внешних воздействий связано как с характером самих этих воздействий, так и с состоянием нервной системы и воспринимающих органов чувств.

Осознание объективных свойств внешних воздействий и связей между предметами и явлениями объективной действительности осуществляется в форме ощущений, восприятий, мыслей. Однако не всякое внешнее влияние может стать предметом осознанного отражения. Те воздействия, которые вызывают безусловно-рефлекторную деятельность и являются непосредственно биологически значимыми для организма, отражаются в форме раздражимости. Не будучи предметами психического отражения, они тем самым не могут быть осознанными или неосознанными.

Чтобы биологически нейтральный раздражитель мог быть воспринят человеком, внешнее воздействие должно достигать определенной силы. Если эта сила является недостаточной, воздействие просто не воспринимается органами чувств. Оно не только не осознается, но и не отражается в психически неосознанной форме. Стимул не достигает организма, в связи с этим он не может вызвать никакой деятельности, не может выполнить ориентирующей роли в поведении. Последнее характерно для психического отражения.

Отсутствие психического отражения может быть также следствием утраты чувствительными нервами способности проводить в головной мозг возбуждения от органов чувств при воздействии на них раздражителей

достаточной интенсивности. Тот же результат может быть и при повреждении органов чувств.

Нарушение целостности глаза, например катаракта хрусталика, давление на зрительный нерв или механическое его повреждение, анестезия проводящих путей, вызванная применением некоторых лекарств, могут быть причиной отсутствия восприятия световых раздражителей. Не будучи воспринятыми, эти воздействия, разумеется, не могут быть осознанными. Аналогичное положение имеет место при повреждении полушарий головного мозга, при нарушении его центральной воспринимающей функции. В зависимости от степени повреждения, например затылочной области коры, не воспринятыми могут оказаться разные объекты светового воздействия. Человек не воспринимает внешних раздражителей также при некоторых состояниях — обмороке, коматозном состоянии, гипнозе. Эти состояния в известной степени являются исключительными. Особенности сочетания осознанного и неосознанного отражения в некоторых из этих состояний будут рассмотрены далее. В данном случае об этих состояниях упоминается в связи с тем, чтобы подчеркнуть значение внутреннего состояния организма, в частности нервной системы человека, для его отражательной деятельности.

Восприятия и осознания внешних воздействий может не быть и тогда, когда деятельность нервной системы является нормальной и сила раздражителя достаточна, чтобы вызвать возбуждение в органе чувств. В этом случае невосприятие раздражителей объясняется внутренней динамикой нервных процессов возбуждения и торможения. О возникновении психического отражения свидетельствует факт образования условного рефлекса. Для образования же последнего кроме силы условного раздражителя, сочетания во времени безусловного и условного воздействия необходимо деятельное состояние коры головного мозга. Кроме того, во время образования определенного условного рефлекса кора не должна быть занята другою деятельностью. «Что касается состояния самих больших полушарий, — писал И. П. Павлов, — то здесь для возможности образования условных рефлексов требуется, во-первых, деятельное состояние. Если экспериментальное животное в большей или меньшей степени сонливо, то

образование условного рефлекса или очень затягивается и затрудняется, или даже делается совершенно невозможным, т. е. образование новых связей, процедура замыкания новых нервных путей есть функция бодрого состояния животного. Во-вторых, большие полушария должны на время образования нового условного рефлекса быть свободными от других деятельностей¹. Это освобождение больших полушарий от других деятельностей организма достигается как путем устранения не имеющих отношения к данной деятельности раздражителей, так и в результате внутреннего взаимодействия процессов возбуждения и торможения. В результате концентрации и иррадиации процессов возбуждения и торможения, их взаимной индукции в коре головного мозга создается преобладающий очаг возбуждения, который тормозит деятельность других нервных клеток. Этот господствующий очаг И. П. Павлов называл центром оптимального возбуждения.

С представлениями И. П. Павлова об очаге оптимальной возбудимости согласуется концепция А. А. Ухтомского о доминанте. Эти представления имеют непосредственное значение для понимания закономерностей динамики осознанного и неосознанного отражения действительности. «В участке больших полушарий с оптимальной возбудимостью, — писал И. П. Павлов, — легко образуются новые условные рефлексы и успешно вырабатываются дифференцировки. Это есть, таким образом, в данный момент, так сказать, творческий отдел больших полушарий. Другие же отделы их, с пониженной возбудимостью, на это неспособны, и их функцию при этом — самое большее — составляют ранее выработанные рефлексы, стереотипно возникающие при наличии соответствующих раздражителей. Деятельность этих отделов есть то, что мы субъективно называем бессознательной, автоматической деятельностью»².

Павловское представление об оптимальном очаге возбудимости лежит в основе физиологической харак-

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, изд. 2, т. IV, стр. 41—42.

² И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, изд. 2, т. III, кн. 1, стр. 247—248.

теристики внимания. А внимание в ряде психологических концепций считается необходимым психологическим условием выделения соответствующего объекта среди других раздражителей. Внимание нередко объявляется отличительным признаком сознания, а невнимание к какому-то воздействию — достаточным основанием неосознаваемости этого воздействия. В ряде случаев понятия внимание и сознание идентифицируются. Например, по мнению Боринга, сознание является внимательным, внимание избирательно. Избирательным является и сознание. Сознание и внимание, приходит он к выводу, являются почти синонимами¹. С этой точки зрения бессознательным является то, что остается вне сферы внимания человека.

Фрейдисты пытаются тоже к характеристике бессознательного применять понятие невнимания. При этом само невнимание они изображают как активное отношение к вытесненным содержаниям сознания. В действительности, человек невнимателен к своим мыслям, эмоциям, не потому, что они не могут преодолеть барьер сопротивления, а потому что его внимание в это время поглощено другой мыслью, другой деятельностью.

Павловская трактовка сложной динамики процессов возбуждения и торможения, в результате которой создается оптимальный очаг возбудимости, дает возможность материалистически характеризовать внутренние условия возникновения психического отражения, помогает уяснить вопрос о переходе неосознанного отражения в отражение осознанное.

И. П. Павлов указывал, что в центре оптимальной возбудимости легко образуются условные рефлексы. Но достаточно ли факта образования условного рефлекса для осознания внешнего раздражителя, на который этот рефлекс образовался? Для возникновения психического отражения необходимо образование условного рефлекса. Но всякое ли психическое, возникшее в результате условно-рефлекторной деятельности мозга, будет осознанным? В ряде психологических работ некоторых авторов утверждается, что для факта образова-

¹ См. *E. G. Boring, The Physical Dimensions of Consciousness, New York, London, 1933.*

ния условного рефлекса достаточно утвердительного ответа на вопрос о том, сознается ли внешнее воздействие, вызвавшее соответствующую условно-рефлекторную реакцию. При этом существенными признаками осознанного отражения считается восприятие раздражителя и различение между несколькими воздействиями. Различение в качестве критерия сознания принимается некоторыми бихевиористами¹. Этим критерием пользовались и некоторые естествоиспытатели при изучении поведения животных².

Другие авторы в оценке условно-рефлекторной деятельности как критерия осознанности занимают прямо противоположную позицию³.

По мнению первых, образование условно-рефлекторных ответов является достаточным условием возникновения сознания.

Другие утверждают, что факт образования условных ответов свидетельствует не о сознательной, а о бессознательной, неумственной, автоматической деятельности. Исходным для этой точки зрения является положение о том, что любая рефлекторная деятельность, будь она безусловной или условной, является деятельностью чисто физиологической. Психическое же, сознание, представляет собой нечто, что стоит над этой физиологической функцией нервной системы, с ней не связано. Умственное, сознательное, не является будто бы рефлекторным по своей природе.

Обе эти противоположные друг другу точки зрения не являются правильными, причем если первая может еще быть принята во внимание при определении критериев осознанного и неосознанного, то последняя, исходящая из открыто дуалистических представлений, не носит научного характера и всерьез не может представлять интереса при обсуждении проблемы.

¹ См. *E. Boring*, A Psychological Function is the Relation of Successive Differentiations of Events in the Organism, «Psychological Review», vol. 44, N 6, 1937; *E. Tolman*, A Behaviorist's Definition of Consciousness, «Psychological Review», vol. 34, N 6, 1927.

² См. *E. Culler*, *G. Finch*, *E. Girden*, and *W. Brogden*, Measurements of Acuity by the Conditioned Response Technique, «The Journal of General Psychology», vol. XII, N 1, 1935.

³ См. *G. Murphy*, *L. Murphy* and *T. Newcomb*, Experimental Social Psychology, New York and London, 1937.

Принимая условно-рефлекторную деятельность как критерий возникновения психического отражения, мы полагаем, что этот критерий не является достаточным для понимания различий осознанного и неосознанного отражения и сложных переходов между ними.

Экспериментальные данные показывают, что не всякое образование условного рефлекса есть вместе с тем осознание условного раздражителя. Так, при исследовании кожно-гальванических реакций при болевом подкреплении было установлено, что условно-рефлекторный ответ образуется на звуковые раздражители, которые при определенной интенсивности не осознаются испытуемым¹. Подобные же реакции были получены и при изучении условных рефлексов на световые раздражители². Факты неосознаваемых условно-рефлекторных раздражителей были обнаружены при исследовании сосудистых условных рефлексов³.

В ряде своих работ Г. В. Гершуни, которому принадлежит более всего исследований условных рефлексов на неосознаваемые раздражители, указывал, что в его экспериментах имеют место сенсорные и субсензорные реакции. Раздражители могут ощущаться или

¹ См. Г. В. Гершуни и И. И. Короткин, О субсензорных условных рефлексах на звуковые раздражения, «Доклады Академии наук СССР», Новая серия, т. LVII, № 4, 1947; А. А. Князева, К вопросу об образовании временных связей на неощущаемые раздражения, воздействующие на органы чувств человека, «Труды физиологического института имени И. П. Павлова», т. IV, изд-во Академии наук СССР, М.—Л., 1949; В. А. Кожевников и А. М. Марусева, Электроэнцефалографическое изучение образования временных связей на неощущаемые раздражения у человека, «Известия Академии наук СССР», Серия биологическая № 5, М.—Л., 1949; Л. А. Чистович, О выработке условных кожно-гальванических рефлексов на неощущаемые звуковые раздражения, «Известия Академии наук СССР», Серия биологическая, № 5, 1949.

² См. А. А. Князева и И. Э. Барбель, О выработке условных рефлексов на минимальные интенсивности световых раздражений, «Проблемы физиологической оптики», т. 10, изд-во Академии наук СССР, М., 1952; В. Г. Самсонова, Некоторые особенности взаимодействия первой и второй сигнальных систем при выработке условных реакций на световые раздражения слабой интенсивности, «Журнал высшей нервной деятельности», т. III, вып. 5, изд-во Академии наук СССР, М., 1953.

³ См. А. А. Розов, О сосудистых условных и безусловных рефлексах человека, изд-во Академии наук СССР, М.—Л., 1951; А. Т. Пшоник, Кора головного мозга и рецепторная функция организма, изд-во «Советская наука», М., 1952.

не ощущаться¹. С Г. В. Гершуни в этом отношении согласны и другие исследователи².

В этих работах сознательное и психическое отождествляются, неоощуемое приравнивается к бессознательному³. Пороговыми считаются воздействия, вызывающие сознаваемые субъектом ощущения. Это понятие порога, принятое в психологии, очевидно, требует уточнения. Одно дело, когда раздражитель вызывает осознанное ощущение, другое дело, когда раздражитель воспринимается, — об этом свидетельствует образовавшийся условный рефлекс, но осознанного отражения внешнего воздействия, вызвавшего этот рефлекс, нет. Подпороговыми воздействиями будут, очевидно, те, которые не вызывают никакой ни осознаваемой, ни неосознаваемой реакции. При образовании так называемых субсензорных рефлексов психические компоненты условно-рефлекторной деятельности возникают, но это ощущение несознательно; оно не является осознанным отражением раздражителя, вызвавшего соответствующую реакцию. Субъект переживает внешнее влияние, отражение его ориентирует человека в некоторых ответных действиях, но субъект не соотносит своих реакций как следствий с воздействием, как определенной причиной своего действия. Таким образом, сознательное и психическое отражения не совпадают.

Интенсивность воздействия, при которой раздражитель воспринимается в осознанной или неосознанной форме, будет разной. Но кроме интенсивности раздра-

¹ См. Г. В. Гершуни, Об изучении ощущаемых (сензорных) и неоощуемых (субсензорных) реакций при действии внешних раздражений на органы чувств человека, «Известия Академии наук СССР», Серия биологическая, № 2, М., 1945; Г. В. Гершуни, Изучение субсензорных реакций при деятельности органов чувств, «Физиологический журнал СССР», т. XXXIII, № 4, изд-во Академии наук СССР, 1947.

² См. Л. А. Чистович, Условные кожно-гальванические реакции на неоощуемые звуковые раздражения. Диссертация, 1949.

³ Вопрос о соотношении психического и сознательного и их отношения с формами рефлекторной деятельности не разрешен и до сих пор. См. М. Р. Могендович, О физиологических основах ощущений, «Вопросы психологии» № 2, изд-во Академии педагогических наук РСФСР, М., 1958, и ответы на эту статью: М. Г. Ярошевский, Учение о рефлексе и психология, «Вопросы психологии» № 6, 1958; М. А. Усиевич, Письмо в редакцию, «Журнал высшей нервной деятельности», т. VIII, вып. 5, изд-во Академии наук СССР, М., 1958.

жителя, возникновение качества осознанности обусловлено особенностями деятельности нервной системы. Если психическое отражение возникает уже при образовании условного рефлекса первой сигнальной системы, то для возникновения осознанного отражения действительности необходимо включение деятельности второй сигнальной системы.

Представления И. П. Павлова о совместной деятельности двух сигнальных систем помогают уяснить механизм превращения неосознанного психического отражения в отражение осознанное.

На Объединенной сессии Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, посвященной проблемам физиологического учения И. П. Павлова, А. Г. Иванов-Смоленский, критически оценивая представления Г. В. Гершуни о субсензорных реакциях, упрекая его за разрыв психического и физиологического (ощущения и условного рефлекса), предлагал экспериментальные факты, представленные в исследованиях Г. В. Гершуни, анализировать, исходя из представлений о взаимодействии сигнальных систем. Тогда Г. В. Гершуни с А. Г. Ивановым-Смоленским не согласился¹. Впоследствии же Г. В. Гершуни близко подошел к отвергнутой им трактовке указанных фактов. Теперь он говорит не о субсензорных реакциях, а о реакциях на интенсивность раздражителей, которая ниже порога словесного отчета о раздражителе².

Речевая деятельность человека имеет первостепенное значение в возникновении качества осознанности психического отражения. На то, что вербализация (словесное обозначение) отражения играет определенную роль в возникновении сознания, обращали внимание исследователи и не принадлежавшие к павловской школе. Выразительнее других это сделал Уотсон. По его мнению, бессознательное идентично невербализованному. Правильно отмечая значение вербализации в со-

¹ См. «Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова, 28 июня — 4 июля 1950 г., Стенографический отчет».

² См. Г. В. Гершуни, Об особенностях условных кожно-гальванических реакций и реакций угнетения альфа-ритма, возникающих при действии подпороговых и надпороговых звуковых раздражений у человека, «Журнал высшей нервной деятельности», т. V, вып. 5, изд-во Академии наук СССР, М., 1955.

знании, Уотсон, как известно, само сознание полностью отождествляет с речевой деятельностью. По его мнению, сознание как психологическая категория является излишней, ее можно будто бы с успехом заменить вербализацией. Таким образом, согласно бихевиористической концепции Уотсона вербализация является не одним из важнейших факторов осознанного отражения, но она и есть само сознание: кроме речевой деятельности, в сознании нет ничего.

В концепциях других исследователей сознание связывалось не только с речевой деятельностью, но с любым видом общения между людьми.

Отдельные наблюдения, разрозненные факты, как правило, порочные методологические установки не давали возможности научно ответить на вопрос о роли речи в возникновении осознанного отражения. Научное объяснение наблюдаемых фактов связи сознания с речевой деятельностью стало возможным лишь с возникновением учения И. П. Павлова о сигнальных системах. На связь второй сигнальной системы с сознанием не раз указывал И. П. Павлов. Вторую сигнальную систему он определял как «наше отвлеченное мышление, которое и представляет собой наше «я», наше сознание»¹.

Характеризуя сумеречные состояния сознания некоторых больных, сопровождаемые галлюцинациями, И. П. Павлов говорил: «Первая сигнальная система — это наши ощущения, а так как мы с вами постоянно работаем речевым отделом, то, понятное дело, мы все время держим эту первую систему в некотором заторможенном состоянии. Никому из нас резко не представляется, что мы слышим, осязаем и т. д. А когда человек засыпает и торможение начинается с этого отдела, с речевого, тогда следы первых сигналов оживляются до степени яркости, до степени реальности. Сумеречное состояние это и есть, когда вторая сигнализационная система во власти торможения, а первая оживает»².

Особенности взаимодействия сигнальных систем, связанные с динамикой осознанного и неосознанного

¹ «Павловские клинические среды (1931—1933)», т. I, изд-во Академии наук СССР, М. — Л., 1954, стр. 221.

² Там же, стр. 367.

отражения, экспериментально изучались при анализе словесного отчета испытуемых после опыта. В большинстве исследований, посвященных этому вопросу, испытуемыми были дети. В этих исследованиях выяснилось, как осознаются самим испытуемым воздействующие на него непосредственные и словесные раздражители, ответные реакции и временные связи этих реакций с условными раздражителями. Если, например, образовывать условный рефлекс на комплексный раздражитель, состоящий из сильного (яркий зеленый квадрат) и слабого (общее усиление освещения комнаты) компонентов (опыты Л. И. Котляревского¹, В. К. Фаддеевой²), то условные раздражители, ответная реакция и связи между ними будут по-разному осознаваться разными испытуемыми. Часть испытуемых осознает, т. е. адекватно отражает во второй сигнальной системе, и условные раздражители, и свои реакции, и связь между реакциями и раздражителями. Другие испытуемые осознают лишь некоторые из этих зависимостей, некоторые же из них остаются неосознанными. Так, часть испытуемых считает, что они нажимали на резиновый баллон (нажатие на этот баллон является формой ответной деятельности) тогда, когда загорался «зеленый огонек», хотя в действительности и слабый компонент (общее освещение помещения), будучи применен отдельно от сильного компонента (зеленого квадрата), как правило, также вызывал условную двигательную реакцию. Опрошенный после опыта испытуемый говорит, что он видел зеленый цвет, нажимал на резиновый баллон. На вопрос, почему он нажимал, испытуемый отвечает: потому что загорался свет.

В этих опытах образовавшаяся связь между двигательной реакцией и слабым компонентом комплексного раздражителя по-разному осознается отдельными испытуемыми. Одни из них, правильно реагируя на слабый раздражитель нажатием на баллон, осознают свою дви-

¹ См. Л. И. Котляревский, Отражение непосредственных условных связей в корковой символической проекции, «На пути к изучению высших форм нейродинамики ребенка», Сборник, М., 1934.

² См. В. К. Фаддеева, Особенности взаимодействия первой и второй сигнальных систем при образовании условной реакции на сложный раздражитель у детей, «Журнал высшей нервной деятельности», т. 1, вып. 3, изд-во Академии наук СССР, М., 1951,

гательную реакцию, но факта воздействия условного раздражителя не осознают: на вопрос о том, почему они нажимали на баллон, они отвечают, что не знают. А то, что они нажимали, они знают.

Другие испытуемые осознают условный раздражитель, но своей двигательной реакции на этот раздражитель не осознают, хотя эта реакция объективно имеет место. Ребенок говорит, что комната освещалась, но нажимал ли он на резиновый баллон, он не знает.

Третьи испытуемые правильно реагируют на слабый условный раздражитель: они говорят, что комната освещалась. Осознают они и свою двигательную реакцию. На вопрос о том, нажимали ли они на баллон, они отвечают утвердительно. Однако причина, вызвавшая двигательную реакцию, не отражается во второй сигнальной системе; она остается неосознанной: не осознается связь между раздражителем и ответной реакцией на него. Испытуемый в этом случае говорит, что он нажимал на резиновый баллон тогда, когда загорался зеленый свет, хотя зеленый свет в этом опыте не загорался и применялся лишь слабый раздражитель — усиление общего освещения комнаты.

Различные формы неосознаваемого отражения, выражающиеся в недостаточно точном словесном отчете испытуемого или искаженной словесной интерпретации характера внешних воздействий и ответных реакций человека, объясняются тем, что во всех этих случаях между разными участками нервной системы возникают взаимоиндукционные отношения. В одних случаях взаимоиндукционные отношения возникают «между путями, связывающими условные раздражители друг с другом или с двигательной реакцией, в других — между путями, соединяющими раздражители со словесной реакцией»¹.

Представления о взаимодействии двух сигнальных систем в форме взаимоиндукционных отношений помогают выяснению физиологических основ неосознанного отражения, фактов неправильного или недостаточно полного осознания. В указанных выше опытах стоящий

¹ В. К. Фаддеева, Особенности взаимодействия первой и второй сигнальных систем при образовании условной реакции на сложный раздражитель у детей. «Журнал высшей нервной деятельности», т. I, вып. 3, 1951, стр. 374.

на первом плане зеленый световой сигнал, к тому же и более сильный по своим физическим качествам, отражаясь в коре головного мозга ребенка и связываясь с речевой областью, вызывает по законам взаимной индукции торможение на соседних участках коры. Индуцирующее влияние от сильного раздражителя сказывается и в том, что воздействие на испытуемого слабым раздражителем не получает отражения в словесном отчете ребенка, не осознается им.

Роль речи в процессе осознания действительности проявляется в участии речи в формировании любого психического явления. Для животных не только простое различение раздражителей, но и восприятие предметов, являясь продуктом деятельности единственной существующей у них первой сигнальной системы, является неосознанным. Возникновение восприятий человека связано с деятельностью не только первой сигнальной системы, но и с включением второй сигнальной системы. Благодаря этому через восприятие человек осознает отражаемые предметы и явления. Каждое восприятие представляет собой, конечно, прежде всего отражение внешних воздействий, непосредственно воспринимаемых органами чувств, но вместе с тем восприятие человека содержит элементы абстракции и обобщения. Во всяком восприятии человека отражаются единичные предметы и явления внешнего мира. Но, отражая единичное, человек познает общее, он осознает единичное как частный случай общего. «Сферу психического, не входящего в сознание, — пишет С. Л. Рубинштейн, — составляют психические явления, функционирующие как сигналы, не будучи образами осознаваемых посредством них *предметов*. Образы, посредством которых осознаются предметы или явления, всегда обладают той или иной мерой обобщенности; они объективируются в слове, которое обозначает их предмет»¹. Эта обобщенность восприятия, объективация его в слове, является результатом взаимодействия первой и второй сигнальных систем. Образность, предметная отнесенность, обобщенность и объективация в слове — специфические признаки сознательного восприятия, отличающего этот

¹ С. Л. Рубинштейн, Бытие и сознание, изд-во Академии наук СССР, М., 1957, стр. 276—277.

психический процесс от аналогичного процесса отражения у животных.

Экспериментальные данные с большой убедительностью свидетельствуют о том, что включение второй сигнальной системы играет исключительно большую роль в формировании осознанного, осмысленного отражения действительности. Например, с включением деятельности второй сигнальной системы в деятельность слухового анализатора анализ и синтез звуковых раздражителей поднимается на новый уровень. Если у животных не вырабатываются дифференцировки на такие существенные свойства звуков, как звонкость и глухость, то человеком эти свойства анализируются. Исследования Н. Х. Швачкина показывают, что формирование фонематического слуха, выполняющего у человека смыслоразличительную функцию, неразрывно связано с осознанием значения слов, с включением деятельности второй сигнальной системы. Формирование же фонематического слуха в свою очередь влияет на усовершенствование речевой функции: возникают более тонкие речевые реакции.

Особенно отчетливо видна роль второй сигнальной системы в формировании восприятия у детей¹. Большое значение в формировании осознанного восприятия, как показывает Г. Л. Розенгард-Пупко, имеет формулирование ребенком задачи в форме вопроса: «что это?» Формулировка этого вопроса определенным образом направляет работу всех рецепторов².

Участие речи в формировании восприятия является необходимым условием осознания отраженной в восприятии объективной действительности. Словесные обозначения предметов помогают человеку включить

¹ См. Д. Г. Элькин, К вопросу о роли второй сигнальной системы в процессе восприятия, «Тезисы докладов на совещании по психологии», изд-во Академии педагогических наук РСФСР, М., 1953; А. А. Люблинская, Роль языка в умственном развитии ребенка, «Ученые записки Ленинградского Государственного педагогического института имени А. И. Герцена», т. 112, Л., 1955; А. Р. Лурия, Роль слова в формировании временных связей у человека, «Вопросы психологии» № 1, изд-во Академии педагогических наук РСФСР, М., 1955; А. Р. Лурия, Роль речи в психическом развитии ребенка, «Вопросы психологии» № 5, 1958.

² См. Г. Л. Розенгард-Пупко, Речь и развитие восприятия в раннем возрасте, изд. Академии медицинских наук СССР, М., 1948.

сформировавшийся конкретный образ в систему образов других предметов и явлений, накопленных человеком в индивидуальном опыте. Включение же вновь возникшего образа в систему близких к нему в том или ином отношении других образов, прочно закрепленных в опыте человека, способствует осознанию человеком предметов внешнего мира.

Характерной особенностью человеческого восприятия является его осмысленность. Смысл же воспринятого выявляется в системе связей и отношений воспринятого с другими явлениями и предметами объективной действительности. Осмысленное восприятие возникает при условии участия речевой деятельности, при речевой формулировке вопроса: «А что это такое?» и ответов на этот вопрос, сопровождающих познавательную деятельность человека.

Потеря осмысленности как качества человеческого восприятия означает превращение восприятия из осознанного отражения в отражение неосознанное. В нормальной деятельности человека процесс неосознанного восприятия также имеет место, но он встречается более редко, чем при некоторых патологических состояниях нервной системы.

Конечно, не все то, что воспринимается органами чувств, вызывает наш вопрос: «А что это такое?» и ведет к осознанию соответствующего раздражителя в системе других воздействий и в соответствии с прежним опытом человека. Не все воспринятое связывается со словом, которое, обозначая воспринятый раздражитель, заключает в себе его обобщенное смысловое значение, закрепленное практикой человечества. Проходя по улице, погруженный в глубокие размышления, или беседуя со своим спутником, человек может не осознавать воспринимаемых им внешних предметов и явлений, проходящих пешеходов, движущегося мимо транспорта, попадающихся по пути построек. О том, что эти предметы воспринимаются, свидетельствует адекватное условиям поведение человека. Он не натывается на встречающихся пешеходов, обходит попадающиеся на пути столб, тумбу и т. д. Восприятие человека при данных условиях не является осмысленным, осознанным. Если условия изменяются, неосознанное восприятие становится осознанным. Выделение предмета из сово-

купности внешних воздействий как условие его осознания связано со словесным, громким или тихим, мысленным обозначением этого предмета.

Некоторые патологические случаи свидетельствуют о том, что возможно и такое стечение обстоятельств, когда восприятие внешних воздействий имеет место, а превращения восприятия как психического отражения в отражение осознанное не происходит. Такого рода патология восприятия наблюдается при многочисленных случаях агнозий.

Примером бессознательного психического отражения, возникающего в результате нарушения взаимодействия сигнальных систем, частичного или полного выключения второй сигнальной системы, могут служить сновидения и восприятия при гипнозе. Необходимо хотя бы коротко остановиться на характеристике этих состояний и их соотношении с бессознательным отражением. Это сделать необходимо отчасти и потому, что именно эти состояния, особенно сновидения, послужили предметом особенно пристального внимания психоаналитиков, прежде всего Фрейда, и дали толчок для оформления его идеалистической теории бессознательного. «Для большинства философски образованных людей, — писал Фрейд, — идея психического, которое одновременно не было бы сознательным, до такой степени непонятна, что представляется им абсурдной и несовместимой с простой логикой. Это происходит, полагаю я, оттого, что они никогда не изучали относящихся сюда феноменов гипноза и сновидений, которые — не говоря уже о всей области патологического, — принуждают к пониманию в духе психоанализа. Однако их психология сознания никогда не способна разрешить проблемы сновидения и гипноза»¹.

Центральное положение психоаналитического понимания сновидений заключается в признании сновидений формой проявления вытесненных в бессознательное импульсов к действию. Отгороженное от сознания, бессознательное как бы мстит за себя, нарушая покой субъекта, врываясь в его сновидения. Причем желания проявляются в сновидениях не в их первоначальной

¹ S. Freud, Das Ich und das Es, «Gesammelte Werke», B. 13, S. 239.

форме, а в виде всевозможных символов. Все механизмы сновидения (сгущения, отодвигания и т. д.) служат задаче символизации вытесненных желаний. Желание может дать толчок к возникновению сновидения лишь в том случае, если к сознательному импульсу присоединяется действие бессознательного. *«Я предполагаю, — подчеркивает Фрейд, — что сознательное желание лишь в том случае становится возбуждителем сновидения, когда ему удастся пробудить равнозначное бессознательное и найти себе в нем поддержку и подкрепление»*¹. Желания, возникающие из бессознательного, согласно Фрейду, всегда активны, бессмертны. Они напоминают собой мифических титанов, на плечи которых богами в незапамятные времена взвалены тяжелые горные массивы, потрясаемые до сих пор движениями их могущественных мускулов. Вытесненные в бессознательное, желания возникают в детстве. Их влиянию на сновидения далеко уступают желания, возникающие в сознательном бодрствующем состоянии, ощущения, вызываемые раздражением органов чувств во время сна, и другие моменты психической деятельности.

В павловской физиологии идеалистической концепции Фрейда о бессознательных психических состояниях в сновидениях противопоставляются экспериментально изученные факты и научно обоснованные представления о природе сновидений, их физиологической основе. В павловской физиологии вскрыты механизмы сна и особого состояния организма во сне, при котором возникают сновидения. Обобщая богатый экспериментальный материал по выработке условных рефлексов, И. П. Павлов пришел к выводу, что нервным механизмом сна является иррадиация торможения в коре больших полушарий головного мозга. Возникший в коре процесс торможения постепенно распространяется на нижележащие отделы мозга, достигая подкорковых областей. Различают несколько видов торможения. Среди этих видов специально выделяют тот, который имеет преимущественное отношение к возникновению сна. Это сонное, или охранительное, торможение. Однако все виды торможения не изолированы друг от

¹ З. Фрейд, Толкование сновидений, стр. 396.

друга, они друг в друга переходят: в частности, сонное торможение может возникнуть из дифференцировочного, запаздывающего, угасательного и других видов торможения. Факт возникновения сонного торможения из торможения других видов указывает на связь сна с многочисленными внешними и внутренними воздействиями, со сложной динамикой внутреннего состояния и внешних влияний на организм.

Открытие физиологических механизмов сна дало возможность объяснить сложную природу сновидений. Центральное место в павловской теории сновидений занимает представление о существовании нервных следов. Еще Сеченов отмечал, что из того, что в ряде случаев не возникает ясного ощущения, еще не следует, что с исчезновением ощущения кончается возбужденное состояние нерва. «От частоты повторения реального ощущения или рефлекса, — писал он, — ощущение делается яснее, а через это и самое сохранение его нервным аппаратом в скрытом состоянии становится прочнее. Скрытый след сохраняется дольше и дольше, ощущение труднее забывается»¹. Следы реальных воздействий на органы чувств предметов и явлений внешнего мира остаются в нервной системе. Нервные следы являются основой возникновения образов сновидений. Поскольку эти следы не возникают таинственным образом, сами по себе, то и сновидения не представляют собой чего-то мистического, сверхъестественного. И. М. Сеченов утверждал, что сновидения, так же как и фантазия, представляют собой небывалое сочетание бывалых впечатлений.

И. П. Павлов, раскрывая физиологический механизм сновидений, принимает сеченовскую мысль о существовании нервных следов прежних раздражений. Сновидение является результатом обыкновенно сложного взаимодействия разнообразных, часто противоположных по своему значению следов, возникающих в разное время в коре головного мозга человека под влиянием внешних воздействий. И. П. Павлов высказал мысль, которая полностью соответствует положению И. М. Сеченова о сновидениях как небывалом сочетании бывалых впечатлений. Разграничения заторможенных и возбужден-

¹ И. М. Сеченов, Избранные философские и психологические произведения, стр. 139.

ных пунктов коры могут быстро, но временно стираться наступлением общего торможения, сна. Это обстоятельство обуславливает известное несоответствие сновидений объективной действительности: следы прежних раздражений связываются между собой по внутренним законам деятельности мозга самым неожиданным образом. В обычном, не сонном, состоянии большинство следов прежних раздражений остаются заторможенными. Во время сна часть из этих следов растормаживается. Причем растормаживаться могут следы, полученные нервной системой в разное время от раздражителей, объективно друг с другом не связанных. Этим объясняется причудливый, часто лишенный всякого смысла характер сновидений. «Эти растормаживания могут происходить 1) под влиянием наличных внешних раздражений, 2) при действии наличных внутренних раздражений (с интеро- и проприорецепторов), 3) при развитии фазовых состояний (гипнотических фаз) в коре в случае неглубокого сна, 4) при функциональном разделении торможением корковых зон, когда одни из них заторможены, а другие свободны от торможения, и, наконец, 5) при различных комбинациях указанных условий. В третьем и четвертом случаях растормаживание может происходить и при отсутствии каких-либо наличных раздражений»¹.

Процесс образования картин сновидения есть процесс неосознанного отражения, процесс воспроизведения того, что было воспринято, пережито раньше. Хаотичность, нелогичность, причудливость сновидений, их бессмысленность объясняется тем, что осуществляется этот процесс лишь на основе деятельности первой сигнальной системы при торможении второй сигнальной системы. Динамика возбуждения и торможения, взаимоиндукционные отношения между сигнальными системами являются физиологической основой соотношения осознанности и неосознанности психических явлений, имеющих место в сновидениях. «Чрезвычайная фантастичность и сумеречные состояния истериков, — писал И. П. Павлов, — а также сновидения всех людей и есть оживление первых сигналов с их образностью, конкретностью, а также и

¹ Ф. П. Майоров, Физиологическая теория сновидений, изд-во Академии наук СССР, М. — Л., 1951, стр. 39.

эмоций, когда только что начинающимся гипнотическим состоянием выключается прежде всего орган системы вторых сигналов...»¹ Во время сна ослабляется прежде всего деятельность высшего отдела — коры головного мозга. Сонное торможение, возникая в зависимости от различных причин в разных отделах нервной системы, захватывает прежде всего наиболее хрупкий механизм второй сигнальной системы, затем распространяется на первую и в конце концов захватывает и подкорку. От степени распространения торможения зависит характер сновидений. Сновидения возникают тогда, когда торможение, захватив вторую сигнальную систему, еще не распространилось на первую сигнальную систему. Торможение второй сигнальной системы по закону взаимной индукции вызывает возбуждение первой сигнальной системы, оживляет следы прежних воздействий. Если торможение распространяется и на первую сигнальную систему, сновидения не образуются. Контролирующая, систематизирующая роль в отражательной деятельности головного мозга человека принадлежит второй сигнальной системе. В случае же торможения второй сигнальной системы эта контролирующая функция устраняется. Уничтожается специфическое для второй сигнальной системы качество отражения — его осмысленность, осознанность. С нарушением контроля второй сигнальной системы связана хаотичность, отсутствие причинной зависимости, связи событий в пространстве и времени, наблюдаемые в сновидении. И. П. Павлов указывал, что отражение причинной зависимости, временной и пространственной связей между предметами и явлениями объективной действительности осуществляется при помощи второй сигнальной системы. «Благодаря отвлечению, — писал он, — этому особому свойству слова, которое дошло до большей генерализации, наше отношение к действительности мы заключили в общие формы времени, пространства, причинности. Мы ими прямо пользуемся, как готовыми для ориентировки в окружающем мире, не разбирая часто фактов, на которых основана эта общая форма, общее понятие.

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, изд. 2, т. III, кн. 2, стр. 233.

Именно благодаря этому свойству слов, обобщающих факты действительности, мы быстро учитываем требования действительности и прямо пользуемся этими общими формами в жизни»¹. Отнесение образа отражения к предмету, его вызвавшему, т. е. установление причинной зависимости, систематизация отражения, т. е. связывание его с прошлым опытом человека, уяснение места отражения в системе знаний, полученных человеком ранее, являются характерными признаками сознательного отражения. При торможении второй сигнальной системы осознанность, как качество отражения, не возникает. Осуществляемая в сновидении хаотическая, бессмысленная комбинация образов представляет собой психическое явление как форма отражения, но отражение это неосознанно. Павловские представления о природе сна и сновидений, физиологическая характеристика сновидений позволили проникнуть в казавшуюся столь таинственной область бессознательных психических явлений.

Не менее велики заслуги павловской физиологии в раскрытии природы и другого явления, имеющего непосредственное отношение к бессознательным психическим процессам. Имеется в виду гипноз. То, что в гипнозе имеют место психические неосознанные явления, доказывается фактом существования постгипнотического внушения. Пробудившись от гипнотического сна, человек (чаще это больной) должен выполнить некоторые приказания, данные ему гипнотизером. Внушенное загипнотизированному действие остается для него неосознанным до того момента, пока наступает время для выполнения этого действия. Когда наступает момент выполнить действие, человек, подвергавшийся гипнозу, начинает действовать согласно внушению. При этом свою деятельность испытуемый ни с чем и ни с кем не связывает. На вопрос о том, почему он так поступает, он отвечает, что ему так захотелось или что так было нужно. Как правило, объяснения причины действий испытуемого не отражают действительного положения дела. Испытуемый не осознает причин, вызвавших его поступок. Опыты по постгипнотическому внушению, таким образом, свидетельствуют о том, что

¹ «Павловские среды», т. III, изд-во Академии наук СССР, М. — Л., 1949, стр. 320.

у человека могут существовать психические состояния, о которых он сам ничего не знает, что человек не может связывать своих мыслей с теми причинами, которые вызвали их. В ряде случаев внушенное не осознается в отчетливой форме как идея, представление, а переживается как потребность в определенном поступке. Осознанными могут быть представления о деятельности, а не мотивы, вызвавшие эту деятельность.

Интересный материал для характеристики неосознанных психических состояний в гипнозе получен в опытах с внушением испытуемым определенных возрастов. В соответствии с внушением определенного возраста оживляются следы прежних впечатлений, полученных от воздействий в периоды, соответствующие этому возрасту: изменяется игровая деятельность, письмо, изменяется даже соматика. В зависимости от этого изменяется, например, почерк испытуемого и возникают образы, пережитые именно в эти возрасты¹. В опытах с постгипнотическим внушением получены интересные данные о нарушении речи в этих состояниях. Например, пожилому человеку внушается мысль, что он является мальчиком 2—3 лет. Нарушения речи, возникающие у взрослого больного, находящегося в гипнозе, когда ему внушена мысль, что он ребенок, соответствуют нормальному уровню развития речи у детей, возраст которых совпадает с детским возрастом, внушенным больному в гипнотическом состоянии. Особенно важно то, что в гипнотических состояниях с внушенными возрастами, кроме общих многим детям особенностей речи, проявляются и индивидуальные особенности речевой деятельности данного человека, имевшие место во время формирования его речи в соответствующем детском возрасте².

Теория нервных следов имеет, таким образом, существенное значение для понимания неосознанных психических явлений как при возникновении сновидений, так и в гипнотических состояниях. Сходными в сновидениях

¹ См. «Павловские клинические среды (1931—1933)», т. I, стр. 158—160.

² См. Ф. П. Майоров и М. М. Суслова, Исследование экспериментальной регрессии речи в гипнозе, «Журнал высшей нервной деятельности», т. I, вып. 4, М., 1951.

и гипнотических состояниях являются и физиологические механизмы оживления следов прежних воздействий, находящихся в латентном (скрытом) состоянии. Гипноз представляет собой особую форму сна. Подобно обычному естественному сну, гипнотический сон является результатом разлитого сонного торможения в коре головного мозга. Своеобразие динамики торможения и возбуждения при гипнозе по сравнению с естественным сном заключается в том, что при распространении торможения по коре остаются незаторможенными некоторые участки нервной системы, через которые устанавливается связь испытуемого с гипнотизером. При помощи раздражителей в виде слов, адресованных главным образом к слуховому анализатору, гипнотизер способствует оживлению следов прежних воздействий или формированию новых следов, которые выполняют функцию регуляторов поведения человека при выполнении гипнотического внушения.

Связь бессознательных психических явлений с нервными следами имеет место не только в несколько необычных случаях рассмотренных выше явлений возникновения сновидений и гипноза, но и в процессах повседневной психической деятельности человека — его памяти. Наряду с явлениями сновидений и гипноза память нередко рассматривалась как один из способов обнаружения скрытых, латентных бессознательных психических состояний. Характеризуя процесс восприятия и различения, И. М. Сеченов отмечал: «Различие признаков считается *умственным разъединением* их, или во всяком случае психическим процессом; и это объяснение справедливо в такой же мере, как объяснение раздельностью реакций, только в психическом процессе разъединения нет ничего умственного: оно происходит в бессознательных тайниках памяти»¹. На неосознанность психических состояний в явлениях памяти указывает анализ И. М. Сеченовым узнавания как одного из видов памяти. «В некоторых случаях запоминания контура, — писал И. М. Сеченов, — бывает достаточно не только для обособления предмета, но и для *узнавания* его, как такового, т. е. для *отличения*

¹ И. М. Сеченов, Избранные философские и психологические произведения, стр. 351.

от других схожих. Но обыкновенно постоянную и характерную примету составляют не один, а несколько признаков вместе. Так, в апельсине мы насчитали выше 6 признаков, и из них внешнюю характерную примету составляют только 3: форма, цвет и запах. Следовательно, *узнавание* предполагает умение выделять из общей суммы признаков некоторые, наиболее характерные, и запоминать такую группу. Уже разъединение признаков вообще считается психической операцией, тем более выделение характерных примет. Легко понять в самом деле, что примета становится характерной для всякой данной вещи лишь в том случае, если она в других вещах выражена слабо, или совсем отсутствует, или выражена на иной лад. Следовательно, узнавание предметов, совпадающее с различением их друг от друга, предполагает явно ряд сравнений, актов, несомненно психических. К тому же выводу приводит и следующее соображение. Для чувства предмет есть вся сумма признаков, а на практике из суммы выделяется часть и становится на месте целого. С виду это умственная уловка, имеющая, по-видимому, в психической организации человека то самое основание, которое побуждает его обозначать предметы краткими условными знаками, т. е. именами. Наблюдения, и сравнительно очень простые, показывают, однако, что вся подразумеваемая здесь переработка сырых впечатлений происходит в тайниках памяти, вне сознания, следовательно, без всякого участия ума и воли. Для этого достаточно вспомнить, что внешние предметы узнаются даже животными»¹.

Яркие примеры проявления следов прежних воздействий приводятся некоторыми учеными. Так, Винслоу рассказывает, что одна неграмотная двадцатипятилетняя служанка однажды, заболев острой формой лихорадки, во время бреда начала повторять различные латинские, греческие и еврейские фразы; причем произносились эти фразы с соответствующим пафосом, в возвышенном тоне. Окружающие по невежеству решили, что девушка одержима нечистой силой. Однако медицинское исследование выяснило подлинную кар-

¹ И. М. Сеченов, Избранные философские и психологические произведения, стр. 355—356.

тину этого, казалось, загадочного явления. Девушка эта была взята на воспитание старым пастором. Этот пастор был хорошим знатоком греческого, латинского и еврейского языков. Свои любимые книги он имел обыкновение читать, прохаживаясь взад и вперед по коридору, ведущему на кухню, где большую часть времени девушка проводила. При ознакомлении с книгами пастора было установлено, что именно в них оказались те фразы, которые произносила больная в бреду. Таким образом, она, сама того не сознавая, запомнила множество отдельных предложений на незнакомых ей языках. Болезненное раздражение соответствующих участков нервной системы способствовало выявлению у больной тех знаний, о существовании которых она сама и не догадывалась.

По существу аналогичный факт сообщает Аверкромби об одном враче, который в болезненном состоянии мог наизусть воспроизводить длинные выдержки из произведений Гомера. В здоровом состоянии он не мог вспомнить и незначительной доли того, что воспроизводилось им при болезни. Не менее интересный факт приводится Тэном. Тэн рассказывает о камердинере испанского посла. Этот камердинер ничего не понимал в политических и дипломатических делах. Разговоры же посла с его собеседниками проводились часто в присутствии этого камердинера. Во время заболевания нервной системы камердинер вел длинейшие прения по различным политическим вопросам. Пораженный ясностью речи и глубиной соображения своего камердинера, посол решил сделать его своим секретарем. Но посла постигло горькое разочарование, когда, увидя своего камердинера здоровым, он обнаружил, что тот ничего не помнит из того, что он так хорошо говорил во время болезни.

Эти примеры, кроме того, свидетельствуют о том, что неосознанными в явлениях памяти могут быть не только образы памяти, но и сами факты воспроизведения прежних впечатлений. Аналогичное наблюдается во всех случаях так называемого произвольного запоминания и произвольного воспроизведения. В действительности огромное множество внешних воздействий на нервную систему не остается незамеченным: оно оставляет следы. Чаще всего это происходит вне всяких уси-

лий со стороны человека. Уже самый факт образования простого условного рефлекса свидетельствует о том, что внешнее воздействие в виде условного раздражителя оставило след в нервной системе: при образовании условного рефлекса достаточно применения условного раздражителя, чтобы началась безусловно-рефлекторная деятельность. Человек как бы вспоминает, что именно за этим внешним воздействием должно следовать безусловное подкрепление. Такое же явление имеет место и у животных. Осуществляется этот процесс неосознанно. На нем, как указывает И. М. Сеченов, основано узнавание, как форма запоминания. Первичной формой узнавания является чувство знакомости, которое заключается в том, что у человека возникает впечатление о том, что данный объект встречался ему в опыте, что данное лицо ему знакомо, но он не может дать отчета в том, каков был этот опыт, какова роль данного объекта в этом опыте, где, при каких обстоятельствах он встречал данного человека, кто он такой. В таком случае переживается чувство знакомости, но знаний о том, чем вызвано это чувство, действительных причинно-следственных отношений, которые привели к возникновению его, у субъекта нет. При узнавании происходит идентификация новых воздействий со следами от раздражителей, воспринимавшихся ранее. Прочность следов от прежних воздействий, сходство признаков, запечатленных в памяти ранее и воспринимаемых в данном случае, определяет успешность и степень осмысленности, осознанности этого явления. Если впечатление от воздействующего предмета сильно отличается от следов его восприятия в прошлом, то быстрого узнавания, совершающегося автоматически, не происходит. Быстрого и безошибочного узнавания не происходит и в том случае, когда следы от прежних воздействий недостаточно прочны. В таких случаях простое неосознаваемое узнавание предмета дополняется процессом осмысленного припоминания свойств, признаков предмета, воспринятого ранее. Таким образом, в памяти, как и в любой психической деятельности, существуют процессы, которые совершаются осознанно, и процессы, которые протекают неосознанно. Это имеет место в разных видах запоминания и в процессе воспроизведения.

Процесс запоминания осуществляется **непроизвольно** и произвольно. Непроизвольное запоминание представляет собой простое запечатление, возникновение следа в нервной системе от воздействующих на человека предметов и явлений окружающей действительности. Этот процесс совершается без ранее поставленной цели, сам по себе, человек не прилагает специальных усилий для его осуществления. Он не становится предметом осмысливания, осознания. Процесс непроизвольного запоминания имеет место при выполнении деятельности, не связанной непосредственно с необходимостью запоминания.

Произвольное запоминание — это процесс, направленный на решение сознательно поставленной человеком перед собой задачи, специально направленный на наилучшее восприятие и удержание в памяти впечатлений внешних воздействий. Произвольное запоминание совершается осознанно. Человек разрабатывает или применяет разработанные другими специальные способы наилучшего запечатления. Предмет запоминания осознается в разной степени. Он наименее осознан в случае механического заучивания, совершающегося путем проторения путей и закрепления следов в результате многократного повторения. При механическом запоминании отражается простая последовательность воспринимаемых внешних воздействий, без уяснения связи между ними. Оно осуществляется главным образом за счет первой сигнальной системы. По мере включения в процесс запоминания деятельности второй сигнальной системы с ее функцией абстракции, обобщения, систематизации, содержание преднамеренного или произвольного запоминания все более и более осмысливается, осознается. А степенью осознанности запоминаемого определяется успех запоминания — его прочность, полнота, легкость воспроизведения.

Подобно тому как при разных видах запоминания имеет место не одинаковая степень осознанности, как самого процесса запоминания, так и его содержания, так и в процессе воспроизведения не все одинаково осмысливается.

Воспроизведение, по общепринятому в психологии мнению, бывает также произвольным и непроизвольным. При непроизвольном воспроизведении процесс ассоциа-

ции течет свободно, легко, без усилий со стороны человека, осуществляется он неосознанно. При произвольном воспроизведении, когда человек реализует специально поставленную задачу — вспомнить определенный материал, это воспроизведение, как форма мыслительного процесса, становится процессом осознания впечатлений от прежних воздействий, осознания их в соответствующей системе, отнесенными к определенному месту и времени. Понимание воспринятого и воспроизводимого является условием произвольного воспоминания. Это понимание, осмысливание осуществляется при непосредственном участии второй сигнальной системы. Вторая сигнальная система включается, понимается, не только в процесс словесно-логической памяти, при котором запоминаются и воспроизводятся мысли, выраженные посредством языка. Совместная деятельность двух сигнальных систем является необходимым условием запоминания и воспроизведения и наглядных образов предметов и явлений, воздействующих на человека. Формой возникающих в памяти наглядных образов являются представления. Они возникают при запечатлении как конкретных предметных раздражителей, так и их словесных обозначений. Преднамеренное воспроизведение этих образов связано с их осмысливанием, осознанием, которое осуществляется при участии речевой деятельности. Речевая деятельность необходима при формировании цели воспроизведения образов в памяти. Осознанность этих образов заключается в том, что они воспроизводятся как отражение предметов, отнесенных к определенному классу. Эти предметы осознаются как частные проявления общих существенных свойств, сходных у них с многими другими предметами. Отражение существенного в образах возникает в результате взаимодействия двух сигнальных систем, оно вместе с тем является показателем осознанности отраженных в образах предметов и явлений объективной действительности.

Вопрос о соотношении осознанного и неосознанного в конкретных психических процессах должен быть изучен экспериментально. В настоящее время нет специальных работ, направленных на выяснение закономерностей осознания действительности в каждом из психических процессов. Между тем эти исследования должны включать изучение психологических закономерностей

процесса осознания, а также физиологических законов деятельности мозга, составляющих материальную основу этого процесса.

4. Диалектика осознанной и неосознанной регуляции поведения

Своеобразное сочетание осознанного и неосознанного имеет место не только собственно в процессе отражения действительности, но и в процессе регулирования поведения человека. Жизненный смысл психического отражения заключается в том, что оно, выполняя функцию ориентирования человека в окружающей среде, играет роль регулятора поведения. В одних случаях это регулирование осуществляется осознанно, в других — неосознанно.

Непроизвольные движения и действия, занимающие большую часть поведения человека, регулируются неосознанным отражением. В случае непроизвольных движений, возникающих в результате отражения биологически непосредственно значимых раздражителей, регулирующую функцию выполняет раздражимость. Физиологической основой этих действий являются безусловные рефлексы. Подобным образом регулируется и сложная безусловно-рефлекторная, инстинктивная, деятельность. Психическую, но несознательную регуляцию движений можно наблюдать при выключении деятельности высших отделов головного мозга. Например, некоторые животные при разрушении полушарий головного мозга ориентируются в простых пространственных отношениях, получая зрительные впечатления от окружающих их предметов: при передвижении среди предметов они не натыкаются на них. Неосознанная психическая регуляция движений и действий у человека наиболее отчетливо проявляется в некоторых особых случаях. Известно, например, что сомнамбулы в бессознательном состоянии проделывают чрезвычайно сложные комплексы движений и действий, которых в сознательном состоянии они проделать подчас не могут. В этом случае регулятором движения являются неосознаваемые восприятия окружающих предметов и явлений, ощущения от деятельности сухожилий, мышц, связок органов, участвующих в движении. Исключительная прилаженность этих дви-

жений к окружающим условиям, нередко изумляющая наблюдателей, свидетельствует о том, что двигательные реакции тонко регулируются отражением особенностей тех объектов, на которые направлена деятельность, и отражением предметов и явлений, имеющих какое-то отношение к осуществлению иногда виртуозных движений. Эти отражения происходят на уровне первой сигнальной системы.

Неосознанные впечатления от окружающих условий и от состояния двигательной-мышечной системы человека регулируют некоторые автоматизированные движения человека. Самым привычным из них является ходьба. При ходьбе, когда человек ей обучился, нет необходимости осмысливать каждый шаг, условия ходьбы. Регуляция акта ходьбы, имеющего условно-рефлекторный механизм, осуществляется при помощи восприятия особенностей поверхности, на которую попеременно ступают ноги, и тех интерорецептивных импульсов, которые поступают в головной мозг от мышц, участвующих в движении. Если, при некоторых видах заболеваний, мышечное чувство, как главный регулятор движений при ходьбе, отсутствует, оно заменяется зрительными восприятиями поверхности, по которой идет человек. Выключение зрительного анализатора в этом случае приводит к нарушению нормального автоматизированного акта ходьбы.

В отличие от неосознанной регуляции движений при простых и сложных безусловных рефлексах, при автоматизированных движениях регуляция, бывшая ранее осознанной, по мере овладения движением становится неосознаваемой. Существенной особенностью навыка как раз и является то, что отдельные системы движений, входящие в ту или иную деятельность, в результате первоначального обдуманного их совершения и многократного повторения, постепенно начинают осуществляться без контроля сознания, автоматически. Не осознаются в данном случае условия деятельности, некоторые из ее операций. В целом сознательная, специфическая для человека деятельность (письмо, чтение, игра на рояле и т. д.) включает неосознанные, автоматизированные способы ее выполнения. Формируясь при постоянном участии второй сигнальной системы, автоматизированные движения и действия, к которым относятся навыки

и привычки, затем происходят преимущественно в сфере первой сигнальной системы. «Очевидно, — писал И. П. Павлов, — наше воспитание, обучение, дисциплинирование всякого рода, всевозможные привычки представляют собой длинные ряды условных рефлексов. Кто не знает, как установленные, приобретенные связи известных условий, т. е. определенных раздражений, с нашими действиями упорно воспроизводятся сами собой, часто даже несмотря на нарочитое противодействие с нашей стороны? Это одинаково касается как производства тех или других действий, так и выработанного их задерживания, т. е. как положительных, так и отрицательных рефлексов. Известно далее, как иногда нелегко развить нужное торможение в случае как отдельных лишних движений при играх, при манипуляциях в разных искусствах, так и действий»¹.

Сложно взаимное отношение, переплетение осознанной и неосознанной регуляции при формировании и осуществлении навыков и привычек человека. Для полной характеристики этого отношения необходимы еще экспериментальные исследования.

Волевое, произвольное поведение человека регулируется сознанием. Произвольность как качество поведения является особенностью сознательного отражения. Произвольным и произвольным могут быть внимание, восприятие, запоминание, воспроизведение и воображение. И если не полностью, то во многом характеристика психического процесса как произвольного совпадает с определением его осознанности, в то время как произвольность процесса соотносится с его неосознанностью. Наиболее отчетливо эти качества неосознанности и осознанности проявляются в произвольном и произвольном поведении.

Произвольное, сознательное поведение — это поведение волевое. В отличие от произвольных движений и действий человека его волевые действия сознательны. Для волевого поведения характерны постановка человеком цели, предвидение результата соответствующей деятельности, осознание способов достижения ее результатов. Волевое поведение — это сознательная, целена-

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, изд. 2, т. IV, стр. 415.

правленная, преднамеренная деятельность человека. Формирование цели деятельности, имевшей своим источником определенные потребности, возникает в результате осознания, стремления человека удовлетворить эти потребности. При волевом поведении осознаются как исходные позиции деятельности, соответствующие мотивы поведения, психическая подготовка осуществления действия (борьба мотивов, принятие решения), так и само осуществление деятельности. Осознанность каждого из этих звеньев является существенной особенностью волевого поведения. Если какое-нибудь из этих звеньев перестает осознаваться, то нарушается структура волевого акта. Если, например, недостаточно ясно осознаются цель деятельности и последствия, к которым она приведет, или нарушается сознательный контроль за осуществлением волевых действий, волевое поведение превращается в цепь импульсивных действий: человек перестает владеть собой. Способность осознавать цель, результаты и способы достижения поставленных целей в волевом поведении сочетается с осознанием себя как активного деятеля. Последнее находит свое выражение в борьбе мотивов, в принятии решения, во владении собой, — т. е. в постоянном контроле за своими поступками. Осознанность волевого поведения проявляется и в том, что успешность преодоления внутренних и внешних трудностей связана с наличием у человека определенных твердых убеждений, соответствующего мировоззрения. Эти твердые убеждения и сложившееся мировоззрение являются формой осознания взаимоотношений человека с условиями его существования, с окружающими его людьми, с классом, с обществом в целом. От степени полноты, точности, объективности отражения этих отношений будет зависеть сознательность поведения человека как члена общества.

В дискуссиях, проводимых по вопросу о бессознательном, нередко отрицается существование бессознательного как психологической категории. Психическое и сознательное являются якобы понятиями идентичными. Однако при разборе реальных общественных взаимоотношений человека исследователи сталкиваются с тем фактом, что не каждый человек осознает все свои действия, отдаленные общественные последствия своих поступков. Поступая совершенно сознательно в своей

индивидуальной деятельности, человек в ряде случаев не осознает результатов совокупной деятельности общественной группы, к которой он принадлежит.

Категория бессознательного, примененная в буржуазной социологии, как указывалось выше, призвана выполнить определенное общественное назначение. Бессознательное в ряде социологических и психологических концепций нашло свое воплощение в описании деятельности «толпы», «массы». Эта «масса» в свою очередь была скоро отождествлена с «низшими» классами, чернью, подонками общества. Известна в этом отношении «концепция» Лебона¹. Создавая свою своеобразную «психологию социализма», Лебон пытался изобразить торжество бессознательной массовой души, заключенной в скопище бандитов и убийц.

Предпочитая разуму как характерной особенности человека — члена общества некое мистическое, магическое бессознательное, Лебон производит своеобразное классовое разделение психики на сознательную и бессознательную. Разумом якобы наделены представители верхов, бессознательное считается свойством трудящегося народа.

Теория общественного бессознательного была принята и получила свое психологическое «обоснование» в теории бессознательного Фрейда². Согласно этой теории, бессознательное в общественной жизни сводится все к тем же вытесненным сексуальным желаниям, с которыми Фрейд имел дело, анализируя поведение отдельного человека. Эти вытесненные желания якобы присущи всему человечеству с периода дикости. Вся культура, обычаи народов являются с этой точки зрения символической реализацией этих первичных подавленных желаний.

Простым перенесением бессознательного из общественной жизни в психику отдельного человека или наоборот проблема бессознательного не разрешается.

С точки зрения марксистской психологии человек есть общественное существо, процесс осознания им своих отношений представляет собой процесс раскрытия реальных связей между человеком и обществом, процесс

¹ См. Г. Лебон, Психология народов и масс, СПб., 1896.

² См. S. Freud, Massenpsychologie und Ich-Analyse, «Gesammelte Werke», B. 13, London, 1947.

раскрытия объективных закономерностей общественных явлений, свидетелем или участником которых он является. Подобно тому как осознание своих элементарных психических процессов и причин, их вызывающих, имеет разные степени широты и глубины, так и осознание более сложных объективных условий деятельности человека, социального бытия бывает разной степени широты и глубины.

Сам человек, будучи социальным существом, в процессе своей индивидуальной жизни многими нитями связан с объективно существующей действительностью. Совокупность его действительных связей с обществом определяет объективное существование человека, определяет то, чем он действительно является. В индивидуальном сознании отражение положения человека иногда не совпадает с действительным его положением. То, что человек думает и говорит о себе, часто не совпадает с тем, что он реально из себя представляет.

Сложность осознания человеком своего бытия во многом объясняется тем, что и само сознание является необходимым аспектом индивидуального существования.

Человек с детства сталкивается лицом к лицу с объективными условиями, общественными отношениями, которые не зависят от его сознания и воли. К этим условиям и этим отношениям он приспосабливается, не сознавая ни этих отношений, ни реальных общественных последствий своей деятельности. Из того факта, что массы людей бессознательно приспосабливаются к этим отношениям, часто не осознают своих общественных связей, не следует, что индивиды не являются сознательными существами. «Из того, — писал В. И. Ленин, — что люди, вступая в общение, вступают в него, как сознательные существа, никоим образом *не следует*, чтобы общественное сознание было тождественно общественному бытию. Вступая в общение, люди во всех сколь угодно сложных общественных формациях — и особенно в капиталистической общественной формации — *не сознают* того, какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются и т. д. Например, крестьянин, продавая хлеб, вступает в «общение» с мировыми производителями хлеба на всемирном рынке, но он не сознает этого, не сознает и того, какие общественные отношения складываются из обмена.

Общественное сознание *отражает* общественное бытие — вот в чем состоит учение Маркса. Отражение может быть верной приблизительно копией отражаемого, но о тождестве тут говорить нелепо»¹.

Классики марксизма указывали, что все, что побуждает человека к деятельности, проходит через его сознание, но какую форму эти побудительные мотивы примут в голове определенного человека, будет зависеть от многих обстоятельств. В ряде случаев осознание общественных условий, отношений может быть искаженным, у индивида может, по словам Энгельса, возникнуть «ложное сознание».

При характеристике отражения общественных условий существования, определенных отношений, в которые вступает человек, о неосознанном можно говорить как о неполном отражении, неточном понимании действительных объективных закономерностей общественного развития, скрытых за видимостью явлений.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 309.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей книге сделана попытка рассмотреть некоторые стороны проблемы сознания. Центральная задача, стоявшая перед нами, заключалась в том, чтобы дать характеристику сознания как высшей, присущей лишь человеку, формы отражения объективной действительности. Руководящим принципом предпринятого анализа является диалектико-материалистический принцип детерминизма. В его конкретизации при рассмотрении проблемы сознания как в фокусе сходятся теория познания диалектического материализма и рефлексорная теория И. П. Павлова. Философская и естественнонаучная характеристика сознания объединяются в единой формулировке, определяющей сущность этого явления: сознание — это отражение действительности, функция мозга.

Понимание сущности сознания было бы односторонним, а потому и ненаучным, если бы мы не признавали обратной связи сознания и внешнего мира, а сами явления сознания не рассматривали бы как звено во всеобщей связи явлений действительности. Пониманию сознания как пассивно-созерцательного отражения диалектический материализм противопоставляет представление о действенной роли сознания, об активном характере связей человека с действительностью. Сознание, подчеркивал В. И. Ленин, не только отражает мир, но и творит его.

Своеобразие отношений человека и природы заключается в том, что изменения внешнего мира человеком осуществляются по заранее намеченным планам, в связи с сознательно поставленной целью. Чем более люди, писал Ф. Энгельс, «отдаляются от животных, тем более их

воздействие на природу принимает характер преднамеренных, планомерных действий, направленных на достижение определенных, заранее намеченных целей»¹.

Сознание при этом выступает в известной степени причиной изменений, производимых человеком во внешнем мире. И именно диалектический материализм позволяет правильно уяснить характер реальных взаимоотношений сознания и внешнего мира. Сложной системе объективных воздействий, включающей материальные предметы, явления и формы общественного бытия и сознания, противостоит не голая, абстрактная отражательная способность, чистая субъективность, идеальность, а реальный общественный человек, обладающий определенным психическим складом и имеющий соответствующую телесную организацию. Сознание становится регулятором деятельности человека в определенных общественно-исторических условиях, как субъекта, познающего и преобразующего внешний мир. Эту роль сознание может выполнить потому, что оно само является отражением действительности, пересаженным в человеческую голову преобразованным бытием.

Сознание, возникнув с необходимостью в процессе исторического развития материи, становится и регулятором собственной жизнедеятельности человека. И. П. Павлов отмечал, что человек представляет собой в высшей степени саморегулирующуюся систему. Не бессознательная мистическая сила фрейдистов, а сознание, как высшая форма отражения человеком действительности, является специфическим для человека регулятором его поведения. Человек — это активное, обладающее волей, сознательное существо.

Вопрос о соотношении причинной обусловленности сознания человека общественным бытием и вопрос об активном, преобразующем отношении сознания к действительности — один из главных вопросов философии. В истории философии, психологии, этики он ставился и обсуждался как вопрос о необходимости и свободе воли.

Метафизическое подчеркивание одной из сторон в этом соотношении обусловило существование двух противоположных концепций — фатализма и волюнтаризма.

¹ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, стр. 139.

Механистический материализм настаивает на признании безусловной внешней причинной обусловленности каждого действия, любого поступка человека, его волевого поведения. Свободной, активной деятельности человека не остается места.

Не только поведение отдельной личности, но и весь ход исторического развития, с точки зрения фаталистов, будто бы предопределен, направляется роком. Классы, партии, отдельные личности якобы не способны вмешаться в ход истории, наложить на события печать своей воли, осуществить свои заранее поставленные цели. Человек, по мнению фаталистов, представляет собой существо, ничего не могущее сделать, пассивно подчиняющееся слепой силе природных и общественных законов. Человек оказывается беспомощным перед внешними силами, у него нет возможности что-либо изменить, направить, регулировать. Позицию фаталистов отчетливо выразил Р. Штаммлер. «Если научно предусмотрено, — писал он, — что известное событие в совершенно определенной форме необходимо должно наступить, бессмысленно в таком случае еще и желать или содействовать *именно этой определенной форме* этого известного события. Нельзя основать партию, которая поставит себе целью «сознательно содействовать» наступлению точно вычисленного затмения луны. И если врачу точно известно, что больной умрет в течение этого вечера, то является совершенно непонятным, каким образом этому событию можно было бы содействовать, *раз оно познано, как каузально необходимое*»¹.

Фатализм обрекает личность, партии, классы на пассивность, созерцательное отношение к окружающему, а события — на стихийный ход, самотек.

Созерцательный подход к действительности характерен для всего домарковского метафизического материализма. «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и феербаховский, — писал К. Маркс, — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность, берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *чело-*

¹ Р. Штаммлер, Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории, т. II, СПб., 1907, стр. 97.

веческая чувственная деятельность, практика, не субъективно»¹.

Противоположной фатализму точкой зрения на характер взаимоотношений человека со средой является волюнтаризм. Представители этого субъективно-идеалистического направления считают, что в природе и обществе нет объективных закономерностей, человек по произволу будто бы может изменить действительность, творить ее. Сознание субъекта, его воля рассматриваются как первичное по отношению к действительности.

С точки зрения волюнтаристов, надмирная, надприродная воля является единственным двигателем поведения человека. Эта воля воплощается в воле отдельных людей. По мнению волюнтаристов, человек обладает волей от рождения. Из повседневных наблюдений следует, что воля людей различна: у одних она сильная, у других — слабая. Из этих двух посылок волюнтаристы делают вывод о том, что возможно будто бы рождение людей со сверхсильной волей, способных стать над другими людьми, управлять ими, властвовать над ними. Именно волюнтаризм породил бредовую идею «сверхчеловека», которую проповедовали Шопенгауэр, Ницше. Эта идея использовалась для обоснования самой реакционной идеологии — фашизма.

Волюнтаризм является характерной особенностью большинства идеалистических направлений современной зарубежной философии. Но прагматизму, пожалуй, он свойственен больше всего. Для прагматистов в конечном итоге в центре всего оказывается «Я» со своим личным миром, а все остальное существует лишь постольку, поскольку оно приносит пользу, способствует достижению поставленных целей или мешает осуществлению практических намерений субъекта (Фрэнк, Джемс, Шиллер). Для Дьюи объект — это то, что сопротивляется человеку, то, что встает на пути осуществления его планов².

Эта позиция служит идеологическим обоснованием авантюризма в политике. Империалистические заправилы, не считаясь с объективными законами обществен-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 1.

² См. J. Dewey, Experience, Knowledge and Value: A Rejoinder, «The Philosophy of John Dewey», Ed. by P. Schilpp, 1939. Evanston and Chicago, p. 542.

ного развития, пытаются навязать свою волю народам мира, насильственно повернуть колесо истории вспять. Однако история имеет немало примеров того, как политический авантюризм неминуемо обрекался на провал. Никакие выдающиеся личности, обладающие «сверхсильной» волей, неукротимым «инстинктом власти», не в состоянии определить или изменить ход истории, в основе которого лежат объективные общественные закономерности.

Диалектико-материалистическое понимание специфических отношений человека с окружающей средой заключается, как мы указывали выше, в том, что человек не пассивно воспринимает внешние воздействия, а что он сам активно противостоит природе. Познавая природу, активно воздействуя на нее, человек ее изменяет.

Понимание активного, и в этом смысле свободного, отношения человека к природе и обществу в диалектико-материализме опирается на признание независимого от человека существования объективных закономерностей.

Объективное существование внешнего мира, развитие его по свойственным ему законам отражаются в голове человека как представления, мысли, теории, идеи, желания, цели, намерения, побуждения к деятельности. «Воздействия внешнего мира на человека, — писал Ф. Энгельс, — запечатлеваются в его голове, отражаются в ней в виде чувств, мыслей, побуждений, проявлений воли, словом — в виде «идеальных стремлений», и в этом виде они становятся «идеальными силами»¹.

Эта основная материалистическая посылка для понимания характера активности сознания человека во взаимоотношениях его с внешним миром в яркой форме выражена В. И. Лениным. «На деле цели человека, — писал он, — порождены объективным миром и предполагают его; — находят его, как данное, наличное. Но кажется человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы („свобода“)².

Диалектико-материалистическое раскрытие закономерностей общественного развития дало возможность

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 357.

² В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 180.

понять действительное место человека в природе, его роль в развитии общества. Соответствующим образом оценено значение субъективного фактора в истории. Фатализму и волюнтаризму противопоставляется материалистическое понимание постоянной связи человека с объективной действительностью: обусловленности его поведения и активности его сознания. Диалектический материализм раскрыл диалектику свободы и необходимости в поведении человека. Оценивая значение сознания в жизнедеятельности человека, марксизм-ленинизм свободу человека видит не в воображаемой независимости от объективной действительности, а в господстве над природой, над общественными силами на основании познания и использования объективных законов природы и общества. «Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, — писал Ф. Энгельс, — а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей»¹. В связи с этим Энгельс определяет свободу воли как способность принимать решения со знанием дела.

Свобода человеческой деятельности проявляется также в овладении человеком собственными чувствами, потребностями, желаниями — в господстве человека над самим собой. Это же господство над собой определяется в конечном итоге осознанием человеком объективных закономерностей природы и общественного развития. Таким образом, познание объективной необходимости, закономерностей объективной действительности является необходимым условием свободной, осознанной деятельности человека. «Пока мы не знаем закона природы, — писал В. И. Ленин, — он, существуя и действуя помимо, вне нашего познания, делает нас рабами «слепой необходимости». Раз мы узнали этот закон, действующий (как тысячи раз повторял Маркс) *независимо* от нашей воли и от нашего сознания, — мы господа природы. Господство над природой, проявляющее себя в практике человечества, есть результат объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы, есть доказательство того, что это отражение (в пределах того, что показывает нам практика) есть

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 107.

объективная, абсолютная, вечная истина»¹. Ту же мысль подчеркивал В. И. Ленин, когда он писал, что законы внешнего мира есть основа целесообразной деятельности человека.

Процесс все углубляющегося проникновения человека в тайны природы, процесс познания и овладения объективными законами общественного развития есть вместе с тем процесс осуществления свободы человека. Диалектический материализм рассматривает свободу не как абстрактную возможность человека стать над действительностью и диктовать ей законы, а как действительное овладение реальным человеком реальными обстоятельствами. Внеисторической свободы человека не существует. Невиданное в истории покорение сил природы, сознательное использование объективных законов общественного развития в эпоху социализма и при переходе от социализма к коммунизму — коренные условия резкого повышения свободного творческого отношения человека к действительности.

Классики марксизма-ленинизма гениально предвидели это изменение взаимоотношений человека с внешним миром. Ф. Энгельс указывал, что при переходе к социализму «люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в значительной и все возрастающей степени и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»².

Употребляя выражение «царство свободы», классики марксизма-ленинизма не имели в виду полной независимости человека от объективной действительности. Они подчеркивали только то, что при социализме человек, освобожденный от эксплуатации, получает безграничную возможность познания объективных законов и максимального использования их в своей целесообразной планомерной деятельности. При увеличении свободы человека его сознание не перестает быть отражением объективной, существующей вне и независимо от человека, действительности.

Принцип материалистического детерминизма в сочетании с диалектико-материалистически понятой свободой

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 177.

² Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 267.

человека дает возможность понять зависимость человека от внешнего мира и сущность его активного, творческого, преобразующего отношения к действительности. «Идея детерминизма, — писал В. И. Ленин, — устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю»¹.

История развития нашей Родины наглядно показывает, как освобождение человека от эксплуатации, правильное познание объективной действительности дает простор развитию творческих возможностей людей, освобождению их от рабской зависимости от законов природы и общества. Познание объективной необходимости обуславливает свободное, осознанное, творческое, преобразующее отношение человека к действительности — природе, обществу, самому себе.

Социалистическая демократия служит целям обеспечения свободы личности. «Социалистическая демократия в отличие от буржуазной демократии не только провозглашает права народа, но и обеспечивает реальную возможность их осуществления. Советское общество обеспечивает действительную свободу личности. Высшее проявление этой свободы — освобождение человека от эксплуатации. В этом прежде всего подлинная социальная справедливость»².

Вступление Советского Союза в эпоху перехода от социализма к коммунизму связано с возрастающей общественной активностью масс, с высоким подъемом сознательности трудящихся. Коммунистическая партия Советского Союза проявляет в связи с этим постоянную заботу о воспитании коммунистической сознательности, о всестороннем развитии личности нового человека, о появлении у него новых привычек, чувств, понятий. Проблема активности сознания строителя коммунизма имеет поэтому не только теоретический интерес, но и большую практическую значимость.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 142.

² «Программа Коммунистической партии Советского Союза». Проект, стр. 16.

SUMMARY

In the present book some questions pertaining to one of the most important problems in philosophy and natural sciences — the problem of consciousness, are discussed.

The main attention in the book is concentrated on the characteristic of consciousness, as a highest function of brain, connected with faculty of speech, and form of reflection of the objective reality specifically inherent in man.

The approach to this problem is based on the dialectical materialist concept of the relation between consciousness and being, which recognized a secondary dependence of the nature of consciousness as a function of brain and the reflection of reality, and on the thesis of social determination of consciousness.

Specific features of reflection of reality by man, as compared with the reflection of the outward world by animals, are due to the conditions of his social being, his mode of life. The peculiar feature of man's social being is its historical social character. A distinguishing feature of the man's mode of life is labour activity.

An attempt is made in the book, on the basis of philosophical principles of dialectical materialism which is diametrically opposite to those of the objective and subjective idealisms, to analyse some social factors accounting for the formation of consciousness. In particular, the question on language as a condition of existence of consciousness is given special attention.

Being by its nature a social process, consciousness is at the same time a form of reflecting of reality by an individual. Reflection of nature and society is being car-

ried on by man in forms of individual consciousness and in various forms of social consciousness. A question of the relationship between individual and social consciousness, and in this connection, a question of the relationship between psychology and sociology, are given in the book special attention. Psychology, as a science, recognizes consciousness as a function of brain determined by social life of people. Sociology deals with the content of consciousness, as the reflection of social relationships of people, of social being, determining the main patterns of the society. This difference between the two should always be born in mind in order to avoid of «sociologisation» of the psychology as a subject, on the one hand, and of «psychologisation» of sociology as a subject, on the other.

Having specific features individual and social consciousness are constantly connected and interact with each other.

The question of the relationship between individual and social consciousness is not only of theoretical interest but is also of practical value, particularly in connection with the task of bringing up communist consciousness in our people.

Historical approach to the phenomena of consciousness rises questions about the sources from which these phenomena originate, about the connection between various stages and forms of reflection, and about biological preconditions responsible for originating a human mode of reflection of reality. In order to be able to answer some of these questions the author analyses the relationship between the concepts of psychics and those of consciousness, succession in the evolution of psychics of animals and man, objective and subjective factors in the reflection of the outward world by animals.

In most primitive forms the psychical processes arise in the animal world, and in the course of evolution of the nervous system these processes develop. But even higher forms of psychic reflection, which take place in anthropoid apes, are unconscious. Consciousness is a characteristic feature of psychic processes of man. Coming into being of this phenomenon signified the birth of a new quality of psychic reflection inherent only in man.

Analysis of the development of psychics in animals (from elementary sensitivity to complex forms of tool

activity) is based on comprehensive experimental material, reported by numerous investigators in this country and abroad.

In the book under review an idea is consistently pursued that the development of the reflection forms is connected with the development and complication of the conditioned reflexive activity of organisms. A conditioned reflex is an elementary unit of the higher nervous activity representing simultaneously a phenomenon possessing both physiological and psychic features.

The author is of opinion that the characteristic of only objective content of reflection, i. e. of what can be perceived from the outward world and what helps an animal orient itself in the surrounding world, is not sufficient for understanding the nature of psychic phenomena in animals. The content of reflection interweaves with the complex system of the organism life activity and acquires thereby an individualized character. A special part of the book is dedicated to the factors accounting for individualized (specific) form of psychic reflection in animals.

A considerable attention the author pays to the characteristic of the physiological background of consciousness. The question of material foundation of psychics at present in concretized form is being discussed as a relationship between psychics and forms of motion of matter. Correlation between consciousness and motion of matter most fully was expressed by V. I. Lenin who stated that concepts of materialism consist not in deducing sensations out of motion of matter, or to reduce them to the motion of matter, but in recognizing the sensation as one of the properties of moving matter. Specificity of this property, as compared with other properties of matter, consists in its ideality. Consciousness is not a sort of substance, an entity. It is a peculiar manifestation of matter, its specific property.

In order to characterize the material foundations of consciousness it is of importance to elucidate the relation between psychics and higher nervous activity.

According to the concept developed by I. P. Pavlov, psychical activity is the higher nervous activity. By stating that higher nervous activity is simultaneously physiological and psychical activity, we do not reduce the

psychical to the physiological. As far as psychics is concerned, the same processes of the higher nervous activity which are studied by physiology, appear for psychologist in a new specific quality. A discovery of the signal principle of the brain functioning, made by I.P. Pavlov, represents a criterium of the vital sense of the psychical phenomena and their significance in the behaviour of organisms. Of particular importance for understanding of the physiological background of consciousness is the I. P. Pavlov's concept on specificity of the second signalling system in man, which interacting with the first signalling system serves as a physiological foundation of the specifically human forms of reflection of reality — conscious reflection which regulates the purposeful planned activity of man not only as an organism but as a subject of the socio-historical vital activity.

In recent decades the problem of the relation between consciousness and brain has been attracting attention of scientists from various fields of knowledge — psychiatrists, neuropathologists, physiologists, psychologists. A progress in the field of extensive experimental studies of the functioning of different sections of brain, application of new methods of research, call for more detailed characteristics of the relation between consciousness and physiological activity of brain. Solution of the problem of localization of consciousness is now being expressed, as a rule, through physiological investigations.

Experimental studies conducted using electrophysiological, neuro-surgical, neurographical, and other techniques represent a great contribution to the elucidation of complicated relations between various sections of brain, in particular, those between the cortex and sub-cortex formations. Many of these studies constitute a doubtless asset to the science. But basing on the false methodological positions a theory of centre-encephalitic system was proclaimed which is inconsistent with the true understanding of the functional role of different sections of the brain. Particularly acute, in connection with the theory of centre-encephalitic system, is the question about the qualitative characteristics of functions associated with definite structures. Origination in the evolutionary process of the organic world of new brain structures, no doubt, had to produce changes in func-

tions: a function is dependent on structure. A complicated function must be connected with more complicated brain forms. This is required by materialistic principle of development, by the evolutionary approach to the study of both structure and function attached to it. Meanwhile, according to the centre-encephalitic system theory the most complex nervous integration, which results in purposeful activity and consciousness of man, is carried on by more ancient nervous structures which are more primitive than the complicated structure of cortex appeared later. The centre-encephalitic system of man does not differ much qualitatively from that of animals. It means that their functions, in particular those of higher nervous integration, do not differ much either. But this is not the case, because conscious reflection and purposeful activity is inherent only in man.

Considering the role of various sections of the nervous system in the interrelations of the organism with the environment, and, consequently, the physiological factors as well, accounting for origination of psychical phenomena, we proceed from the principal assumption which makes a part of I. P. Pavlov's physiological theory, that the organism establishes its relations with the environment as an entity, integral formation and that all physiological regularities result from the adaptivity of the organism to definite conditions of existence.

Psychical activity connected with the first signalling system acquires its specificity due to the developing in man of a new kind of the signalling functions of nervous system. The characteristic of physiological background of consciousness is specially discussed, with consideration of some features of the higher nervous activity of man responsible for the specificity of his psychical processes.

Elucidation of the nature of consciousness as a specifically human kind of reflecting of reality requires not only understanding of the place the consciousness occupies in the system of causations and interrelations of the objective reality but characteristic of the place it occupies in the system of psychical phenomena as well. But considering the relation of consciousness with other psychical processes we start from the thesis that any

psychical phenomenon, be it conscious or not, should be considered not from within, but from its relationship with the outward world. Moreover, this relationship is not confined only to the bond of an isolated psychical phenomenon with outward stimulus which has caused this phenomenon, but is viewed as a result of the inter-relationship of the subject with the objective reality in a more general sense. The psychical phenomenon itself represents a form of man's relation with outward world.

The essence of consciousness is, first of all, that it is the reflection of reality. Knowledge is the core of consciousness.

The gnosiological character of consciousness consists in the coincidence of cognition and consciousness.

Reflection of objective reality constitutes the content of consciousness. The mechanism of consciousness consists in disclosing of the relation between the psychical phenomenon and the real fact causing this phenomenon. Animals are also endowed with psychical processes, but they are void of power of realizing the objective cause responsible for the change in the internal state, which has become the content of the psychical reflection. Sensations of man are unconscious until he establishes which outward stimulus causes these sensations. When we speak about consciousness as a supreme form of reflection of reality, we mean that in the real process of realization of the outward world over sensations, ideas and thinking no any additional superstructure is built which basing on everything lying underneath represents something distinguishing from and existing independently of them. Actually, these forms of reflection in the process of the socio-historical evolution of man acquire a new quality. Consciousness is not anything standing above sensations and reasons, but represents a realized reflection of the outward world carried out through their mediation.

The objective reality can be cognized by a concrete person. And this individual not only cognizes it but is capable of perceiving and acting. The psychical processes belong to a certain (definite) subject, perceived by him. The belonging of the psychical processes to a definite individual accounts for the subjective character of the

cognition activity of man. Consciousness is not only cognition but perception as well.

The vital significance of consciousness would not be justified if it were not associated with the real behaviour of man, with his activity. Therefore the characteristic of the connection between consciousness and activity is indispensable for understanding of the essence of consciousness and the specific peculiarities of the reflective activity of the man's brain.

Special sections in the book deal with analyses of correlations between consciousness and perception, feelings, consciousness and cognition, consciousness and activity.

Particular attention in the book is paid to self-consciousness which is a kind of consciousness. Similarly to consciousness, it is characterized by the inseparable connections between perception and consciousness, which form and manifest themselves in a concrete activity of an individual.

Self-consciousness forms in the process of the historical evolution of man. But its structure, regularities governing its formation, are particularly significant at the origination of self-consciousness in childhood.

The process of realization by man of himself, beginning with a certain self-sensation appearing during his vital activity, forms in the same way as the process of realization of the outward world. Development of self-consciousness consists in the transition of sensation to ideas (concepts) and from these to the thought.

Phenomena of self-consciousness are also based on the cerebral reflex activity with which physiologists and psychologists come across when they study the process of cognition by man of the surrounding world.

The principal thesis of dialectical materialism about the social essence of consciousness is also valid for understanding of self-consciousness of an individual and is confirmed experimentally by psychological studies. These studies show that, apart from the world of things the formation of all elements of self-consciousness of an individual is greatly influenced by other people, by a community as a whole.

Much attention in the book is paid to the analysis of interrelations between conscious and unconscious phenomena in the psychics of man. By criticizing strongly the idealistic conceptions of the unconsciousness, freudism and neo-freudism in particular, the author characterizes consciousness and unconsciousness as properties of psychical reflection, some conditions for transformation of the unconscious reflection into conscious one, dialectics of conscious and unconscious regulation of behaviour.

In conclusion, an active role of consciousness as a regulator of behaviour is emphasized.

The problem of consciousness in the present book is analysed on the philosophical basis of the dialectical materialism and I. P. Pavlov's theory on the higher nervous activity.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авенариус Р. — 16
 Авраменко А. М. — 150
 Аверкромби — 324
 Айрапетьянц Э. Ш. — 296
 Александер Ф. — 282
 Аллен У. — 166
 Ананьев Б. Г. — 10, 91, 266, 268, 273, 274
 Андреев И. Д. — 6
 Андреев Л. А. — 110
 Анохин П. К. — 191
 Анреп Г. В. — 110
 Антонов Н. П. — 7, 8
 Аренс Л. Е. — 95
 Арский Х. Т. — 134
 Архипов В. М. — 145, 146, 150, 151
 Асратян Э. А. — 101, 102
 Аш С. — 54
- Балонов Л. Я. — 228
 Барбель И. Э. — 306
 Бартлетт Ф. — 287
 Баяндуров Б. И. — 109, 112
 Беляев Б. В. — 158
 Беляков В. В. — 110
 Бенеке Ф. — 278
 Беркли Д. — 15
 Бине А. — 16, 17, 27
 Бирюков Д. А. — 104
 Боден — 20
 Бозанкет Б. — 13
 Богданов А. А. — 52, 53
 Болдуин М. — 20
 Боринг Э. — 304, 305
 Боун Б. — 13
 Брайтман Э. — 13
- Брамштедт Ф. — 98
 Бремер Ф. — 186, 187, 188
 Бродген У. — 305
 Брэдли Ф. — 13
 Быков К. М. — 95, 100, 267, 296, 297
 Бэн А. — 279
- Вацура Э. Г. — 136
 Веккер Л. М. — 98
 Винслоу — 323
 Витгенштейн Л. — 17, 18
 Войтонис Н. Ю. — 130
 Волкова В. Д. — 223
 Воскресенская А. К. — 100
 Вудбридж Ф. — 18
 Вундт В. — 17, 236, 238, 247, 278
 Вяземский Н. А. — 150, 151
- Гаганова В. И. — 85
 Галл — 161
 Гаррингтон Д. — 14
 Гартман Э. — 278, 279, 280, 290
 Гасто — 190, 193, 194
 Гегель Г. — 13, 15, 271
 Гельмгольц Г. — 278
 Гербарт И. — 235, 247, 278
 Геринг Э. — 236
 Герцен А. А. — 260
 Герцен А. И. — 259, 260
 Гесс В. — 187, 188
 Гершуни Г. В. — 297, 306, 307, 308
 Гиппократ — 128
 Гольбах П. — 21

Горбачева В. А. — 274
Гюйом П. — 90

Давиденков С. Н. — 184
Дарвин Ч. — 87, 88, 89
Декарт Р. — 143, 234
Дембовский Я. — 99
Джаспер Г. — 171, 173, 174, 175
Джемс У. — 20, 21, 338
Джирден Э. — 305
Дженнингс Г. — 121
Джентиле Д. — 13
Джонсон У. — 18
Дицген И. — 28
Долин А. О. — 116, 134
Дорофеев И. Ф. — 90
Доценко С. Н. — 184
Драгунова Т. В. — 274
Дробиш М. — 247
Дюринг Е. — 45
Дьюи Д. — 19, 338

Ерофеева М. Н. — 127

Жанэ П. — 280

Зборовская И. И. — 117
Зеленый Г. П. — 166
Зубков А. А. — 100

Иванов-Смоленский А. Г. — 101,
115, 208, 214, 221, 222, 228,
308

Израель Р. — 90
Иеркс А. — 90
Иеркс Р. — 90
Икклз Д. — 141, 142, 143, 162

Калинин М. И. — 84
Каллер Э. — 305
Кальсин Ф. Ф. — 9, 148, 151,
152, 153
Каминский С. Д. — 134
Кант И. — 246, 247, 248, 278
Капустник О. П. — 216, 221
Карнап Р. — 17, 18
Кауфман Ф. — 17
Келер В. — 89, 90

Кинг — 20
Киселинчев А. — 9, 41, 99
Кларк — 142
Клейст К. — 161
Клещов С. В. — 117, 126
Князева А. А. — 306
Кожевников В. А. — 306
Котляревский Л. И. — 228, 310
Короткин И. И. — 218, 306
Красногорский Н. И. — 208,
222, 223
Крафт В. — 17
Крейндлер А. — 191
Крекнина А. В. — 130
Крепс Е. М. — 100
Куватов Г. Г. — 134
Курбатов Б. М. — 221
Кьюби Л. — 282, 288

Ладыгина-Котс Н. Н. — 8, 113,
117, 119, 136

Леб Ж. — 121
Лебон Г. — 332
Лейбниц Г. — 14, 246, 248, 277
Лейн М. — 287
Леман А. — 168

Ленин В. И. — 4, 22, 23, 24,
25, 28, 29, 33, 41, 52, 53,
56, 57, 58, 64, 68, 69, 78,
80, 84, 87, 146, 147, 149,
242, 264, 333, 334, 335, 339,
340, 341, 342

Леонтьев А. Н. — 8, 9, 10, 91,
97, 98

Лешли К. — 181
Ливанов М. Н. — 192
Личко А. Е. — 228
Локк Д. — 234, 235, 242
Лопатина Н. Г. — 100
Лотце Г. — 279
Лурья А. Р. — 313
Любимов Н. Н. — 191, 192
Люблинская А. А. — 313

Майоров Ф. П. — 134, 318, 321
Мак Комас — 169
Макс Л. — 168
Маритэн Ж. — 14
Маркс К. — 24, 34, 36, 37, 39,
40, 42, 43, 44, 45, 46, 55, 57,
58, 59, 60, 62, 63, 69, 80, 159,
210, 241, 244, 245, 252, 271,
334, 337, 338, 339, 340

Марсель Г. — 19
 Марусева А. М. — 306
 Марфи Г. — 305
 Марфи Л. — 305
 Мах Э. — 15, 16
 Машковцев А. А. — 95
 Мегоун Г. — 172, 186, 187, 192
 Медведев Н. В. — 9
 Мейерсон И. — 90
 Метальников С. И. — 98
 Могенович М. Р. — 96, 307
 Моррис Ч. — 18
 Мур Д. — 19
 Мюнстерберг Г. — 280

Народицкая Г. Д. — 221, 222
 Натоп П. — 239
 Наумова Т. С. — 191, 192
 Нильсен И. — 162
 Ницше Ф. — 338
 Новикова А. А. — 213
 Ньюкам Т. — 305

Павлов И. П. — 9, 33, 93, 95, 96,
 97, 99, 101, 104, 107, 108, 111,
 114, 115, 119, 122, 123, 124,
 125, 126, 128, 129, 130, 133,
 134, 135, 136, 140, 143, 144,
 150, 151, 152, 153, 154, 155,
 156, 157, 158, 159, 163, 164,
 165, 166, 180, 181, 189, 190,
 191, 192, 193, 195, 196, 199,
 201, 202, 204, 205, 206, 207,
 208, 210, 211, 212, 213, 214,
 224, 230, 231, 233, 287, 288,
 291, 292, 295, 296, 297, 302,
 303, 304, 308, 309, 316, 317,
 318, 319, 330, 335, 336

Павлов Т. — 9, 153, 154, 155
 Палатник С. А. — 134
 Пенфилд В. — 171, 173, 174,
 175, 176, 177
 Петрушевский С. А. — 154
 Пилсбери У. — 169
 Пирри Р. — 19
 Платон — 12, 13, 15
 Поликарпов Г. Г. — 100
 Попов Н. А. — 109
 Преображенская Н. С. — 184
 Принс М. — 280
 Промптов А. Н. — 95
 Протасеня П. Ф. — 7

Протопопов В. П. — 117
 Пузанова-Малышева Е. В. — 95
 Пумпиан-Миндлин Э. — 282
 Пшоник А. Т. — 306
 Пэн Р. М. — 213

Расмуссен Т. — 171
 Рассел Б. — 17, 18
 Рейдер Н. — 288
 Рейнгольд Э. — 247
 Рибо Т. — 280
 Ринес Р. — 172
 Рогинский Г. З. — 113, 117
 Рогов А. А. — 306
 Роже — 190
 Розенгард-Пупко Г. Л. — 313
 Роменс Д. — 89
 Росс Э. — 282
 Рубинштейн С. Л. — 10, 91,
 155, 156, 312

Самсонова В. Г. — 306
 Сепп Е. К. — 184
 Середина М. И. — 216
 Сеченов И. М. — 31, 87, 105,
 119, 120, 131, 138, 201, 230,
 242, 252, 253, 265, 266, 267,
 268, 269, 294, 295, 297, 317,
 322, 323, 325
 Смирнов А. А. — 10, 91
 Смоленская Э. П. — 216, 218
 Собиева Г. А. — 273, 274
 Соколов Е. Н. — 102, 103, 200
 Солтер А. — 284
 Спенсер Г. — 279
 Спиркин А. Г. — 7
 Сполдинг Э. — 19
 Старр А. — 280, 287
 Сторм ван Леувен — 194
 Суслова М. М. — 321

Теплов Б. М. — 10, 91
 Тинклпоу — 130
 Титченер Э. — 17, 236
 Тих Н. А. — 117
 Тихомиров Н. П. — 111
 Толмэн Э. — 305
 Томпсон К. — 282
 Трауготт Н. Н. — 216, 221, 228
 Трофимов Л. Г. — 191, 192, 194
 Тэн И. — 324

Уолберт Ч. — 169

Уолтер Г. — 194
Уотсон Д. — 169, 308, 309
Усиевич М. А. — 110, 292, 293,
307
Ухтомский А. А. — 303

Фаддеева В. К. — 213, 221, 310,
311
Федоров А. Я. — 223
Федотов Д. Д. — 288
Фессар А. — 176
Феничел О. — 281
Фехнер Г. — 278
Филимонов И. Н. — 184
Финч Г. — 305
Фихте И. — 15, 271
Флюэллинг Р. — 13
Фоли Д. — 167
Фрейд З. — 52, 280, 281, 282,
283, 284, 285, 286, 287, 288,
291, 292, 299, 315, 316, 332
Фримен Д. — 168, 170
Фриш К. — 112
Фролов Ю. П. — 108
Фромм Э. — 52, 282
Фромм-Рейхман Ф. — 282
Фрэнк Л. — 338
Фурсиков Д. С. — 110

Хансен Ф. — 168
Харитонов С. А. — 134
Харлоу — 90
Хасхачих Ф. И. — 6
Хилгард Э. — 282
Хозак Л. Е. — 228
Холт Э. — 19
Хорни К. — 52, 282
Хромов Н. А. — 145
Хрушев Н. С. — 71, 85

Цельнер — 278

Чейз С. — 18
Черников А. М. — 109
Чистович Л. А. — 306, 307

Шастин Н. Р. — 223
Швачкин Н. Х. — 313
Шварц Л. А. — 226
Шеллинг Ф. — 278
Шенгер-Крестовникова Н. Р. —
112
Шеррингтон Ч. — 139, 140, 141,
142, 161
Шиллер Ф. — 338
Шилп П. — 338
Шлик М. — 17
Шмид-Коварчик В. — 240
Шнирман А. Л. — 276
Шопенгауэр А. — 338
Штаммлер Р. — 337
Штерн В. — 265

Эддингтон А. — 141, 142
Эдриан Э. — 141, 142
Элькин Д. Г. — 313
Энгельс Ф. — 23, 24, 34, 35, 36,
37, 39, 40, 42, 43, 44, 45, 55,
57, 58, 59, 60, 62, 63, 65, 69,
80, 81, 82, 87, 88, 120, 121,
138, 144, 145, 209, 210, 241,
245, 255, 256, 271, 334, 335,
336, 338, 339, 340, 341
Эрикссон Т. — 171, 173

Юм Д. — 235, 236
Ющенко А. А. — 134

Ярошевский М. Г. — 307
Ясперс К. — 19

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абстракция — 12, 231, 232, 312
- Адаптация органов чувств — 200
- Адаптационный рефлекс — 102, 103
- Активность сознания — 8, 81, 239, 240, 252, 255, 339, 340
- Анализ — 163, 185, 206, 207, 208, 224, 232, 274, 298, 313
- Анализатор — 112, 114, 118, 136, 165, 166, 181, 182—184, 192, 195, 197, 198, 201, 211, 217, 218—220, 267, 297, 313, 322, 329
- Аналитико-синтетическая деятельность нервной системы — 114, 185, 187, 196, 223, 231, 297, 299
- Антропоморфизм — 89, 107
- Апперцепция — 246—248
- Ассоциация — 92, 96, 207, 222
- Афферентные нервные пути — 122, 172, 186, 187, 197, 198

- Безусловный рефлекс — 36, 47, 93, 94—96, 100, 101, 104, 126, 127, 133, 163, 164, 203, 206, 212, 213, 290, 292, 293, 296, 297
- Бессознательное — 10, 51, 176, 205, 236, 251, 277—289, 291, 294—296, 299, 300, 303, 305, 315, 316, 320, 328, 331, 332
- Биологическое отражение — 94, 104
- Биологические предпосылки сознания — 11, 87, 132, 135

- Бихевиоризм — 156, 169, 251, 309
- Большие полушария головного мозга — 48, 163—167, 182, 205, 206, 296, 302, 303
- Бытие — 3, 9, 12, 14, 30, 32, 35, 41, 57, 60, 78, 79, 80, 139, 333

- Взаимная индукция — 204, 208, 209, 212, 222, 303, 311, 312, 318, 319
- Взаимодействие сигнальных систем — 208, 212, 215, 218, 224, 232, 308, 311, 312, 318, 327
- Влечение — 52, 125, 285, 286, 287, 291, 298—300
- Внезапное замыкание временных нервных связей — 228—230, 233
- Внимание — 27, 174, 177, 237, 304, 330
- Возбуждение — 123, 124, 125, 127, 128, 150, 152, 187, 189, 190, 193, 197, 204, 208—210, 212, 216, 217, 294, 303, 304, 318, 322
- Волюнтаризм — 336, 338, 340
- Воля — 8, 20, 40, 56, 58, 74, 75, 78, 82, 136, 142, 234, 238, 239, 252, 255, 256, 262, 323, 330, 331, 333, 337, 338, 339
- Восприятие — 25, 26, 28, 29, 46, 49, 56, 74, 86, 96, 111, 114, 119, 127, 131, 132, 134, 152, 176, 195, 199, 231, 234, 236, 238, 241, 243—245, 247, 248, 249, 264, 277, 295, 300, 301, 312—315, 318, 326, 330

Воспроизведение — 324—327, 330
 Воображение — 74, 86, 330
 Временная нервная связь — 48, 96, 99, 100, 107, 123, 133, 135, 164, 182, 213—215, 217, 219, 225, 229, 231, 232, 296, 297
 Вторая сигнальная система — 7, 152, 159, 184, 208—215, 217—220, 225, 227, 228, 231, 233, 270, 308—313, 315, 318—320, 329
 Вульгарный материализм — 22, 29, 30, 145, 146, 148, 158
 Высшая нервная деятельность — 5, 114, 131, 150, 151—158, 190, 195, 199, 229, 231, 232

 Генерализация условных рефлексов — 118, 207, 219, 220, 223, 226, 228, 229
 Генотип — 128
 Гипноз — 302, 320—322

 Движение — 168, 170, 250—253, 328, 329
 Деятельность — 26—28, 32, 35, 36, 38—41, 51, 56—58, 66, 82, 83, 195, 244, 249, 252, 255, 263, 270, 271, 274
 Диалектический материализм — 3, 6, 23, 24, 31, 34, 44, 57, 59, 91, 145, 146, 147, 148, 158, 159, 185, 233, 251, 252, 264, 287, 299, 335, 336, 339—342
 Динамический стереотип — 221, 223—225
 Доминанта — 301
 Дифференцировка — 113, 118, 208, 218, 219, 313
 Дуализм — 140, 141, 161, 162, 234, 305

 Желание — 8, 43, 70, 79, 238, 250, 259, 269, 272, 284, 291, 316, 339, 340
 Зататки — 82

Законы высшей нервной деятельности — 74, 75, 122, 162, 207, 208, 327
 Замыкание временных нервных связей — 208
 Запоминание — 74, 92, 322, 324, 325, 326, 330
 Знание — 17, 28, 39, 42, 47, 48, 51, 60, 61, 63, 64, 66, 70, 119, 241, 244, 245, 257, 258, 260, 263, 265, 266, 273, 298, 320
 Зоопсихология — 94, 97

 Идеализм — 12, 17, 22, 29, 30, 32, 58, 144, 145, 158, 160, 162, 250, 251, 252, 258, 259, 264, 286
 Идеальное — 3, 8, 27, 41, 47, 51, 147, 148, 151, 155, 156, 159
 Идеология — 50, 51, 56, 62, 63, 67, 69, 70, 77—80
 — буржуазная — 71
 — коммунистическая — 67, 69, 70, 72, 79, 81
 Идея — 12, 15, 48, 53, 57—63, 66, 67, 72, 78, 232, 237, 321, 339
 Избирательная иррадиация нервных процессов — 215—217, 219, 222, 229
 Индивидуальное сознание — 10, 11, 15, 19, 50, 53—56, 59—67, 73, 74, 77, 333
 Инстинкт — 36, 37, 51, 52, 79, 94—96, 125, 164, 204, 281, 283, 285, 289, 291—294, 298, 300, 339
 Интерорецепция — 295—298
 Интерес — 43, 59, 60, 67, 75, 76, 80, 83
 Интроспекционизм — 251, 257
 Иррадиация нервных процессов — 204, 208, 209, 212, 220
 Истина — 16, 17, 61, 67, 75, 212, 247, 260, 341
 Исторический материализм — 56, 58

 Коллективизм — 79, 83, 84, 86
 Комплексный раздражитель — 114, 115

Концентрация нервных процессов — 204, 208, 209, 212, 217, 218, 303

Кора головного мозга — 135, 141, 163, 167, 171—173, 175, 179, 180, 188—193, 195, 196, 199—201, 204, 211, 223, 296, 302, 312, 317, 322

Личность — 13—15, 55, 56, 60, 70, 78, 83, 257, 261, 262, 270, 272, 274, 275, 284, 285, 292, 299, 342

Локализация психических процессов — 160, 162, 163, 165, 175, 176, 179, 181, 183, 185, 292

Любопытство — 134

Марксизм-ленинизм — 26, 57, 69, 71, 72, 77, 81, 106, 248, 252, 290, 334, 340, 341

Материалистическая философия — 9, 12, 17, 22, 29, 144

Материальное и идеальное — 12, 17, 24, 31, 40, 146, 151, 155, 158, 159

Материя — 4, 5, 8, 15, 16, 18, 20, 24, 28, 29, 32, 146, 176, 336

Материя и сознание — 6, 11—17, 19, 21, 22, 26, 28, 29, 31, 32, 140, 141, 145—149

Махизм — 15, 17

Механистический материализм — 21, 30, 160, 337

Мировоззрение — 71, 76, 78, 81, 83, 331

Мозг — 22, 44, 88, 140, 142, 147, 151, 155, 158, 161, 167, 175, 182, 250, 252

Мозг и психика — 22, 139, 141—143, 158—162, 165, 176, 199

Монизм — 147

Мысль — 24, 29, 30, 42, 45—47, 50, 51, 61—63, 76, 78, 79, 119, 145, 146, 148, 238, 245, 247, 252, 255, 258, 263—265, 269, 270, 300, 301, 304, 327, 339

Мышление — 3, 7, 17, 23, 26, 27, 44—46, 49, 59, 74—76, 80, 85,

86, 106, 118, 131, 144, 171, 183, 215, 223, 234, 238, 243—246, 248, 251, 255, 257, 327

Мышление животных — 45, 119

Навык — 70, 78, 95, 184, 329

Намерение — 35, 58, 59, 338, 339

Настроение — 50, 78

Неврон — 142, 170, 188

Необходимость — 70, 82, 336, 340—342

Неогегельство — 13

Неореализм — 17, 19

Неопозитивизм — 17

Неосознанное отражение — 11, 91, 241, 250, 258, 277, 284, 287, 289, 290, 293, 295, 299—304, 306—309, 311, 314, 318, 320—322, 324, 325, 328, 329, 333

Неотомизм — 14

Неофрейдизм — 283

Нервная система — 34, 35, 56, 73, 77, 90, 93, 99, 105, 112, 114, 115, 122, 123, 125, 126, 128, 129, 132, 137, 138, 167, 170, 189, 198, 199, 203, 210, 302, 308, 322

Обобщение — 44, 49, 118, 119, 206, 213, 215, 219, 220, 224, 231, 245, 274, 312

Оборонительный рефлекс — 102, 103

Общественная психология — 50
Общественное бытие — 8, 50—53, 57, 58, 82, 333, 336

Общественное сознание — 7, 10, 11, 47, 50, 51, 53—59, 61—70, 73—75, 77, 333

Общественная обусловленность сознания — 11, 22, 47, 51, 54, 55, 72, 272, 274, 275

Объект и субъект — 19, 32, 240, 259

Объективное и субъективное — 32—34, 106, 259, 267

Объективный идеализм — 12, 13

Объективное содержание от-

ражения животных — 38,
 106—120, 126
 Опыт — 17, 19—21, 47, 49, 74,
 82, 129, 235, 242
 Ориентировочный рефлекс —
 101, 102, 132, 133, 199
 Ориентировочно - исследова-
 тельская деятельность —
 132, 134, 135
 Отношение — 36, 37, 42, 44, 51,
 66, 80, 82—84, 255, 256, 276,
 332, 342
 Органы чувств — 4, 35, 48, 73,
 105, 129, 132, 186, 188, 196—
 200, 224, 230, 242, 245, 248,
 250, 267, 268, 290, 301, 302,
 312, 316, 317
 Орудийная деятельность жи-
 вотных — 132, 136, 137
 Осмысленность — 249, 314, 319,
 325—327
 Основной вопрос философии —
 3, 6, 11, 17, 139, 148
 Осознание — 25, 40—42, 46—48,
 50, 84, 177, 245, 249, 258, 261,
 262, 264, 265, 268—276, 283,
 287, 294, 298, 300, 306, 310—
 315, 326, 327, 330, 332, 334
 Осознанное отражение — 11,
 24, 32, 91, 131, 277, 289, 293,
 295, 298—309, 314, 315,
 318—321, 325, 328, 330, 331,
 340
 Отвлечение — 45, 49, 119, 206,
 213, 215, 319
 Отражение как свойство всей
 материи — 7, 22
 Ощущение — 4, 9, 15, 16, 23—
 28, 46, 56, 74, 75, 96, 98, 106,
 114, 146, 147, 152, 173, 195,
 211, 231, 234—236, 241—243,
 245, 248—250, 252, 262, 264,
 265, 267, 269, 294, 295, 297,
 300, 301, 307—309, 316, 317,
 328
 Память — 74, 174, 230, 242—244,
 322, 323, 325, 327
 Первая сигнальная система —
 159, 184, 206, 208—212, 215,
 218, 219, 224, 233, 234, 270,
 308, 309, 312, 318, 319, 329

Переживание — 17, 26—28, 37,
 38, 51, 78, 203, 240, 244, 255,
 257—261, 263—266, 272, 273,
 275, 298, 300, 307, 318, 321
 Пережитки старого в сознании
 людей — 67, 68, 71, 72, 78,
 80, 81
 Персонализм — 13, 14
 Перцепция — 246—248, 277
 Поведение — 5, 31, 48, 77, 89,
 92, 96, 107, 121, 130, 131, 161,
 171, 174, 178, 224, 249, 251,
 270, 274, 281, 282, 285, 296,
 314, 328, 338, 340
 Побуждение — 65, 263, 273, 281,
 286, 334, 339
 Побудительный мотив — 269,
 270, 273, 274, 284, 287, 292,
 299, 321, 331, 334
 Подкорка — 163, 173, 175, 180,
 182, 187—192, 195, 196, 200,
 204, 206, 212, 233, 316, 319
 Познание — 6—8, 41, 45, 47, 49,
 60—62, 64, 66, 76, 239, 241—
 244, 246—249, 252, 256—258,
 264, 268, 275, 341
 Понятие — 3, 25, 41, 47, 48, 60,
 64, 75, 84, 152, 231, 232, 245,
 249, 254, 270, 272, 273, 319,
 342
 Потребность — 35, 37—40, 43,
 56, 70, 72, 82, 122, 126, 131,
 132, 134, 137, 138, 182, 202,
 203, 234, 244, 262, 274, 299,
 300, 321, 330, 340
 Прагматизм — 17, 20, 338
 Практика — 30, 44, 49, 60, 61,
 66, 68, 69, 73, 82, 86, 209,
 251, 252, 254, 340
 Предыстория сознания — 7, 35
 Предмет сознания — 26—29
 Представление — 17, 24—26, 28,
 40, 46, 60, 63, 96, 131, 146,
 152, 211, 231, 234, 235, 239,
 243, 244, 246, 247, 254, 261—
 263, 265, 270, 272, 276, 278,
 283, 284, 300, 321, 327, 339
 Привычка — 50, 70, 71, 78, 84,
 329, 342
 Природа психического — 89—
 106
 Причинность — 185, 321, 335,
 340, 342

Произвольные движения — 132, 135
 Происхождение сознания — 6, 7
 Психика животных — 7, 25, 35, 37, 38, 41, 44, 87—89, 92, 93, 108, 114, 120, 121, 126, 131, 138, 234, 249
 Психика и высшая нервная деятельность — 149—152
 Психическое — 15—17, 19, 21, 30, 33, 87, 93, 95, 97, 98, 101, 127, 148, 150, 151, 154, 155, 157, 159, 167, 240, 241, 250, 286, 288, 289, 296, 305, 312, 315
 Психическое отражение — 4, 5, 7, 9, 11, 23, 38, 90—94, 96, 97, 99—102, 104, 106, 107, 114, 129, 152, 156, 165, 166, 185, 206, 287, 293, 295, 301, 304, 315
 Психическое и материальное — 24, 32, 146
 Психическое и физическое — 9, 12, 17, 33
 Психическое и физиологическое — 33, 34, 96, 139, 143, 144, 150, 152—159, 161, 290, 308
 Психическое и формы движения материи — 144—149
 Психоанализ — 280, 286, 287, 301, 315
 Психология — 5, 27, 50, 51, 53—56, 77, 84, 91, 144, 151, 233, 241, 242, 251, 256, 257, 263, 294, 301, 332
 Психология класса — 77—79
 Психоморфологизм — 160, 161, 180, 181, 185
 Психосоциология — 53, 54
 Психофизическая проблема — 139, 143, 144, 249
 Психофизический параллелизм — 162, 279
 Раздражимость — 91—94, 98, 104—106, 296, 301, 328
 Регулирующая роль сознания — 254, 255, 335—342
 Ретикулярная формация — 172, 173, 175, 176, 181, 186—190, 199

Рецептор — 48, 133, 135, 186, 196, 198
 Речь — 4, 5, 43—46, 49, 63—65, 75, 130, 173, 206, 211, 219, 227, 233, 270, 309, 312, 313, 321, 327
 Самоанализ — 271, 274
 Самоощущение — 265—267, 269, 270, 272
 Самосознание — 7, 10, 11, 27, 32, 83, 84, 170, 240, 246—248, 259, 263, 264, 267, 268, 270—276
 Самочувствие — 267, 270, 298
 Свобода — 82, 339—341
 Свобода воли — 336, 340, 342
 Семантический идеализм — 17—19
 Синапс — 142, 188
 Синтез — 185, 206—208, 224, 232, 298, 813
 Склонность — 56
 Следовые условные рефлексы — 129, 130, 209
 Сновидения — 286, 315—318, 320, 321
 Содержание сознания — 9, 16, 74, 75, 235, 241, 249, 258
 Сознание — 3, 4, 6—10, 13, 20—27, 30—33, 37, 40, 44, 46, 50—52, 55—57, 59, 60, 66—68, 73—75, 78, 79, 81, 82, 84—87, 91, 119, 139, 140, 142, 144, 145, 158, 168, 170, 171, 174, 176, 179, 183, 193, 194, 203, 204, 224, 234, 236—240, 242—244, 248, 250, 251, 254, 257, 258, 263, 264, 266, 269, 271, 281, 283—286, 288, 290, 294, 295, 299—301, 304, 305, 309, 312, 315, 323, 330, 333—336, 338
 Сознание коммунистическое — 69—72, 342
 — социалистическое — 68—71
 Сознание — высшая форма отражения действительности — 7, 8, 10, 165, 249, 254, 335, 336
 Сознание и деятельность — 249—256

- Сознание и переживание — 257—259
- Сознание *и психика — 4, 8, 11, 44, 90, 91, 234, 237, 239, 240, 246, 249, 287, 307, 315, 320, 331, 335
- Сознание как познание действительности — 26, 241—249
- Сознание — специфически человеческая форма отражения действительности — 3, 5, 9, 11, 37, 43, 182, 241
- Сознание — функция мозга — 5, 22—24, 55, 143, 158, 165, 185, 233, 335
- Сознательность — 41, 53, 68, 71, 84, 242, 342
- Сон — 316—320, 322
- Социальная психология — 53, 54
- Социология — 51, 53—56
- Способность — 82, 88, 89, 261
- Стремление — 28, 59, 70, 79, 262, 330
- Субъект — 5, 13, 16, 19, 20, 28, 32, 33, 41, 42, 96, 97, 131, 159, 239, 241, 244, 250, 257, 259, 263, 271, 275, 276, 279, 307, 315, 325, 336
- Субъективное — 19, 33, 41, 42, 129, 132, 156, 204, 244
- Субъективное и объективное — 32—34, 150, 259
- Субъективный идеализм — 13—16, 19, 20, 52—54
- Суждение — 75, 238, 245, 249
- Темперамент — 128, 194
- Теория психофизического взаимодействия — 141
- Теория познания — 6, 144, 145, 251, 335
- Теория центрэнцефалической системы — 171—173, 175, 176, 178, 179, 181
- Типы высшей нервной деятельности — 74, 126, 128, 194
- Горможение — 123—125, 127, 128, 134, 150, 152, 187, 189, 190, 193, 204, 208—212, 294, 303, 304, 309, 312, 316, 318, 320, 322
- Труд — 36—39, 73, 74, 80, 82, 83, 184, 251, 254
- Убеждение — 71, 331
- Узнавание — 119, 120, 322, 323, 325
- Умение — 70, 82, 120
- Умозаключение — 75, 238, 245, 249, 261, 278
- Условный рефлекс — 34, 36, 95—97, 99—102, 104, 115, 116, 126, 133, 140, 152—155, 160, 164—167, 180, 189, 191, 192, 203, 205, 207, 208, 213, 217, 220, 228, 293, 294, 296, 297, 299, 302, 304, 306—308, 316, 325, 329
- Условный рефлекс на отношение — 116, 118, 123
- Учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности — 9, 93, 95—97, 99, 114, 143, 144, 149, 151, 153—156, 159, 180, 195, 205, 230, 231, 233, 287, 288, 292, 303, 309, 316, 335
- Фантазия — 317, 318
- Фатализм — 336—338, 340
- Фенотип — 128
- Физиология высшей нервной деятельности — 128, 150, 151, 154, 156, 162, 189, 195
- Физиологические основы сознания — 10, 11, 115, 118, 130, 139—149, 159, 163, 165, 170, 185, 190, 199, 207, 215, 231, 288
- Френология — 161
- Фрейдизм — 51, 52, 280, 283, 288, 291, 316, 336
- Характер — 50, 71, 77, 78, 82, 83, 85, 128, 273
- Целенаправленная деятельность человека — 5, 74, 159, 179, 254, 330
- Цель — 36, 40, 56, 58, 59, 68, 75, 254, 256, 270, 299, 326, 330, 331, 335—340

Центрэнцефалическая система — 175—179, 181

Чувствительность — 75, 98, 105, 186, 201, 231, 243

Чувство — 26, 42, 43, 50, 62, 65, 67, 74, 78—80, 82, 86, 88, 210, 234, 238, 239, 247, 263, 272, 295, 300, 340, 342

Эквипотенциализм — 181

Экзистенциализм — 17, 19

Экстерорецепторы — 297, 298

Эмоция — 30, 74, 75, 86, 88, 203, 250, 255—257, 304, 318

Эфферентные нервные пути — 172, 197, 198

«Я» — 16, 236, 240, 246, 251, 259, 260, 261, 265, 267, 268, 270—272, 275, 285, 309, 338

Язык — 11, 43—48, 64, 74, 76, 77, 259, 264, 327

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
I. ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ О СОЗНАНИИ	12
1. Коренная противоположность материализма и идеализма в решении вопроса об отношении материи и сознания	—
2. Общественная обусловленность возникновения сознания	35
3. Язык как материальная форма существования сознания	43
✓ 4. Взаимоотношение индивидуального и общественного сознания	50
✓ 5. Об общечеловеческом и классовом в сознании человека	73
II. БИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОЗНАНИЯ	87
1. Есть ли сознание у животных?	—
2. О природе психического отражения	91
3. Объективное содержание психического отражения животных	106
4. Факторы, обуславливающие индивидуализированный характер психического отражения животных	120
III. ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЗНАНИЯ	139
1. Мозг и психика. Физиологическое и психическое	—
2. Проблема локализации сознания	160
3. Рефлекторные механизмы отражения	185
4. Некоторые особенности высшей нервной деятельности человека	207
IV. СОЗНАНИЕ И ПСИХИКА ЧЕЛОВЕКА	234
1. К вопросу о месте сознания в системе психических процессов	—
2. Сознание как познание действительности	241
3. Взаимоотношение сознания и деятельности	249
4. Сознание и переживание	257
✓ 5. Самосознание как вид сознания	259

V. ОБ ОСОЗНАННЫХ И НЕОСОЗНАННЫХ ПСИХИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЯХ 277

1. Существует ли бессознательное? —
2. Осознанность и неосознанность — качества психического отражения 289
3. Некоторые условия превращения неосознанного отражения внешнего мира в осознанное 300
4. Диалектика осознанной и неосознанной регуляции поведения 328

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 335

SUMMARY (Резюме) 343

Указатель имен 351

Предметный указатель 355

Шорохова Екатерина Васильевна
ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ
И ЕСТЕСТВОЗНАНИИ. М., Соцэкгиз. 1961.
(Акад. наук СССР. Ин-т философии)
363 с.

Редактор *В. Козерук*

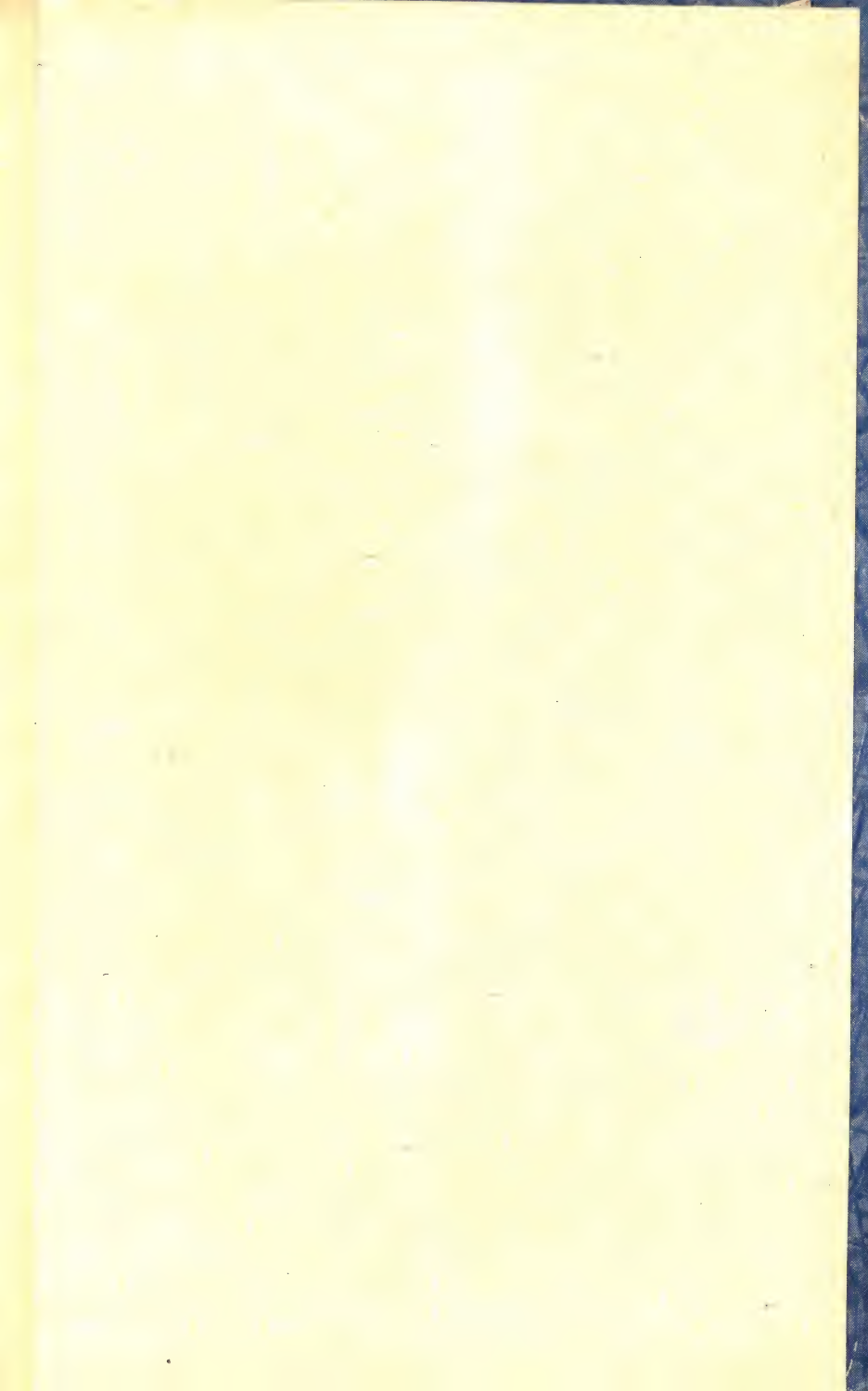
Младший редактор *Ф. Нейман*
Оформление художника *П. Некунде*
Художественный редактор *В. Кузяков*
Технический редактор *О. Чепелева*
Корректоры *Ю. Железнова* и
Г. Ефимова

Сдано в набор 15 июня 1961 г. Подписано
в печать 7 октября 1961 г. Формат бумаги
84×108^{1/32}. Бумажных листов 5,687. Печатных
листов 18,655. Учетно-издательских листов 19,57.
Тираж 10 000 экз. А 06285. Заказ № 884.
Цена 88 коп.

Издательство социально-экономической
литературы

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

88 коп.

СОЦЭКГИЗ
1961

Е. В. ШОРОХОВА

ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ

В ФИЛОСОФСКИХ И
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУКАХ